

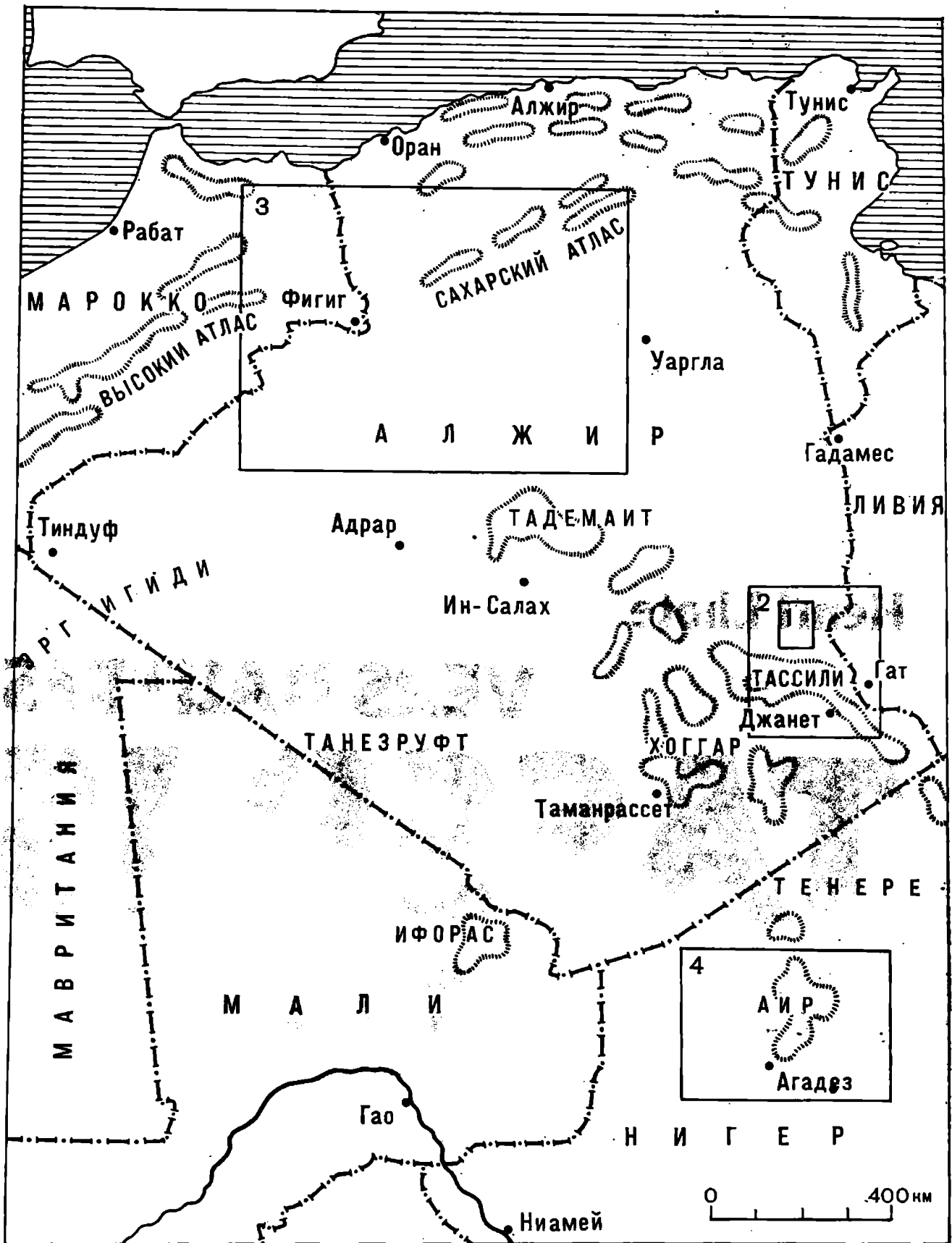
Анри Лот

К ДРУГИМ

ТАССИМИ

**Новые
открытия
в Сахаре**

Общая карта

Анри Лот

К ДРУГИМ

ТАССИМИ

**Новые
открытия
в Сахаре**

«ИСКУССТВО»

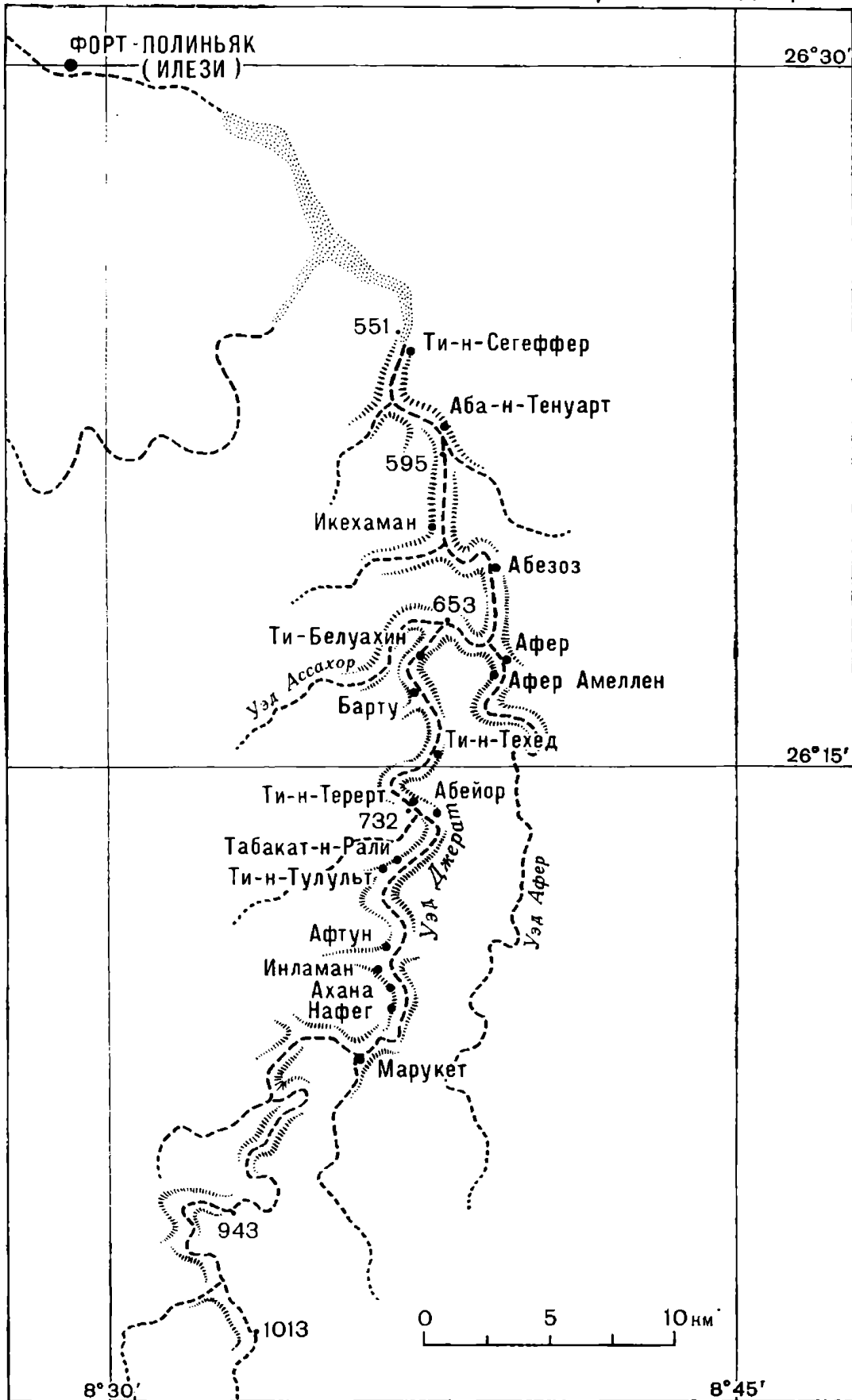
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

1984

Перевод с французского Г. А. БЕРСЕНЕВОЙ

Послесловие и примечания доктора исторических наук И. М. ДЬЯКОНОВА,
кандидата филологических наук А. Ю. МИЛИТАРЕВА

Карта 1. Уэд Джерат

Два года в поле и от полугода до года обработка материалов — такие сроки руководство Музея Человека¹ давало в прежние времена путешественникам-натуралистам для того, чтобы работа шла нормально. Долгая экспедиция в Тассили* в 1956—1957 годах позволила привезти копии нескольких сотен наскальных росписей, но вымотала нас до крайности. Силы наши быстро восстановились, и нас стало грызть нетерпение снова отправиться в те же края, тем более что со всех сторон нас осаждали вопросами люди, чье любопытство мы разбудили, но не смогли удовлетворить. Наши открытия показали Сахару с неожиданной стороны и побуждали нас продолжить исследования, которые, как мы и сами знали, были далеко не завершены. Некоторые из товарищей по экспедиции были со мною вполне согласны, но между желанием и возможностью его осуществления — дистанция огромного размера.

В начале 1958 года ассигнования на исследовательские экспедиции настолько сократились, что мои просьбы о выделении средств оставались безответными. Вместо средств на экспедицию мне официально предложили занять весьма лестный для меня пост руководителя Департамента Древностей в Марокко. К несчастью, это не соответствовало ни моей компетенции, ни научным устремлениям. Я вежливо отклонил это предложение. Нет, для меня поистине невыносимо было отказаться от Сахары!

Однажды, после полудня, на выставке в павильоне Марсан я столкнулся с неожиданным посетителем, стоявшим, как и все прочие, в очереди в кассу за билетом; снова я увидел его среди людей, толпящихся перед великолепным рисунком — гордым силуэтом женщины, увенчанной королевским шлемом, которая настолько напоминала нам героиню романа Пьера Бенуа, что мы окрестили ее Антинеей². Внимательно разглядывавший ее зритель, Андре Мальро³, молча ходил по выставке в сопровождении своей очаровательной жены, время от времени

* Наименования и слова африканских языков и диалектов, не поясняемые автором, включены в глоссарий настоящего издания. (Ред.)

останавливаясь и пристально рассматривая экспонаты. Казалось, он мысленно перенесся в Африку, в Абиссинию, которую на заре своей бурной жизни однажды посетил вместе с Анри Монфрейдом, аббатом Анри Брейлем⁴ и отцом Тейяром де Шарденом⁵. Уходя, он сказал мне: «Прекрасно! Хорошая работа! Bravo!»

На следующий день я получил от него письмо; он обещал мне поддержку в Комиссии национальных музеев и заканчивал следующей фразой: «Ваша выставка — одна из самых значительных за последние полвека, и не я один так думаю».

Несколько месяцев спустя к власти снова пришел генерал де Голль, и Андре Мальро было назначен министром культуры. Благодаря цепи счастливых случайностей как-то вечером я оказался сидящим справа от него на обеде, дававшемся в его честь.

«Кажется, я вам кое-что обещал, но я тогда был не бог весть кто; теперь я министр и могу исполнить обещание».

Без всяких прикрас изложил я суть своих финансовых затруднений. Несколько недель спустя я получил записку с приглашением зайти к нему в кабинет, где мне от имени генерала де Голля из рук в руки была вручена сумма в два миллиона старых франков!

В министерстве Андре Мальро не имелось свободных средств, и он обратился непосредственно к де Голлю; генерал считал возможным выразить таким образом интерес, который он питал к нашим исследованиям, о чем он мне позже написал лично. Итак, я явился в Музей Человека и на глазах своих потрясенных товарищей вытряхнул из старой газеты пачку денег, открывших зеленую улицу нашей новой экспедиции. Мы не задержались с отъездом. Господин Макс Лежен, в ту пору министр Сахары, оказавший нам огромную помощь во время первой экспедиции, предоставил в наше распоряжение военный самолет, который должен был доставить нас из Бурже в Форт-Полиньяк (местное название — Илези), деревушку у подножия Тассили-н-Аджера. Денег нам все-таки не хватало, но недостающие средства, в виде лагерного оборудования и продуктов питания, в каких мы испытывали крайнюю надобность, щедро предоставили французские промышленники и коммерсанты.

Все члены новой экспедиции участвовали в научных поездках либо 1956-го, либо 1957 года. Все они были добровольцами, и всех их объединяло нетерпение снова увидеть Тассили. Это были Мишель Брезийон, Жан Лесаж, Андре Вила, Жак Виоле и моя жена.

Целью нашей был *уэд* Джерат, который был включен в программу 1956 года. Но мы не успели его исследовать, потому что широко развернувшиеся работы в районах Тамрита, Сефара, Джаббарена и других и без того затянули наше первое путешествие на восемь месяцев.

Уэд Джерат был мне уже знаком. В 1934 году — после того как мой друг лейтенант Бренан, производя разведку со взводом мехаристов на плато Тассили, открыл там наскальные рисунки, — я посетил уэд вместе с географом Робером Перре.

Количество, разнообразие и размеры рисунков, которыми были испещрены оба берега, поражали воображение. На них была представлена вся нынешняя тропическая фауна: слоны, гиппопотамы, носороги, жирафы, антилопы, львы, обезьяны, крокодилы, водоплавающие птицы. Эти животные в наше время обитают намного дальше к югу, на просторах саванны и в экваториальном лесу; их изображения, высеченные на песчаниковых скалах, часто в натуральную величину, кажутся фантастическими среди этого выжженного солнцем ландшафта, и нужно сде-

лать над собой некоторое усилие, чтобы даже мысленно представить их здесь.

Что привело Бренана в это странное место? Он никогда мне об этом не рассказывал. Случай? Страсть исследователя, доходившая в нем до одержимости? Или сведения, полученные от кочевников? Действительно, о росписях уэда Джерат было известно многим туарегам, от внимания которых не укрылись изображения животных. Уже позже в рассказе о путешествии исследователя Фуру я прочел, что он знал о них еще в 1894 году, но на эту деталь никто не обращал внимания и уж тем более не посещал эти места.

Да и как мог подобный ансамбль остаться незамеченным местными жителями, если фигуры слонов на рисунках имеют высоту пять метров, а жирафа — восемь? Кроме того, уэд Джерат — место паломничества туарегов иджераджерраун из племени имрад, чьи кочевые тропы пересекают Фаднун вдоль и поперек; туареги молятся здесь перед маленькой мечетью, чтобы испросить у аллаха дождя. Дождь в этих местах бывает очень редко, и от него полностью зависит благополучие тощего скота, единственного средства существования кочевников. Позже я еще вернусь к этому святилищу.

10 января 1959 года. Остались позади скрытые плотным туманом горы, где идет жестокая братоубийственная война⁶, и военный самолет «Норд-Атлас 2501» выгружает нас на мирной и тоскливой земле Форт-Полиньяка. Едва открылись задние двери фюзеляжа, как к самому самолету подкатывают несколько военных грузовиков «шесть-шесть», чтобы принять три тонны нашего багажа. Экипаж самолета спешит в обратный путь. Для них и речи не может быть о том, чтобы здесь заночевать. Оборудование тут ненадежно, а в Форт-Флаттерсе — все удобства современной базы: комнаты с кондиционерами, душ, прекрасное снабжение в столовой и, главное, кино каждый вечер.

Воздух тяжел, небо мутно, Тассили скрыто черными тучами. Резкие яростные порывы ветра поднимают облака пыли. Обычно эти признаки предвещают дождь. Вечером падают первые капли, и всю ночь они шуршат по крыше. Над Тассили, барьер которого вырисовывается к югу от форта, к небу поднимаются столбы черной пыли и песка. Вскоре на Форт-Полиньяк обрушивается настоящий проливной дождь! Туареги ликуют. Идет весна, и погода обещает обильные пастбища стадам и молоко обитателям становищ.

А дождь идет не переставая. Вскоре уэд Илези, на береговых террасах которого построен этот тоскливый *бордж*, превращается в поток; сначала он течет как бы нехотя, но постепенно набирает силу. На следующий день это уже бурная кипящая река шириной более трехсот метров, а вода, питающая ее, все прибывает сверху.

На третий день утром яркое солнце разгоняет облачный покров, до сих пор скрывавший от нас Тассили, и плато предстает перед нашими глазами. Свежий и бодрящий воздух, напитанный тонкими ароматами, вселяет радость. А в наших краях унылое и холодное время года продолжается до самой пасхи, когда наконец под напором весны пробуждаются к жизни все соки.

Пришло время извлечь из нашего багажа маленькую надувную лодку. Сначала Жан Лесаж, а потом Андре Вила отправляются в плавание по водам уэда Илези. Поток несколько успокоился; деревенские ребяташки, пользуясь редким случаем, глазеют на импровизированных мореплавателей и толкуются в воде. На несколько дней Форт-Полиньяк превращается в Мало-ле-Бэн⁷, но вскоре уэд обретает обычный вид:

вода уходит, оставляя там и тут лужи, в которых бьется рыба, принесенная паводком с тассилийских высот, — ей уготована участь погибнуть на солнце и стать пищей шакалов. На Тассили еще живет рыба — свидетельство того, что в прошлом в Сахаре был влажный климат.

Хотя Форт-Полиньяк очень удален от театра военных действий на севере, здешний гарнизон все же остается наготове. Только что приземлился «юнкерс», прибывший, чтобы произвести обычную разведку в близкой к нам алжиро-ливийской пограничной полосе. Командующий гарнизоном Форт-Полиньяка капитан Годар, зная, что я питаю к таким полетам большой интерес, поскольку они могут быть очень полезны для работы, приглашает меня принять участие. Самолет выглядит ненадежно. Моторы пилоту удастся завести не с первого раза — двигатель тревожно кашляет, из всех отверстий фюзеляжа валят клубы черного дыма и время от времени вырываются языки белого пламени, создавая впечатление, что сейчас-то все и взорвется. Когда мы набираем высоту пятьсот метров, Годар подмигивает мне, давая понять, что теперь он спокоен. Я тоже.

С нами летит туарег Амастан, приближенный и вероятный наследник *амгара* Тассили, Брахима аг Абакада. Этот высокий парень, ростом около 1 метра 90 сантиметров, величественно драпирующийся в великолепные *гандуру* и *бурнус*, чувствует себя так же спокойно в воздухе, как на своем *мехари*, по крайней мере в начале полета.

Мы пролетаем сперва над борджем Тарат, потом над Ти-н-Алькумом на ливийской границе.

Амастан приготовил послание для своих становищ в этом районе и позаботился о том, чтобы взять с собой тяжелую железяку, к которой надо его привязать. Но он не смог правильно оценить расстояние и скорость полета: пока привязывал письмо, мы давно уже оставили позади его становища. О том, чтобы открыть иллюминатор в кабине и побеспокоить пилота или его помощника, не может быть и речи, и поэтому я выбрасываю пакет из иллюминатора заднего отсека, где помещается санитарный бачок. Скорее всего, это послание никогда не попадет по назначению, разве что чудом много времени спустя его найдет какой-нибудь кочевник. Но Амастан доволен, ему кажется, что он идет в ногу с прогрессом. Это не мешает туарегу испытать на себе последствия болтанки, которые он, впрочем, предвидел, почему и захватил с собой большой платок — им Амастан прикрывает рот, заглушая икоту, и в него же скромненько заворачивает останки своей последней трапезы. Самое главное для туарега — что бы ни случилось — не потерять лица. И тут их знаменитое покрывало поистине незаменимо.

«Юнкерс» и вправду сильно болтает. Самолет получен еще по репарациям, он буквально на последнем издыхании. Крылья стонут от вибрации моторов. Честное слово, сейчас все развалится на куски! Отовсюду сочится масло, даже крылья им перепачканы. Кажется, это один из последних полетов перед окончательной отставкой. Нужно обладать недюжинной смелостью, чтобы летать на таком самолете, и немалым оптимизмом, чтобы доверить ему свои кости! За несколько месяцев разбились трое его братьев; один из них, на котором я чуть не полетел, упал в Джанете; в нем погибло восемь человек.

Без всяких происшествий мы садимся в Джанете и проводим там ночь. На обратном пути пролетаем над вулканом Адрар, высшей точкой Тассили, и передо мной раскрывается панорама огромной сети уэдов; все они текут в направлении с юга на север и несут свои воды к уэду Илези. Зрелище феерическое. Повсюду блестит на солнце вода. Это больше

не сухая, бесплодная, покрытая запекшейся коркой Сахара. Как по мановению волшебной палочки, Тассили вновь обрело жизнь, и вновь по нему спокойно струятся реки. В сумерках, когда мы вслед за солнцем летим над полным до краев уэдом Джерат, фантастическая игра света и красок — красное перемежается с нежно-желтым и переходит к фиолетовому — чарует нас, оставляя неизгладимое впечатление.

Ни один из членов нашей экспедиции в Сахаре не новичок, и ничто из того, что составляет обычную жизнь пустыни, не может нас застигнуть врасплох, — но не этот неожиданный ливень всемирного потопа. Однако мои коллеги сумели провести время с пользой и распределили поклажу, которую повезут вьючные животные. Брахим аг Абдеррахман, наш проводник, собрал верблюдов для нашего каравана, но советует задержаться с выходом еще на сутки. По его словам, спад воды едва начался, и мы просто не сможем проникнуть в уэд Джерат. Брахим — человек опытный, и мы повинемся.

Караван из двадцати верблюдов с четырьмя погонщиками под предводительством Брахима, отставного солдата тассилийского отряда мехаристов, выступает в назначенный час. В последний момент мы нанимаем боя по имени Амеллаль, что на языке *тамашек* значит «белый», а в переносном значении — «антилопа аддакс», но парень — чернее антрацита; огромные добрые глаза с ослепительными белками на широком с приплюснутым носом лице придают его облику живописность и притягательность.

Пройдя несколько часов по редкому тамарисковому «лесу», мы делаем привал в уэде Илези, на песчаной косе, не затронутой паводком. Погода стоит исключительно мягкая.

На рассвете приводят верблюдов, которых ночью оставляли пастись без присмотра, стреножив их, чтобы не ушли далеко; в процедуре навьючивания участвуют все, и к десяти часам мы достигаем входа в уэд Джерат. Местами вода еще стоит на метр от земли, но по берегам можно передвигаться, только приходится время от времени, следуя изгибам уэда, вброд переходить с берега на берег, потому что тропинку преграждают озера воды. Двигаемся медленно. Верблюдов приходится вести на поводу, чтобы обходить препятствия. Броды очень трудны — под ногами жирная глина, в которой животные скользят. Отом, чтобы ехать верхом, не может быть и речи, и когда Жак Виоле вздумал взобраться на верблюда, тот два-три раза взбрыкнул так, что Жак принял совсем уж неудобное положение и предпочел спрыгнуть наземь. С этой минуты начались неприятности. Первый верблюд поскользнулся на глинистом склоне и рухнул под тяжестью груза. Груз рассыпался. Пришлось всем работать, чтобы поднять животное, вытащить его на твердую землю, подобрать раскатившиеся коробки консервов, потом вновь приладить поклажу. Все это неоднократно повторялось, тем более что местами мы шли в воде выше колен.

Немного дальше, в трудном месте, один из верблюдов, которые шли вереницей на общем поводу, предводительствуемые замечтавшимся погонщиком, рухнул со всей своей поклажей; шествовавшее впереди животное, совершенно обезумев, стало метаться, разбрасывая навьюченные на него ящики, и чуть не свалило на землю погонщика. Туареги засуетились вокруг упавшего верблюда, издавая пронзительные крики, но ничто не помогало: у животного была сломана нога. Пришлось оставить его лежащим среди камней по грудь в воде. Нас это очень огорчило: тяжело было смотреть на его страдания.

В пять часов вечера мы стали лагерем на ночевку на сухом участ-

ке. Амеллаль развел огонь и занялся своими кастрюлями; среди них был великолепный котелок-скороварка, новенький и блестящий, и его свисток, раздавшийся несколько минут спустя, привел нашего боя в неопиcуемый восторг.

На следующий день переход был менее труден. Чем выше мы поднимаемся по руслу уэда, тем ниже уровень воды, а лежащие чуть наклонно плиты по обеим сторонам потока дают нам возможность двигаться увереннее. На этих плитах мы и увидели первые наскальные рисунки.

Мы намеревались остановиться в самой верхней части уэда, в месте, которое я обследовал еще раньше, — между двумя заброшенными пальмовыми рощицами, носящими название Нафег. К полудню следующего дня мы добрались до этого места и немедленно принялись ставить палатки, разворачивать кухню и укладывать запасы продовольствия в расщелины скал. Туареги собирают верблюдов, получают плату и отправляются в Форт-Полиньяк. Чтобы обеспечить связь, мы оставляем при себе двух мехари; остаются также один из погонщиков, Абдалла, и проводник Брахим. Вдвоем они отправляются выяснить, жив ли верблюд, сломавший ногу, и нельзя ли его еще спасти. Верблюд был жив, но поднять его на ноги не удалось. Пришлось его прирезать. На следующий день Брахим и Абдалла притащили в лагерь огромные куски мяса, которого нам должно было хватить на много дней. По обычаю, они срезали кусок кожи с клеймом владельца с шеи верблюда, чтобы отдать это клеймо хозяину и оправдаться таким образом в смерти животного.

Место, которое мы выбрали, очень удачно для работы. Вода пока еще струится у наших ног, что избавляет нас от постоянной и главной заботы в Сахаре. Засохшие пальмы Нафег и приютившаяся в уэде Джерат редкая рощица акаций, сухие ветви которых превосходно горят, в изобилии поставляют топливо.

Нам остается только приступить к копированию рисунков, которые мы видели во время путешествия. Они окружают нас со всех сторон. Эта работа поручается Мишелю, Жаку и мне; Жан Лесаж специально займется теми, что украшают многие выемки в скалах, — я вспомнил, что видел их еще в 1934 году; Андре Вила несет ответственность за фотосъемку.

Утес Аханна, под защитой которого мы разместили столовую, весь испещрен самыми эротическими из всех доисторических, и в частности сахарских, рисунков, которые нам когда-либо пришлось видеть. На них изображен хоровод каких-то рогатых людей. Их огромные фаллосы готовы войти в раскрытые женские половые органы, которые изображены тут же. Все анатомические детали вырисованы очень тщательно. Занятная приапическая⁸ сценка! Вряд ли мы когда-либо пойдем ее сокровенный смысл. Все наши домыслы располагаются в области чистых гипотез, а Брахим, как-то побывавший с друзьями в веселом квартале Уарглы, хихикает в свое покрывало и заявляет, что, наверное, когда-то, давным-давно, уэд Джерат был лупанарием⁹ Тассили!

Нам эти изображения кажутся непристойными, но какое отношение может иметь к ним наша мораль? У всех народов на всех стадиях развития продолжение рода было постоянной заботой, о чем и свидетельствуют произведения искусства, столь далеко отстоящие друг от друга, как барельефы индийских храмов и африканская скульптура. В Японии, на празднике начала сева, процессия молодых девушек носит раку с огромным каменным фаллосом; поскольку он является символом пло-

дородия, эта церемония должна призвать благословение богов на рисовые поля. В рисунках Джерата многие фаллические фигуры носят на голове маски, изображающие животных, что позволяет предполагать наличие анимистических верований.

Мы копируем эти произведения, потому что с точки зрения техники исполнения они совершенно замечательны; кроме того, чрезвычайно важно ознакомить с ними публику. Что же касается последователей Фрейда, то они непременно придут в восторг от психоаналитического содержания открытых нами фресок.

Многие фигуры выполнены в натуральную величину, а иногда и больше, их создание требовало немалого труда. Тщательно прорисованный контур глубоко врезан в породу и представляет собою широкую, равномерно отполированную черту глубиной приблизительно в сантиметр. Иногда в углублении заметны следы предварительных насечек бучардой, которые были сделаны до полировки; эта техника свидетельствует о высоком мастерстве работы с камнем и применяется мраморщиками еще и поныне.

Жан копирует рисунки на скале Аханна, а Мишель и я снимаем копии с рисунков на плитах; они гораздо меньшего размера и расположены вверх по течению уэда от пальмовой рощи Нафег. Рисунки, относящиеся к самым разным периодам, испещряют оба берега уэда; одни расположены на покатых склонах, другие — на отделившихся от скал валунах; определить, в какую сторону они предпочтительнее ориентированы, невозможно. Чтобы ничего не пропустить, приходится тщательно прочесывать уэд, разделив его на секторы, и ответственность за каждый сектор возложить на кого-либо из членов экспедиции.

Кроме ответственности за свой сектор, мои обязанности состоят и в том, чтобы производить обмеры и проставлять на полях копий данные, относящиеся к технике исполнения каждого рисунка и покрывающей его патине¹⁰. Все это понадобится позже, при камеральной обработке и анализе, и будет служить отправной точкой для классификации документов по периодам.

Плиты, которые копирует Мишель, покрыты грубо выбитыми маленькими изображениями животных — львов, лошадей — и фигурками людей, вооруженных копьями; рисунки эти не имеют ничего общего с теми, на которых животные изображены в натуральную величину; покрывающая их патина относительно прозрачна и указывает на то, что относятся они к сравнительно недавнему времени.

Чтобы не пропустить ни одного рисунка, надо обследовать все участки уэда. В этих поисках меня сопровождает Брахим. В один прекрасный день мы с ним выходим прямо к маленькой мечети, расположенной выше пальмовой рощи Нафег. Но не думайте, что это строение с минаретом, куполами, молитвенным залом, комнатой для омовений и тому подобным! Мечети сахарских кочевников — это камни, выложенные на земле прямоугольником, в середине которого находится полукруглый выступ, обращенный к Мекке и символизирующий собой *михраб*. Сюда приходят молиться мусульмане — арабы и туареги, оказавшиеся в этих местах. Поскольку вода здесь редка, никакое омовение, предписываемое Кораном, не практикуется; оно заменено тем, что горсточкой песка протирают руки и лицо, — и ритуал исполнен. Такое строение соорудить настолько просто, что около каждого становища всегда есть нечто подобное.

В 1934 году, чуть позже того, как Бренан сообщил о своих открытиях, во время обследования уэда, которое я наскоро предпринял вме-

сте с географом Робером Перре, я видел эту мечеть; она вся заросла дикой травой и казалась совершенно заброшенной. Перед михрабом лежал прекрасный неолитический жернов, круглый, из белого кварцита. Хотя с одной стороны он был сколот, я, с согласия моего проводника Керуда аг Мохаммеда, увез его с собой и поместил позднее в Музей Человека.

И вот сегодня Брахим разочарованно оглядывает мечеть и объясняет мне, что лет двадцать тому назад люди его племени регулярно совершали к ней паломничество, потому что в ней находился белый круглый камень, который имел власть даровать дождь. Достаточно было, по его словам, помолиться перед этим камнем, предварительно помазав его сажей, символизирующей черные тучи, о которых молился верующий, и дождь вскоре начинался.

«Но однажды,— продолжает он,— по уэду проехал один француз, и с тех пор камня уже больше не видели. И сколько мы ни молились, в уэде Джерат дождь больше ни разу не пошел. Странно,— добавляет он,— что несколько дней назад он как раз вернулся, да еще такой обильный!» — «Как ты сказал? Белый камень? Круглый? Гладкий?» «Да-да,— подтверждает Брахим, пристально глядя на меня,— это не ты его случайно утащил двадцать пять лет назад?»

У меня не было никаких причин отпираться от поступка, который в свое время не вызвал никаких возражений, а потому я ответил утвердительно. «Ну теперь я понимаю, почему в день твоего приезда в Тассили шел такой дождь и почему люди кель меддак (племя, к которому принадлежал мой проводник Джебрин) говорят, что ты обладаешь *баракой!* Этот белый камень имеет власть над дождем, а раз он у тебя, то теперь ты тоже обладаешь этой властью».

Брахим на самом деле потрясен и просит меня привезти обратно камень, когда я вернусь.

Хотя ислам осуждает языческие обряды, несовместимые с истинной верой, туареги очень привержены суевериям предков.

Так вот и родилась легенда о моей *бараке*, обошедшая все Тассили.

Несколько месяцев спустя в Форт-Полиньяке мне пришлось повстречаться с верховным вождем Тассили Брахимом аг Абакада. Мы с ним беседовали о наскальных рисунках, хорошо ему известных. История с жерновом заставила его улыбнуться: он был лучше начитан в Коране, чем его подданные, и считал, что вся эта история — пустое ребячество.

Барака это или что-то другое, но в Сахаре нет ничего приятнее, чем иметь в достатке воду, свежую и чистую, восхитительную на вкус. Поток, заполнивший уэд, по-прежнему тихо течет в своих берегах. Вода затопляет многочисленные естественные впадины, и у каждого из нас есть своя маленькая купальня, где он с удовольствием плещется, особенно когда становится жарко. Погода очень неустойчива: сегодня и в шортах жарко, а завтра так холодно, что приходится натягивать два-три свитера, чтобы не лязгать зубами. Такой температурный режим нормален для этого глубокого каньона, куда солнце проникает только после десяти часов утра; в том месте, где мы находимся, он не шире ста метров и почти столь же глубок.

Между двумя пальмовыми рощами расстояние приблизительно полтора километра; на этом отрезке находится семь гротов с наскальными росписями, обнаруженных еще в 1934 году; на пяти из них изображены одноосные колесницы. Рассмотрев один из рисунков как можно тщательнее, мы обнаруживаем, что колесница снабжена двумя дышлами, в которые впряжены быки, а быков ведет погонщик. Эта новая деталь

открыла нам, что раньше в Сахаре существовали не только боевые колесницы.

Один из скальных навесов просто великолепен. Длинной около девяти метров, он весь расписан, причем изображены не только колесницы, запряженные лошадьми, но и сцены охоты на муфлона, люди, сидящие на трехногих скамеечках, стада коз, быков и так далее. Это прекраснейший ансамбль «периода лошади» на Тассили. Поток имеет здесь резкий наклон, и чтобы охватить взглядом всю картину, нужно лечь на спину, а если хочешь рассмотреть фигуры в углах, придется еще и перемещаться в таком положении. За копирование берется Жан Леса́ж; ему пришлось целый месяц работать в самых невероятных позах. Таким образом он нажил шейный радикулит, от которого долго не мог избавиться, поскольку еще в 1944 году, сражаясь в составе 2-го десантного батальона, получил пулю в затылок, оставившую на память о себе шрам и рецидивирующие боли. Тем не менее копия, которую ему удалось сделать, выше всяких похвал.

На противоположном берегу находится ансамбль рисунков «периода полорогих»; он состоит из нескольких фигур, большая часть которых расположена выше четырех метров над уровнем земли. К счастью, по опыту наших прошлых экспедиций нам было известно, что без лесов не обойтись. Те леса, что мы имеем, — складные из алюминиевых труб — позволяют без труда добраться до рисунков; но чтобы снять кальки с наклонной стены, несчастному Жану Леса́жу приходится опять проделывать сложные акробатические трюки.

Каким образом древние художники умудрялись рисовать на такой высоте? Может быть, у них были примитивные лестницы? Это кажется вполне вероятным. Случай этот не единственный — на других стоянках на Тассили нам пришлось встретить рисунки, расположенные и выше четырех метров над уровнем земли, причем, как о том свидетельствуют найденные у расписанных стен пищевые остатки и орудия, уровень почвы за это время не изменился.

В верхнюю пальмовую рощу Нафег половодьем занесло усачей; теперь они пленники маленького протока, окаймленного пальмами, и блестят серебром на солнце. Это наследие минувших времен, свидетельство влажного прошлого Сахары: рыбки встречаются в некоторых озерах этого района, и иногда даже в изобилии. Из ветки олеандра я сооружаю удочку и вскоре приношу тридцать шесть усачей, наивно клюнувших на кусочек финика. В Сахаре не следует пренебрегать свежей жареной рыбой!

Однажды, увидев таких же усачей в другом озерце, Брахим говорит мне: «Погляди-ка, здесь тоже сардины!» За время своей службы в армии он привык получать месячное довольствие в интендантстве, и для него любая рыба — сардина.

Нам повезло, мы живем в прекрасных условиях: питание у нас сбалансированное и достаточно обильное, температура приятная, поэтому снятие копий идет в хорошем темпе. На откосе правого берега уэда мы насчитали около девятисот вырезанных на песчанике контуров сандалий. Рядом находится отделившийся от массива валун, который туареги называют Адар Исахархарет. Брахим объясняет нам, что все, проходя мимо камня, загадывают мысленно желание; если потом, разбежавшись, вспрыгнуть на валун одним махом — желание исполнится. А контуры сандалий — это посвятельные дары.

Я тоже загадываю желание и на глазах Брахима с первого раза взбираюсь на валун.

«Ну, а что ты загадал?» — спрашивает мой спутник. «Чтобы пошел дождь, чтоб уэд был полон и чтобы мы могли работать спокойно!»

Три дня спустя снова пошел дождь, и вода поднялась настолько, что мы стали бояться, как бы не затопило лагерь. Среди ночи нам пришлось перетаскивать припасы под соседние скальные навесы на склонах горы и подыскивать себе место на тот случай, если вода будет прибывать, но подъем прекращается. В каньонах Тассили подьемы и спады воды сменяют друг друга быстро, и вода уходит так же скоро, как и поднялась.

Брахим все больше убеждается в том, что власть над дождем мне дает белый камень из мечети.

Уже месяц, как мы работаем; сняли копии с шестисот рисунков в районе между двумя пальмовыми рощами Нафег. В сопровождении Брахи́ма я отправляюсь на разведку вверх по течению от второй рощи: уэд быстро сужается, боковых откосов больше нет, и рисунков не видно.

Я посылаю Жака, чрезвычайно обрадованного подобным поручением, обследовать маленький приток уэда Джерат под названием Афер, который является правым притоком, а не левым, как это обозначено на картах. Жак обнаруживает удивительный ансамбль: стадо слонов, впереди которого идет на задних ногах слоненок; по всей видимости, им управляет человек, следующий позади.

Поскольку начали мы с верхней части уэда, нам придется перенести базу ниже по течению, к гелте Ти-н-Смад, в которой течет струйка чистой воды. Начиная от верхней рощи Нафег рисунки следуют один за другим почти непрерывно. В течение тысячелетий разные народы, приходившие в эту закрытую долину, использовали каждый отделившийся от массива утес, каждый склон с более или менее ровной поверхностью. Сначала это были люди «периода буйвола», охотники, занимавшиеся также собирательством; потом пастушьи народы, которые разводили в основном быков; затем люди «периода лошади» — после появления лошади в Сахаре, то есть уже в историческую эпоху, около 1200 года до н. э.; и наконец, люди «периода верблюда», может быть того же происхождения, что и предыдущие, но научившиеся использовать верблюдов-дромадеров, доставленных в Северную Африку приблизительно в начале нашей эры, в то время, когда лошади уже почти не выживали здесь из-за недостатка воды и пастбищ. Нередко изображение слона времен неолита соседствует с надписью алфавитом *тифинаг* или с боевой колесницей, относящейся к первому тысячелетию до н. э.

Э.-Ф. Готье, географ, изучавший Сахару в период между двумя мировыми войнами, справедливо замечает, что «граффити вызывают новые граффити», и нигде это явление не бросается в глаза сильнее, чем здесь. И все же есть зоны с большей или меньшей плотностью. Сейчас мы имеем дело с несомненными произведениями искусства: слоны, изображенные в натуральную величину, а рядом великолепные носороги, жирафы с пятнистыми шкурами, бегущие страусы, скачущие антилопы и множество фаллических фигур; рисунки следуют один за другим, как в картинной галерее.

Поскольку большая часть этих рисунков размещена на наклонных плитах, их невозможно сфотографировать без сильного искажения перспективы. На счастье, наши леса из металлических труб позволяют соорудить раскладную лестницу высотой более четырех метров на широких опорах; теперь можно снимать по вертикали, не боясь, что тень от

подпорок упадет на рисунок. Результат получается удовлетворительный, но Андре Вила просто изнемогает под тяжестью всего этого оборудования. Поскольку росписи тянутся по обоим берегам на 25 километров, ему придется дважды пройти это расстояние с четырехметровой лестницей на спине. Поначалу ему помогал Абдалла, но, как настоящий чемпион *сиесты*, он быстро возымел неодолимое отвращение к этой ежедневной гимнастике; один день он ссылается на упорную головную боль, другой день — на какие-то непонятные колики в животе и в завершение, утомившись окончательно, просит разрешения вернуться в Форт-Полиньяк. Андре Вила остается, таким образом, один на один со своей лестницей и аппаратурой и вынужден сам таскать эту тяжесть; он рад уже и тому, что от случая к случаю кто-нибудь из нас ему помогает.

Амеллаль, который родился в Эль-Барке, в Ливии, неподалеку от алжирской границы, глядя на отъезд Абдаллы, явно начинает тосковать: они односельчане.

Однажды утром я застаю его плачущим: крупные слезы катятся из его больших добрых глаз по черным добрым щекам. Он тоже хочет уехать.

«Что случилось, Амеллаль?» — «Мадам сердится!» — «За что?» — «Я не вымыл котелки...»

Этот большой ребенок только и ждет, чтобы его утешили и им занялись; то, что он совершил оплошность и получил выговор от женщины — хотя эта женщина обычно не переносит всяких инцидентов и старается их не провоцировать, — ему очень неприятно. Всякий раз, когда у него произойдет с кем-либо из нас неприятный разговор, — а это случается неизбежно, потому что нам приходится терпеть не только друг друга, но еще и перепады температуры, мух, комаров, что делает нас иногда несколько раздражительными, — он будет приходить ко мне жаловаться, чтоб я его утешал, как насадка цыпленка.

Амеллаль останется на своем посту до самого конца экспедиции в уэде Джерат, то есть целых три месяца; большую часть времени он проведет перед очаровавшим его котелком-скороваркой — только волшебный свисток этого котелка может вызывать на его лице счастливую улыбку. Амеллаль смотрит на часы — у него есть часы, причем позолоченные, — и внимательно считает минуты, когда нужно будет снимать котелок с огня.

Качество и значительность рисунков уэда Джерат вызвали у меня желание снять с лучших из них слепки. О том, чтобы применить гипс или любой другой жесткий и тяжелый материал, не может быть и речи, поскольку единственный способ транспортировки до Форт-Полиньяка — это дромадер: только он может справиться с каменистыми дорогами уэда. Слепками должен был заняться Мишель Брезийон — у него довольно умелые руки. Его-то я и послал в Лувр, чтобы выяснить, какие существуют самые современные способы снимать слепки, поскольку мы предполагали, что экспедиции, работающие на различных раскопках Ближнего Востока, должны быть в курсе новостей по этому вопросу. Но Мишель съездил напрасно — никто не дал никаких разъяснений. Тем не менее я читал где-то, что существует какой-то способ использования новых пластических материалов, и с его помощью якобы были сделаны великолепные слепки с ассирийских памятников.

Мишель Брезийон предложил обратиться за информацией в техническое бюро палаты профсоюзов резиновой промышленности. Я предоставил ему свободу действий. Инженеры, которых мы посвятили в суть

проблемы, нашли решение: они предложили использовать жидкий каучук, в который перед самым его употреблением, для быстрого высыхания на воздухе, нужно добавить сиккатив. На врезанный рисунок, с которого снимается слепок, следует нанести слой этого материала, сверху немедленно наложить кусок тонкого полотна, а поверх нанести еще один слой каучука и дать высохнуть в течение десяти минут, а затем отклеить слепок, потянув за оставшиеся свободными концы полотна.

После встречи с инженерами, убежденный в том, что предложенный ими способ вполне отвечает нашим запросам, я уладил это дело, а также решил еще более сложную проблему транспортировки и хранения исходных материалов,— хотя, как будет видно из дальнейшего, в один прекрасный день все это сыграло с нами весьма странную шутку.

В Джерате первые же пробы оказались полностью удовлетворительными, и Мишель с жаром принялся за работу. Мы должны привезти прекрасные слепки. Метод действительно идеальный; высохшие слепки остаются гибкими; мы их заворачиваем один в другой, по размерам, все это грузится на верблюда, и можно не бояться ни толчков, ни дождя, ни жары. Кроме того, это вещество имеет еще одно неожиданное преимущество: в жидком виде оно позволяет нам заливать дыры на подошвах сандалий и таким образом делать новые, вполне износоустойчивые подошвы, что в Сахаре очень ценно, потому что здесь каждый вынужден быть самому себе сапожником.

Единственное неудобство состоит в том, что сырой каучук под действием жары может забродить. Поэтому мы приняли меры предосторожности — весь наш запас, разлитый по канистрам, опустили в воду в гелте Барту, самой глубокой по всем уэде. Когда канистра кончается, Мишель вытаскивает из воды еще одну или две. Однажды, когда он вез в лагерь две канистры на верблюде, которого вел Брахим, позади внезапно раздался два сильных взрыва. Мишель обернулся и увидел, что бидоны разворочены и каучук течет по спине и бокам верблюда: под действием брожения и солнца, которое греет все жарче день ото дня, произошел взрыв. Брахим не может понять, что случилось, а Мишель сразу же приходит на помощь животному: пользуясь рукой, как скребком, он пытается как можно скорее счистить липкую жидкость. Но его действия приводят к неожиданному и ужасающему результату: каучук все глубже проникает в шерсть, а так как сохнет он быстро, то через каких-то десять минут верблюд Брахима превращается в гигантский резиновый шар; схватываемость у этого вещества такая, что уже ничего нельзя поделывать — шерсть склеилась и намертво прилипла к телу!

Брахим очень обеспокоен, ему кажется, что верблюд его в результате этого происшествия подохнет. Как только они пришли в лагерь, мы большую часть слипшейся шерсти состригли ножницами, но там, где она приклеилась к коже, пришлось прибегнуть к бритве. Каждый день я вооружаюсь безопасной бритвой и час утром, час вечером брею по десять квадратных сантиметров — работа нелегкая!

Обрабатывать верблюда пришлось две недели, в результате он оказался совершенно голым, но не подох.

А с помощью того каучука, что остался у нас после этой печальной истории, мы продолжали снимать слепки. В целом мы привезли в Париж 85 квадратных метров слепков, что составит солидный материал для изучения техники врезания рисунков на камне в лаборатории.

Тассилийский опыт впоследствии пригодился Мишелю: открыв знаменитые мадленские очаги в культурных слоях Пэнсвана, он решил

снять с них слепки таким же способом, с теми же исходными материалами. Он добился прекрасного результата, — ведь это совсем просто, нужно только, чтобы в голову пришла такая мысль да руки были достаточно ловки для подобной работы!

Впрочем, этот метод получает всеобщее распространение. Его с успехом применили также в гроте Лазарэ, под Ниццей, где найдены остатки жилища человека, которым приблизительно четыреста тысяч лет.

Были сделаны многочисленные попытки, работая нашим методом, использовать другие исходные материалы; в частности, мой друг полковник Мишель Лиоро для снятия слепков со скальных рисунков в Южном Ороне пытался применить резину.

Так идет наша жизнь. Многим она может показаться монотонной — с утра до вечера мы рисуем слонов, носорогов и жирафов, поскольку эти три вида животных чаще всего представлены на фресках в Джерате. Но есть и новое. В гельте Ти-н-Смад (что на языке тамашек значит «та, что холодна») к ним добавляется спираль. Простая, двойная или тройная, сама по себе или рядом с изображением животных — символ, значение которого в данном случае нам не известно, — она очень распространена в Джерате. Некоторые специалисты видят в этой спирали магический знак, свернутое лассо, символ солнца; но такой мотив встречается во все времена и у всех народов, и следовательно, строить не слишком обоснованные гипотезы в данном случае не приходится.

Здесь спираль всегда сопутствует изображениям людей или животных; иногда помещенная на голову в качестве диадемы, она не может быть ни знаком заклинания, ни символом пленения. Следует отметить, что спираль связана с изображениями людей, носорогов, гиппопотамов, древнего буйвола, антилоп и быков, но никогда слонов. Более того, на весьма ограниченном пространстве между гельтой Ти-н-Смад и шабой Абейор спираль встречается часто, а выше и ниже по течению ее можно встретить только случайно, хотя характер рисунков там почти тот же.

Какой вывод можно сделать из этих наблюдений?

От археологии часто ждут четкого, точного, научного и однозначного ответа, но очень часто удачная формулировка скрывает на самом деле полное неведение. В данном случае я безо всякого стыда в нем признаюсь.

Кстати, о слонах: мы обнаружили одно выгравированное на плите изображение слона высотой не менее четырех с половиной метров; рядом с ним слоненок, видимо ищущий защиты. Здесь лестницу установить невозможно. Жан Лесаж, самый способный из нас, делает великолепную копию по клеткам, разделив рисунок на определенное число квадратов и перерисовывая их один за другим. Намного далее нам попадает незаконченный набросок носорога восьмиметровой длины.

День за днем мы испещряем рисунками листы бумаги; теперь мы можем утверждать, что, вероятно, во всем мире не найдется места, где доисторические скальные рисунки попадались бы столь часто. Здесь не «сахарский Везер»¹¹, как называл это место Э.-Ф. Готье, а целых десять Везеров!

Немного ниже Ти-н-Смада на некрутом откосе мы обнаруживаем прекрасный ансамбль. Два великолепных гиппопотама стоят мордами друг к другу; за большим из них идет детеныш, а над ними ползет, извиваясь, огромный питон. Это место мы назвали «Плитой Питона».

Здесь есть также превосходно изображенные быки, с лирообразны-

ми и дугообразными рогами, что свидетельствует о существовании по крайней мере двух разных видов; жирафы, одного из которых поднимает, к нашему удивлению, человек; страусы; носорог, перед которым стоит мужчина, вооруженный, по всей видимости, луком; женщина, держащая за руку ребенка; а на противоположной стене, ниже,— сидящие с раздвинутыми ногами женщины, причем их половые органы отчетливо прорисованы,— посреди этого зверинца они выглядят неуместно, они бы хорошо смотрелись в переулке старого порта у дверей посещаемого матросами заведения, каких немало было когда-то в Бордо.

На этом склоне четверть века тому назад, то есть в 1934 году, мы с Робером Перре обнаружили скальный рисунок, в котором географ признал «неолитического верблюда». В свое время эта находка произвела сенсацию, потому что она ставила под сомнение время появления верблюда в Африке. Конечно, я вновь тщательно исследую рисунок и прихожу к выводу, что это просто плохо нарисованный жираф, которого можно узнать по отчетливо видимым рожкам, прежде принятым нами за уши на искаженной фотографии, сделанной Перре с неумелой прорисовки мелом.

На самом деле на древних рисунках Сахары верблюд не встречается; его изображение появляется на скалах гораздо позже, после лошади. Это наблюдение подтверждает вывод, который можно сделать на основании античных греческих и римских текстов,— что верблюд в Северную Африку и Сахару был завезен незадолго до начала нашей эры. По вопросу о верблюдах, точнее, о дромадерах исписано немало бумаги. Палеонтологами засвидетельствовано наличие верблюда в этих местах в позднем четвертичном периоде. Но затем нет никаких следов его существования. Значит, он исчез в очень отдаленные времена и вновь появился уже в исторический период. Некоторые авторы предполагали, что все это время он продолжал обитать в Сахаре, но ни одно добросовестное исследование не подтверждает хоть какого-нибудь правдоподобия этой гипотезы, а наскальные рисунки и росписи, напротив, свидетельствуют, что вторично верблюд появился здесь очень поздно.

У подножий склонов я нашел грубые обломки кварцита, шлифовка которых напоминает леваллуазо-мустьерский способ обработки; такие же орудия позже я подобрал в Ти-н-Смаде и на берегах Ти-н-Тулульта, где мы обнаружили группу удивительных рисунков. Это тем более странно, что там нет никаких неолитических орудий — ни жерновов, ни зернотерок, обычно в изобилии встречающихся около стоянок с подобными рисунками; и поэтому нет ни малейших вещественных доказательств, которые позволили бы нам приписать этот древний ансамбль периоду неолита, разве что сходство стиля и техники рисунков, изображенной на них фауны и покрывающей их патины с произведениями центров искусства того же типа — Южного Орана и Феззана.

На площадках перед бесчисленными «гравюрами» должны бы были, по крайней мере, попадаться те инструменты, которыми пользовались древние мастера,— резцы, пробойники, предметы, служившие для полировки. Но, несмотря на самые тщательные поиски по всему уэду, мы решительно ничего не обнаружили, только один явно обработанный на месте осколок у расщелины скалы с росписью. В Южном Ороне результаты аналогичных поисков, произведенных мною еще в 1955 году, были столь же неутешительны.

Можно было бы предположить, что отполированную линию получали с помощью каменного топора; я и сам так думал, но за три месяца мы не нашли ни одного отшлифованного топора и даже ни одного

осколка. Геолог Ж.-Б.-М. Фламан, изучавший в начале века гравюры Южного Орана, считал, что полировка производилась просто при помощи палочки из очень твердого дерева с добавкой какого-нибудь абразива — песка или жидкой грязи. Это предположение кажется мне наиболее вероятным, к тому же и сам я испробовал этот метод на опыте — в уэде Джерат на одной из скал с древними рисунками — и убедился в его эффективности.

Изучение береговых террас уэда дает много нового. Во-первых, я установил, что ни один из древних рисунков не затрагивается даже самым высоким современным паводком и ни один из тех, что находится на откосе, не поврежден водной эрозией; более же поздние, расположенные ниже, сильно попорчены песком, который переносится водой при паводках. Поскольку поток в уэде Джерат столь же быстро уходит, как и приходит, можно сказать, что никогда в прошлом вода не поднималась до древних рисунков и не покрывала их, что в то время, когда они создавались, тальвег¹² был приблизительно таким же, как сегодня, и что площадки перед большими стоянками Ти-н-Смада, Плиты Питона и Ти-н-Тулульты существовали уже в верхнем палеолите, — все это отнюдь не было ясно априори.

Самое интересное наблюдение касается обломков террас, теперь сцементированных и в некоторых местах возвышающихся на двенадцать метров над нынешним тальвегом; они образовались в то время, когда уэд уже имел современный профиль и глубину. Можно видеть следы цементирующего вещества, прилипшего к дну самого тальвега; куски его попадают на берегах, на разной высоте, особенно около утеса Аханна. По высоте рисунков относительно современного уровня почвы здесь хорошо видно, что они создавались тогда, когда цементирующее вещество образовывало возвышение между утесом и близко расположенным скальным массивом. Ниже утеса Аханна на песчаниковом блоке изображена фаллическая фигура; ныне это изображение находится вне пределов досягаемости; оно было сделано в те времена, когда еще существовало возвышение, следы которого сохранились до сих пор, — оно-то и позволило художнику работать на высоте поднятой руки.

История уэда, следовательно, может быть представлена следующим образом.

Первоначальное русло образовалось или в конце третичного, или в начале четвертичного периода и тогда же достигло нынешней глубины.

В период великой засухи в Сахаре, датировать который трудно, берега стали осыпаться; осыпавшаяся порода под действием коротких ливневых дождей образовала наносы на дне уэда. Если у Аханна эти наносы не превышают трех-четырех метров, то намного ниже по течению, особенно у расщелины Ти-н-Техед, их высота достигает двадцати метров.

По каким причинам сцементировались эти аллювиальные наносы? Ответ когда-нибудь, несомненно, даст минералогический анализ, а пока этот процесс может быть предположительно объяснен присутствием вулканического пепла, который, как кажется, составляет основной элемент здешнего цемента. Вулкан Азео Сеттефен находится не далее чем в ста километрах отсюда. Значит, вполне допустимо, что вулканическая пыль откладывалась в речных долинах.

Затем наступил период обильных дождей, вследствие которых этот сцементированный конгломерат раздробился и большая часть его исчезла, оставив несколько островков на дне уэда и его берегах.

Но, хотя эволюция Сахары четвертичного периода читается на тер-

расах уэда, все эти данные еще отрывочны, и нижние слои изучены лучше, чем покрывающие их недавние наслоения. Будем надеяться, что какой-нибудь геолог заинтересуется этим вопросом и изучит его на месте.

Чтобы как-то скрасить однообразную и утомительную работу, мы решили в воскресный день отдыхать и организовали соревнование по рыбной ловле в гельте Ти-н-Смад. Рыба так клюет, что у Жана Лесажа второй раз обрывается леска. Он вытащил тридцатисантиметрового усача, который сорвался и плюхнулся в озерцо, где спокойно плавает по кругу, по всей видимости крайне недовольный неприятным приключением. Он все время плавает около заброшенных удочек, подплывает совсем близко к наживке, но, понюхав ее, удаляется, показывая всем своим видом, что больше его на этом не проведешь. Жан Лесаж в ярости, но проявляет чудеса терпения, меняя приманку. Наконец рыба клюет, Жан подсекает. Уверенный, что на этот раз поймал усача, он издает радостный вопль, и в тот же момент леска обрывается снова. В досаде и ярости Жан пытается во что бы то ни стало поймать рыбу голыми руками, скользит по гальке и шлепается в воду, забрызгав меня с ног до головы, что вызывает у присутствующих взрыв смеха.

Развлечений у нас немного, и визиты редки. Наши постоянные компаньоны — прожорливые вороны, подбирающие отбросы; однажды мы становимся свидетелями необычного зрелища: ворона преследует большую сову, а та и не сопротивляется, лишь старается спастись от ее ударов. Выяснилось, что человеческие экскременты для ворон — лакомство, и поэтому нам даже не было никакой надобности рыть выгребные ямы — каждый день все основательно вычищалось.

Уэд кишит гадюками. С первыми теплыми днями они выползли из всех щелей, и каждое утро мы на одну-две увеличивали список убитых змей. Арабская пословица гласит, что, когда люди покидают какую-нибудь местность, ею завладевают змеи. Здесь именно этот случай — доказательство того, что уэд Джерат уже много лет не посещается людьми регулярно. Я натолкнулся на одну гадюку с раздутым брюхом, лениво гревшуюся на солнце, и без труда убил ее. Стоявшие рядом Абдалла и Амеллаль поспешно хватают змею за хвост и старательно обворачивают сначала вокруг ног, потом вокруг рук и наконец вокруг головы на уровне глаз. Эта процедура призвана очертить защитный круг вокруг ног и глаз, которые тем самым приобретают такую зоркость, что отныне ни одна гадюка не ускользнет от них, и служит будто бы самым могучим средством предохранить себя от укусов. Такого рода симпатическая магия практикуется у всех туарегов Тассили.

Я вскрываю живот змеи секционным ножом и извлекаю из него большую ящерицу, уже частично переваренную, хотя она явно проглочена какой-нибудь час назад.

В Джерате Ирэн убивает свою первую гадюку. На самом деле это змееныш длиной около двадцати сантиметров, которого она пришибла большим камнем; Ирэн ставила керн на утес с рисунком, чтобы другие члены экспедиции могли его заметить издали, и сначала услышала шипение, а уж потом увидела змею. Но поскольку она успела выразить свой испуг, то, не желая, чтоб ее приняли за обманщицу, принесла свою крошечную жертву в лагерь, зацепив ее концом палки. Ирэн встретили громким «ура!» и таким хохотом, что, казалось, рухнут скалы. Брахим отнесся к ситуации серьезнее и объяснил, что укус этой маленькой твари вполне мог быть смертелен.

Однажды вечером, когда уже смеркалось, огромная, длиной около двух метров, змея стрелой скользнула у меня между ног и исчезла в куче хвороста. Все сбежались, подожгли сухой джерид (пальмовые ветви), чтобы осветить место происшествия и выгнать змею, но напрасно. Мне так и не пришлось узнать, к какому виду она принадлежала, о чем я очень сожалею, потому что у нас еще мало сведений о всех обитающих в Сахаре видах и с подобным я никогда ранее не встречался. Правда, — и я думаю, что большинство натуралистов со мной согласится, — из всех животных труднее всего ловить змей, хотя этой забаве я предавался с самых юных лет.

Среди прочих обитателей вади отметим также *окаокао* (дамана), которого натуралисты называют *Procavia bouhioli*. Это маленькое копытное животное с повадками сурка, по своему анатомическому строению родственное слону и носорогу! Окаокао живут колониями в скалах, часто поблизости от акациевых рощ, которые здесь встречаются довольно часто. Животные эти осторожны; одна особь из стаи обязательно стоит на страже и при первой опасности издает негромкий звук, после чего стая удирает со всех ног и прячется в скалах. Туареги их едят. Кости этих животных попадают в неолитических слоях.

Уже полтора месяца мы находимся в уэде, как вдруг с радостью замечаем пробивающиеся повсюду цветы. Это результат прошедших дождей. Я систематически собираю гербарий, что позволяет мне выявить около сорока различных видов, поскольку эта зона очень благоприятна в отношении влажности. Вся нижняя пальмовая роща захвачена беспорядочной порослью; тут растут фиговые деревья и клещевина, покрытая красивыми красными цветами; эти виды встречаются только на почвах, которые прежде обрабатывались, следовательно, они были занесены сюда человеком.

Плита Питона, с которой Жан Лесаж снял мастерскую копию, остается позади, и мы переходим к расщелине Ти-н-Тулулт, стены которой расписаны огромным множеством страусов, антилоп, быков, носорогов и спиралей. В боковых расщелинах сохранились небольшие ямы с водой, и у каждого из нас есть своя личная купальня, чем мы и пользуемся с несказанным восторгом.

Еще раз переносим лагерь ниже по течению, в то место, где в уэд Джерат впадает его небольшой приток Ти-н-Техед, что на языке тамашек значит «ручей ослицы». Я осведомляюсь о происхождении этого названия у Брахима, и тот показывает мне великолепный рисунок, изображающий осла, внутри которого нарисован шакал; некогда это было принято за изображение осленка в утробе матери. В данном случае место получило свое название по наскальному рисунку — исключение, которое заслуживает, чтобы его отметили.

Место это менее гостеприимное, чем Ти-н-Смад. Вода здесь не течет у самых ног, за ней нужно ходить за несколько сот метров. Но большая ниша под скалой позволяет нам спрятать все наше снаряжение и укрываться от жары во время еды. Зато рисунки здесь совершенно необыкновенные, особенно женщина в остроконечной соломенной шляпе; женщине угрожают в трех направлениях, которые можно себе вообразить, три фаллоса. Великолепный лев готовится к прыжку, мужчина отправляет естественную надобность, испуская струю длиной семь метров, — мужчины нашей экспедиции так и не смогли побить этот рекорд! Далее изображены обезьяны.

Неожиданности нам уготовила группа из двенадцати жирафов, выгравированная на горизонтальной плите. Вот уже скоро два месяца,

как мы каждый день копируем рисунки,— некоторые из них прекрасны, другие просто любопытны или банальны, но эта удивительная картина большого художественного достоинства нас просто озадачила — 120 квадратных метров покрыто изображением жирафов; их тела сплелись, и самый крупный достигает высоты 8,5 метра. Все линии прекрасно отполированы, но тем не менее видны следы предварительной пунктировки.

Каким образом художник — а может быть, их было несколько? — смог создать столь большую картину, не нарушив ни пропорций, ни форм? Впоследствии, ознакомившись с копией, Андре Мальро высказал мысль, что доисторические люди не могли рисовать столь большие фигуры чисто инстинктивно; по его мнению, уже в те времена должны были существовать «художественные школы», и такое панно, несомненно, требовало заранее обдуманной композиции. Что касается меня, то, хотя я и допускаю в принципе возможность существования подобной школы, мне все же кажется это сомнительным, потому что для подтверждения данной гипотезы нужно найти следы эскизов. Но как бы то ни было, эти высоченные жирафы и гигантские слоны остаются самым большим доисторическим рисунком, известным в мире.

Удивительный факт, вызвавший многочисленные споры: наиболее древние, натуралистические рисунки исполнены в самом лучшем стиле, а более поздние, начиная от «периода полорогих» и до «периода верблюда», включая сюда «период лошади», становятся все посредственнее и посредственнее, пока не превращаются в весьма схематичные граффити. Многие авторы оспаривают это утверждение, ссылаясь на доисторическое искусство Европы, более древнее, чем сахарское, потому что оно восходит к верхнему палеолиту. Оно развивалось в обратном направлении: начав с примитивных форм, достигло своего подъема в многоцветных мадленских рисунках, самым ярким примером которых является, благодаря сильнейшему реализму, потолок пещеры Альтамира. Согласно логике, большие натуралистические рисунки Джерата должны были бы следовать за менее совершенными произведениями. Существовала очень устойчивая гипотеза, что вероятными предками исполнителей этих рисунков были, возможно, великие франко-канабрийские художники. Гипотезу эту пришлось отвергнуть, как из-за несоответствия во времени, так и на том основании, что с конца среднего палеолита сообщение между Европой и Африкой стало невозможным и восстановилось только к концу неолита. Как это ни странно, мы не знаем предков художников «периода буйвола» из Джерата и Южного Орана.

Все мы собрались около плиты жирафов, вопрошая себя, каким образом нам снять с нее копию. Рисовать вытянутой рукой невозможно, а на то, чтобы снять копию по квадратам, нужны недели, которыми мы больше не располагаем. В конце концов решили остановиться на фотографии; выбрав точки для съемки через каждые два метра, мы сделали двадцать четыре снимка с высоты складной лестницы. Монтаж будет выполнен в лаборатории безо всяких затруднений. Таким образом, в нужный момент мы сможем воспроизвести весь ансамбль в натуральную величину. Но это панно с самыми большими наскальными рисунками в мире так никогда и не было выставлено, потому что не нашлось помещения достаточных размеров.

Однажды утром Брахим отправляется отвезти нашу корреспонденцию в Форт-Полиньяк, что он делает, в зависимости от обстоятельств, раз в неделю или в две, и, к моему удивлению, возвратившись к вечеру

следующего дня, протягивает конверт. Это письмо от начальника гарнизона.

Я читаю: «Важное лицо просит вас немедленно прибыть в Джанет. Завтра у устья уэда вас будет ожидать джип. Капитан Годар».

Брахим объясняет мне, что у устья Джерата встретил верхового и тот просил срочно отвезти мне это послание. Он был осведомлен о содержании и знал, что свидание мне назначено на следующий день на 18 часов. Между ними завязался разговор, и Брахим, не особенно вдаваясь в подробности, сказал, что, поскольку лагерь наш находится высоко по течению уэда, мало вероятности, что я успею на это свидание к следующему вечеру.

Он имел основания так говорить, но его замечание оказалось весьма неосторожным.

Я отдал Брахиму распоряжение приготовить двух верблюдов к 4 часам утра, но не раньше, потому что он со вчерашнего дня не ел и ему нужно восстановить силы. Брахим не возражает.

Пакую багаж, мне готовят тук со слепками. Имя «важного лица» мне не сообщили, но я, сам не знаю почему, решил, что это министр Жак Сустель. Он всегда проявлял живейший интерес к моей работе; будучи этнологом и сотрудником, как и я, Музея Человека, созданию которого он способствовал всеми силами, он хорошо знает, что такое работа в поле.

Еще не рассвело, когда, сделав последние наставления членам экспедиции, я в сопровождении Брахима покидаю лагерь. Мы продвигаемся вперед так быстро, как нам позволяют обвалы, загромождающие ложе уэда. О том, чтобы ехать верхом на верблюдах, не может быть и речи, мы их взяли, в основном, для груза. Мы идем, не останавливаясь, даже чтобы поесть, самым быстрым шагом и, изодрав в клочья сандалии, ровно в 18 часов подходим к назначенному месту встречи. Я падаю от усталости; чтобы подбодрить нас, Брахим заваривает чай. Джипа нет. Шума мотора тоже не слышно. Мы проголодались, а потому открываем коробку сардин и заглатываем ее в один присест. Машины все нет... Тогда я вспоминаю о разговоре Брахима с посыльным: вероятно, тот на свой лад передал его капитану.

В 19 часов по-прежнему ничего. Тогда, ведя верблюдов на поводу, мы направляемся к Форт-Полиньяку, которого и достигаем около 23 часов в чернильной тьме, что отнюдь не облегчило нашего пути. С рассвета мы проделали пешком около шестидесяти километров, из них две трети по камням.

Все огни в форте погашены, светится только одно окошко жилого дома. Постучав, я захожу и застаю лейтенанта Б. в чем мать родила — он принял душ и собирался спать. Сначала он решил, что у него галлюцинация; на мой вопрос, почему за мной не приехала машина, он, придя в себя, объясняет, что посыльный, пересказав капитану свой разговор с Брахимом, сообщил, что я физически не смогу приехать, а потому послать джип сочли бесполезным. Они даже телеграфировали в Джанет, чтобы на меня не рассчитывали.

Мы отправляемся будить Годара; тот выходит в пижаме, растрепанный, сердитый, и едва скрывает желание обругать меня за то, что я его столь бесцеремонно поднял. Я прошу дать мне что-нибудь поесть. В столовой ничего нет; за неимением лучшего лейтенант Б. открывает банку сардин!

Годар и его адъютант крайне раздосадованы этой неприятной историей, да и я не в восторге от того, что мне подложили такую свинью,

заставив пройти пешком столько километров, хотя вполне можно было избавить меня от этой утомительной прогулки. Ну и все же, что теперь делать?

В полночь будят радистов для того, чтобы они попытались установить связь, во-первых, с Джанетом и предупредили о моем приезде, во-вторых, с Форт-Флаттерсом и запросили самолет, который мог бы на рассвете доставить меня в Джанет.

Я встал в пять часов и в шесть уже был на посадочной площадке. С собой я захватил корреспонденцию и ящик со слепками. На горизонте появляется маленький истребитель Дассо и приземляется, как оса. В него забрасывают багаж, я сажусь прямо позади пилота и не успеваю даже застегнуть привязные ремни, как мы свечой взмываем вверх. Мы держим курс на Джерат. Делаем два круга на высоте ста метров, чтобы на нас обратили внимание члены нашей экспедиции, — я вижу, как они, задрав головы, смотрят вверх, — едва не задеваем за скалы, и я выбрасываю мешок с почтой в боковое окошко. Три четверти часа спустя мы уже над Джанетом; самолет качает крыльями, давая этим понять, что мы приземляемся и что за нами нужно выслать машину на посадочную площадку — она в восьми километрах от борджа. Чудесная штука — самолет! Раньше, чтобы покрыть расстояние между этими двумя точками, мне бы понадобилось восемь дней быстрой езды на верблюде!

Когда я приезжаю в Джанет, министр Жак Сустель и сопровождающие его лица выходят из кабинета начальника гарнизона, где только что закончилось совещание. Там были генерал Жакье, несколько членов парламента и технический советник министра Анри-Поль Эйду, мой друг, получивший ныне известность благодаря телевизионным передачам, посвященным галло-романской археологии и фантастическим замкам, которые он вел.

В столовой все вычищено, надраено, отутюжено. Жена какого-то офицера в последний раз проверяет, не забыли ли что-нибудь. Все в порядке.

Меню такое изысканное, какого в форте никогда не видели, даже тогда, когда еще до войны итальянский маршал Бальбо приезжал соседски нанести визит французскому гарнизону. Вместо сардин военного довольствия и усачей уэда Джерат — аппетитнейшие заливные угри. Анри-Поль обладает счастливым даром создавать вокруг себя непринужденную обстановку. Лукавый и чертовски остроумный, он умеет «разговорить» гостей, отпускает такие реплики, что все эти «серьезные» люди покатываются со смеху. После кофе все несколько успокаиваются, и я показываю наши слепки, вызывающие всеобщее восхищение. Потом все расходятся по отведенным им комнатам.

Я встретил жену одного капитана, которая пришла навести порядок в столовой, и выразил ей свое удивление по поводу того, что на обеде не было ни одной женщины.

«Это приказ свыше! — отвечает она с оскорбленным видом. — Нам еще две недели назад объявили о приезде министра; мы шьем платья, наглаживаем их, изощряемся, чтобы приготовить изысканные блюда, а в последний момент нам говорят: «Женщин на приеме не будет». Мы все в ярости! Это омерзительно!»

Я спрашиваю Эйду, кто мог отдать приказ не приглашать женщин к столу.

«Разумеется, не я!» — смеется он. — «Догадываюсь, насколько я тебя знаю, но все-таки кто? Министр? Генерал?»

Потом мне все объяснил капитан Росси: «Ты ведь знаешь, что по этикету справа от министра должна сидеть моя жена. Я не женат. Возникает щепетильный вопрос. Кого туда посадить? Самую красивую, самую умную? В принципе, это должна быть жена офицера, старшего по чину и по производству, понимаешь, какая штука?.. Только вот у нас тут три женатых капитана, из них два получили чин одновременно. Я думаю, ты уже понял, я могу не рисовать тебе эту картину. Ну, чтобы прекратить все споры, я и сказал: «По приказу министра, женщин на приеме не будет».

Через две недели все сахарские гарнизоны от Тиндуфа до Таман-рассета и от Алжира до И-н-Геззама знали об этом ужасном и несправедливом поступке, и вот почему за министром Жаком Сустелем утвердилась стойкая слава женоненавистника!

Я улаживаю с генералом Жакье некоторые вопросы, важные для хода нашей экспедиции. Речь идет о том, чтобы после окончания наших работ в Джерате грузовые машины «шесть-шесть» обеспечили доставку экспедиции через Тассили из Форт-Полиньяка в Тиссукаи, а потом обратно в Джанет, для чего автомашинам придется подняться за нами на плато.

«А они пройдут?» — спрашивает генерал.

Мы сверяемся с картой, и я указываю маршрут. Приходим к выводу, что для въезда автомашин на Тассили следует использовать перевал Ассакао, несколько благоустроив его. Мы поставили в известность Жака Сустеля, он одобрил наши планы и отпустил необходимые кредиты.

После воздушной рекогносцировки И-н-Эззана, Тенере и озер Ихерира, которая оказалась очень полезной для меня, я возвращаюсь на самолете в Полиньяк. Делая заметки в своей записной книжке, обнаруживаю, что сегодня день рождения Ирэн. Я прошу у пилота специальную упаковку с балластом, пишу на бумаге поздравление и несколько слов, чтобы предупредить, когда я вернусь в лагерь, над которым мы должны пролететь с минуты на минуту. Но палаток я не вижу... Должно быть, мои сотрудники перенесли лагерь и палатки им на новом месте не понадобились. Поскольку у нас нет четкого ориентира, делаем пару кругов и в конце концов замечаем, что по уэду движутся два больших черных жука. Я упаковываю письмо в специальную тубу, и оно падает, а за ним развевается огненно-оранжевый хвост, хорошо заметный снизу. Мое послание подбирает Андре Вила, поспешно читает его, сообщает о нем своим товарищам, и все начинают ломать себе голову, пытаются измыслить, как им лучше поздравить единственную «скво» Джерата. К счастью, у соседней гельты растет настоящая померанцевая рошица, и в полдень четыре мушкетера появляются в лагере с такой огромной охалкой цветов, внутри которой спрятано мое письмо, что их шатает. Полное изумление, Ирэн тронута и обрадована, и всем очень весело.

В Форт-Полиньяке я обретаю Брахима с верблюдами, а вернувшись в лагерь, с удовлетворением вижу, что работа очень продвинулась. Среди самых замечательных рисунков нужно отметить сцену поимки антилопы тремя мужчинами с зооморфными головами, гравюры со слоненком, крокодилом и другие. Мы спускаемся к устью уэда, и здесь рисунки кончаются.

Вот уже три месяца мы живем в этом фантастическом ущелье. Вся вода испарилась, и мы вынуждены пополнять запасы из грязной ямы, в которой плавают козий помет, фильтруя эту жижу через чечию. Но зато и итог прекрасный. Мы открыли около четырех тысяч рисунков,

среди которых есть лучшее, что было когда-либо найдено в Сахаре.

Почему рисунки так часто встречаются в уэде Джерат и почему их совершенно нет в боковых долинах? Возможно, тут было какое-то святилище?

Наряду с крупными представителями фауны эфиопского типа, нам встречались многочисленные изображения быков, относящиеся, бесспорно, к тому же периоду. Был ли бык одомашнен уже в то время? Это невозможно утверждать, но нельзя и отрицать.

Несомненно то, что собака была уже приручена. Она представлена, относительно редко, вместе с человеком нападающей на диких животных в росписях «периода буйвола», как мы видели в Южном Ороне. Значит, у нас есть свидетельство, что с того времени она стала помощником человека. Таким образом, Сахара дала нам древнейшие изобразительные документы об одомашнивании собаки.

Когда позднее Андре Мальро ознакомится с нашими копиями и муляжами, его больше всего поразят изображения людей с зооморфными головами, — как он выразится, «некое предвестие египетского зверопоклонничества».

Самая популярная у египтологов теория утверждает, что египетское искусство возникло на основе земледельческих культов долины Нила. Однако следует все же допустить, что этим культам предшествовали другие верования и другие общества, поскольку рисунки Джерата, Южного Орона и Феззана, по всей видимости, намного старше всего, что дала в области искусства долина Нила. Поэтому ученым бесполезно обратить свои взоры и на Сахару, тем более что упрямо смотреть всегда в одну сторону отнюдь не плодотворно.

То, что нам открыло Тассили за последние несколько лет, заставляет задуматься, и, может быть, Джерат станет для археологов тем местом, куда они будут приезжать, чтобы черпать здесь вдохновение.

Кем же были авторы этих самых древних рисунков?

Поскольку до сих пор не найдены ни одно погребение и ни один могильник, относящиеся к тому времени, нам остается только попытаться выяснить это на основании самих рисунков, а именно тех из них, на которых люди изображены достаточно четко для того, чтобы можно было выявить их антропологические особенности.

Ни одного подлинно негроидного профиля здесь нет; все, которые можно хорошо различить, относятся явно к европеоидному типу. Следует предположить, что это были люди белой расы; точно такой же вывод можно сделать на основании рисунков Южного Орона и Феззана.

«Как жаль,— сказал мне как-то раз один южноафриканский коллега, — что они не могут говорить!»

Да, говорить они не могут. И было бы чересчур смело говорить за них.

Во всяком случае, рисунки уэда Джерат в доисторическом искусстве Сахары представляют собой явление единственное в своем роде как по количеству, так и по разнообразию стилей, размеров, техник исполнения и отражаемых ими археологических периодов. Рисунки очень трудно отбирать и классифицировать. Для того чтобы установить относительную хронологию, нужны точные наблюдения и долгий анализ. Стили исполнения, которые в других местах могут быть определяющим критерием, здесь играют второстепенную роль. Они, эти стили, действительно чрезвычайно разнообразны в самый древний период, обычно именуемый «периодом древнего буйвола», потому что в изоб-

ражениях встречается этот давно вымерший вид животных. Наряду с замечательными рисунками выдающегося натурализма попадают и весьма посредственные и просто неудачные наброски; есть рисунки полунатуралистические, схематичные, большие и маленькие. В каждый период — и это справедливо для всех цивилизаций прошлого — были и талантливые художники, и плохие, именно поэтому всякая классификация, основанная главным образом на достоинствах стиля, неминуемо приведет к бессмыслице.

Что же касается патины — критерия очень достоверного в том случае, когда рисунки разных периодов выгравированы на одной и той же плите, — то здесь она нам очень мало чем может помочь, поскольку большое число рисунков вырезано на горизонтальных плитах, а процессы окисления в этом случае идут не столь интенсивно, как на вертикальных стенках.

После многих проверок мы нашли все же некий факт, за который можно зацепиться: все древние рисунки «периода буйвола» были выгравированы над тальвегом уэда, на том уровне, которого никогда не достигает даже самый сильный паводок; все же рисунки позднейших периодов, будь то «период полорогих», «период лошади» или «период верблюда», часто находились ниже этого уровня. Для того чтоб установить хронологию рисунков, одного этого наблюдения недостаточно, но и пренебречь им в качестве ориентировочного факта тоже нельзя. В некоторых случаях исследование патины дает дополнительный ориентир. Бесспорно важны для установления хронологии темы и сюжеты.

Таким образом, по совокупности всех этих наблюдений, становится легче выделить то, что относится к самому древнему периоду. И если рисунки этого периода стилистически различны, то еще и потому, что он мог тянуться века или даже тысячелетия, и определить точно сейчас его длительность мы не можем; и потому, что работали здесь художники разных дарований и наброски, вполне вероятно, сделаны начинающими; и потому, что здесь много подражательных рисунков, какие мы находили неоднократно, выгравированных, несомненно, ради шутки, чаще всего бесформенных и непонятно что изображающих.

Техника гравировки тоже различна — от простой пунктировки до прорезки с последующей полировкой, а иногда и выборки с полировкой — в зависимости от усердия и способностей гравера, от его замысла.

Уэд Джерат заставил нас понять, что критерий оценки наскальных рисунков гораздо сложнее, чем обычно предполагают. В течение трех месяцев мы калькировали, рисовали, делали слепки, фотографировали, измеряли, и сюжеты запечатлелись не только на бумаге, фотопленке и резиновой массе, но и, главным образом, в нашей памяти, а это лучше всего помогает попыткам связать воедино порой весьма противоречивые факты. Вынесенный нами из этого урок заставляет сказать, что отныне нельзя изучать древние рисунки Сахары, не принимая во внимание рисунков уэда Джерат. Поэтому я искренне желаю, чтобы все, кто интересуется древними наскальными изображениями — европейскими, африканскими или любыми другими, — обязательно посетили Джерат.

На всем протяжении Сахары нет ничего похожего на зоологическую коллекцию в сюжетах Джерата. Она позволяет проследить эволюцию животного мира в зависимости от климатических изменений и обнаружить свидетельства того, что древние популяции этих мест были отнюдь не однородны, а, напротив, сильно отличались от южнооранских и феззанских, хотя сходство стиля и техники изображений могло навести на мысль об известной культурной общности.

Возвращение в Полиньяк обошлось без всяких приключений. Члены экспедиции выдохлись вконец и счастливы тем, что добрались до свежего пива в офицерской столовой. Нужно проверить снаряжение и пополнить пищевые запасы. Амеллалю свистящий котелок надоел, и, одевшись во все новое с головы до ног и неоднократно угостив лимонадом всех своих товарищей, он пришел прощаться. С ним еще двое подростков, его ровесников; все трое наряжены в новенькие блестящие *гандуры*, голов просто не видно из-за накрученных друг на друга немислимо длинных тюрбанов, а тела и одежда столь обильно политы и так пропитались разными сильно пахнущими духами, где запах мускуса смешивается с запахом болгарского розового масла, что рядом с ними трудно стоять.

Сегодня *айд эль кебир* — праздник агнца, отмечающийся в память о жертвоприношении Авраама, — и Амеллаль, как и все, купил барана, которого самолично зарезал. Бедняга так потратился на себя и своих товарищей, что от его трехмесячного жалованья и вознаграждения у него ничего не осталось. Но это неважно! Сегодня он господин, ему все кланяются, все им восхищаются! Через несколько дней ему будет нечего есть, и он одну за другой продаст свои прекрасные одежды; а если он несколько месяцев не найдет себе работы, его товарищи подвинутся и дадут ему место у общего котла. Амеллала мало заботит и настоящее, и будущее, — он счастлив. Таковы жители Сахары. В стране, для которой голод — явление эндемическое, обжорство — огромное удовольствие, и время от времени здешние жители позволяют себе его без малейших угрызений совести, не тревожась о завтрашнем дне.

Что же касается Брахима, то, ведя на поводу своего обритого верблюда, он снова отправляется на Тассили, где осталось в Фандуне его становище. Он тоже накупил роскошных материй, духов, чая, сахару и другой провизии, но он все везет жене и детям, которые его ждут.

Вторая часть программы нашей экспедиции — это работа на массиве Ти-н-Абу Тека, где в 1956 году я обнаружил многочисленные рисунки, скопировать которые тогда не хватило времени. Ти-н-Абу Тека находится совсем рядом с Сефаром, в секторе Джанета, приблизительно в 250 километрах от того места, где мы находимся. Тут возможны два решения: добраться воздухом до Джанета и оттуда уже подняться на плато или добираться наземным путем, а это значит одолеть тассилийский горный барьер на вездеходах, потому что дорог здесь нет.

Мы выбираем второе, более трудное решение: на нашем пути мы можем сделать интересные находки. Придется избегать горных массивов и передвигаться по наименее пересеченной местности. Но рисунки есть только там, где есть горы!

Генерал Жакье, командующий войсками в Сахаре, дает согласие на эту операцию, которая должна проходить в контакте с военными. Остается лишь согласовать детали с капитаном Годаром: тот проявляет некоторую сдержанность, поскольку обеспокоен состоянием доверенной ему техники; он приступает к действиям, только получив формальные заверения командующего в том, что не будет нести ответственности за возможные поломки. А что поломки неизбежны — нет сомнения!

Маршрут приходится тщательно выбирать. Сначала мы будем следовать вдоль северного края Тассили до маленького борджа Тарат, — это не должно представить каких-либо серьезных затруднений, поскольку грунт достаточно твердый, придется только пересечь несколько уэдов с песчаным дном.

Далее мы поедем уже по самому Тассили, по каменистой почве, вдоль узда Тарат до того места, где снижается верхнее Тассили, и будем следовать по этой линии с востока на запад. Раньше там существовала дорога, почти приличная, и я неоднократно по ней ездил; но, поскольку она не интересна ни с точки зрения торговли, ни как стратегический объект, ее забросили уже несколько лет назад, — и поломок у нас много. Полетело несколько рессор, и сдали один или два амортизатора, но все было быстро отремонтировано.

От *гара* Ти-н-Гешикка, похожей на сахарную голову, начинается новый отрезок пути, на этот раз в направлении с севера на юг; так наш караван добирается до гельты Дидер на южном склоне Тассили. Мы все еще едем по старой дороге и опять ломаем рессоры.

Остается самая трудная часть маршрута, которая должна окончиться в районе Ассакао. Этот путь никогда не разведывали; его пересекают устья многочисленных уэдов, спускающихся с гор, окаймляющих Тассили с юга. Хотя с нами едут несколько туарегов, которые хорошо знают эти места, потому что кочевали здесь с юных лет, продвигаемся мы все же вслепую и никогда не знаем, нет ли впереди на нашем пути непреодолимого ущелья. Грузовики едут неуверенно; шоферы ругаются как одержимые — они не привыкли к таким жутким дорогам, проходящим между скалами, где на каждом шагу возникают все новые препятствия, а машины вместе с пассажирами и грузом подпрыгивают и стонут. Каждый цепляется за что может — за борта, за веревки, которыми закреплен груз, и рад уже тому, что его не выбросило из кузова толчком при очередной непоправимой поломке. «Шесть-шесть» делают едва ли четыре километра в час, накренившись то в одну, то в другую сторону, останавливаются и снова прыгают, как живые, похожие на современных мастодонтов на фоне лунного пейзажа. Под их тяжестью трещат камни, разлетаясь из-под колес, как осколки снарядов. Они идут вперед, как тяжелые танки, задевая за камни, одолевая склоны под углом в 30—35 градусов, катясь то на одном, то на другом колесе с тем, чтобы снова выровняться. Машины следуют на некотором расстоянии одна от другой, потому что каждая поднимает облако пыли, в котором ничего невозможно разглядеть, и когда какой-нибудь грузовик ломается, мы замечаем это не сразу; но попавшие в аварию подают сигнал тревоги, приходится возвращаться и помогать им — в результате всего этого мы делаем от силы километров тридцать в день. Горючего уходит чудовищно много — сто литров на сто километров. Да и расход воды намного превышает наши расчеты, — сейчас конец апреля, жара стоит страшная, и люди просто не отрываются от фляжек. Едва мы починим одну машину, другая застревает в овраге, а для рессор это самое опасное. На трудном участке пути водители очень осторожны, и особенно опасаться нечего, но как только им кажется, что дорога стала получше, внимание расслабляется, скорость увеличивается, а препятствие возникает совершенно неожиданно, и свернуть они уже не успевают.

Время от времени отряду приходится очень тяжело: нужно всем вылезать из машин и сдвигать кусок скалы, загромождающий проезд, или выравнивать слишком уж бугристый участок. Все восхищаются мощными машинами: шины огромных колес расплющиваются, выгибаются, как гусеницы, и в конце концов одолевают препятствие. Иногда это удается со второго или третьего раза, но кажется, что для такой сверхмощной техники нет ничего невозможного. Глядя на эти механические чудовища, покачивающиеся из стороны в сторону, забегая мыслью впе-

ред, невольно представляешь себе, как будут выглядеть путешествия по Луне...* И дикая пляска продолжается. Неожиданный толчок, сильнее предыдущих, подбрасывает всех в воздух, раздается скрежет, и звук, напоминающий удар ракетки по мячу, возвещает нам, что рессора лопнула. Если машина тут же не останавливается, летит и баланс, чего больше всего боятся водители вездеходов «шесть-шесть». Не доехав до маленькой гелты Тирор, наш караван останавливается окончательно — снова ломается рессора, что вызывает поток ругани. Запас деталей исчерпан. Это сороковая поломка с начала пути, а без такого рекорда мы бы спокойно обошлись! Молодой офицер, командующий операцией, доведен до крайности; он поливает бранью всю устаревшую технику. Тем не менее это отличная тренировка, а Тассили — прекрасная школа для водителей и механиков; кроме всего прочего, такой рейс — приключение, которому, несмотря на все его трудности, многие позавидуют.

Радист надевает наушники и пытается связаться с Форт-Полиньяком. Однако он ничего не может сделать до часа, назначенного для выхода в эфир. Тогда капитан Годар узнает, что выступивший в поход взвод застрял среди плато. Должно быть, он в эту минуту клянет меня на чем свет стоит. О том, чтобы выслать спасательный отряд с запасными частями, не может быть и речи. Подвергнуть его такому же риску и обездвижить весь наличный состав? Да и в армии не положено. Впрочем, у него и нет достаточного количества запасных частей. Принимается решение поставить в известность Уарглу, на что уходит несколько часов. В конце концов решают, что запасные рессоры будут нам сброшены с «юнкерса» на парашюте. Наше местонахождение указано достаточно точно. Люди собирают куски дерева, чтобы, как только покажется самолет, разжечь большой костер и указать ему место для сброса груза, обозначенное на песчаном грунте как можно отчетливее, что сделать нелегко среди этих обломков скал. Во время этой вынужденной остановки участники экспедиции обследуют близлежащие долины и обнаруживают рисунки, изображающие прекрасные боевые колесницы. К несчастью, снять копии нечем — все упаковано в ящики.

Нам сообщают о вылете самолета; мы устанавливаем с ним радиосвязь. Бросаем на кучи дров пропитанные маслом тряпки, к небу поднимаются столбы черного дыма, по которым нас легко заметить. Самолет проходит над нами на малой высоте; сброшенные рессоры, крутясь, падают, глубоко уходят в грунт, образуя настоящие воронки, и вновь подпрыгивают, поднимая облака пыли.

«Осторожнее, ноги отдавит!» — кричат механики. «Задание выполнено!» — сообщает по радио пилот. «Спасибо!» — отвечает начальник отряда. «Мог бы сбросить кусок льда! Уж лучше, чем сосать булыжники!» — ворчит один из механиков.

Самолет снова делает круг над нашим караваном, набирает высоту и уходит в сторону Форт-Полиньяка. Механики подбирают с земли рессоры. Полдня уходит на ремонт, и мы снова отправляемся в путь. Дорога не стала легче, но, к счастью, вскоре мы видим первые скалы каменного леса Тиссукай, и караван останавливается.

Разнообразные обязанности призывают меня в Европу; в частности, я должен прочесть целый ряд лекций в некоторых французских институтах и университетах Анвера, Копенгагена, Орхуса, Осло, Гамбурга

* Дело происходит в начале мая 1959 г., задолго до того, как по Луне прошел первый луноход.

и Стокгольма. В Стокгольме перед самым началом лекции происходит маленькая заминка: его величество Густав-Адольф VI выразил желание присутствовать и меня просят подождать несколько минут. Самый демократичный из европейских королей страстно увлечен археологией, в основном этрусской и китайской, но он обладает достойной подражания широтой интересов, и после окончания лекции мы запросто беседуем, стоя у доски. Наш посол в восторге, потому что король не принимал участия ни в одном из французских культурных мероприятий со дня вручения Нобелевской премии Альберу Камю, несколько лет тому назад.

После этих блошинных прыжков из одного района в другой, почти полярно противоположный, я вернулся под палящее солнце Ти-н-Абу Тека. Горный массив, возвышающийся над местностью, напоминает средневековую крепость, в которой почти нет удобных укрытий; вдобавок он увенчан маленькой дюнкой, от которой отражается солнце, слепя глаза и еще больше перегревая воздух. Вода — на расстоянии часа ходьбы от нас; Мишель решил эту проблему, купив пару осликов для ее перевозки. Сотрудники экспедиции вынуждены учиться править упрямыми животными и не так уж плохо с этим справляются. С палкой в руках они мечутся от одного осла к другому; пробираясь по тропинкам, наполняют и опорожняют бурдюки, как настоящие туареги.

Теперь они полностью приспособились к жизни в Сахаре; во всех экспедициях подобного рода, где каждый день возникают разные случайности, такая адаптация служит залогом успеха. Некоторые из моих сотрудников к этой суровой жизни приспособиться не смогли, что сказалось и на их работе, и на настроении, одного-единственного испытания им с лихвой хватило.

Ослики стали для членов экспедиции самым любимым развлечением, а покупка их оказалась нашим самым прибыльным делом; вернувшись в Джанет, мы продали не двух животных, а трех, потому что ослица принесла осленка.

В горах массива Ти-н-Абу Тека мы обнаружили несколько прекрасных росписей: великолепных лучников «периода полорогих», многочисленные маленькие фигурки людей того же периода, несколько ансамблей «периода круглоголовых», превосходную боевую колесницу, но все это не могло сравниться с Сефаром или Джаббареном, наиболее замечательными ансамблями Тассилийского нагорья. Тем не менее нам встретились изображения лучников нового типа со щитами формы швейцарских геральдических и рисунок со львом, сопровождаемый надписью, сделанной ливийско-берберскими буквами, — свидетельство того, что лев пустыни, может быть, вовсе не миф, к тому же мне известны еще два подобных рисунка — один в уэде Джерат, другой в кудье Хоггара. Наличие письменных знаков позволяет определить возраст этих рисунков — самое большое тысяча лет, то есть отнести их ко времени, когда состояние пустыни в Сахаре не могло особо отличаться от нынешнего¹³.

Обследовав гелту Тегадем на пути в Гат, мы обнаружили серию росписей, относящихся в большей своей части к «периоду круглоголовых», но весьма посредственного качества. Мы вернемся к ним позже.

Окончив работу в Ти-н-Абу Теке, мы перебазировались в Ти-н-Тефериест на верблюдах отряда мехаристов, стоявших лагерем в нескольких километрах от нас. Перебираемся без энтузиазма, — все устали, и жара изнурительная. По дороге отмечаем рисунки, исследование которых войдет в программу ближайшей экспедиции. У Мишеля очень болят

почки, у меня тоже: я даже не знал в этот момент, что у меня уже много лет в почечной лоханке сидит камень величиной с боб, — его обнаружил и извлек только шесть лет спустя один из моих друзей, весьма знающий молодой хирург. По всей видимости, это результат сильного обезвоживания организма, которое мне пришлось перенести не раз во время переходов через Танезруфт и Тенере.

А теперь пора укладываться. Началась операция, которую военные в Джанете называли «эвакуацией миссии Лота»; нам удалось ее осуществить в тесном сотрудничестве с нашим другом Росси, получившим к этому времени очередное звание. Как и было условлено, караван грузовиков «шесть-шесть», посланный за нами и материалами экспедиции, порожняком поднимается на высоты Тассили перевалом Ти-н-Алькум, что облегчит их подъем, а спускаться мы будем перевалом Ассакао, по крутым склонам, усеянным обломками скал.

Говорить об этом просто, но в действительности в операции принимает участие множество людей. Для начала отряду мехаристов, состоящему главным образом из туарегов Тассили, поручается проложить маршрут; одновременно взвод саперов посылается на перевал Ассакао, чтобы расчистить дорогу от завалов и особенно обломков скал, которые могут преградить путь вездеходам «шесть-шесть». Им в помощь выделен отряд моторизованной пехоты — тридцать человек с заступами, кирками и саперными лопатками. И наконец, команда радистов, расположившаяся лагерем недалеко от нас, будет обеспечивать связь между всеми подразделениями и держать нас в курсе их продвижения.

В назначенный день первый караван, состоящий из четырех вездеходов «шесть-шесть», без особых затруднений достигает нашего лагеря через перевал Ти-н-Алькум, и спустя сутки мы быстро грузим и тщательно распределяем багаж. Перекусив наскоро, двигаемся к Ассакао. Начинается гигантский слалом среди фантастических утесов. Повторяется наш рейс Полиньяк — Тиссукаи, только ландшафт еще величественнее. Машины взбираются на скалы, спускаются в расселины, снова поднимаются по каменистым склонам, встают на одно колесо, скользят на другом. Хотя это зрелище мне и привычно, я с восторгом люблю, как огромные шины скрежещут по камням, расплющиваются на них, растягиваются до того, что, кажется, сейчас лопнут, вцепляются в препятствие и снова легко катятся, и ничто не может их сдержать.

Мы оставляем позади тесный уэд И-н-Итинен, давя с шумом камни, взбираемся на высокие краевые скалы, проезжаем незабываемые каменные леса и достигаем засыпанного песком Эдейен-н-Элиаса. Из Ти-Беджеджа выбираемся по насыпи, сделанной отрядом мехаристов. Наконец делаем привал на ровной площадке.

Дневные труды еще не кончены. Нужно поставить радиоантенну, заправить баки бензином, наполнить радиаторы и поесть.

Работы в акба Ассакао идут полным ходом, но для того чтобы спуститься через него, нужно сделать еще очень много. Мы снова отправляемся в путь на рассвете и, поскольку местность более удобна для проезда, к завтраку достигаем высшей точки перевала Ассакао. Ко мне подходит капитан Пюимуайен, которого я не знаю, потому что он принял командование отрядом всего несколько недель назад. Капитан сообщает, что проезд еще не готов и спуститься в этот вечер не удастся. С гребня, господствующего над котловиной, мы видим, как взрываются мины и огромные скалы взлетают на воздух и падают, рассыпаясь на куски. В другом месте саперы раскачивают каменные глыбы,

бурят шурфы для зарядов. С того места, где мы находимся, наблюдаем кишение этого человеческого муравейника. Взрывы гремят до самого вечера, наполняя ущелье раскатами грома и эхом отражаясь от мощных стен, которые здесь достигают почти двухсот метров высоты.

С раннего утра взрывы снова гремят, чаще, чем вчера; вокруг все дрожит; со всех сторон долбят и копают. Мы стоим около песчаникового монолита такой высоты, что он не вошел бы в собор Парижской богородицы; капитан Пюимуайен боится, что монолит рухнет нам на головы. При каждом взрыве, за десять секунд до которого раздается предупреждающий свисток, мы прижимаемся к этой скале, чтобы спрятаться от камней, разлетающихся во все стороны и падающих совсем рядом. Люди оттаскивают расколотые минами обломки, расчищают от дымящихся осколков грунт, пытаюсь проложить дорогу сквозь это неопишуемое хаотическое нагромождение, где раньше едва могли пройти верблюды.

Сто двадцать мин сделали свое дело. Ответственный за работу — унтер-офицер инженерных войск — удостоверяет, что скальных обломков, загромождающих проезд, больше нет. Это вовсе не значит, что нам остается только съехать, как по эскалатору, но основное сделано. Неподолимых препятствий для машин больше нет; им придется продвигаться по осыпающемуся щебню под уклон иногда почти в 30 градусов и с такими поворотами, которые требуют совершенно уже акробатических маневров.

Накануне командир первого взвода заставил экипажи машин тренироваться в торможении. Таким образом, все меры предосторожности приняты и дело налажено весьма основательно. Водители, молодые люди, впервые попавшие в Сахару, получили великолепную профессиональную подготовку и отлично тренированы.

В 7 часов начинается спуск первая машина. Перед ней идет унтер-офицер и дирижирует опасным маневром. Мы все взбираемся на гребень и с некоторым беспокойством следим за этой операцией. Машина тормозит, шины скрежещут на осыпающихся камнях; водитель, по-видимому, надел на шины цепи; пот течет с него ручьями. Он прекрасно владеет машиной, автомобиль спускается сантиметр за сантиметром, делает первый поворот, причем одно колесо повисает в воздухе; дает задний ход, чтобы развернуться и проехать особенно узкое место. Мы восхищены работой этого совсем молодого шофера; попав в Джанет для прохождения военной службы, он даже не подозревал, что будет иметь столь замечательный «дебют» и что ему придется пойти на такой риск, на какой не пошел бы и очень опытный водитель. Стоит только колесам соскользнуть с этой непрочной каменной насыпи — и тяжелую машину ничто не удержит от падения в ущелье глубиной более ста метров. Наконец шофер добирается до той части перевала, где склон менее крут и дорога прямее; не теряя осторожности, он достигает последнего откоса, где расположился лагерь отряд саперов. Все горячо аплодируют, со всех сторон кричат «ура». Унтер-офицер, внимательно следивший за спуском машины, заставляет нескольких человек отряда передвинуть еще кое-какие скальные обломки, затрудняющие передвижение, и расширить слишком узкую каменную насыпь крутого поворота. Когда все сделано, вторая машина получает приказ начать спуск. На этот раз он проходит лучше и быстрее, тем более что водитель, видя успех своего товарища, чувствует себя за рулем увереннее.

В полдень все четыре машины уже внизу, где капитан, наскоро построив отряд, поздравляет подразделения, которые так или иначе

способствовали успеху предприятия. Он особенно отмечает тот факт, что армия поставила себя на службу научным интересам и что французы самых разных профессий сотрудничали в этом деле, имеющем общенациональное, если не международное значение.

Узнав о нашем успехе, министр Жак Сустель прислал поздравление Аджерскому гарнизону, который, таким образом, оказался единственным войсковым подразделением, удостоенным когда-либо подобной чести. Впрочем, Андре Мальро также считал нужным максимально использовать людские резервы армии для блага страны: как только он стал министром культуры, он обратился к командованию с просьбой произвести раскопки старинных рвов Лувра и фундаментов домов старого Марселя.

Нужно также добавить, что этот рейс по сложности препятствий, которые пришлось преодолеть, оказался самым трудным и самым впечатляющим из всех рейсов, когда-нибудь проделанных в Сахаре военными автомашинами. От этого спуска до Джанета попадает еще несколько тяжелых отрезков пути. В Джанет мы приезжаем на следующее утро, как раз 14 июля¹⁴.

Выполнив свою задачу, мы вернулись в Париж со своей драгоценной добычей, горя желанием сразу начать подготовку новой экспедиции. Мы провели на Тассили несколько месяцев, наполненных интересными приключениями и сложной работой, испытав трудности и здешнего быта, и поездок по пустыне. Эти трудности требовали от всех нас спортивной формы, умения приспособиться к работе в местных условиях, бесконечного самоотречения и заставляли делать все, что в наших силах, и больше, но именно поэтому мы чувствовали себя счастливыми.

Несколько месяцев спустя генерал де Голль оказал нам честь, пригласив на прием в Елисейский дворец, где вручил членам экспедиции Лиотаровскую премию за исследования, за неустанные усилия и высокое сознание профессионального долга. Генерал сумел так просто сказать это, что слова его запечатлелись в сердцах всех присутствующих.

Весной 1960 года мы снова оказываемся в *дар диафе*, доме для гостей, в Джанете. Несколько часов тому назад мы сошли с борта самолета Норд-2501, любезно предоставленного в наше распоряжение генералом де Голлем. Когда вечером мы отправляемся обедать в столовую, на улице довольно свежо. Наша экспедиция никогда еще не была столь многочисленна: в ней десять человек. Среди сохранивших верность ветеранов — Жан Лесаж, Жак Виоле и недавно женившийся Андре Вила со своей женой Элизабет. Среди новичков — Жан-Клод Балэйе, преподаватель рисования и дзюдо в колледже в Сорезе, Клод Рагю, окончивший высшую художественную школу в Руане, Жан-Пьер Куро, приехавший в качестве помощника фотографа (на самом деле ему придется принимать участие во всех тяжелых работах), и в прошлом военный летчик, а ныне художник Жорж Картерон, крепкие мускулы которого не раз выручат нас. И наконец, нас сопровождает Ирэн. Мы узнаем, что дорога в Ассакао благоустраивается саперным подразделением, которое работает там не покладая рук. Мы пополняем наши запасы продовольствия, и однажды вечером вездеходы «шесть-шесть» довозят нас до половины подъема на перевал Ассакао, крайней точки, до которой могут пройти машины. Вторая часть дороги в настоящий момент представляет собой непроходимый каменный хаос. Необходимо проложить новый путь, который позволит вездеходам проехать оставшуюся часть перевала. Каждый из нас старается отыскать какой-нибудь защищенный уголок, чтобы провести ночь хоть с минимальным удобством, потому что свежий ветер свободно гуляет между чудовищными нагромождениями скал. И вдруг начинается дождь. Военные зовут нас переночевать в просторном бараке, построенном саперами ниже перевала, где по доброй сахарской традиции нам оказывают сердечный прием.

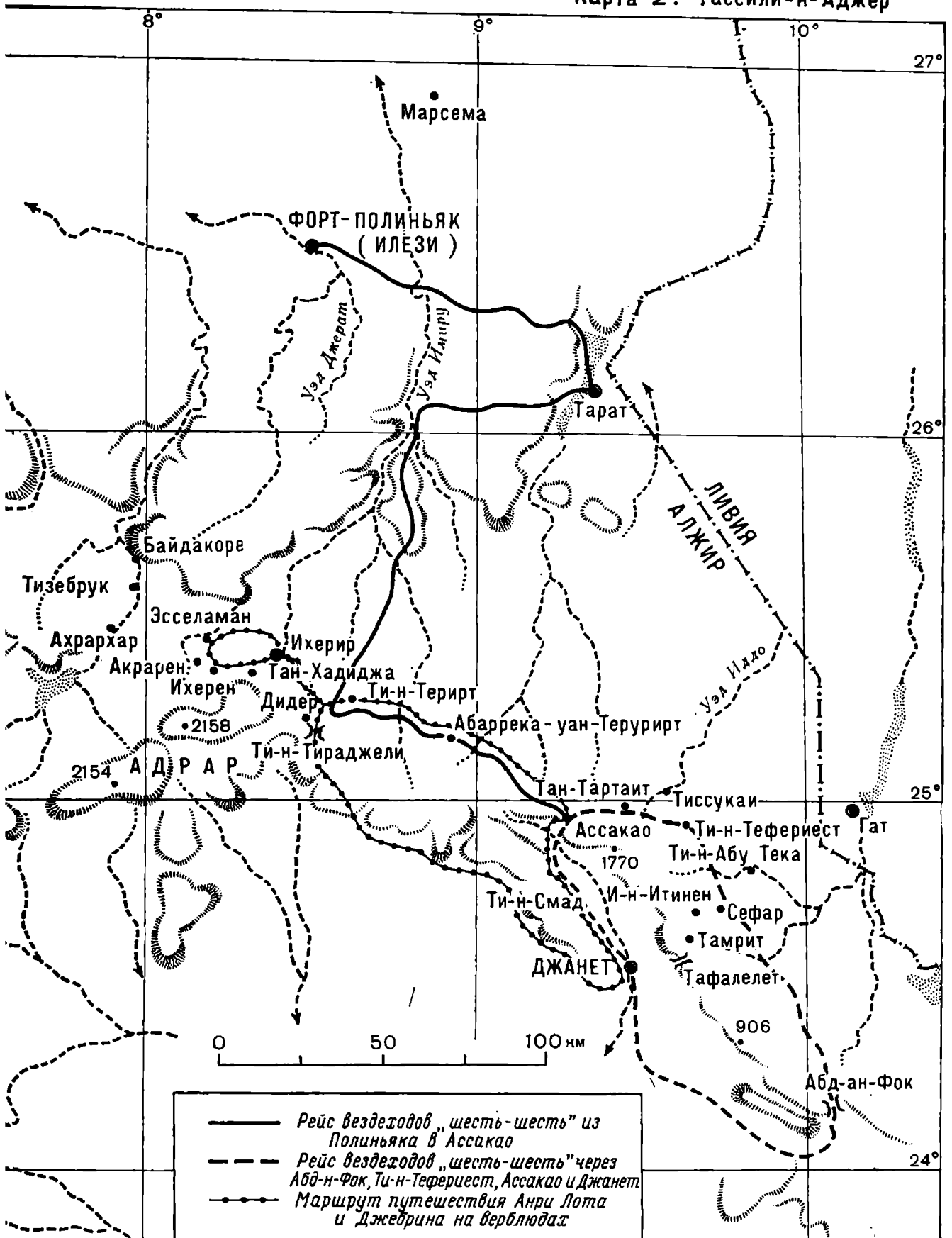
«Это все твоя *барака!*» — восклицает назавтра мой старый проводник Джебрин, которого я вызвал в Джанет. Он прибыл с караваном верблюдов, чтобы переправить наше оборудование в Тиссукай, где Бренан когда-то обнаружил несколько росписей. Место это окажется столь

богато находками, что наша база расположится там почти на шесть месяцев.

На следующий день на рассвете мы увидели, какая большая работа по прокладке дороги уже сделана; мы с восхищением следим за действиями маленького бульдозера, которым управляет молодой марселец из местного гарнизона: машина с невероятной ловкостью лавирует между камнями, отталкивает их, выравнивает грунт, чтобы уменьшить крутизну склона, снимая порою целые пласты. Место, на котором мы уже бывали во время нашей первой экспедиции в 1956 году, трудно узнать. Я пытаюсь разыскать глазами огромную скалу, торчавшую на седловине перевала, но ее нет,— вероятно, бульдозер ее уже снес. На эту скалу каждый оказавшийся на перевале туарег обязательно клал камень в качестве приношения обитавшему здесь злему духу, чтобы задобрить его и упросить дать верблюдам пройти, не сломав им ног. Один аллах знает, сколько их погибло в этом каменном хаосе. Лично мне еще не случалось пройти здесь ни разу, чтоб не увидеть павшего несколько дней назад верблюда или осла, чей разлагающийся труп распространял вокруг страшное зловоние. В стране туарегов существует некоторое количество таких скал-фетишей, расположенных всегда в труднопроходимых местах и населенных, по словам здешних жителей, зловредными духами. Например, если ехать на верблюде по тропе из Амгуида в оазис Джанет, то одна такая скала встретится на террасе уэда. Когда я в первый раз приехал в Тассили-н-Аджер в 1934 году, меня провезли мимо нее, и каждый из трех сопровождавших меня туарегов положил по камню на довольно большую горку; они объяснили, что здесь обитает *дженун* (джинн). Когда несколько недель спустя я обследовал это место в поисках наскальных рисунков, довольно многочисленных в данном секторе, на одной из скал, как раз напротив кучи камней, я обнаружил весьма любопытное изображение некоего сидящего на корточках существа; оно имело впечатляющих размеров половой член, лисий хвост, большие острые уши, огромные круглые глаза, нос крючком, как совиный клюв,— в стиле фаллических фигур уэда Джерат. Доисторический рисунок, связанный с ныне бытующим обрядом,— явление довольно редкое, но не исключительное. Полковник Лоуренс в своих археологических работах отмечает существование подобных каменных нагромождений в пустыне Син, около Синая. По его мнению, обычай класть туда камни есть машинальное действие, которое путешественники совершают, не зная его глубокого смысла. Приходится допустить, что обычай этот очень древний и ареал его распространения достаточно обширен.

Джебрин и сопровождающие его погонщики верблюдов устроились ниже перевала в домишке, сложенном из плоских камней и прилепившемся к скале, который строители соорудили для укрытия от непогоды. Я смотрю на эту примитивную, но не лишенную изящества лачугу и думаю, что через несколько десятков лет придут сюда археологи и будут строить догадки о ее происхождении, и может быть, даже предположат, что это кордегардия какого-то маленького римского гарнизона, охранявшего подступы к перевалу. Ведь в пустыне все сохраняется навечно, и достаточно путешественнику развлечения ради на обочине тропы поставить друг на друга четыре камня, как готов ему памятник, который переживет века! Более того, этим будущим исследователям достаточно походить по площадке, чтобы, наклонившись, подобрать осколки обработанных камней, которые по форме очень напоминают орудия мустьерской эпохи.

Карта 2. Тассили-н-Аджер

Навьючить верблюдов среди такой свалки камней непросто, но рук у нас много, и наконец караван выступает, медленно поднимается по склонам и без всяких инцидентов достигает вершины. Ирэн и Жак со смехом вспоминают невероятные приключения нашего первого каравана: в нем было более тридцати верблюдов, несколько из них свалилось с ног и их пришлось развьючивать; все это происходило в страшном шуме, среди криков людей и рева верблюдов; в конце концов груз пришлось навьючить на людей. С тех пор прошло уже четыре года!

Мы держим путь прямо на север, в направлении массива Тиссукай (а не Тиссукаль, как значится на некоторых картах), который находится в восемнадцати километрах от перевала Ассакао. Двигаемся мы очень медленно, целых четыре часа, но без происшествий, по почти ровной местности. Ландшафт великолепен, высокие колонны песчаника окружают большие открытые пространства, а множество проходов образует настоящий лабиринт, где каждый участник нашей экспедиции находит живописный, укромный и защищенный от ветра уголок, в котором можно поставить палатку.

В действительности этот массив состоит из двух совершенно различных частей: Тиссукай-н-Афелла, что значит Верхнее Тиссукай, где мы и расположились лагерем, — оно образовано песчаниковыми грядами, разделенными довольно узкими проходами, — и Тиссукай-н-Ата-рам — Нижнее Тиссукай, в которое входит весьма внушительный каньон уэда Тиссукай; он прямо у наших ног уходит круто вниз, и прибрежные скалы его столь высоки, что невозможно разглядеть их подножие, — он образует верхнюю часть уэда Иддо.

В глубине уэда находится выдолбленный в скале и наполненный водоем, но добраться до него и подняться оттуда с полным бурдюком на плечах — занятие опасное и утомительное, требующее качеств незаурядного альпиниста. К счастью, в двухстах метрах от нашего лагеря есть другой резервуар — яма во впадине уэда, — но настолько грязный, что я прошу туарегов очистить его. Верблюжий и козий помет дал здесь питательную среду зеленым водорослям и многочисленной фауне в виде жука-плавунца, жука-вертячки и различных червей. После очистки вода стала сравнительно прозрачной и пригодной для питья.

Почти все проходы имеют подскальные ниши, украшенные большим количеством росписей, что, учитывая величину массива, обещает богатый находками полевой сезон. Организуем команды так, чтобы каждый ветеран взял на себя обучение новичка технике копирования. Наш метод копирования росписей требует особого внимания к воспроизведению фона, то есть цвета поверхностей, на которые нанесен рисунок. Эти поверхности могут быть светлыми или темными, более или менее попорченными водой, покрытыми или не покрытыми глинистым слоем, отложившимся за века. Речь идет не о том, чтобы копировщик полностью воспроизводил поверхность с ее сколами и грязными пятнами. Нужно восстановить тот цвет фона, на котором художник неолита замыслил и реализовал свое творение, ибо для нас несомненно то, что он выбирал палитру цветов в зависимости от породы, на которой рисовал. Воспроизвести фрески Тассили без учета цвета фона значило бы придать им резкую контрастность и лишить всю композицию нюансов и художественной тонкости. Непосредственная фотография, когда она возможна, считается особенно ценной, потому что воспроизводит рисунок, не отделяя его от материала фона. Те, кому посчастливилось видеть роспись потолка Альтамыры, восхищаются тем, как искусно мадленские художники разместили изображения бизонов, приспособив позу

каждого животного к рельефу скалы. Тот, кто внимательно осматривал пещеру Ласко, невольно удивлялся удачному размещению фигур; например, падающая лошадь в глубине большого разлома помещена так, чтобы она была видна от самого входа и игрой цветов и тени создавала атмосферу напряженного драматизма. Можно привести массу других примеров, в палеолитическом искусстве франко-кантабрийского района их необычайно много; фон для художников палеолита был, несомненно, столь же важен, сколь важен он для современного окантовщика со вкусом и талантом, которому поручают так обрамить картину, чтобы она от этого выиграла. Воспроизведение фона доставило нам множество хлопот, но мы понимали, что благодаря этой работе доносим до зрителя художественное чутье и тонкость тассилийских художников.

Парные команды Виоле — Рагю, Вила — Балэйе и Лесаж — Картерон обрабатывают каждая свой сектор. Элизабет Вила, в помощь которой чаще всего выделяется Жан-Пьер Куро, занимается кухней, а Джебрин вместе с еще одним туарегом обеспечивают нас водой и сухостоем на дрова.

Снабжение продовольствием облегчается близостью отряда саперов; у них есть почти ежедневное автосообщение с Джанетом, благодаря чему нам регулярно доставляют свежий хлеб, мясо, вино, а иногда салат и овощи. Никогда еще наше пребывание в Сахаре не было столь приятным; совершенно очевидно, что сбалансированное питание улучшает настроение и работоспособность членов экспедиции.

Да, когда снабжение на высоте, то и дело спорится! Во всяком случае, со времени первой экспедиции я всегда стремился улучшить материальные условия нашей жизни. Теперь у каждого есть своя палатка, надувной матрац и комплект одежды, приспособленный к климатическим условиям Тассили; едим сидя на складных стульях за складными же столами, что гораздо удобнее, нежели сидеть на земле, тем более что наши мышцы не натренированы для этого с детства, как у туарегов.

Живем мы в окружении многочисленных изображений быков. На скале, под которой устроена столовая, попадаются весьма красивые росписи — быки на них небольшого размера, пятнистые, краски хорошо сохранились. На некоторых панно изображены быки полосатые, как зебры, на других — в крапинку или пятнистые; у некоторых животных между рогами видны некие сооружения в виде палочек, соединяющих их острия.

Жак Виоле и Клод Рагю занимаются копированием прекрасного ансамбля: великолепные быки, жирафы, слоны и страусы и с ними носорог, бараны, козы, собаки и человеческие фигуры. Многие из них изображены на трехметровой высоте, что отнюдь не облегчает ни их «прочтения», ни калькирования. Но мы привезли с собой целый набор дюралюминиевых труб, из которых строим большую лестницу, как в Джерате, и настоящие леса; работать на них удобно и совершенно безопасно. Каждый еще постарался внести в эту конструкцию свои личные усовершенствования: один соорудил ступеньки сбоку, чтобы можно было взбираться на верхнюю площадку без сложных акробатических трюков, другой — перила или держатель для бурдюка с водой. Счастливая была мысль — привезти с собой это оборудование, и мы не устаем ей радоваться ежедневно. Среди всех прочих рисунков мы даже не заметили бы замечательного изображения быка на высоте четырех метров от земли, если бы не оказались с ним нос к носу. Стена буквально испещрена рисунками: небольшие быки, антилопы, ма-

ленькие человеческие фигурки. В двадцати метрах от этого места в центре огромной фрески изображено жертвоприношение быка, с которого тут же, перед стадом, сдирают шкуру; это довольно распространенный для живописи «периода полорогих» сюжет, а обычай существует и поныне у суданских пастухов-фульбе. Бык на рисунке так хорош, что мне вспоминается текст Плиния, в котором автор объясняет: боги отказываются от хромых быков и принимают в жертву только совершенных животных.

Может показаться странным, что рисунки были выполнены на такой высоте, — это заставляет предположить изменение уровня почвы. Но нет, уровень остался прежним. У основания скалы, на которой изображен большой бык, виден черноватый слой, образованный смесью разложившегося помета животных, которых когда-то загоняли на ночь в этот проход, и пищевых остатков, а также наконечники стрел, забытые здесь тысячи лет назад. Эти наблюдения, равно как и наблюдения в Тиссукаи и разных других городищах, свидетельствуют о том, что древние художники Тассили тоже использовали леса; простая лестница, приставленная к стене, не позволила бы сделать такие совершенные рисунки, как фигура быка в четыре метра длиной.

Вместо расположенных очень высоко росписей — причем надо уточнить, что поверхности под ними, весьма удобные для нанесения рисунка, использованы не были, — несколько дней спустя мы уже имеем дело с маленькими композициями, изображающими коз, на стенах столь низких ниш, что приходится лечь навзничь на землю, чтобы лучше рассмотреть их.

Такое разнообразие в расположении рисунков по отношению друг к другу и к земле не позволяет извлечь хоть какой-либо вывод. Принять тот или иной скальный навес за святилище трудно, но и предположить, что художник просто подчинился желанию украсить стены своего жилища, тоже рискованно. Сказанное справедливо по отношению к рисункам «периода полорогих», потому что расположение фресок периода «круглоголовых» кажется не всегда случайным: так обстоит дело, например, с «великим богом» Сефара, изображение которого занимает центральную часть стены, а вокруг него воспроизведены различные человеческие фигуры.

Что же касается ориентации скал по странам света, то она, кажется, никогда не служила критерием выбора — здесь царит полная анархия; художники, очевидно, использовали их вне зависимости от того, выходят ли они на север или юг, на восток или запад. Правил здесь не было. Людей «периода полорогих» особенно привлекал массив Тиссукаи, — там просто нет прохода, в котором бы не имелось расписанного грота. Район был богат водой и пастбищами, на соседних высотах росли кипарисы. На стенах чрезвычайно наглядно отражены все виды деятельности пастухов. Например, вооруженные луками люди охотятся на стадо диких ослов, по всем признакам схожих с тем домашним видом, который ныне можно встретить во всех кочевьях Сахары, будь то у туарегов, мавров или тубу (теда). Эти славные животные, очень нетребовательные в пище, служат для самых необходимых перевозок воды, дров, а женщины во время кочевых переходов часто едут на них верхом. Ослы изображены очень точно, с длинными ушами и белой полосой на боках и на груди; один убит, и с него снимают шкуру, предварительно отделив оба бедра.

Когда Теодор Моно, бывший директор французского Института Черной Африки в Дакаре, проходил военную службу в Ахнете, он од-

нажды произвел раскопки под скальным навесом, где им были обнаружены кости осла. В то время его открытие прошло практически незамеченным; однако оно подтверждает наблюдения, которые мы сделали на росписях Тассили, а именно: мясо ослов употребляли в пищу, тогда как теперь им пренебрегают все без исключения народности Сахары, ошибочно полагая, что оно запрещено Кораном. Во время жестокого голода люди все же забывают этих бедных животных, но в хрониках это отмечается как тягостная необходимость.

В одном из скальных убежищ изображена построенная в виде полусферы хижина, а в ней котлы с круглым дном, похожие на более или менее сохранившиеся образцы керамики, найденные рядом с росписями. Итак, жилищем этим кочевникам служила сделанная из ветвей и стеблей злаков хижина; дверь, также сплетенная из стеблей, была снабжена шарнирными петлями из кожаных ремней.

В другом месте мы находим изображение лагеря: перед хижинами, расположенными друг под другом по вертикали, занимаются своей обычной работой мужчины и женщины, а рядом с женщинами играют дети. Мужчины что-то делают около согнанного в одно место стада, причем телята лежат, привязанные за ошейники к большой веревке, натянутой между двумя кольями. В наши дни пастухи-фульбе поступают точно так же: хижины выстраиваются в ряд перед загоном для скота, причем хижин столько, сколько жен у владельца стада; обычно их четыре — древние африканские народы и до Корана были полигамны. Каждая жена живет в своей собственной хижине со своими маленькими детьми; первая хижина принадлежит хозяину; жены поочередно приходят к нему на ночь, и с этой прерогативой связана обязанность приготовить ему на день еду. Уклад жизни современных фульбе настолько напоминает обычаи неолитических народов «периода полорогих», что даже рисунок ребенка из племени бороро, который привезла из республики Нигер Маргарита Дюпир, специалист по фульбе, изображает становище, в точности схожее со стойбищами «периода полорогих».

Разумеется, я пытался разыскать местонахождение древних хижин; возможно, оно должно было выглядеть как круг из камней, но, кроме одного случая, в Сефаре (впрочем, сомнительного), мои поиски остались безрезультатными. Хижины африканцев не всегда окружены камнями по основанию. В Судане я видел сооружения с колышками, вбитыми прямо в землю, которой непосредственно касались полотнища покрытия; когда эти жилища разбирали, то от них не оставалось никакого следа, кроме утоптанной площадки с остатками очага — того, что в Европе археологи называют «дно хижины».

Здесь же, в Тиссукаи, я обнаружил несколько маленьких коробочек из плоских камней, длиной от 30 до 35 сантиметров и шириной от 20 до 22 сантиметров, обычно поблизости от подскальных ниш. Может быть, они были местом хранения огня? Я раскопал штук двадцать подобных коробок, но только в одной нашел несколько кусков древесного угля. Пожалуй, неубедительно. С другой стороны, если хижины возводились поблизости от скальных навесов и внутри загонов для скота, как видно на рисунках, коробки должны были быть в каждом гроте, а это не так. Джебрин говорил мне, что это домики, построенные детьми для забавы. Плитки уходят своим основанием в голубоватую, очень древнюю глину, что позволяет отнести эти строения к очень давнему времени. Назначение коробочек осталось совершенно загадочным, но они всегда попадаются рядом с гротами «периода полорогих», на осно-

вании чего я сделал предположение, что они имеют какое-то отношение к людям той эпохи. Вместе с загонами для скота это единственные «архитектурные» остатки в Тассили, кроме нескольких значительно более новых строений в деревнях Ихерир и Джанет, принадлежащих исторической эпохе и не имеющих никакого отношения к неолитическим народностям, оставившим нам фрески.

Остаются еще всякого рода курганы, встречающиеся в разных местах и представляющие собой надгробные памятники. Еще во время нашей первой экспедиции я подчеркивал, что эти сооружения, иногда очень многочисленные и порой весьма внушительные, могут принадлежать только более поздним народам; утверждение мое основывалось на том, что при раскопках многих курганов была обнаружена бронзовая и железная утварь; котлы и черепки, найденные в курганах или в непосредственной близости к ним, имеют элементы более позднего декора. В Джаббарене обнаружено два кургана, в Сефаре — три, что никак не соответствует по количеству сотням расписанных скал в этих массивах. То же самое и в Тиссукаи, где на обширном плато, господствующем с северо-востока над каньоном уэда Иддо, есть три или четыре кургана, — диспропорция с числом расписанных скал, которых здесь более сотни, слишком очевидна. Следовательно, подтверждается то, что рисунки и курганы никак не связаны между собой, и по-прежнему остается совершенной тайной, каким образом люди «периода полорогих» и «периода круглоголовых» хоронили своих мертвецов.

Итальянский археолог Ф. Мори, производивший раскопки в большом гроте на Акакусе — массиве, геологически служащем продолжением Тассили-н-Аджера за ливийской границей и оазисом Гат, — нашел мумию ребенка, завернутую в кожаный мешок. Эти и другие найденные им человеческие останки заставили Мори предположить, что это был обычный способ захоронения у пастушьих племен. Но, несмотря на тщательные поиски, на Тассили я ничего подобного не обнаружил.

По поводу керамики, которую в Сахаре очень часто находят рядом с курганом или на нем, было выдвинуто предположение, что здесь мы имеем дело с приношениями пищи, которая должна помочь умершему в его загробном путешествии. Согласно легенде, услышанной Лоуренсом в Аравии, умершему приносили еще и воду, чтобы он мог утолить жажду в то время, когда два сменяющих друг друга ангела задают ему вопросы обо всем, совершенном им в жизни.

В 1934 году, в период моего первого пребывания в Джанете, один легионер, работавший на дорожке, ведущей к посадочной площадке, подошел ко мне показать керамический горшок, от которого сохранилась только нижняя часть. Он извлек этот обломок из преграждавшего дорожку могильника. Тогда я не отреагировал на находку и ограничился тем, что сделал короткую описательную заметку. А ведь это на самом деле была римская керамика, идентичная той, которую итальянская экспедиция в Феззани извлекла при раскопках доисламских курганов уэда Аджаль и которая восходит к III веку! Таким образом, в первый раз в Джанете были засвидетельствованы следы римского влияния, и появилась отсутствовавшая дотоле уверенность, что этот маленький оазис существует с очень давних пор. В латинских текстах его название не встречается, но соседний с ним Гат, находящийся на расстоянии восьмидесяти километров по прямой к северо-востоку, по всей видимости, и есть римская Рапса.

Особенно поражают в Тиссукаи извивающиеся между скалами проходы, перегороженные большими, выложенными в ряд камнями, обра-

зующими низкие стенки. Такие сооружения характерны для довольно развитой общественной организации — они представляют собой место, куда вечером, по возвращении с пастбища, загоняли скот. Поскольку ни один проход не остался неиспользованным и все гроты усеяны керамическими черепками, можно сделать вывод, что население в этих местах было довольно плотным и стада многочисленными. Действительно, здесь повсюду во множестве попадаются жернова, зернотерки и наконецники стрел. Андре Вила однажды нашел красивый горшок, совершенно целый; Жак — целое яйцо страуса, а Жорж Картерон — прекрасную миску, выдолбленную из цельного куска песчаника и превосходно отполированную.

Мои сотрудники занимаются копированием, а все обследования лежат на мне; каждый день приносит новый урожай неизвестных еще росписей, по большей части, разумеется, «периода полорогих», но также «периода круглоголовых», а на восточном склоне массива — и «периода лошади»; последние совершенно замечательны. Одна из них представляет сцену псовой охоты на муфлона; я узнал ее, потому что видел ее воспроизведение в работе немецкого археолога Лео Фробениуса. Сам он здесь не был, но посылал сюда своих сотрудников, которые действительно побывали на Тиссукаи; они называли его Иддо — по названию уэда, а не горного массива. Самое удивительное, что других росписей они не заметили! То ли грандиозная декорация тассилийских песчаниковых колоннад настроила их на романтический лад, то ли они уж очень устали к концу экспедиции. Среди них были молодые археолог и женщина-художник. Позже они поженились и продолжали уже заочно интересоваться Тассили. Естественно, супруги пришли на выставку в павильоне Марсан. Каково же было их изумление и сожаление, когда они увидели, что прошли мимо самого большого музея доисторического искусства Сахары под открытым небом!

В лагере жизнь идет своим чередом. Чтобы помочь тем, кто занимается и в самом деле изнурительной доставкой воды и дров, мы наняли Мохаммеда, одного из племянников Джебрина, которого знаем еще по первой экспедиции; это славный парень, храбрый и честный. Он сильно влюблен и хотел бы вскоре жениться, но ему нужны деньги, чтобы сделать традиционные подарки невесте, ее родителям, приобрести новую одежду, купить сахар и чай, в изобилии подающийся гостям все семь дней, пока длится праздник, во время которого он будет сидеть безвыходно в своем шатре в окружении родственников и друзей.

По этой причине Мохаммед нанялся было в саперный отряд, который пролагает тропу на перевале Ассакао. Для туарегов взяться за кирку и лопату — поступок, требующий великого самоотречения, потому что по традиции они презирают любой физический труд; но работать этими орудиями восемь часов в день, долбя твердый камень, — на такое его мужества не хватило. Через три недели руки его покрылись мозолями и ссадинами, мышцы ног болели. Мохаммед не вынес этого; в отчаянии, испытывая муки ущемленного самолюбия, он попросил расчет у начальника работ. Тогда он вспомнил, как хорошо ему было у нас в экспедиции, и пришел к нам рассказать, какие несчастья постигли его на поприще землекопа. С согласия Джебрина мы, совершенно счастливые тем, что явилась неожиданная помощь в доставке бурдюков с водой, взяли его на работу. Каждый вечер Мохаммед в величайшей тайне уходит из нашего лагеря, и если я осведомлен об этих отлучках, то его дядя, по-видимому, нет. У туарегов считается неприличным говорить о всех делах, связанных с женщинами и же-

нитьбой, с родственником, который старше тебя и которого ты обязан почитать. Я же пользуюсь правом на некоторую откровенность со стороны влюбленного только потому, что его Айша обожает варенье и Мохаммед несколько раз приходил ко мне его просить, а я безотказно давал юноше это варенье, сообщнически подмигивая.

Развлекаемся мы кто как может. Картерон выращивает добов — больших ящериц с шипастым хвостом, обитающих в камнях и по преимуществу травоядных. Чтобы они могли пастись на природе, он привязал их рядом с кустиком густой травы. Однажды во время завтрака в том месте, где помещались его питомцы, началось необычное смятение. Картерон бросился туда и прибежал как раз вовремя: одну ящерицу схватил длинный уж и собирался уже ее проглотить. Жан Лесаж, более практичный и к тому же гурман, тщательно расчистил клочок земли, удобрил верблюжьим пометом, засеял и ежедневно поливает. Он, ни много ни мало, вбил себе в голову вырастить редис. Мы с восторгом наблюдаем, как распускаются первые листочки, крошечные и нежные. К несчастью, он забыл о *ханфусе*, мерзком черном чешуйчатокрылом, которое на своих длинных ножках легко передвигается по пескам и которого мы, к нашей досаде, обнаруживаем в наших спальных мешках. Эти негодные твари считают молодые побеги редиса лакомством. Пытаемся их уничтожить ночью с помощью ацетиленовой лампы, но, несмотря на все наши старания, их становится все больше; такое впечатление, что они избрали грядку редиски Жана Лесажа местом свиданий! После многих трудов, забот и борьбы первый редис преподнесли мне на огромном блюде в день моего рождения. Кажется, всего их было четыре... Этот не слишком удачный опыт огородничества послужил нам неплохим развлечением и дал пищу нескончаемым разговорам.

Из всех нас самый активный — Джебрин. Он вместе с Мохаммедом поселился в проходе рядом со столовой, построив там маленькую каменную стенку; к нему постоянно приезжают туареги со всей окрестности — они без колебаний готовы проехать километров двадцать, чтобы подкормиться за счет Джебрина, а в конечном итоге — за счет экспедиции. Время от времени Джебрин приходит к Ирэн за добавкой галет и особенно чая и сахара, потому что выданное ему в начале месяца кончается гораздо раньше следующего распределения. Это неизбежно... Он развлекается тем, что ловит разную мелкую дичь капканом, который маскирует раскрошенным ослиным навозом. Однажды он принес мне куропатку Дюпре; это настолько редкий вид, что даже в Национальном музее естественной истории нет ни одного экземпляра; встречается он, главным образом, только в районе Ихерира, на центральном Тассили, где много водоемов. Я препарирую куропатку по всем правилам искусства таксидермии и кладу сушиться на ящик. По случайному совпадению на следующий день к нам приехал лейтенант Савиньяк с отрядом мехаристов, а с ним его туарегская собака. Когда я пришел в лагерь, чтобы принять гостей, то увидел собаку, которая что-то вынюхивала в рассыпанных по земле перьях. Это отвратительное существо унюхало мою куропатку и разорвало ее в клочки, лишив меня удовольствия привезти в лабораторию орнитологии уникальный экспонат. Я огорчен и рассержен. Поймать еще один экземпляр Джебрину не удастся. Чтобы поднять мне настроение, Савиньяк сообщает, что, проезжая по маленькому плато Такедедуматин, он видел фрески, в частности изображения боевых колесниц. На основании этих сведений мы в дальнейшем произведем разведку.

В другой раз Джебрин демонстрирует нам свои таланты, разводя огонь с помощью двух кусков древесины. По дощечке из мягкого дерева, которое туареги называют *торха*, он быстро трет заостренной палочкой из очень твердого корня акации; таким образом он получает уголек, кладет его на трут, сделанный из старой тряпки, и, дуя, разжигает огонь; вся операция занимает сорок секунд. Когда спички еще не были распространены, это приспособление использовалось туарегами наряду с кремнем и огнивом, которые есть у многих. Таков самый обычный способ — именно тот, что применялся доисторическими людьми. И однако ни одному из нас не удастся добыть уголек, которым можно бы было поджечь трут. Обращение с этими палочками требует особой ловкости, какой мы достичь не можем; то, что теперь для нас трудно, в старину должно было казаться людям до смешного простым.

Джебрин дает нам еще одно доказательство этой ловкости, играючи сделав каменную зернотерку из простой песчаниковой плиты: он вырезает ее, выравнивает, последовательно скалывая, для большей эффективности делает насечку на трущей поверхности и тут же пускает ее в ход — перемалывает корни, предназначенные для настоя незаменимого лекарства от его ревматических болей. Всеми этими делами Джебрин занимается в своем проходном закутке. Он очень любит финики; косточки от них он сохраняет, раскалывает и скармливает своему верблюду, большому белому и очень покладистому мехари, — я хорошо знаю это животное, потому что ездил на нем во время наших путешествий. Верблюд настолько привык к такой ежедневной трапезе, что каждый вечер в одно и то же время, плюс-минус пять минут, появляется, небрежно раскачиваясь, между двумя песчаниковыми столбами, образующими как бы стенку прохода, где разместился его хозяин; движется он мелкими шагами, потому что передние ноги у него связаны, и направляется прямо к миске Джебринна. Если финиговых косточек там нет, он хватает посудину в зубы, трясет ее, поднимает и роняет на землю, чтобы привлечь внимание Джебринна и обрести желаемое. Получив ядрышки и любовный шлепок, он спокойно отправляется на поиски весьма скудного здесь пропитания.

Инцидент в столовой, во время завтрака. Клод Рагю чувствует, как что-то ползет у него по ноге; он инстинктивно протягивает руку почесаться и тут же чертыхается от сильной боли. Его ужалил скорпион. Насекомое маленькое, янтарно-желтого цвета, наверное молодое. Клод позеленел от страха в ожидании диагноза нашего старого туарега, который подошел к нему. Джебрин внимательно рассматривает скорпиона и говорит, что этот вид не опасен. У Клода в лице появляются краски. Последствий действительно не было.

Это день пасхи. Мохаммед приносит бурдюк воды и сообщает мне, что слышал в стороне Ассакао звук мотора. Мы напрягаем слух, но не слышим ничего. Мохаммед настаивает. По опыту мы знаем, что слух у туарегов развит необыкновенно. Несколько дней спустя мы получим этому подтверждение. Джебрин говорит мне, что слышал очень сильный взрыв. Через неделю мы узнаем из газет, что Франция произвела первый атомный взрыв в Реггане. И дата, и час полностью совпадали; кстати сказать, между Регганом и тем местом на Тассили, где мы были, около девятисот километров по прямой. Французы в Джанете, предупрежденные заранее, ничего решительно не заметили.

Шум мотора становится слышен. Около полудня в одном из проходов появляется грузовик «шесть-шесть» и останавливается у нашей

столовой под оглушительные аплодисменты всех собравшихся членов экспедиции. Лейтенант Аро поистине удивил нас, его приезд знаменует окончание работ на тропе Ассакао, отныне открытой для движения автовоздеходов, разумеется снабженных демультипликатором. Действительно, несмотря на значительную проделанную работу, есть еще очень крутые склоны, один — под углом 28 градусов. Лейтенант Аро и его адъютант, старший сержант Кайе, который стал нашим ангелом-хранителем в течение всей экспедиции, привезли нам свежего мяса и хлеба, вина, ящик пива и прочего. Событие было отпраздновано обильно орошенной пантагрюэлева трапезой. Туареги тоже не забыты: они получают, помимо добавочного пайка, мятный сироп, который очень любят.

Уровень водоема с каждым днем понижается, и насекомых в нем становится больше; вода в наших кружках все мутнее; в ней плавают маленькие клещи, ракообразные, напоминающие крошечных креветок, и еще какие-то существа с мощным панцирем на спинках — вид у них просто устрашающий. Те из моих коллег, у кого деликатный желудок, вынуждены брать воду из аптечного запаса, чтобы справиться с начинающимся расстройством. Самые привередливые капают на сахар парегорик и употребляют его в качестве аперитива — им это напоминает анисовку.

Я хотел очистить водоем, но Джебрин воспротивился: «Эту воду нужно оставить дженуну, который каждый вечер приходит сюда напиться, а если мы этого не сделаем, то он отомстит нам и найдет на всех нас болезнь».

Если Джебрин и туареги и не ведают ничего о природе микроскопических живых существ, кишущих в грязной воде, то, по крайней мере, по опыту знают, что она вредна и что, глотая ее, они рискуют заболеть, но ее зловредное действие приписывают дженуну. Итак, мы оставляем эту воду вечернему гостю, но теперь нам приходится выполнять тяжелую работу по доставке питья из гельты в каньоне. На счастье, у Мохаммеда плечи крепкие; дитя Тассили, он взбирается на скалы с полным бурдюком на спине. Впрочем, недолго пришлось ему утомлять себя. Погода меняется, собираются тучи, которые нагнали с юго-запада первые порывы летнего муссона, и ночью начинается крупный дождь; он струится по песчаниковым плитам; проход, который занимал Джебрин, расположенный ниже других, затоплен, и на рассвете следующего дня по уэду Тиссукаи течет вода. Наш дженун, должно быть, напился вдоволь и исчез. Водоем снова наполнился до краев; остается подождать, пока осядет глина, принесенная паводком, и вода снова станет пригодной для питья. Из зелени повсюду вылезают разноцветные маленькие цветочки; для верблюда Джебрина это лучшее лакомство, и он с жадностью щиплет их. Несколько дней мы дышим свежим благоуханным воздухом, но солнце быстро вступает в свои права и спекает тассилийские песчаники. На перевале Ассакао потоки оставили рытвины и испортили прекрасную тропу лейтенанта Аро. Лейтенант извлек из этого урок и заставил своих солдат устроить кюветы.

Среди фресок «периода круглоголовых» мы больше не встретили крупных фигур в шлемах (словно от скафандров), получивших название «марсиан», которые прославили Джаббарен и Сефар. Гигантов здесь тоже нет; фигуры — средних размеров, профили человеческие, зачастую переданы достаточно верно, причем они не типично негроидные, но все же и не европеидные.

Фауна представлена очень хорошо. Характерно, что животные всегда изображены отдельно и никогда — в сценах охоты. Первый раз мы видим дикого осла, короткую змею, несколько напоминающую гадюку *Bitis*, рыбу и, что представляет чрезвычайный интерес, двух древних буйволов, а также изображения носорога и страуса.

Но вернемся к древним буйволам. Мы знаем, что вид этот исчез еще во времена неолита, и, таким образом, найденный рисунок представляет некий хронологический ориентир. По этой причине самые старые наскальные рисунки Южного Орана и Сахары в целом, включая Феззан, относят к так называемой группе «древнего буйвола», который в данном случае играет роль «датирующей окаменелости-определителя», как это называют геологи и, по их примеру, историки первобытного общества. В палеонтологии древний буйвол известен с начала четвертичного периода. Это было очень крупное животное, по размерам сравнимое с индийским буйволом Эрни, который, судя по найденным сохранившимся частям скелета, должен был иметь около трех метров в длину, в холке высота его достигала приблизительно 1,85 метра, а в крупе — 1,70 метра; обитал он по преимуществу в болотистых местностях.

Все эти находки с полной очевидностью доказывают, что фауна «периода круглоголовых» со всех точек зрения сходна с той, что отражена в рисунках «периода буйвола». Но во время первой экспедиции этот факт не был для нас столь очевиден. Мы тогда не встретили ни одного изображения буйвола, и это привело меня к мысли, что если «период круглоголовых» древнее «периода полорогих», то, во всяком случае, он был позднее «периода буйвола». Однако ни один элемент рисунков не позволяет нам признать эти группы одновременными, потому что если фауна и одинакова, то стиль, тип персонажей и сюжеты совершенно различны. Поскольку до сих пор для рисунков «периода буйвола» нет датировки методом радиоуглеродного анализа и среди них не имеется ни одного, напоминающего по стилю росписи «периода круглоголовых», всякая оценка их возраста будет произвольной. Чем бы я только не пожертвовал ради того, чтобы найти либо в Южном Ороне, либо в уэде Джерат, прямо на месте, какие-нибудь остатки очага, которые могли бы дать нам ключ к проблеме хронологии! А ведь я искал, делал пробные раскопки у подножия скал с рисунками, где обломки орудий — это особенно справедливо для Южного Орана — позволяют надеяться на находку органических остатков. Несмотря на кубометры просеянной земли, не было найдено ни малейшего кусочка древесного угля!

Встает еще один вопрос — об одомашнивании быка. Наши исследования в уэде Джерат показали, что в «период буйвола» бык изображался часто; то же самое было полностью подтверждено нашим итальянским коллегой П. Грациози для Феззана. Но был ли это еще дикий бык или уже домашний? Нередко он изображался с какими-то предметами между рогами, с ожерельями и подвесками на шее; если всех этих атрибутов недостаточно, чтобы сделать вывод о его полном одомашнивании, то нельзя ли предположить «пленение» или начало приручения? Во всяком случае, это животное было предметом особых забот, а возможно, и общего для всех неолитических народов Сахары культа, расцвет которого нашел свое выражение в верованиях Древнего Египта.

В росписях «периода круглоголовых» бык совершенно необыкновенен. Животное тяжелое, с короткими толстыми рогами, оно не кажется домашним. Видимо, редкость его отражает еще более раннюю стадию

приручения, чем на рисунках «периода буйвола». Из всего этого можно было бы сделать вывод, что росписи «периода круглоголовых» носят более архаический характер, чем фрески «периода древнего буйвола». Но это утверждение, основанное на сравнительном анализе, остается очень спорным, поскольку редкость изображений быка в росписях «периода круглоголовых», может быть, связана просто с тем, что животное представляло для людей того времени только второстепенный интерес.

Одно из моих постоянных занятий в Тиссукаи — поиски очагов. К сожалению, скальные навесы здесь неглубокие, что мало способствует сохранению древних жилищ. Дождевые потоки размывают и разносят все: орудия, пищевые остатки и лежавшую на поверхности золу.

Под одним большим навесом на северо-востоке массива, потолок которого образует козырек, прикрывающий его от ветра, в глубине, у сильно выгнутой стены, глинистый на вид бугорок почвы наводит меня на мысль взять пробы. Результат положительный! Слои имеют двенадцать метров в длину и три в ширину. В другом месте я обнаруживаю, что кулуар, выходящий в уэд, и соседние с ним проходы перегородены огромными валунами. Здесь на пересечении двух кулуаров находился загон для быков; все выходы из него были старательно перекрыты, даже естественное окно в песчаниковой стене, через которое мелкие животные могли уйти. В центре этого сооружения до сих пор лежит несколько каменных жерновов, и кое-где разбросаны зернотерки и керамические черепки. На стенах — росписи «периода полорогих».

Для начала я поручаю Жан-Клоду Балэе снять план, а затем с помощью Жан-Пьера Куро огораживаю и делю на квадраты место раскопок. Приходится очистить поверхность от разлагающегося помета коз — следа их очень недавнего пребывания. После этого приступаем к раскопкам по квадратам. Я снимаю слои за слоем, а Жан-Пьер просеивает их; большая часть земли — тончайшая черноватая пыль, издающая сильный животный запах, — по-видимому, это остатки разложившегося бычьего помета. Гуляющий в проходах ветер поднимает грязную пыль, дышать становится нечем, а мы превращаемся в двух угольщиков. Наученные прежним опытом, мы предусмотрительно захватили с собой шахтерские маски. При такой жаре в них не слишком приятно, но пыль хоть не так быстро забивает нос. Почти целый месяц по три-четыре часа в день мы занимаемся этой работой.

Слой толщиной около тридцати сантиметров содержит, по преимуществу, пищевые остатки, глиняные черепки, песчаниковые наконечники стрел, несколько кремневых скребков, бусины в форме кружочков из скорлупы страусинового яйца. Среди костей больше всего бычьих. Мне удалось найти костное основание рога, таранную кость, обломки ребра, но ни одной целой длинной кости: их дробили, — вероятно, для того, чтобы извлечь костный мозг. Настоящего очага я тоже не нашел, — только отдельные кусочки угля, которые со всеми предосторожностями пришлось извлекать металлическим пинцетом. Похоже, что на это место сваливались кухонные отбросы и очистки. Кое-где длинные, неправильной формы белесоватые чечевицеобразные вкрапления указывают на последовательные отложения золы. Они покоятся на слое песка и глины толщиной около десяти сантиметров, в котором нет никаких следов человеческой деятельности; этот последний слой лежит на скалистом полу грота.

Очевидное преобладание бычьих костей позволяет, не слишком рискуя ошибиться, отнести слои к «периоду полорогих». Слои, по всей

видимости, относительно недавний. Лаборатория слабых радиоактивных излучений в Саклэ методом радиоуглеродного анализа датировала его 1700 годом до н. э.; два предыдущих результата, полученных той же лабораторией для раскопок в Джаббарене, дали соответственно 3550 и 2500 годы до н. э., а для раскопа в Сефаре — 3070 год до н. э. Столь широкое разнообразие датировок показывает, что «период полорогих» длился несколько тысяч лет, как я это и предвидел еще до радиоуглеродного анализа. В самом Тиссукаи разница стилей и очень меняющийся характер некоторых сцен убеждают в том, что здесь прошла не одна миграция пастушьих племен, а несколько. Так, тщательно расшифровывая росписи в том кулуре, где я поселился, Жан Лесаж обнаружил нарисованную на стене группу красивых женщин с вьющимися волосами, не имеющих ничего общего со встречавшимися нам до того в Сефаре и других местах силуэтами типа фульбе.

На севере слой ограничен каменной стенкой загона для быков. Именно между камнями мы сделали самые многочисленные находки — это доказывает, что в «период полорогих» происходил смыл почвы водой, а следовательно, климат был очень влажным.

Я собираюсь с Джебрином произвести обследование района Ассаджен-уан-Меллена и Такешелаута, где несколько лет назад молодая швейцарка Йоланда Чуди обнаружила расписанные ниши, впервые замеченные еще до войны лейтенантом Бренаном. В Ассаджен-уан-Меллене встречаются по преимуществу рисунки «периода полорогих». Ими расписан потолок очень низкого грота; самое интересное в этой росписи — группа гиппопотамов, лучшее свидетельство того, что еще в относительно недавние времена в Сахаре был влажный климат. Вместе со сценами охоты на пироге, в Ауангете, и другими уже известными росписями мы теперь располагаем всего семнадцатью изображениями этого водного толстокожего, — следовательно, оно часто встречалось если не на самом Тассили, то, по крайней мере, поблизости. Без сомнения, животное могло подниматься на плато по каньонам — таким, как Ихерир, где вода местами стояла высоко, — или, что вероятнее, заходить в соседние с Тассили котловины, например в Игаргар к северу от массива и в Афара и Адмер к югу. В то время, несомненно, еще текли уэды Игаргар и Тафессассет, и в неолитическом слое в Адрар Бусе, датированном методом радиоуглеродного анализа 3180 годом до н. э., остатки костей гиппопотамов весьма многочисленны; я нашел там не только кости, но и осколки резцов. В Такешелауте же росписи находятся в нише за каменной осыпью. Внутренние относятся к «периоду полорогих»; наружные, образующие великолепный ансамбль, можно отнести к позднему «периоду круглоголовых». На них можно рассмотреть изящные, хотя несколько условные человеческие фигуры, для передачи которых использована богатая палитра различных охр — желтых, зеленых, красных с добавлением белого. Руки, ноги, торс, бедра, икры и щиколотки украшены натальными росписями. Интересны наложения одних росписей на другие, поскольку они позволяют установить относительную хронологию ансамбля. Жан Лесаж и Жак Виоле мужественно взялись решать эту задачу.

На обратном пути мы заглядываем в три расписанные ниши. Самая недавняя — это настоящая большая пещера в скале, служащая туарегам тайником, куда они прячут разный инвентарь: переметные сумы для ослов, кожаные бурдюки, сосуды — все это очень старое; но там есть великолепный резной шест для палатки, длиной более двух мет-

ров, каких ныне уже в стране туарегов не встретишь; Джебрин мне рассказал, что раньше они были в ходу в становищах знати племени именован. На стенах изображено животное, похожее на свинью, и маленькие стилизованные негритянские маски, напоминающие маски в Се-фаре.

Во всем том районе, который мы объехали, «каменных лесов» не встречается, и росписи здесь попадают либо в выдолбленных нишах, либо в естественных пещерах.

Мы по-прежнему в Тиссукаи, но, чтобы дойти до места работы от нашего лагеря, расположенного в центре массива, членам экспедиции приходится проделывать все более длинный путь. В одном из скальных навесов северо-восточной части массива прочерчены наброски, относящиеся к «периоду полорогих»; по всей видимости, это свидетельствует о том, что в некоторых случаях художники, прежде чем писать красками, гравировали рисунок; однако эта техника не получила общего распространения, хотя я уже сталкивался с ней в Джаббарене и Аджефу.

Немало стен попорчено дождевыми потоками, и многие ансамбли росписей от этого очень пострадали — от них отвалились целые куски. Я подобрал несколько пригодных для анализа фрагментов росписей разных периодов. Тонкие срезы показали, что на росписях «периода полорогих» и «периода круглоголовых» проникновение красящего вещества в песчаниковую породу может достигать глубины 1 миллиметра; для «периода лошади» оно менее глубоко и колеблется от 0,75 до 1 миллиметра. Те же образцы, подвергнутые микроскопическому и хроматографическому анализу в специальной лаборатории, не выявили следов предварительной подготовки, если не считать присутствия карбоната кальция, которое я полагаю природным; в частности, не было обнаружено никакого связующего вещества со следами белка. Этот результат очень важен, поскольку в росписях Феззана имелся казеин, а в росписях Южной Африки — бычья кровь.

Мы сами, проделав опыты над охрами, найденными на месте, размельченными в порошок и просто разведенными в воде, поняли, что на песчаниковых поверхностях писать этими красками было очень легко, гораздо легче, чем на рисовальной бумаге, поскольку песчаник поглощает влагу практически мгновенно, а для того чтобы, нанося изображение кисточкой на бумаге, избежать подтеков от избытка краски, требуется немалое умение.

По воскресеньям мы свободны. Кое-кто стирает, чувствуящие себя очень усталыми — отдыхают, а самые предприимчивые отправляются на экскурсию в соседние массивы. Именно так были открыты прекрасные росписи Гадеса к северо-западу от Тиссукаи; изображенные на них стройные высокие люди с длинными остроконечными бородками одеты в звериные шкуры, прикрывающие грудь, и вооружены луками с тройным изгибом; они напоминают воинов-гиксосов, захвативших Египет приблизительно в 1550 году до н. э., или даже некоторые шумерские рельефы III тысячелетия до н. э. В Тассили, да и во всей Сахаре, подобные изображения совершенно неизвестны; они напоминают Ближний Восток, и их присутствие здесь ставит множество новых вопросов, на которые придется попытаться ответить. А великолепная лодка египетского типа, изображенная над этим ансамблем, еще более осложняет задачу, потому что определить, связана ли она как-нибудь с лучниками, нельзя.

Готовы ли мы классифицировать эти росписи, исходя из уже изве-

стных? Увы, нет, потому что с точки зрения археологической подобная классификация возможна только в том случае, когда есть наложение и соотнесенность с уже датированным слоем. В данном же случае все неясно. Надежда найти другую сцену такого рода, да еще и в форме палимпсеста¹⁵, что позволило бы уточнить ее датировку, весьма сомнительна. Вероятно, выработать общую классификацию станет возможно только тогда, когда все расписанные скалы будут систематически обследованы, да и то некоторые рисунки останутся вне ее. В выводы, которые мы сделали на основании анализа документов нашей первой экспедиции, уже нужно внести поправки. Так, например, группа, называемая «мировые судьи», отнесенная ранее ко времени более позднему, чем «период полорогих», на самом деле предшествует ему; кроме того, мы, вероятно, слишком поспешно стали искать следы египетского влияния там, где их не было. В столь разнообразной по своему характеру и совершенно новой области продвигаться вперед нужно только с большой осторожностью, и ошибки при первичном анализе всегда возможны.

Из нашей команды самый неутомимый, бесспорно, Жорж Картерон; если бы ему позволили действовать по его усмотрению, он бы с утра и до вечера лазил и рыскал по горам. Его умение наблюдать удивительно и принесло экспедиции несколько исключительных по качеству находок. Однажды в расщелине скалы он обнаружил голову газели или быка, вырезанную на цилиндрической болванке; один конец ее был обломан, и разыскать его не удалось. Это не первая найденная скульптура такого рода. В 1956 году в Аджефу Джебрин споткнулся о шлифованный камень, похожий на неолитическую зернотерку. На самом деле он изображал маленького зайца; характерные для этого животного длинные уши были прижаты к телу. Некоторое время спустя мы подобрали отшлифованный тем же способом камень, к несчастью разбитый пополам, на вершине которого был выступ, обозначающий спину сидящего млекопитающего. В 1959 году в Ти-н-Абу Тека я нашел похожий предмет, тоже разбитый.

С начала французской оккупации Сахары здесь было найдено немало подобных скульптурных изображений. Первое из них — в 1907 году в Таментите (Туат); оно представляло собой голову барана. На следующий год в одном маленьком кургане в Табелбалете, на северных отрогах Тассили, было обнаружено сразу девять фаллических столбов, верхушки которых срезаны и украшены человеческими фигурами с совиными головами. В 1909 году в Тазеруке в Хоггаре на доисламском кургане была найдена рогатая голова, вырезанная из овального камня. С тех пор собрано немало скульптур как в Хоггаре, так и на Тассили и в его окрестностях. Сегодня их известно около тридцати. Интересно то, что столбы с совиными головами из Табелбалета и рогатая голова из Тазерука продолжали служить объектом поклонения для туарегов.

В Табелбалете один из камней был обмотан тряпками, словно одет, и дуги бровей были прочерчены углем. Открывшему изображения капитану Тушару рассказали, что некий туарег, присвоивший себе этот камень, впал в состояние депрессии, из которого ничто не могло его вывести. Сообразив, что начало болезни совпало с тем моментом, когда он принес статуэтку к себе, туарег решил вернуть ее на место и с тех пор обрел свою обычную бодрость.

В Тазеруке рогатая голова, около которой нашли зернотерку, тоже лежала на тряпках, а вокруг валялись кусочки свечи, мыла и иголки.

По словам генерала Ньеже, которому местные туареги показали эти два камня, их называли *тибарадин*, что значит «девочки», и они служили объектом поклонения женщин. Сами мужчины этим камням не приписывали никакого религиозного значения и обряды, совершаемые женщинами, считали пустяками до такой степени, что совершенно свободно позволили офицеру эти камни увезти. И все же туареги сочли нужным предупредить его, что он может стать импотентом. Эти камни, без сомнения, являлись атрибутами какого-то полузабытого культа плодородия. В 1938 году с разрешения местных жителей я разрыл курган и извлек из него два других отшлифованных камня, по всей видимости заменивших те, что были увезены прежде. Под лежащими ниже плитами я нашел несколько шлифованных топоров, зернотерки, довольно любопытные камни, кристаллы кварца, куски асбеста, тряпки, пучки волос — все это было уложено в качестве посвященного дара совсем недавно.

Согласно легенде, *тибарадин* изображали одну туарегскую женщину и ее рабыню, которые, чтобы не попасть в плен во время нашествия, убежали на этот курган и просили бога обратить их в камни. Бог внял их молитве. Один из камней — рогатая голова — действительно был черный, а другой — зернотерка — белый. Несмотря на все мольбы вернуть им опять человеческое обличье, бог остался неумолим, и именно для того, чтобы умиловать его, туарегские женщины и приходили время от времени молиться к кургану.

Все эти разнообразные скульптуры, замечательные по строгости линий, свидетельствуют о неоспоримом мастерстве работы по камню и высоких художественных способностях их создателей. Хотя в двух приведенных выше случаях именно туареги приписывали изваяниям какое-то культовое значение, несомненно происхождение их должно быть куда более древним: по мнению одних исследователей — финикийским, другие же видят в них какую-то связь с зооморфными статуэтками додинастического Египта... Но единственное, что возможно установить точно, это совершенство работы по камню, сравнимое с обработкой некоторых неолитических каменных топоров и зернотерок.

В 1937 году Бренан подобрал на Тассили одну такую статуэтку и отправил в Музей Человека, где мне было поручено изучить ее. Это было лежащее животное, форма которого передана в самом общем виде, даже без намека на уши и рога, но в котором можно было безошибочно узнать быка. По сведениям, полученным от Бренана, этот оригинальный предмет был найден в большом убежище Амаззар, под пятидесятисантиметровым почвенным покровом, состоявшим, как он уточнил, из козьего помета. Верблюд, стоявший на привязи, вытоптал ногами яму, а военные потом углубили ее, чтобы развести в ней костер. В яме показался шлифованный камень, его вытащили. Поблизости на поверхности валялось множество керамических черепков и отесанных кремней, многие из которых оказались наконечниками для стрел.

Бренан прислал мне фотографию скалы, отметив на ней точное место находки крестиком. Я хранил фото в своих архивах; в 1956 году, когда мы были в Джаббарене, мне показалось, что я узнал изображенную на нем скалу. Однако некоторое сомнение у меня оставалось, потому что Бренан называл это место Амаззар, а не Джаббарен. Я взял пробу почвы под скалой, нашел в ней пищевые остатки, смешанные с золой, из которой я методично выбрал кусочки древесного угля. На земле я подобрал множество наконечников стрел, бусины из скорлупы страусиных яиц, керамические черепки и обработанные кремни.

Вернувшись в Париж, я разыскал фотографию, сделанную Бренаном, и узнал на ней без всякого сомнения скалу, которую мы окрестили «Пузатый бог», потому что на ней имелось любопытное изображение человека, увешанного украшениями, с сильно выдающимся животом. Просто Бренан дал скале имя уэда Амаззар, проходящего от нее в сотне метров, а не массива, который называется Джаббарен.

Несколько месяцев спустя я расспросил Джебрина, который часто был проводником Бренана. Джебрин помнил, как нашли эту скульптуру, и подтвердил мне, что она лежала не в куче козьего помета, а в археологическом слое с пищевыми остатками, который был позже закрыт слоем помета. Итак, эта вещь восходила к неолиту. С другой стороны, поскольку большая часть извлеченных из этого слоя костей принадлежала быкам, то и более точно датированные предметы следовало отнести к «периоду полорогих». Очаг, обнаруженный под скальным навесом, расположенным напротив первого и отстоящим от него менее чем на десять метров, который мы называли гротом «Великого бога Джаббарена», датирован 3500 годом до н. э.

Позднее в неолитических слоях мы нашли еще два рельефа: первый — около Эджеле, второй — в эрге Адмер, то есть в зонах дюн на севере и юге от Тассили. Здесь мы еще раз убедились в древнем возрасте этих скульптур, остающемся для нас загадкой.

Нужно отметить следующее: все животные, представленные в скульптуре, присутствуют в росписях «периода полорогих»; повторяющееся же в скульптуре изображение быка свидетельствует о том, что предшествовать этому периоду она не может, что полностью согласуется с условиями залегания предметов, найденных *in situ*¹⁶. Что же касается зоны распространения скульптуры, то, если исключить изображение барана из Таментита на Туате, она занимает Тассили-н-Аджер, Хоггар и их окрестности, что целиком соответствует ареалу росписей «периода полорогих». Если учесть художественные способности мастеров пастушьих племен, то нет ничего удивительного в том, что они создали эти небольшие шедевры реалистической скульптуры.

Во время нашего пребывания в Ти-н-Абу Тека Жан Лесаж подобрал на земле под одной скалой превосходно отполированную каменную мисочку. Ему нужно было срочно отлучиться — проверить кое-что в другом проходе массива; по возвращении он с изумлением обнаружил, что миска исчезла. Сначала мы подумали, что кто-нибудь из товарищей унес ее в лагерь; но нет, ее никто не видел. Во второй половине дня Жан Лесаж отыскал миску на некотором расстоянии от того места, где он ее оставил, но разбитую на четыре части. Я расспросил Джебрина и туарегов, — они здесь были ни при чем. В конце концов молодой негр из племени кель джанет, которого мы наняли для услуг, признался, что это он разбил миску, и не случайно, а умышленно, дабы, как он нам объяснил, выполнить повеление *марабуга* Джанета, который предписал ему обязательно уничтожить все, что принадлежало прежнему языческому населению. Следовательно, это был акт иконоборчества.

Поэтому, когда Картерон мне рассказывает, что он нашел головку не то газели, не то быка в расщелине скалы, куда она, по всей видимости, сама попасть не могла, если бы ее туда не забросили, я сразу вспоминаю историю с разбитой нарочно мисочкой, тем более что сам камень, из которого вырезана статуэтка, также расколот. То же самое было и с двумя скульптурами, найденными одна — в Аджефу, а другая — в Ти-н-Абу Тека; обе они расколоты посередине. Факт этот стоит

отметить, потому что он не единичен, но делать обобщения и утверждать, что все разбитые скульптуры есть результат систематической сознательной практики, я воздержусь.

Росписи и рисунки также часто становятся жертвами действий, вдохновляемых подобными чувствами. В Джаббарене написанное красной охрой большое млекопитающее, относящееся к «периоду полорогих» и изображающее какого-то зверя, возможно из семейства кошачьих, было поцарапано камнем. Видны следы многочисленных ударов, а у подножия лежит куча камней, которыми бросали в роспись. В другом месте, в Уа-н-Мулине, та же судьба постигла изображение носорога. В уэде Джерат гнев ревностных неопитов навлекла на себя роспись, представляющая группу слонов. И наконец, в Хоггаре, около Хирафока, рисунки, вырезанные на вершинных камнях небольшого холма, были перевернуты и сброшены отсюда в осыпь.

Чем вызваны подобные действия, которые мы расцениваем как «вандализм»?

Не надо забывать, что в Средиземноморье первой заботой победителей всегда было разбить идолов на территории противника. Без сомнения, на Тассили мы имеем дело с досадным пережитком тех фанатических времен.

Джебрин напомнил мне, что следовало бы поехать посмотреть росписи, которые лейтенант Савиньяк заметил в Такедедуматине, и заодно добраться до массивов Уа-н-Агуба и И-н-Итинен. Наш проводник начинает скучать и с удовольствием съездил бы в гости в кое-какие становища. Поскольку раскопки окончены, я разрешаю ему попросить у Ирэн продовольствия на две недели и привести наших верблюдов.

И вот мы едем рядом, я и Джебрин, по серому регу, зажатому между двумя песчаниковыми утесами. За нами тенью вздымаются величественные колонны массива Тиссукаи, образуя сложный узор, вызывающий в памяти индустриальный город с высокими заводскими трубами, шпилями церквей и старыми разрушенными предместьями. Движение наше монотонно; медленный шаг верблюдов создает впечатление, что ты никогда и никуда не приедешь. И все же очертания Тиссукаи мало-помалу стираются, и перед нами начинает вырисовываться Такедедуматин. Джебрин показывает мне те возвышающиеся части рельефа, которые видны на горизонте за Тиссукаи. Налево — Эсседжен-уа-н-Меллен, затем Эсседжен-уа-н-Кауэллет, а направо — отроги Абаркарку.

Ориентироваться по горным массивам кажется легким делом, но легкость эта обманчива: расстояние сильно искажает формы и потому нужна немалая практика, чтобы отыскать нужный ориентир.

Мы приближаемся к Такедедуматину. Это пустынное плато, на котором возвышаются несколько изъеденных эрозией песчаниковых выступов; я сомневался, что там существуют большие скальные навесы, а следовательно, много фресок. Ниши действительно скромных размеров, а навесы над ними едва выступают; но тем не менее во всех есть очень красивые росписи. То написанная красной охрой колесница, о которой говорил Савиньяк, изображенная поверх муфлона, относящегося к более раннему времени, то несколько человеческих фигур «периода круглоголовых», но больше всего росписей «периода полорогих». Обильный урожай, ехать вполне стоило.

На почве — обломки, остатки керамики, но целого слоя нет. Мы располагаемся бивуаком в самом затененном убежище; я отправляюсь проинвестировать более подробную разведку здешних мест, а Джебрин идет на-

брать каких-нибудь хворостин, чтобы развести огонь; когда я возвращаюсь, он объявляет, что в одной яме в уэде на северо-западе плато еще есть вода. Следовательно, нет никаких помех к тому, чтобы сюда приехали два-три художника и остались здесь на некоторое время для снятия копий.

Отдохнув, мы выезжаем в направлении Ти-Беджеджа и углубляемся в лабиринт проходов. Вскоре нам встречается маленькое стадо коз, которое стережет одна из внучек Джебрина; она указывает деду, где становище ее семьи. У девочки довольно тонкие черты лица; она ходит по камням босиком и одета в жалкую гандуру из выношенной материи, ветер облепляет полотном ее худенькое тело. Опустив глаза и стыдливо прикрыв полой одежды нижнюю часть лица, она протягивает мне руку; я даю ей горсть фиников, которую она тут же прячет в огромный карман, ибо есть их при бабушке было бы совсем уж неприлично.

Джебрин показывает мне, по какой дороге ехать, и удаляется навестить жену. Когда через полчаса он меня нагоняет, я вижу, что один из наших бурдюков с водой исчез. В становище туарегов ее редко бывает достаточно, и, если запасов в пути не хватает, чтобы их пополнить, лучше на туарегов не рассчитывать. Поскольку для стад основное пастбище, все перемещения зависят, как правило, от них, а не от близости водоема, — это уже вторичное. Воду доставляют, и часто с большим трудом, на ослах.

Ночь мы проводим в цирке И-н-Амгарен. Я использую оставшееся светлое время дня, чтобы скопировать росписи в начале тропы, ведущей в Тамрит. На рассвете мы выезжаем, следуя уэду, ложе которого загромождено большими валунами. Утренняя прохлада восхитительна, солнце, еще очень низкое, бросает на землю большие тени от утесов, и в этой тени я не замечаю огромной гадюки, свернувшейся в песчаной ямке между двумя камнями; змею тем более трудно разглядеть, что цвет ее сливается с землей. Но она меня заметила, и в тот момент, когда я поднимаю правую ногу, она бросается, открыв пасть, и ударяется о подошву моей сандали. Удар удивил меня своей силой. Я прыгаю на одной ноге, чтобы не опустить на землю вторую и не вызвать тем повторного нападения, и убиваю змею тростью; но я был на волоске от ее укуса. Джебрин прошел справа в двух метрах от этой змеи и не заметил ее.

Гадюка кусает не только тогда, когда ловит добычу для пропитания, но и когда чувствует опасность, которую она, впрочем, плохо замечает; инстинкт не побуждает ее оставаться неподвижной, что спасало бы ее. Стоит козе или верблюду пройти рядом, простой зрительный рефлекс заставляет змею бросаться вперед, открыв пасть, готовую ужалить. Такое поведение делает гадюку очень опасной, и поэтому обитатели Сахары, наученные опытом, ходят всегда глядя внимательно под ноги.

Поздним утром мы встретили человека из племени кель меддак, который искал пропавшего верблюда. После обычных приветствий он пошел рядом с Джебрином, рассказывая ему местные новости. Таким образом можно узнать, что происходит в радиусе 50 километров: где сейчас тот и что делает та, каково состояние пастбищ в таком-то уэде и того или этого водоема, какие события произошли в Джанете и какова цена сахара в Гате, а также кто умер, кто болен, кто родился — всю светскую хронику Тассили. При каждой встрече обмен новостями возобновляется и продолжается добрых четверть часа. Жители Сахары называют это «арабским телефоном»; работает он великолепно.

В 12.30 этот человек еще с нами; он так рад своей удаче — он, наверное, не ел со вчерашнего дня, поэтому спешит собрать дров и готовит *кесру*, а Джебрин ставит котелок на огонь, чтобы сварить *шербу* и согреть воду для чая. Опустошив один половину блюда, он ушел той дорогой, которой пришел. Привычка поесть на дармовщинку очень смешит Джебрина, который к этому привык. Разве при их бедности это не нормально? Впрочем, наши дорожные запасы всегда имеют некоторый избыток, чтобы предупредить разные случайности. Иногда люди, узнав, куда мы направляемся, не колеблются провести в пути сутки, чтобы добраться до нас, а ведь туда и обратно — это сорок восемь часов ходьбы с главной целью: поесть досыта. На это нужно немалое физическое мужество, даже если учесть любовь туарегов к путешествиям. Постоянная борьба с голодом толкает их на попрошайничество, и, если они и остались совершенно в стороне от нашей потребительской цивилизации, они, без сомнения, были бы счастливы хоть немного воспользоваться ее благами, — ведь много веков они балансировали на грани выживания.

Мы добираемся до массива Уа-н-Агуба и поднимаемся на него по расселине с неровным дном, боковые стены которой украшены гигантскими носорогами и антилопами, принадлежащими к «периоду круглоголовых». Взбираемся по склону от площадки к площадке и попадаем на широкую террасу; там, в длинном полукруглом убежище, обнаруживаем весьма впечатляющие росписи. У подножия единственного во всем секторе дерева, баланита¹⁷, на три четверти лишеного ветвей, свернулась гадюка; к счастью, я успел ее заметить прежде, чем она бросилась, и жизнь ее была прервана ударом трости. Два дня мы осматривали окрестности и брали на заметку росписи, большая часть которых относится к «периоду круглоголовых». Какой грандиозный музей это Тассили! Мы никогда всего не пересмотрим!

Далее мы направились в Та-н-Тартаит, служащий продолжением Уа-н-Агубы. Там нам попалась настоящая пещера, стены которой имели росписи самых разных эпох, а пол был покрыт зольным отложением, что обещало плодотворные раскопки. Скалистым лабиринтом по очень неровной дороге мы добрались до цирка Уа-н-Дербауэн, где увидели прекрасные ансамбли росписей «периода полорогих». Оттуда мы отправляемся на Титераст-н-Элиас и вечером разбиваем лагерь около маленькой, засыпанной песком впадинки, где между камнями виднеется вода; вид у воды неаппетитный, но наши бурдюки пусты... Место приятное, здесь растет немного цветущей *арты*. Верблюды подкрепляются, а Джебрин вырывает из земли несколько корней для костра.

На следующий вечер мы приезжаем к Тамриту; там мы гостим у племянников Джебрина в становище, где живет его дочь. Нас угощают диффой, похожей на хлебную лепешку, и вареным козьим мясом. По традиции Джебрин надевает свои чистые гандуры одну на другую и поправляет *литам*. Он инстинктивно умеет драпироваться в лохмотья так, чтобы выглядеть весьма достойно. Джебрин торжественно располагается на старом грязном ковре, оставляет наших верблюдов на попечение мужчин и принимает визиты женщин. Туарегский протокол нарушений не терпит. Несмотря на ужасающую бедность этих людей, Джебрин пользуется здесь полным уважением, должным вождю, поскольку вот уже несколько лет он *каид* своего племени. Все собрались вокруг нас и обмениваются новостями. Тут мы узнаем, что одного человека из племени кель медак на стоянке в районе Тирора укусила гадюка и что он очень болен.

На рассвете мы уезжаем в Титераст-н-Элиас, где несколько лет назад вместе со своим проводником Серми я видел большое убежище под скалой, все покрытое росписями. В прилегающих кулуарах тоже много красивых росписей. Я составил их перечень для будущей работы.

Мы поднимаемся по уэду И-н-Итинен и к завтраку приезжаем к массиву того же названия. Мы обследуем его всю вторую половину дня. Я просто потрясен невероятным количеством росписей. Это новый Сефар, с большими богами, с целыми панно, изображающими лучников, великолепных быков, боевые колесницы и так далее. Массив очень обширен и столь богат росписями, что и речи быть не может о том, чтобы обследовать все проходы, но я предвижу, что в довольно близком будущем здесь будут сделаны блестящие открытия (что и произошло в 1962 году).

Отправляемся к Тирору и приезжаем туда в полдень следующего дня. Здесь мы видим того человека, которого укусила гадюка. Он лежит на одеяле, но при нашем появлении встает, чтобы приветствовать нас. Я сообщаю бедняге, что мы приехали специально — помочь ему. Вид у него не слишком больной, и как только мы усаживаемся, он разматывает повязку, чтоб показать мне рану. На счастье, змея ужалила его во второй палец ноги, и он, по обычаю туарегов, тут же сделал надрез: рассек мясо до костей, таким образом прервав кровоток между местом попадания яда и сердцем. Это способ, очевидно, варварский и очень болезненный, но, если его применить немедленно, чтобы помешать распространению змеиного яда в организме, полностью оправдывающий себя.

В том случае, если змея жалит в пятку или около щиколотки, спасения нет и исход фатальный.

Ужаленный туарег находится, по-видимому, в шоковом состоянии; я предлагаю ему ввести сыворотку против укуса, чтобы избавить его от возможных последствий, но он отказывается. Я просто чищу рану, очень загрязненную, перевязываю ногу наново и оставляю ему немного бинтов и несколько ампул антисептика.

Нам подают *кесру*, политую маслом, и куски козлятины — козу забили для того, чтобы подкормить раненого, так обычно делается в подобных случаях.

Я снова рассматриваю росписи Тирора, которые Джебрин впервые показал мне в 1934 году, и по этому поводу мы вспоминаем нашу первую встречу. Время бежит, и ноги у нас уже не те. Но мы счастливы, что и теперь, спустя тридцать лет, все еще можем, не слишком уставая, путешествовать по тропам Сахары.

Поворачиваем назад, снова проезжаем через Такедедуматин, и завтра мы снова в Тиссукаи, где жизнь мирно течет своим чередом.

В Абаркарку сделаны прекрасные находки; мы посылаем летучие команды из двух человек в Ассаджен-Меллен и Такешелаут. Моим сотрудникам нравятся эти маленькие экспедиции, в которых они предоставлены сами себе и всё должны импровизировать, даже какую-то еду. Воду им регулярно доставляют Джебрин или Мохаммед. Когда работа кончается, мы отправляем за ними небольшой караван верблюдов, чтобы привезти обратно на базу материалы и оборудование.

Благодаря нашим друзьям из сахарских саперных частей, за все время экспедиции мы ни в чем не испытывали нужды, что в Сахаре поистине чудо. Какая разница с предыдущей экспедицией 1956 года, когда мы были вынуждены соблюдать угнетающе однообразный режим.

Поэтому-то настроение остается неизменно на отметке «ясно» и работа спорится.

Тиссукаи оказалось столь же богато росписями, как Сефар и Джаббарен, которые считаются заповедниками доисторического сахарского искусства; некоторые произведения превзошли все, известное до сих пор. Я имею в виду, в частности, маленьких женщин, причесанных, как парижанки, и пасторальные сцены, на которых женщины, сидящие перед хижинами, занимаются детьми; стоят симметрично привязанные одной веревкой телята, а мужчины доят коров — картина, которую и сегодня можно наблюдать в становищах фульбе; аналогия просто поразительна.

После месяца трудов в Такедедуматине — работали мы маленькими передвижными командами — настала пора окончательно сниматься с места. Ведь уже шесть месяцев, как мы покинули Джанет, и каждый подводит итоги: насколько он устал, какие у него удачи и неудачи. Мы уже не прочь вернуться во Францию, тассилийские утесы в конце концов нас утомили, равно как и вынужденное совместное житье, которое стало обременительным для всех, даже для тех, у кого исключительно уживчивый характер.

Теперь, когда машины уже могут проехать по тропе Ассакао, за нами и нашим грузом приезжают вездеходы «шесть-шесть». Питая надежду вскоре вернуться, основную часть оборудования мы оставляем на хранение в зданиях, принадлежащих саперному подразделению. Военный самолет доставляет нас в Бурже.

И в этот раз мы возвращаемся с большой добычей. Теперь нужно готовить новую экспедицию, чтобы скопировать фрески Уа-н-Агубы, Та-н-Тартаита, Уа-н-Дербауэна, И-н-Итинена и Титераст-н-Элиаса.

ТА-Н-ТАРТАИТ И И-Н-ИТИНЕН

Благодаря строгому критическому разбору того, что было сделано в прошлый раз, материальные условия нашей жизни улучшаются от одной экспедиции к другой. Экспедицию в Сахару нельзя импровизировать, она требует серьезной подготовки. Оказавшись на месте, можно рассчитывать только на себя. Перед отъездом необходимо проверить оборудование, сделать неотложные починки, заменить то, что вышло из строя, рассчитать рацион, исходя из того минимума калорий, ниже которого ни в коем случае спускаться нельзя, возобновить запас рисовальных принадлежностей, а также медикаментов и перевязочного материала.

Самое сложное — это составить бюджет, чтобы получить кредиты. Комиссия по научным исследованиям обычно относится довольно благосклонно к моим запросам, но кредиты у нее ограничены, а исследователей много. Поэтому она проводит политику «малых доз», давая каждому по кусочку, в результате чего никто не получает столько, сколько нужно, зато заправила комиссии львиную долю забирают себе, а разной мелкой сошке снисходительно оставляют жалкие крохи. К счастью, призыв к промышленникам и коммерсантам редко остается безответным, во всяком случае когда речь идет о моих экспедициях. Многие из них очень щедро поставляют продовольствие и материалы — чаще всего бесплатно, а иногда по льготным ценам. От этого вечно просить что-нибудь то у одного, то у другого не становится приятнее, но, если ты решил достичь намеченной цели, другого способа нет.

Неделями трещит пишущая машинка, беспрерывно звонит телефон; так продолжается до того дня, когда все наконец собрано в одном из помещений Музея Человека; остается только у верного друга, работающего в большом парижском еженедельнике, взять займы грузовичок, чтобы отвезти нас в Бурже. Там, благодаря неизменной благожелательности генерала де Голля и его военного министра Пьера Месмера, нас ждет на взлетной площадке специально для нас снаряженный военный самолет, который снова доставит участников экспедиции в Джанет.

Из ветеранов к нам присоединился только Жорж Картерон. Остальных разбросала жизнь: один продолжает учиться, другой вынужден искать постоянную работу. Клод Рагю, участвовавший в экспедиции 1960 года, теперь женат; он советует мне обратиться к директору школы изящных искусств в Руане, учеником которой Клод был много лет, и узнать, нет ли у него кандидатов на подобное путешествие. «Улов» получился отличный. К нам пришли несколько юношей, и девушек тоже, но эти быстро передумали. Сначала им предложили пройти короткую стажировку в лаборатории и, устроив проверку на годность, отобрали следующих: Пьера Коломбеля, Жака Васса, Ива Мартэна. Позже, окончив военную службу, к нам присоединился брат Мартэна; он не художник, но хороший топограф и умеет делать любую работу. По своим физическим и моральным данным все эти люди сильно отличаются друг от друга.

Наш ветеран Жорж Картерон, самый крупный и сильный, совершенно неутомим; характер у него неровный: он может при случае не всегда тактично подшутить, но при этом у него совершенно обезоруживающее выражение прекрасных газельих глаз. В сущности, это очень славный малый, и он чрезвычайно предан мне. Вначале Жорж работает в паре с Жаком Вассом, — этот на вид хрупок, но в работе упорен и к тому же наделен мягким характером, тактом и юмором; когда его товарищи слишком резко поговорят между собой, он всегда умеет разрядить обстановку. В самом деле, живя в таком маленьком коллективе, без внешних контактов, то одни, то другие его члены становятся время от времени раздражительны; это усугубляется тем, что характеры у них совершенно разные. Такое явление наблюдается во всех более или менее длительных экспедициях.

Ив Мартэн, самый молодой (он не отбыл еще воинскую повинность), очень импульсивен — настоящий необъезженный жеребенок; он, бывает, брыкается в упряжи, и его приходится отчитывать. Но к концу экспедиции он будет почти укрощен и приобретет хорошие навыки работы.

Пьер Коломбель — мистик; характер у него мрачноватый, и он всех сторонится. Потрясенный странным и грандиозным ландшафтом Тасили, непринужденным благородством туарегов и их достоинством в нищете, он чуть было не решил, что здесь его призвание и что он позже обоснуется здесь и будет жить отшельником по примеру отца Фуко¹⁸. Чтобы подготовиться к этой карьере, он по возвращении проявит незаурядную волю и мужество и довольно долго проживет в Ла-Траппе¹⁹. Но способности его как художника неоспоримы; он очень быстро осваивает технику снятия копий и достигает в этом такого совершенства, что становится одним из лучших мастеров за все время наших экспедиций.

Что же касается персонала, набранного на месте, то он включает нашего старого Джебрина, которого совершенно одолели ревматические боли; его мы взяли для приятного общества, поскольку о том, чтобы он выполнял какие-либо трудные обязанности, не может быть и речи; для этого он использует своего сына Маталя, который уже был с нами в Сефаре. В Джанете мы нанимаем в качестве поваренка пятнадцатилетнего негра по имени Билаль. Как и в предыдущие годы, в экспедиции участвует моя жена, на этот раз с первого дня до последнего — из солидарности с остальными членами экспедиции, чтобы разделить с нами предстоящие трудности. Сейчас весна 1962 года, а с плато мы спустимся только осенью.

Оливье Гишар, занимавший в то время пост директора Общей администрации районов Сахары, соглашается дать экспедиции два лендровера; поскольку на перевале Ассакао проложена дорога, они нам будут очень полезны, особенно для того, чтобы обеспечить связь с Джанетом и доставку свежих продуктов в наш лагерь.

По прибытии в Джанет нас ждет большая неприятность. Все оборудование, которое мы оставили в здании, принадлежащем саперной части, на ответственность лейтенанта Аро, практически улетучилось, потому что лейтенант получил назначение в другое место. Ничего не осталось ни от наших палаток и спальных мешков, ни от складных стульев, ни от аптечки и кухонной утвари — исчезла даже скороварка! Заменивший лейтенанта офицер, убежденный, что мы больше не вернемся, просто решил пустить все это в ход. После поисков то у одного, то у другого нам удалось изъять разные предметы. К несчастью, не хватало многого, а здесь оно невосполнимо. Приходится импровизировать, искать толстую фанеру, чтобы сделать заново рисовальные столы, покупать то, что возможно, у торговцев в Джанете, кое-что заказывать в Париже, — короче, это большая накладка!

Время трудное, политическая обстановка сложная, все пребывают в нервном возбуждении²⁰. Ко многим офицерам гарнизона просто не знаешь, как подойти, они стали чудовищно грубы. Местные жители необычно сдержанны. Самые различные и противоречивые слухи передаются туарегами от становища к становищу, вплоть до того, что все белые европейцы будут истреблены... Обстановка невеселая — самое малое, что можно сказать!

Четыре грузовика «шесть-шесть» доставляют нас вместе с нашим багажом на Та-н-Тартаит через перевал Ассакао, дорога через который теперь приведена в порядок; сам я сижу за рулем одного из лендроверов. Устраиваемся мы около огромного подскального убежища, очень высокого, но, увы, недостаточно глубокого, и вскоре необычайная тишина окружающего каменного царства подчиняет нас себе и умиротворяет. Разбивка лагеря и подготовка к работе дают телу здоровую усталость, возникает ощущение, что мы от всего оторваны и живем в особом мире, где нет ни суеты, ни спешки.

Окрестные жители, с которыми мы познакомились во время наших прошлых экспедиций, не замедлили навестить нас, чтобы засвидетельствовать свою дружбу. Несколько недель спустя я спустился в Джанет уладить разные дела и встретил там алжирского помощника префекта, которому французский чиновник из министерства колоний только что сдал свои полномочия; он принял меня превосходно. Все последующее время я не мог нарадоваться прекрасным отношениям, установившимся у нас с алжирскими властями; ко мне не просто отнеслись благожелательно и дружески, но и во многих случаях оказали самую действенную помощь. Дальше я расскажу, как между нами наладилось плодотворное сотрудничество, к великой пользе археологических исследований в Сахаре.

Мы потому и выбрали базой Та-н-Тартаит, что до Уа-н-Агубы добраться машиной невозможно. Мы находимся на плато, возвышающемся с одной стороны над Уа-н-Агубой, с другой — над Уа-н-Дербауэном. Ландшафт здесь не столь величественный, как в Джаббарене, Сефаре или Тиссукаи; перед лагерем поблескивает на солнце маленькая песчаная дюна; дюны вокруг нас заполонили все, забили русло Эдейен-н-

Элиаса и прилегающие к нему проходы. Мы находимся менее чем в километре от Уа-н-Агубы, где есть водоем; там, около росписей «периода круглоголовых», которые относительно легко воспроизвести, мы и устанавливаем первую мастерскую. Оказывается, что район гораздо богаче росписями, чем мне показалось во время разведки, которую мы произвели с Джебрином в 1960 году. По сравнению с тем, что мы уже знаем, нет ничего особенно нового, разве только великолепное панно позднего «периода круглоголовых», на котором изображены забавные антилопы с носом, удлинённым каким-то странным, совершенно загадочным орнаментом, в форме дубинки. Как и в других посещенных нами прежде местах, многие проходы перегорожены рядами больших камней, представляющими собой остатки загона для скота, оставленных пастухами «периода полорогих».

Как раз напротив нашего лагеря в расщелине с другой стороны уэда находится настоящий маленький грот, стены которого покрыты росписями, восходящими к разным периодам, кроме «периода полорогих». Именно его-то избрал своим местожительством Пьер Колумбель; ему, по-видимому, ничуть не мешает присутствие всякой живности, особенно больших пауков, которых в этих темных закоулках великое множество. Мне помогает Жорж Картерон; он расчищает от грязи, скопившейся за века, два интересных изображения боевых колесниц. Сняв копии с фресок, я пробую начать раскопки, но вести их очень неудобно: пещера вся засыпана песком, и приходится выносить огромное его количество, прежде чем доберешься до древней почвы, где начинается археологический слой.

Величина углубления, его большая полезная площадь и глубина слоя песка, который его наполняет, вселяют в меня надежду найти богатый материал. Сотрудники по очереди помогают мне в расчистке, но усилия наши не вознаграждаются. Археологический слой содержит очень немного пищевых остатков, несколько обломков жерновов и зернотерок, довольно большое число пластинок с ретушированными краями неясного назначения и несколько орудий из кремня. Древесного же угля, напротив, масса, и есть целые толстые обуглившиеся ветки. В этой пещере горели огромные костры, но происхождение их, несмотря на наши исследования, определить не удалось. Датировка методом радиоуглеродного анализа, произведенная в лаборатории слабых радиоактивных излучений в Жиф-сюр-Иветт, дала 4470 ± 25 лет, что соответствует 2550 году до н. э. С другой стороны, образцы из разных слоев, которых здесь пять и все образованы из отбросов, были исследованы в лаборатории геологии четвертичного периода. Гранулометрический анализ этих слоев показал, что все они принесены ветрами. Видимо, это было время умеренных ветров, и заселение убежища совпало с уменьшением их силы. Что же касается анализа пыльцы из тех же слоев, то он показывает наличие ольхи, алепской сосны, можжевельника, фишашкового дерева, мирта, а также травянистых растений, среди которых изобилуют средиземноморские виды. Таким образом, результаты раскопок вносят ощутимый вклад в наши знания о климате неолита.

Неподалеку от убежища на берегу ближнего уэда я подобрал с земли осколки кремня трапециевидной формы, без следов обработки, но приблизительно одинаковых размеров. Поскольку Тассили-н-Аджер сложен по преимуществу песчаниками, приходится допустить, что эти кусочки были привезены. Позже, обследуя цирк Эдейен-н-Элиаса, среди других неолитических орудий я нашел на земле немало подобных предметов. Полагаю, что это могли быть лезвия серпов.

Через некоторое время, в ходе работы над росписями становища И-н-Итинен, нам встретилась сценка, изображавшая склонившихся к земле людей, которые держали в руках некий согнутый под углом предмет, формой несколько напоминающий египетские серпы, представленные на рельефах времен фараонов. Если обычно неолитические серпы снабжены зубчиками, то даже в новое время, например в Новой Гвинее или в Испании, существуют и такие, которые сделаны из простого куска кремня, отточенного с одного края.

Встает вопрос, занималось ли население Сахары земледелием в эпоху неолита? Два рисунка, скопированные нами в предыдущих экспедициях, могут навести на эту мысль. На них изображены нагнувшиеся к земле на манер вязальщиц женщины. На одном женщины представлены на фоне точек, изображающих, вероятно, поле злаков, по краям которого растут три дерева, напоминающих фруктовые. Обилие жерновов и зернотерок, как на Тассили-н-Аджере, так и в других районах Сахары, давно заставляло предполагать, что здесь занимались земледелием. Однако теперь появился новый факт.

Биологи — специалисты по изучению насекомых, живущих на культурных растениях Сахары, сделали очень важное наблюдение: ни одно из этих насекомых не имеет сахарского происхождения, все были недавно ввезены с севера вместе с культурными растениями, на которых они паразитируют. С другой стороны, ботаники-палинологи, уже много лет занимающиеся изучением пыльцы в неолитических слоях, подтверждают наличие злаковых, но среди них нет ни одного культивируемого вида.

Если внимательно рассмотреть рельеф нагорья Тассили, то становится ясно, что площадок, которые могли бы использовать предполагаемые земледельцы, здесь практически не существует. Исключение составляют бассейны в верховьях уэдов; ниже по течению эти уэды быстро размывают массы песчаника, образуя глубокие каньоны. Напротив, дикорастущие злаковые на некоторых плато и в не слишком узких долинах обычны. Еще и в наши дни, после относительно обильных дождей, массив покрывается самыми различными растениями. После зимних дождей в 1957 году в Сефаре нам несколько раз довелось есть салат из одуванчиков. Впрочем, раз Тассили и вообще вся Сахара знала изобилие быков и больших травоядных, таких, как слон, носорог, жираф и крупные антилопы, следовательно, им было чем кормиться.

Что же касается повсюду встречающихся жерновов и зернотерок, то это можно объяснить наличием дикорастущих злаковых, которые собирались и употреблялись в пищу. В наши дни все кочевники суданских степей, будь то туареги, мавры, фульбе или гораны, регулярно собирают зерна *мрокбы* и *крам-крама*; запасают они их в огромном количестве и хранят в больших кожаных мешках. Когда-то я прожил некоторое время в туарегских становищах Аддрар-Ифораса, где люди ничем другим и не питались, не считая добытого охотой.

Эти примитивные серпы могли, таким образом, употребляться для жатвы диких злаковых на пропитание или на корм скоту, как это принято у кочевников Сахары и теперь.

В И-н-Итинене мы нашли самые замечательные жернова, какие мне довелось видеть. В двадцати метрах от скального навеса, где располагалась наша столовая, в большом цирке, на стене которого изображена чудовищная человеческая нога длиной около трех метров, мое внимание привлек камень необычной величины, до половины погру-

зившийся в песок; он был овальной формы и казался обработанным по контуру. Пытаясь его вытащить, я понял, что это огромный жернов. Если принять во внимание его вес — 125 килограммов, — он явно не мог быть орудием кочевников. Совсем удивительно, что жерновом, по-видимому, не пользовались: на его поверхности нет никаких следов трения. Зато если по нему постучать, он очень странно резонирует, поэтому можно предположить, что его использовали как каменный барабан.

Месяц спустя мы подобрали еще один такой же жернов, только поменьше, в убежище в двух километрах от нашего лагеря. Жорж Картерон, человек действительно поразительной силы, водрузил его себе на спину и принес в лагерь, но бедняга ободрал себе кожу на спине до мяса. Не издав ни единого стога, он, как обычно, отправился работать.

Позже нам встретился еще десяток жерновов, все незаконченные; похоже, что в этом месте была небольшая мастерская по производству жерновов.

Некоторые авторы считают, что в древности в Сахаре существовали оседлые поселения, — на эту мысль наводит большое количество неолитической керамики. Если вдоль *дхара* Тишит Уалата в Мавритании и могли существовать поселения сельского типа, то до сего дня в центральной Сахаре никаких развалин такого рода поселений не обнаружено. Что же касается керамики, то она долго была для нас символом земледельческого оседлого населения, связанного с негритянскими народностями. И что же? Мы видим, что сейчас все кочевники — туареги, мавры, фульбе — широко ею пользуются. С другой стороны, на скальных росписях пастушьих племен «периода полорогих», которые не были типично негритянскими, предстает перед нами большое число котелков (а также кожаные бурдюки, притороченные к боку вьючных быков).

Когда речь идет о земледелии в Сахаре во времена неолита — а его существование становится все более спорным, — было бы неосторожно считать все население в массе негроидным. И если присутствие негритянских народностей в Сахаре в «период круглоголовых» и «полорогих» установлено бесспорно, то в последний из них здесь, безусловно, обитали и люди эфиопского типа, и белые, причем в количестве не меньшем, чем черные.

Нам остается скопировать довольно многочисленные фрески Уа-н-Дербауэна, многие из которых весьма хороши. Они находятся ниже плато Та-н-Тартаит и отрезаны от нас довольно тесным уэдом; добраться до них на машинах невозможно, и поэтому мы решаем не переносить наш лагерь. Сотрудники экспедиции уходят утром и возвращаются вечером, довольствуясь в полдень скудной едой, которую берут с собой в рюкзаках. Чтобы сэкономить время, я отвожу их как можно дальше на лендровере и вечером в назначенный час еду за ними. Но работа в этом секторе кончается, и следует подумать о том, как перебросить все оборудование в И-н-Итинен, для чего мне придется просить военные французские вездеходы «шесть-шесть» из форта Джанет.

Водоем, снабжавший нас водой, исчерпан; он дает вонючую грязь, которую мы оставляем *дженуну*. Чтобы наполнить наши бурдюки, Маталь теперь ходит к небольшому бассейну близ Титераст-н-Элиаса, около которого два года назад мы с Джебрином разбивали лагерь.

В течение всего пребывания на Та-н-Тартаите в качестве дров мы жгли только *тарут*, что вынуждало нас совершать небольшие прогулки

по горам, чтобы на самых высоких из них собрать сухие ветки. На языке тамашек словом *тарут* обозначают прекрасный кипарис, экземпляров сто которого еще произрастает на Тассили на высоте не менее 1500 метров. Во время нашей первой экспедиции, особенно на Джаббарене, мы жгли только собранные в горах старые стволы, которым было несколько веков. Я еще раз убедился в том, что эти прекрасные деревья прежде росли не только в долинах, но и в горных расщелинах, где стволы стояли и держались так цепко, что нам пришлось их выкорчевывать. Нам удастся запастись дровами на несколько недель. В лагерь доставляем их лендровером.

Поскольку нам предстоит переезд в И-н-Итинен, с целью произвести разведку дороги к нам на автомобиле «четыре-четыре» приезжает лейтенант Савиньяк; его сопровождает Пьер Мартэн, который окончил военную службу и приехал, как и было условлено, присоединиться к своему брату и нашей команде. На следующий день выезжаем; проводником будет Джебрин. Вновь удивляемся тому, как превосходно знает местность мой старый спутник: он выбирает самые удобные проходы, самые пологие спуски, и на место мы прибываем без единой поломки. Но все же это не королевская дорога, и средняя скорость нашего передвижения не превышает шести километров в час.

Десять дней спустя лагерь полностью демонтирован; в назначенный день приезжают два вездехода «шесть-шесть» и грузят все, даже наш небольшой запас дров. Я на лендровере вместе с Жоржем Картероном следую за караваном, время от времени совершая на машине акробатические трюки,— у этого автомобиля колоссальная сцепляемость с дорогой, и, если соблюдать осторожность, на нем можно проделывать невероятные вещи.

Ландшафт в И-н-Итинене представляет собой грандиозное зрелище; когда мы несколько обжились, здесь оказалось еще и удобно. Огромный скальный навес, пол которого усеян мелким песком и куда солнце за весь день вообще не заглядывает, стал нашей кухней и гостиной. Хорошо продуваемые ветром закоулки весьма подходят для хранения продовольственных запасов; один из них мы специально предназначили для того, чтобы держать в холодке консервы и фруктовые соки. Каждый устраивает себе личный альков. Около столовой я приказал разбить большую палатку; Ирэн там очень удобно печатать на машинке — от ветра она полностью защищена. Никогда, начиная с нашей первой экспедиции, нам не встречалось место более очаровательное, никогда еще мы не имели столь обширных возможностей обеспечить себе такой комфорт и такое хорошее и разнообразное питание. С нами живут две собаки: белая сука *слуги*, по кличке Тазульт, которая раньше обычно следовала за отрядами мехаристов (теперь, поскольку они распущены, мы для нее настоящий дар небес), и молодой кобель — помесь слуги и немецкой овчарки по кличке Сейед, что значит «охотник»; своим изящным поджарым силуэтом он напоминает гордого Анубиса египетских памятников. Сейед так красив, что, несмотря на его дикость, мы все просто влюблены в него. Тазульт не отстает от нас уже от самого Та-н-Тартаита; туареги, для которых это просто лишний рот, все время пытаются ее прогнать. Она очень дружелюбна и мгновенно привязывается к нам, что вообще-то не свойственно туарегским собакам. Сейед же принадлежит Маталю, сыну Джебрина, и настолько дик, что мне понадобилось три недели для его приручения, чтобы он согласился взять пищу из моих рук; но с этого дня он покинул Маталю, и, по-видимому, без сожаления, — хозяин у него был неласковый и однажды

даже чуть не до смерти избил пса за кражу. Да и объедки наши привлекательнее, и, что самое главное, у нас есть Тазульт, к которой он чувствует все большее влечение и с которой радостно возится на дюнке напротив лагеря. В И-н-Итинене собаки взяли себе за привычку спать у нашей палатки и каждое утро врываются внутрь, чтоб нас приветствовать. Мы очень довольны: у нас есть два сторожа, которые свирепо лают, как только кто-нибудь чужой приближается к лагерю, — нам с ними спокойнее.

Жизнь наша налаживается отлично. Главное неудобство в том, что на массиве вследствие упорной засухи не хватает воды; за ней приходится ездить в Тамрит или еще куда-нибудь, потому что уровень воды в гелятах понижается день ото дня; из-за этого верблюдов беспрерывно гоняют туда-сюда, что утомительно для туарегов и очень накладно для экспедиции.

Время от времени мы с Картероном отправляемся в Джанет — узнать новости и купить каких-нибудь свежих продуктов. Своих привычных газет мы больше не получаем и совершенно не ведаем, что происходит в мире. Какие-то обрывки новостей порой до нас доходят через туарегов по «арабскому телефону», но их всегда нужно принимать с осторожностью. Иногда Картерону удается поймать Париж по радио, но Москву или Би-би-си слышно лучше, чем нашу государственную радиостанцию. Впрочем, мы привыкаем обходиться без этого.

При каждой нашей поездке мы приводим в порядок трудные участки пути — а их хватает! — и ставим вехи на дороге. Чтобы нам не сидеть на И-н-Итинене как в плену и иметь, благодаря лендроверу, более широкий район действий, я систематически привожу в порядок все тропы, которыми позже мы сможем добраться до Тамрита. Для начала Джебрин помогает мне расчистить выход с массива И-н-Итинен в направлении Титераст-н-Элиаса. Результаты настолько обнадеживающие, что я решаю посвящать каждое утро этой работе. В течение почти трех месяцев, ежедневно с шести часов утра и до полудня, мы добровольно превращаемся в отряд дорожного строительства, а всех инструментов у нас — лопата, заступ, саперная лопатка, кувалда, скребок и старый железный котелок. Сотрудники мои помогают нам поочередно. Когда путь преграждает обломок скалы или плита, за дело принимаются все. Картерон совершает почти геркулесовы подвиги — ему удается даже сдвигать плиты весом около пятисот килограммов. Сколь ни невероятным это может показаться, нас воодушевляет настоящий пыл первопроходцев и неодолимых препятствий для нас, кажется, нет; главное — это решимость преодолеть их. Лента дороги удлиняется, и когда расчистка ее закончится, добираться до Титераст-н-Элиаса можно будет за четверть часа, а это очень облегчит нам работу по снятию копий.

Когда наша экспедиция была завершена, лейтенант Савиньяк приехал за нами на своих грузовиках «шесть-шесть» и пришел в полный восторг оттого, что в местах, где его машины во время нашей разведывательной поездки едва ли могли пройти, теперь они продвигаются легко и свободно. Когда мы ехали сюда, средняя скорость была шесть километров в час, а обратно — более тридцати пяти.

Последние месяцы мы живем в совершенно удивительной атмосфере, и все члены экспедиции сохраняют об этом неизгладимые воспоминания, даже если кое-кто иногда и прокликает меня за то, что я требую такого напряжения физических сил. Наша каждодневная жизнь

среди этих величественных гор, где воздух так животворен, вдали от ужасных конфликтов, в которые втянуто столько людей, ничем не напоминает жизнь в лаборатории. Ни один из членов экспедиции не отрастил животика, мускулы их окрепли, а кожа потемнела до цвета меди. В лохмотьях, бородастые, грязные, они напоминают искателей приключений старых героических времен. Потрясающий контраст с безупречной выправкой свежесбранных офицеров, которые приезжают нас навестить. Наша молодежь пытается перед осколком зеркала придать себе хоть на несколько минут цивилизованный вид, заправить раздуваемые ветром рубашки. Похоже, что мы в некотором роде были хиппи еще до того, как они появились, но мы это делали не нарочно!

Неожиданным следствием наших земляных работ явилось то, что, поднимая и передвигая камни, мы извлекли на свет божий немало скорпионов, среди них три или четыре вида, совершенно неизвестных в этом регионе, если не во всей Африке, как мне позднее сказали в музее²¹. Немало ящериц и змей будет также отправлено для коллекций лаборатории пресмыкающихся.

Процесс снятия копий от всего этого тем не менее не страдает; в конце концов, оказалось, что дорожные работы даже полезны как перемена занятий, нарушавшая однообразие нашего основного труда. Развлечений у нас немного. Жорж Картерон и Жак Васс в качестве одного избрали охоту. Однажды в воскресенье, день отдыха, они отправляются спозаранку, представляя собой весьма живописную пару, несколько напоминающую Дон Кихота и Санчо Пансу, и в качестве добычи приносят одного-единственного зайца, изрешеченного пулями в клочки. Мы все же их поздравляем. Однажды, когда их сопровождал Билаль, Картерон внезапно в нескольких метрах от себя увидел великолепного муфлона; в безмерном удивлении человек и животное разглядывают друг друга. Картерон настолько восхищен гордой красотой муфлона, что о ружье забывает, а когда приходит в себя, животное одним прыжком исчезает в нагромождениях скал. Наш Немврод²² потом долго будет спрашивать себя, уж не призрак ли ему явился. Билаль однажды вечером у лагерного костра изобразил нам всю эту сцену столь талантливо и забавно, что мы так и покатались со смеху. В другой раз наш присяжный охотник стреляет в муфлона с совсем близкого расстояния и промахивается. С досады он так ударяет о землю прикладом ружья, которое я ему одолжил, что тот разлетается на куски. Для Билала это великолепный повод изобразить еще одну пантомиму. В отместку Картерон подшутил над ним, соблазнив поиграть в «бочонок». Бочонок прикрепляют к играющему ремнем от брюк, а на нос ему кладут монетку, которую он должен забросить в бочонок. Пока Билаль, запрокинув голову и закрыв глаза — таковы правила игры, — старается удерживать монетку в равновесии, Картерон выплескивает в бочонок целое ведро воды и тот обливается. Все хохочут, Джебрин, радостно кудахтая, катается по земле, но Билаль в ярости. Он бросается на Картерона, бьет его ногами, затем, из страха, что упавшую монетку подберут раньше него, кидается на нее ничком и быстро засовывает себе в карман. «Это-то я все равно выиграл», — говорит он.

В одну прекрасную ночь муфлон отомстил Картерону. Жорж устроил свое походное ложе в расщелине скалы напротив нашей столовой, и так как имел маленький радиоприемник, между выступами скалы натянул антенну. Муфлону пришлось в голову спуститься с утесов попасть в уэде; он забрел в наш лагерь, зацепился за антенну рогами и потащил ее за собой. Разбуженный неожиданным падением камней,

Картерон едва успел ухватить свой приемник, который ехал по земле сам собой, и спросонья увидел муфлона, пытавшегося высвободиться из антенны; в конце концов он ее порвал. Пока Картерон поднимался, пока искал ружье, муфлон был уже далеко. А Билаль, икая от смеха, добавил еще одну сценку к своей пантомиме.

Охотничьи вылазки за муфлоном остаются безрезультатными, но разговоры о них в конце концов настолько накаляют страсти, что все начинают мечтать только об одном: поесть свежего мяса. Это побудило нашего доблестного охотника избрать своей мишенью великолепного белого грифа. Я хотел сделать из него чучело, но наша молодежь возжелала во что бы то ни стало съесть его — из любопытства, разумеется, и ради развлечения. Ощипанный, он напоминает большого тощего цыпленка. Грифа положили в котел, куда, чтобы отбить тошнотворный запах, который от него исходил, добавили много лука и перца, и варили четыре часа. Когда блюдо подали, оценки оно получило самые разные, но не осталось от него ни крошки; мясо нежное, и все же, несмотря на очень злую горчицу, для обоняния это жестокое испытание. Приглашенные к столу туареги с отвращением отказались и долго смеялись над нашими странными вкусами.

Однако развлечения эти не всегда столь невинны, и одно чуть было не обернулось трагедией.

Билаль иногда сопровождал Маталья в принудительных поездках за водой; тот был очень доволен, что ему помогают навьючивать на верблюдов полные водой бурдюки. Для Билалья это развлечение и смена декораций, разнообразящие монотонную лагерную жизнь. Однажды на рассвете Маталь попросил у меня разрешения взять Билалья с собой. Я согласился, а Ирэн посоветовала ему надеть новые спортивные башмаки (которыми он очень гордился); потому что придется долго идти по камням. В половине первого Маталь вернулся с двумя верблюдами, но без Билалья, который задержался на противоположном берегу уэда, где встретил Пьера Коломбея, попросил у того прикурить и поинтересовался временем. На часах было точно 12.15. С этого мгновения он исчез. На кухне его не было. В час дня, не ожидая его больше, мы позавтракали. Может, он устал и улегся поспать где-нибудь в убежище, но не в своем, чтобы за ним не пришли и не заставили выполнять его обязанности? Это вполне правдоподобно, потому что он частенько ссылается на головную боль, лишь бы от него отстали. В два часа Билалья все еще нет, и Маталь приходит нам сказать, что у туарегов за едой его тоже не было. Странно! Тем более, что сегодня праздник *мулуд* и они условились с Билалем после обеда на весь вечер пойти в становище племени кель меддак, которое находится от нас в нескольких километрах в направлении Эдейен-эн-Элиаса. И вдруг все это нам показалось совсем ненормальным. Я посылаю сотрудников в ту зону, где Билалья видели последний раз, около временной мастерской Коломбея, на тот случай, если Билаль упал где-нибудь со скал и не может передвигаться из-за раны или серьезного вывиха. Облава не дает никаких результатов. Надо искать в другом месте. Все хотят идти на поиски одновременно в разных направлениях. С великим трудом мне удается их от этого удержать. Один уже и так заблудился, и мне вовсе не улыбается, чтобы они растерялись все. Сахары они не знают, и их неопытность может иметь самые плачевные последствия. Маталь обеспокоен, он знает, что Билалю этот район незнаком, — мальчишка из Джанета, на плато он поднялся первый раз с нами. Даже с туарегами бывают всякие случайности; они лучше, чем кто-нибудь, понимают,

какие опасности может таить в себе их страна. Несколько дней тому назад юный Хауаден — ему около пятнадцати лет — пришел к нам в гости и принес Ирэн ящерицу, которых она коллекционирует, и на обратном пути в свое становище заблудился, двое суток блуждал и в конце концов измученный, изголодавшийся и еле живой от жажды снова вернулся в наш лагерь; еще хорошо, что он последовал неременному правилу, которое им внушается строго-настрого: если не нашел дороги, вернись назад по своим следам.

На Тассили все каменные леса похожи, великое множество песчаных колоннад сбивает с толку и не дает выбрать ориентира, а проходы поворачивают так неожиданно, что неосторожный может там попасть в ловушку, как в дьявольском лабиринте. Человек крутится и крутится на одном месте, пока не устанет, и эта усталость усиливает впечатление, что песок уходит из-под ног; несчастный начинает спотыкаться о камни, тишина давит его, и сам себе он кажется ничтожно маленьким и хрупким среди этой величественной и бесчеловечной природы, все силы которой, кажется, объединились, чтобы сбить его с пути.

Маталь ничуть не сомневается, что Билаль стал игрушкой *дженуна*. Ирэн вспоминает, что Билаль иногда вел себя странно и утверждал, что слышит голоса. Может быть, он был подвержен слуховым галлюцинациям? Все это отнюдь не успокаивает! Я сажусь в лендровер, и мы с Картероном и Маталем направляемся по дороге, ведущей в Титераст-н-Элиас, — может быть, Билалем вдруг овладела тоска и он решил вернуться в Джанет. На высоте массива И-н-Этуами мы встречаем двух караванщиков-туарегов, идущих из Гата в Джанет. Я спрашиваю их и сообщаю, что Билаль обут в спортивные башмаки, оставляющие на земле характерные следы.

«Нет, мы маленького негра не встречали, но следы спортивных башмаков видели в массиве И-н-Этуами, там, напротив».

Мы выходим из лендровера и идем пешком к этому массиву, и еще не перейдя уэда, который отделяет его от И-н-Итинена, я обнаруживаю следы пропавшего; они есть и справа, и слева, много раз пересекаются и уходят во все стороны, ясно показывая, что шедший был неуверен в направлении; следы приводят нас в массив И-н-Этуами, где мы с трудом можем различить их из-за скалистых выступов и плит, на которых отпечатков не остается. Оказавшись в виду Сефарского массива, мы теряем след полностью, а уже наступила ночь. Быстро возвращаемся к машине и едем в лагерь. Там нет никаких новостей. Два туарега, которых мы встретили, Мамма и Эмбарек, остановились в уэде неподалеку от нашего лагеря. Маталь и Картерон отправляются к ним. Затем в сопровождении Маммы они возвращаются к И-н-Этуами и, громко крича, идут вдоль уэда. Им отвечает только слабое эхо. Они возвращаются в лагерь.

Мы решаем, что Маталь и Картерон отправятся завтра на рассвете. Каждый возьмет с собой бидон воды и сухарей и будет искать следы у Сефара. Утром является в лагерь некий Борка и спрашивает, почему Маталь не пришел накануне на праздник. Я рассказываю ему, в чем дело, и пока он ждет Маталья, мы кормим его. В 13.30 возвращаются Картерон и Маталь — оба совершенно без сил. Они зашли за Сефар, вернулись через Ти-н-Рассутин и видели следы Билалья у вырытой в песке ямы, из которой еще можно было начерпать несколько бидонов воды. Какое-то время мальчик шел по верблюжьей тропе, на которой нам вчера встретились два туарега из Гата, но сошел с нее, опять

некоторое время блуждал и ушел в противоположном направлении, хотя, по-видимому, до того добрый час двигался в сторону И-н-Итине-на. Он уже совершенно ничего не узнавал. В 14.30 Борка берет воды, сахару, галет и отправляется к Ти-н-Рассутину. Маталь же, хотя он и очень устал, по моей просьбе поспешно уходит в ближайшее становище за людьми и верблюдами, чтобы немедленно сменить Борку, если тот вернется ни с чем.

Естественно, мои сотрудники настойчиво упрощают меня разрешить им участвовать в поисках. Но я наотрез отказываю им, потому что знаю, что туарегам они будут не в помощь, а скорее в помеху. Лучше предоставить этих великих странников пустыни уверенно ведущему их природному инстинкту. Это навлекает на меня резкие упреки. Обстоятельства тяжелые, и все мы в тревоге, которая ощущается еще острее оттого, что сделать мы ничего не можем. Картерон, который занимался поисками накануне, часть ночи и все утро, — а он самый крепкий и самый опытный, потому что участвовал в одной из прежних экспедиций, — вмещивается и заявляет, что он прекрасно отдаст себе отчет в том, что действительно только туареги могут найти Билалю и идти с ними было бы безумием. К концу дня появляются два двоюродных брата Маталья, Уа-Эндукен и Уа-Изерен; как только Маталь сообщил им о пропавшем, они вышли из своего становища в Эйденен-эн-Элиасе и дошли до Тафелелета, чтобы посмотреть, не отправился ли мальчик, как я и сам сначала предполагал, провести праздник *мулуд* в Джанет со своими родными, но поиски ни к чему не привели.

В 20.45 возвращается Борка. Он видел следы Билалю на тропе из Арума в Ти-н-Алькум около И-н-Зазена в сорока километрах отсюда. Я про себя восхищаюсь Боркой, который способен покрыть столь большое расстояние за такое малое время. Туареги прекрасно знают местность и поэтому умеют находить самый короткий путь, спрямляя его в тех местах, где следы не могут быть видны. В этом виде спорта они непобедимы, и европейцу было бы смешно пытаться соперничать с ними. За ужином туареги намечают план похода. Каждый наполняет водой свой бидон, берет в мешок запас сухарей, сардин, сахара и растворимого кофе. Уже тридцать пять часов, как Билалю видели последний раз, и сорок часов, как он ничего не ел.

На счастье, луна ярко светит. В 22.30 туареги быстро поднимаются, категорически отказываются от того, чтобы их сопровождали несколько моих ребят, которые настаивали на этом до последней минуты, и мгновенно скрываются за утесами.

Ночь не принесла ничего нового. В 8 часов возвращается Маталь. По его словам, Джебрин у себя в становище и должен вот-вот сюда прийти. Я очень жалею об его отсутствии. В подобных обстоятельствах он был бы незаменим, и мы бы выиграли сутки. В 15.30 Маталь, юный Эгиа и еще один мальчик-туарег отправляются за водой в Азекка-Эмирен. В 19 часов Маталь с Эгиа возвращаются, но троих туарегов все еще нет. Не знаю, что и думать. Я колеблюсь между двумя противоположными чувствами. С одной стороны, туареги вышли на правильный след и не сойдут с него, пока не найдут Билалю, живого или мертвого. Но с другой — время неумолимо идет и Билаль свалится от истощения сил и умрет от голода и жажды. Сейчас середина августа, и еще стоит очень сильная жара. Если мальчик инстинктивно не забрался в какое-нибудь укрытие, чтобы поспать, то, по моему мнению, больше двух суток он продержаться не может, а они уже давно истекли. Так я и перехожу от оптимистических предположений к пессимистиче-

ским, стараясь обнадеежить своих сотрудников и Ирэн, которая очень расстроена исчезновением своего поваренка, такого веселого и забавного. Все мы плохо спим, к пище почти не притрагиваемся, все время вглядываемся вдаль. Лучший способ отвлечься — это работа.

Сегодня 15 августа. Ожидание долго не затянется. Скоро мы узнаем исход этой истории. Все мы в напряжении, малейший шорох в уэде или в горах заставляет нас вздрагивать. Больше всего мы боимся увидеть, как наши туареги возвращаются одни или несут с собой бесчувственное тело Билаля. Не слышно обычных шуток, время как будто сгустилось. Около 11 часов в большом цирке, где стоит палатка, внезапно появляется Маталь, и как только я его завидел издали, мне сразу показалось, что в глазах его светится улыбка. Не спеша, без всякого видимого волнения, он говорит мне: «Билаль нашелся. Он тут, чувствует себя хорошо. Пойди к нему».

Какое облегчение! Быстро иду в лагерь туарегов. Они все сидят на земле, измученные, но улыбающиеся, счастливые и гордые тем, что их экспедиция окончилась удачно. Билаль сидит на одеяле, прислонясь спиной к стене грота; черты лица его заострились, глаза потухли; он небрежно протягивает мне руку и, видно, еще не очень понимает, какое опасное приключение он пережил и что уцелел он чудом. Маталь заваривает чай и приготовляет всем поесть. Потом туареги рассказывают мне о своем походе.

Выйдя из И-н-Итинена в 22.30, они сначала шли вдоль уэда Ти-н-Рассутин, потом вдоль уэда Та-н-Ренха и в половине первого добрались до Ти-н-Булегана. Луна зашла, темнота была полная, поэтому они легли и проспали до 5 часов утра. К 7 часам дошли до уэда И-н-Каокал, где есть гельта. В 8.30, все время идя по следам Билаля, они уже были у гельты уэда Изазан, до которого Борка накануне не дошел. В 10.30 они были у Ихинарака, в полдень — в Тиуэрди-н-Гэргу, где есть глубская гельта. Они обнаружили, что Билаль здесь напился и отсюда пошел босиком. У них появилась надежда найти его живым. Не останавливаясь, продолжали путь, в 14 часов прошли уэд Ти-н-Атеким, в 15.30 уэд Тарансела, в 17.30 — Ти-н-Изек, что на дороге в Ти-н-Алькум; в 18.30 они добрались до уэда Белаль-эль-Мусса; дальше они пошли по тропе в направлении Абд-эль-Фока до Ти-н-Тарута, дошли до Риэи на дороге из Арума в Гат, потом шли через Теджеруэльт и в 19.30 достигли Альмоза.

Они заметили, что с некоторого времени Билаль тащился все медленнее и много раз останавливался, чтобы собраться с силами. Инстинкт следопытов подсказал им, что развязка близка, поэтому они удвоили внимание. Снова настала ночь. Они не хотели упустить свою добычу. Дойдя до Ти-н-Брахима, увидели Билалю — он лежал под небольшим скальным навесом, а у скалы неподалеку сидели и сторожили его, как на часах, два шакала. Мальчик казался бездыханным. Чтобы узнать, жив ли, они его окликнули.

«Да, — отозвался Билаль, с трудом очнувшись от забытья, и нашел еще силы спросить: — Что вы здесь делаете? Что вы ищете?» «Тебя!» — ответили трое туарегов. «Спасибо!» — просто ответил Билаль и снова закрыл глаза.

Ему дали немножко фруктового сока, потом глоток кофе и сухарь. Туареги подкрепились тоже — накануне они ничего не ели, слишком дорого было время. Выступили в обратный путь; шли медленно, подерживая Билалю. Они направлялись к гельте И-н-Каокал, потому что их бидоны были уже пусты; туда они пришли в час ночи.

Они натошак за двадцать два часа проделали путь в шестьдесят километров — и это в разгар августа! Что касается Билалья, то между тем моментом, когда его последний раз видел Коломбель, и тем, когда его нашли, прошло пятьдесят шесть часов. Там, где он лежал, не было ни малейшей надежды найти воду; он был настолько слаб, что следующего дня бы уже не пережил, а может быть, погиб бы еще ночью от зубов шакалов! Но выносливость этого подростка все же удивительна. К переходам по Тассили он был совсем неподготовлен, в отличие от детей туарегов, но за последние четыре месяца получал обильную и здоровую пищу, которая укрепила его организм.

Возвращались они напрямик. Сначала, поддерживаемый своими спасителями, которые его все время поили, Билаль еще имел немного силы идти сам, но вскоре туарегам пришлось его поочередно нести, и так его и доставили в лагерь. Целых три дня он почти не двигался и много спал. У него так болели ноги, что он едва мог стоять. Теперь моя очередь расспрашивать Билалья, и я пытаюсь у него узнать, каким образом, уйдя от Коломбеля, мастерская которого всего в четырехстах метрах от лагеря, на другой стороне уэда, он заблудился, хотя ходил здесь раз пятьдесят! Для нас это просто непостижимо.

Но Билаль теряет и ничего объяснить не может. Для него, так же как и для Маталя и других туарегов, тут все проще простого: он попал во власть *дженуна* или, по местному выражению, стал *маджнуном*. Он шел, не отдавая себе отчета в направлении, и не особенно заботился о том, чтобы найти лагерь, от которого один раз был всего в ста метрах. Он полностью потерял понятие о времени и помнил только, что шел ночью и шел долго, потому что скалы были очень красивы в лунном свете! Рассказывая, он много раз подчеркивает эту странную, абсолютно фантастическую красоту; при этом воспоминании глаза его загораются, и кажется, он снова видит, как перед ним из темноты возникают иссеченные песчаниковые глыбы. В какой-то момент его начала мучить жажда. И тогда он увидел маленького *мулой-мулоя* — траурную каменку, хорошенькую черную птичку с белой головкой и грудкой, которую считают божьей посланницей, живущую обычно у водоемов. Билаль пошел за ней и действительно вышел к водоему, где Маталь и Картерон видели его следы, в гелъте Тиуэрди-н-Гэргу; это глубокая выемка с резко наклонными и скользкими краями. Зачерпнуть воды было нечем; он лег ничком, вытянувшись во весь рост, чтоб напиться, и соскользнул в воду. Дитя оазиса, он чуть-чуть умел плавать и, барахтаясь, как щенок, сумел зацепиться за берег и выбраться из водяной ловушки, едва в ней не утонув, что было бы почти невообразимым, но, по-видимому, не единственным случаем. Выбравшись на берег, он снял свои полотняные штаны, чтобы высушить их на камнях, а сам сел рядом отдохнуть в тени, в небольшом углублении скалы. Уже почти засыпая, Билаль увидел, что его штаны схватил шакал и удирает с ними. Мальчик побежал за шакалом, швыряя в него камнями, и одежду удалось спасти. Он вспоминает, что тут окончательно снял кеды, потому что ноги покрылись волдырями и было очень больно в обуви; он связал их за шнурки, повесил себе на шею — слишком ими дорожил, чтобы бросить, — и пошел босиком. Так Билаль продолжал идти, много раз отдыхая в подскальных укрытиях; его одолевала усталость, но больше всего он боялся уснуть, так как заметил, что за ним по пятам идут два шакала и, следовательно, пока он спит, они могут перегрызть ему горло, как они обычно делают с козами. И действительно, когда туарегги его нашли, два шакала сидели на страже.

Я много раз слышал от кочевников Сахары, что шакал инстинктивно чувствует истощенного, умирающего человека и неотступно следит за ним в надежде поживиться. До сих пор я считал эти рассказы легендой, но после свидетельства Билаля и трех туарегов вынужден все же в какой-то мере поверить им.

Чтобы отметить удачный исход этого опасного приключения, которое вполне могло бы окончиться трагически, мы устраиваем маленький праздник. Мы не жалеем *шербы* и чая для трех спасителей, и в свое становище они отправляются нагруженные всяческой провизией — чаем, сахаром, сардинами, вареньем, рисом, печеньем, постным маслом — короче, всем, что мы смогли только выделить из своих запасов; сверх того мы даем им еще хорошее вознаграждение, которое они вполне заслужили, но вовсе его не требовали, потому что старались не ради него. Действительно, во время этого тягостного происшествия все проявили большую сплоченность, а для туарегов немалые физические усилия были совершенно естественны. В Сахаре не оставляют человека на гибель, не попытавшись помочь ему, ведь каждому могут изменить силы, любой может попасть в неблагоприятные условия. Прежде чем уйти от нас, Борка говорит мне: «Благодарим тебя за подарки, которые ты нам сделал, но если бы ты нам ничего не дал, мы бы ничего не попросили. Здесь, в Сахаре, принято помогать людям в беде».

С этих пор Билаль считает меня своим вторым отцом; он говорит, что я вернул ему жизнь. Позже, когда мы возвратились в Джанет, он попросил свою семью пригласить меня на чай с финиками.

В один из последующих дней случается маленькое неприятное происшествие. Когда Картерон собирался залезть в спальный мешок, его ужалил в руку скорпион, пригревшийся в тепле. Мы как раз укладываемся в тот момент, когда он подходит, заикаясь от волнения, к нашей палатке. Мы вскакиваем с постелей, зажигаем свет; я обильно поливаю его марганцовкой, а Ирэн варит ему очень крепкий кофе. Разбуженные неожиданным шумом, сбегаются другие сотрудники; некоторые шатаются спросонья. Разглядывают укус на руке, качают головами, дают советы. Картерон снова отправляется спать. Ночью я несколько раз подхожу к нему, считаю пульс. У нас в аптечных запасах есть противоскорпионная сыворотка, но врач посоветовал мне пользоваться ею только в самых крайних случаях, потому что инъекция вызывает обычно такие же болезненные явления, как и сам укус. На следующее утро Картерон завтракает с нами и кажется вполне живым; он ощущает слабую боль в руке, у него несколько увеличен паховый лимфатический узел, и мизинец в какой-то степени потерял подвижность. Я спрашиваю его, где скорпион; он приносит мне в коробочке прекрасный экземпляр, совершенно черный, с ядовитым жалом длиной около сантиметра.

«Ты как его убил?» — «Не знаю, ничего я с ним не делал, не ударил — вообще ничего...»

Насекомое и вправду совершенно цело. Кто бы мог подумать! Скорпион ужалил Картерона, и сам же от этого умер!

Немного позже такой же случай произошел с Пьером Мартэном, но и тут все обошлось без последствий.

Наконец-то явился Джебрин! Я ему наказываю, чтоб Билалю больше за водой не посылали, даже если тому это доставляет удовольствие. Жизнь входит в свою прежнюю колею, с той разницей, что настроение у всех несколько поднялось. Билалю все время навещают туа-

регские мальчишки и с восторгом слушают рассказ о его приключениях, который он не устает повторять. К Джебрину постоянно приходят в гости родственники и знакомые. Туареги племени кель-меддак проявляют к нам особенное уважение за старания, которые мы приложили, чтобы спасти Билалю.

В Джанете произошли весьма неприятные события. Получено известие, что отряд мехаристов, стоявший у ливийской границы, дезертировал, прихватив оружие и снаряжение. Другой отряд был распущен, но люди захватили вьючных верблюдов, находившихся на пастбищах. Командующий гарнизоном в Джанете взбешен: «Вот они, ваши друзья туареги! Хорошенькое дело!»

Я отвечаю, что на их месте поступил бы так же. Что такое в нынешней ситуации несколько верблюдов? И кроме того, наверное, долгие годы верной службы тоже чего-то стоят? Да и кто бы купил вьючных верблюдов, когда французы вынуждены уехать? Из уст в уста передаются распоряжения ничего не покупать у французов, что наносит ущерб многим семьям, которые счастливы были бы продать свой холодильник, а не бросать его здесь из-за нехватки транспортных средств.

Некоторые из тех, кто служил в армии, приходят к нам в лагерь, в их числе Мохаммед аг Брахим, который был с нами на Тиссукаи; он хочет наняться к нам на службу; его я беру, но всех, разумеется, взять не могу. Эти люди остались без жалованья. На что они будут жить и кормить свои семьи? Более того, они боятся репрессий и не смеют появиться в Джанете. Когда Мохаммеду приходится туда отправиться по нашим делам, он соглашается на это только в том случае, если я гарантирую его безопасность. Приходится пережить нелегкий период, но враждебности по отношению к нам мы не заметили ни со стороны тассилийских туарегов, ни со стороны населения Джанета. Все настроены скорее дружелюбно.

В И-н-Итинене, как и в Та-н-Тартаите, под одним навесом, стены которого были покрыты росписями «периода полорогих», я обнаружил культурный слой. Я произвел раскопки с помощью Пьера Мартэна, который не пожалел труда просеять все пылеобразные зольные отложения слоя. Здесь два очага, и в одном из них сохранилась на три четверти обуглившаяся козья голова. Около нижнего очага мне удалось собрать целый ряд бусин из скорлупы страусиных яиц на разной стадии изготовления, кремь, служивший для сверления отверстий для нанизывания, костяные шила. Расположение этих разнообразных предметов четко показывает, что женщины, продолжая следить за приготовлением пищи, чинили одежду из шкур, а одна модница предпочла делать себе украшение. Вечное женское кокетство! Кроме многочисленной керамики в слое были обнаружены обломки жернова, зернотерки, наконечники стрел, пластинки с обработанными краями, палитра для красок, на которой еще сохранилась охра. Пищевые остатки все лежат в одном месте, что означает, что сидевшие у очага люди механически бросали их в эту сторону. Более старый очаг имел возраст 4860 ± 250 лет, что соответствует 2910 году до н. э., а более недавний — 4630 ± 250 лет, что соответствует 2680 году до н. э.

В самой верхней части слоя, которую я отношу к «периоду лошади», с гладкой, без орнамента, керамикой, обнаружено замечательное костяное украшение для волос.

Гранулометрический анализ показал, что в ту эпоху дули слабые ветры.

Если говорить о растительности, то она имела тот же характер,

что в Та-н-Тартаите, то есть здесь произрастали сосны, кипарисы, дубы, европейское масличное дерево. Таким образом, изучение двух слоев выявило, что в два относительно влажных периода здесь существовала средиземноморская растительность.

И-н-Итинен чрезвычайно обогатил наши знания. Нам посчастливилось найти здесь не только палитру, на которой сохранилась красная охра, мы обнаружили в других укрытиях еще и маленькие плоские жернова, а вместе с ними пестики, предназначенные для растирания охры, и чашечки для разведения красок, так что теперь мы составили себе достаточно точное представление о том, чем пользовались художники «периода полорогих».

Очень повезло моему коллеге Ф. Мори в массиве Акакус на ливийской территории: производя раскопки, он между двумя культурными слоями с остатками очагов нашел обломок породы, отвалившийся от стены, на котором сохранился фрагмент фрески «периода полорогих». Поскольку оба слоя удалось датировать, было определено, что обломок относится к 2780 году до н. э. Это неопровержимое свидетельство того, что слои, которые по своему содержанию были отнесены к «периоду полорогих», действительно восходят к нему.

Нет ни одной скалы с росписями «периода полорогих», где не были бы видны следы временного пребывания людей — керамические черепки, неподвижные (нижние) жернова, зернотерки, наконечники стрел, топоры, плакетки с обработанными краями, рубила и так далее. На Тассили я раскопал уже около десятка неолитических стоянок, и все они приблизительно сходны между собой. Для «периода полорогих» — это мусор, оставленный пастухами, состоящий из пищевых отходов. Удивительно то, что остатки лежат под скалой на нетронутом слое песка и глины, который по толщине не превышает десяти сантиметров и содержит очень мало фрагментов, отделившихся от стен в результате эрозии. Ни разу мне не удалось обнаружить в этих слоях ни малейших следов человеческой деятельности, предшествующей неолитическому периоду.

Во время нашего пребывания в И-н-Итинене на эти места обрушился такой сильный дождь, что вода стала просачиваться сквозь мощные выступы скал, под которыми мы расположились. Мы тут же поставили под эти ручьи всю свободную посуду, чтобы собрать небесную влагу; в одном из тазов, после того как вода отстоялась, я обнаружил обильный глинистый осадок. Поскольку он принесен водой, осадок намыт с поверхностной части скал, во впадинах которых задержалась глинистая пыль, занесенная песчаным ветром. Таким образом, становится понятным, как образовались песчано-глинистые слои под скальными навесами. Почему же тогда в них нет слоев более древних, чем те, что соответствуют «периоду полорогих»? Я думаю, потому, что как раз перед тем был период больших дождей, которые промыли укрытия, унеся части породы, осыпавшиеся со стен, — в противном случае они бы остались на земле. Следовательно, период большой влажности был в Сахаре не в столь уж давние времена; этот же факт может служить объяснением тому, что в гористых местностях Сахары не было найдено ни одной стоянки, предшествующей неолиту.

На И-н-Итинене мы особенно хорошо могли наблюдать результаты эрозии песчаниковых масс дождевой водой — желобки, канавы, впадины, за тысячелетия разъевшие песчаники и давшие ветрам тот материал, из которого образовались сначала дюны, потом барханы и, наконец, поглотивший все песок. Разумеется, начало этого процесса вос-

ходит к очень древним временам, потому что обычно считается, что навесы и ниши образовались при очень жарком и влажном климате, вызвавшем интенсивное химическое разложение, что-то вроде гниения оснований скал.

До чего же величественное зрелище представляет собой эта струящаяся по песчаникам вода, прыгающие по уступам стен каскады, с шумом обрушивающиеся на кучи камней; потоки, стремительно заполняющие уэд, готовые своим яростным течением унести не успевших укрыться в надежном месте людей и животных; гигантские котлы, в которых водяные вихри со скоростью огромного волчка крутят камни. Под тяжестью обрушивающейся на них воды размытые в основании скалы падают и, с адским грохотом ударяясь о землю, рассыпаются на куски, так что воздух сотрясается на много километров вокруг, например в Джаббарене. В Сахаре, а особенно на Тассили, дождь придает пейзажу незабываемый вид. Наполняются гельты, напиться водой песок. Людям этой воды хватает иногда на недели или на месяцы, а порой и на годы; животные также на несколько месяцев обеспечены кормом; повсюду из земли появляются ростки *ашеба* — осень после обильного дождя дает богатые пастбища. Зато с корнем вырваны несколько деревьев, которые еще росли на высотах, и почвенный слой, до того оставшийся на склонах гор, смыт окончательно. В результате за десятилетие атмосферные осадки, по-видимому, приносят столько же вреда, сколько пользы, потому что окончательное уничтожение леса способствует полному исчезновению почвы. Но в этих нечеловеческих условиях пустыни люди живут сегодняшним днем и используют только то, что сегодня может обеспечить их выживание.

Дождь, извергавшийся водопадом несколько дней на Тассили, воодушевил моих сотрудников и дал им пищу для размышлений. Из чтения различной литературы они составили себе представление, что эрозия здесь носит ветровой характер; теперь, разглядывая росписи, сохранившиеся на скалах в течение более чем пяти тысячелетий, они начинают понимать всю сложность этого явления. В некоторых случаях наличие ветровой эрозии несомненно, но роль ее преувеличивать не следует.

После дождя снова устанавливается ясная погода, и несколько дней мы дышим восхитительно свежим воздухом, но это, к сожалению, длится недолго.

Картерон воспользовался несколькими свободными днями, чтобы попытаться поднять зайца, и в своих поисках набрел на осыпь, под которой было что-то вроде небольшого темного помещения. Как только глаза его привыкли к темноте, сквозь белый налет, покрывавший все внутри, он различил на двух стенах росписи. Жорж снимает налет губкой и с удивлением обнаруживает, что, если к нему поднести спичку, он медленно горит, как резина. Мы наполняем этим веществом до половины банку из-под растворимого кофе и отдаем его на анализ; оно датируется 300 годом до н. э. Следовательно, росписи были покрыты этим слоем гораздо позже времени их создания, для того чтобы скрыть их. Из каких соображений? По всей видимости, этого мы никогда не узнаем. Что же касается самих картин, то на них представлены какие-то странные человеческие фигуры, с прическами в форме колпака, нарисованные красным, желтым и белым, причем при расчистке, правда осторожной, стены краски совсем не пострадали и их яркость просто удивительна. Верхние части лиц у людей прикрыты масками, а на

одном надета львиная голова. Эти маленькие стилизованные маски дают хронологический ориентир, поскольку напоминают негритянские маски «периода круглоголовых». Уже четвертый раз росписи такого стиля и выполненные в такой технике встречаются в темных убежищах, — по всей видимости, эти укрытия служили местом инициации.

Мы все более убеждаемся в том, что И-н-Итинен — одно из самых интересных становищ на Тассили. Помимо «великих богов», подобных тем, каких мы видели в Сефаре, тут есть великолепная человеческая фигура в головном уборе «мирового судьи», многочисленные росписи «периода круглоголовых», слоны более чем четырехметровой высоты, большие быки, какие-то животные с песьими головами, крокодил и прочие.

К «периоду полорогих» относятся великолепные ансамбли, например красивые женщины верхом на быках в богатой сбруе, к боку которых приторочены бурдюки с водой — весьма интересная этнографическая подробность, свидетельствующая о том, что это весьма древний способ транспортировки воды. На той же фреске изображена сцена суда; люди в парадных костюмах и воины при оружии, одетые в настоящие мундиры, указывают на существование социальной структуры с резко выраженными иерархическими ступенями; вся композиция отличается высокими художественными достоинствами.

Что же касается росписей, относящихся к «периоду лошади», то к ним прибавились еще два изображения боевых колесниц.

Работа в Титераст-н-Элиасе, массиве, отстоящем от нас километров на двенадцать, не представляет никаких особых трудностей, поскольку наша знаменитая тропа позволяет быструю переброску людей и оборудования. Там мы находим целую коллекцию росписей. Кроме того, три найденных там очага дали материал, годный для анализа, в результате которого были получены даты: 1320, 2610 и 5450 годы до н. э. Последняя дата, самая ранняя из всех, полученных до сих пор для Тассили, относится к скальному навесу, на стенах которого можно различить остатки живописи «периода круглоголовых». Следовательно, росписи «круглоголовых» принадлежат, по всей вероятности, к этому времени, но для полной уверенности следует подождать еще и других датировок.

В одном скальном навесе, где в самые жаркие часы относительно прохладно, использовавшие его охотники-туареги оставили множество костей муфлонов и газелей; мы с Картероном попытались, развлечения ради, из костей, которыми был завален пол, изготовить шила и иглы с помощью обычного куска песчаника, найденного тут же. К нашему величайшему удивлению мы выяснили, что вполне возможно изготовить орудия из кости путем простого трения их не о специальный камень, а об обыкновенный камень! У Картерона получилась вполне приличная иголка, ушко которой он просверлил остроконечным кусочком кремня, подобранным на земле. А сколько гипотез строилось для объяснения столь простой технологии и сколь сложной она представлялась!

Пришло время окончательно упаковываться и возвращаться в Джанет. Не могло быть и речи о том, чтобы бросить здесь животных, к которым мы привыкли: десяток ящериц, которых Ирэн собрала и кормила; пять живых гадюк, помещенных в пустой металлический ящик, где раньше хранилась мука для *кускуса*; длинного и очень красивого ужа, которого мы с Картероном поймали после невероятных акробатических трюков в скалах. И, естественно, Тазульт и Сейед, которым придется первый раз путешествовать в автомобиле. Билаль будет в пути при-

смаatrивать за Тазульт — она вот-вот должна ощениться. А Сейеда я увез с собой во Францию, и он стал для нас живым воспоминанием о последней большой экспедиции на Тассили; соседям нашим он внушал ужас, а друзьям — бояzливое восхищение.

Вот уже два дня, как мы в Джанете. В один из вечеров, когда мы в компании последних оставшихся в бордже французских военных смотрим фильм, входит вестовой и передает коменданту сообщение о том, что пропал самолет гражданской авиации, вылетевший в район Мадамы на ливийско-нигерийской границе. В последней принятой радиограмме сообщалось, что, не найдя пункта назначения, самолет развернулся в обратном направлении, но из-за нехватки горючего вынужден сесть в «уэде между двумя горами».

Комендант немедленно поднял по тревоге и выслал на поиски несколько вездеходов «шесть-шесть»; они прошли вдоль всего барьера Тассилийского нагорья, исключив из района поисков эрг Адмера и Тенере, находящиеся к югу от Джанета, где нет никаких «уэдов между двумя горами». На следующий день к 13 часам они вернулись ни с чем.

Целый день над районом патрулирует специально снаряженный на поиски разведывательный самолет с аэродрома в И-н-Аменасе, но ничего не обнаруживает. Утром третьего дня в Джанете приземляется маленький двухмоторный самолет, совершенно такой же, как пропавший, и принадлежащий той же компании. Пилот проделал путь от Алжира без штурмана и второго пилота. Поскольку поиски могут затянуться, мы решаем прийти на помощь. Картерон полетит вместо второго пилота, а я вместо штурмана.

В 14.30 мы пристегиваем привязные ремни и взлетаем. Я расположился позади пилота, карты лежат передо мной. Радио настроено на И-н-Аменас, который координирует все спасательные операции. Мы принимаем передачу открытым текстом, причем слышимость прекрасная, и я могу оценить успехи, сделанные в этой области за несколько лет. Мы летим над Тассилийским нагорьем в направлении И-н-Эззана по трассе, ведущей в Мадаму, по которой должен был лететь потерпевший аварию самолет. Между двумя определениями я рассматриваю местность в бинокль — мы находимся на высоте 1200 метров, что дает широкий обзор для наблюдений. Есть ли у экипажа маленькие зеркальца, так называемые SOS, отражающие пучки световых лучей, видимые за много километров, мы не знаем. Мы ничего не видим.

Пилот делает расчеты и сообщает нам свое мнение, кажущееся вполне правдоподобным. Если самолет достиг района Мадамы, не нашел площадки для приземления и развернулся, то запаса горючего ему должно было хватить только для того, чтобы сесть много западнее Джанета.

Но где и как его искать, если в качестве ориентира мы имеем указание самого общего характера: «Садимся в уэд между двумя горами»? При других обстоятельствах это можно было бы принять просто за глупую шутку, но в данном случае это скорее свидетельство полной растерянности пилота, не имевшего даже отдаленного понятия о том, где он находится.

Зато мы точно знаем, что в качестве запаса воды и продовольствия у него с собой только несколько бутылок минеральной и бутерброды. Следовательно, нужно методично искать вплоть до самого И-н-Эззана и, если с этой стороны мы ничего не обнаружим, продолжить поиски в противоположном направлении, то есть к западу от Джанета.

Мы находимся в воздухе уже около часа, когда нас внезапно вызывает И-н-Аменас.

«Внимание, внимание, примите сообщение. Самолет Пайпер ХУЗ обнаружен разведывательным самолетом на $X^{\circ}Y'$ северной широты, $X^{\circ}Y'$ восточной долготы. Пилот заметил ходящего около самолета человека, но не может понять, это потерпевший аварию пилот или местный житель. Конец».

Я прошу И-н-Аменас повторить координаты и отмечаю их на карте. Самолет находится в центре массива Анахеф, в северо-восточной части Хоггара, то есть к юго-западу от Джанета, что полностью подтверждает предположения нашего пилота. Я хорошо знаю район, о котором идет речь, и знаю, что туареги там практически не бывают, а для вездеходов он недоступен. Запрашиваю связь с И-н-Аменасом.

«Алло, И-н-Аменас. Место посадки самолета Пайпер ХУЗ для вездеходов недоступно. Посылайте вертолет. Район кочевниками не населен. Замеченный — член экипажа. Конец».

Два дня спустя мы узнали, что экипаж действительно был спасен вертолетом и доставлен в Таманрассет. Только у одного из пассажиров нашлись силы, чтобы подняться, остальные настолько ослабели, что лежали в тени крыльев.

Мои сотрудники летят прямо в Париж, увозя с собой весь наш багаж и живых гадюк в бидоне, который они ставят в одном из коридоров Музея Человека.

Картерон, Ирэн, я и Сейед добираемся машиной сначала до Таманрассета, потом до И-н-Салаха, Аулефа и Реггана, где сдаем автомобиль в багаж на железной дороге. Сейеду приходится совершить первое и последнее в его жизни воздушное путешествие, Картерон держит его на поводке и все время успокаивает.

Придя в музей, я застаю там в служебно-хозяйственных помещениях страшный переполох из-за наших животных, которые в своем месте заточения подняли жуткий грохот, переполошивший уборщиц и хозяйственную дирекцию. Когда все узнали, что в бидоне живые гадюки, паника дошла до предела и по коридору никто не решался даже пройти. Не успел я ничего объяснить, как меня попросили поскорее убрать моих питомцев. Я поспешно отнес их в виварий музея, на радость посетителей.

Истины ради должен сказать, что директор отнесся к этой истории с юмором. Наверное, он вспомнил, как некогда, по возвращении из Черной Африки, забыл в такси полную коробку скорпионов и как пришлось в течение нескольких дней всеми средствами радио и печати призывать парижан к осторожности.

Так окончилась наша долгая экспедиция 1962 года, столь богатая находками и событиями.

ЮЖНЫЙ ОРАН И ХОГГАР.
1964—1965

Начиная с 1956 года я провел в общей сложности несколько месяцев в Южном Оране, что позволило мне изучить на месте наскальные рисунки этого района, весьма многочисленные и превосходные по качеству. Первые рисунки на песчаниковых скалах Сахарского Атласа были обнаружены в 1849 году французским разведывательным отрядом, направлявшимся в Аин Сефра. Это было первое открытие произведения доисторического искусства, о котором в то время практически не имели никакого понятия. В том же году немецкий исследователь Генри Барт сообщил о первых наскальных рисунках в Феззани и предсказал, какой интерес они представят для изучения истории населяющих Сахару народностей.

Вдоль горного хребта Ксур можно встретить изображения великолепных слонов, огромных древних буйволов, баранов, несущих между рогами либо некий шарообразный предмет, либо какие-то другие украшения, что приводит на память барана египетского бога Амона и заставляет предполагать египетское происхождение рисунков. К этому нужно еще добавить «становище ста пятидесяти колесниц» в уэде Лар'ар.

Изучив, как рисунки налагаются друг на друга и их стиль, я пришел к выводу, что они расположены в три слоя, для которых характерно наличие изображений древнего буйвола — вымершего вида, в данном случае играющего роль «окаменелости-определителя». От тех, кто занимался этими рисунками до меня, кроме Г.-Б.-М. Фламана, к несчастью, умершего, не завершив своей работы, эти различия ускользнули, к тому же исследователи придавали хронологии второстепенное значение. Зато благодаря исследованиям профессора Вофре известно, что эти древние рисунки восходят к эпохе неолита, потому что орудия, которыми они выполнены, были найдены тут же на месте и никаких изделий, относящихся к более древним временам, в непосредственной близости от них не обнаружено. Я решил, что, благодаря выявленным мной наложениям рисунков друг на друга, смогу доказать существование диких лошади и быка, которых до того принимали за домашние виды. Изучение рисунков в Южном Оране послужило для меня

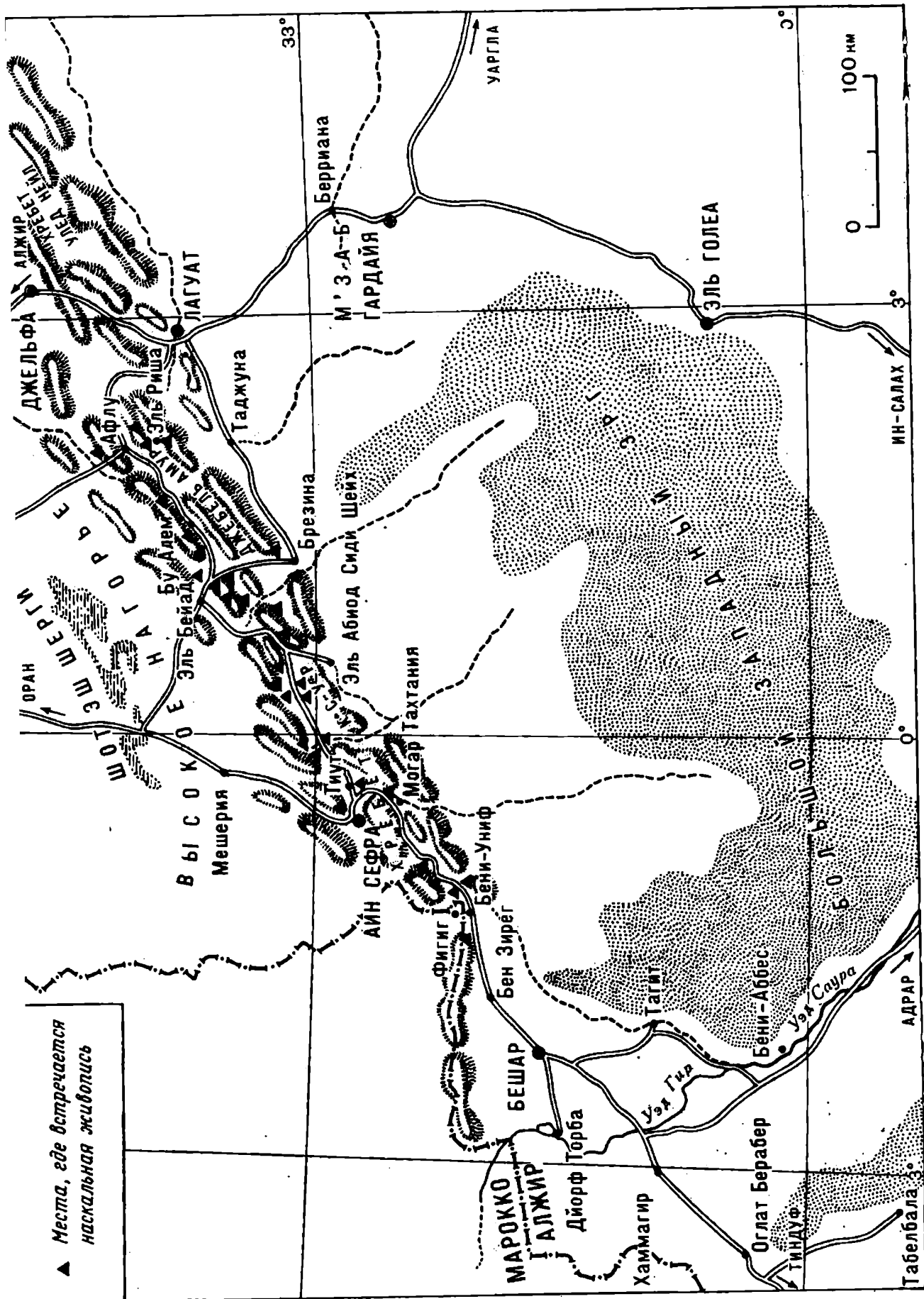
самой лучшей подготовкой к работе в уэде Джерат, потому что знание наскального искусства можно приобрести только на месте.

И хотя я уже отредактировал большую часть работы, посвященной Орану, после всего, что я увидел и узнал на Тассили, я счел нужным внести в нее кое-какие исправления. А потому в конце апреля 1964 года я отправился в Бени-Аббес, в сахарскую лабораторию, подчиненную «Национальному центру научных исследований», где получил назад оба свои лендровера. Меня сопровождал один-единственный сотрудник, фотограф Жерар Луи-Клеман, которого я знал еще по Тассили,— в качестве дополнительной нагрузки ему пришлось сесть за руль второй машины. Мы должны были методически, становище за становищем, снова просмотреть все рисунки между Бени-Унифом и Афлу.

Мы знали, что до некоторых становищ добраться очень нелегко. Вся колючая проволока, установленная в Алжире за время войны, еще оставалась на месте, и целые районы еще не были разминированы, а взлететь в воздух из любви к наскальной живописи нам не улыбалось. Соблюдая осторожность и особенно благодаря помощи местных пастухов, которые не раз проходили по этим опасным местам, нам удалось побывать всюду, кроме ущелья Зенага, потому что дорога к нему была перекрыта, на этот раз из-за конфликта между Алжиром и Марокко. С другой стороны, мне пришлось пережить и кое-какие разочарования. Например, в Бени-Унифе, где скалы, на которых в 1955 году я видел рисунки, были разбиты деревенскими жителями на камень для строительства домов. В Хаджра Махиссерате великолепное панно, на котором изображены слоны, было покрыто слоем масляной краски,— кажется, это сделали французские военные для того, чтобы оно лучше вышло на фотографии! В Тиуте на большом панно со львами и охотниками, том, что находится над пальмовой рощей, красуются свежие надписи по-арабски. В Шебха Дирхеме, где еще лет десять тому назад я видел изображение хорошенькой, маленькой; тонко нарисованной лошадки, я не нашел ничего. Все окрестные скалы были разрушены для того, чтобы замостить дорогу. В Могар Тахтаниа рисунки перемежаются с арабскими и французскими надписями. В Эль Риша прекрасные рисунки, изображающие буйвола, поцарапаны камнем. И наконец, в Гарет Эт-Талебе вся стена рядом с изображением «скорпиона» изрешечена пулеметной очередью, и это еще просто чудо, что сам шедевр не разлетелся на куски. Скалы почернели от зажигательных бомб, корпуса которых валялись кругом. Как тягостны отсутствие уважения к наследию прошлого и устрашающая людская глупость! Но что можно поделать в стране, наполовину занятой пустыней, где охрана памятников почти невозможна?

Нам посчастливилось открыть несколько рисунков, которые до сих пор оставались незамеченными: в Гелмуз Эль-Абиоде, в Гуирет бент Салуле и в Росфат Эль-Хамра Мен Эт-Тате. Это позволило мне пополнить коллекцию копий и фотографий.

Мы произвели пробные раскопки в Бу Аleme и в Гарет Эт-Талебе в надежде найти очаги и орудия, которыми исполнялись рисунки, но, увы, напрасно. Зато я провел очень тщательное исследование и теперь, как мне кажется, могу утверждать, что бараны, которых обычно относили к более поздним временам, чем буйволов и слонов, современны им; часто они изображены на одних и тех же поверхностях скал, выполнены в одинаковой технике и покрыты одинаковым слоем патины. Была ли овца в те времена одомашнена? По всей вероятности, нет, но, может быть, были экземпляры, содержащиеся в неволе, и, во всяком

случае, она служила объектом культа. Позднее овца лишится культовых атрибутов и будет изображаться не отдельно, а стадом, рядом с человеческой фигурой, представляющей, похоже, пастуха. Возможно, это и было началом одомашнивания? Однако баран Южного Орана не имеет ничего общего с бараном Амона²³, который появляется в Египте только при XVIII династии. Значит, первый старше последнего приблизительно на три или четыре тысячелетия. Чем дальше продвигаются исследования, тем больше приходишь к выводу, что нельзя все сводить к влиянию Египта, как это делалось в прошлом. Последние находки показали, что наскальные рисунки Южного Орана и Сахары в целом оказались гораздо древнее самых ранних по времени художественных произведений, которые дал Египет. Недавние раскопки в Хоггаре обнаружили неолитические слои, содержащие керамику, которую способом радиоуглеродного анализа датировали ранее 6500 года до н. э. Если эта дата подтвердится, значит, мы имеем дело с центром неолитической культуры столь же древним, как на Ближнем Востоке²⁴. Несомненно, в Египте нет столь древних рисунков, как в Южном Оране или в Центральной Сахаре. Раскопки, произведенные в Египте во время работ по спасению памятников Нильской долины, показали, что самые старые рисунки в этой стране не могут быть старше «периода полорогих».

Если же говорить о связи между рисунками Южного Орана и Центральной Сахары, то она несомненна. Наблюдается идентичность стиля, техники и патины. В Магрибе сохранность их хуже из-за разрушающих скалы дождей, которые в некоторые годы весьма обильны, и снега.

Темы, однако, варьируются: например, баран с шарообразным предметом между рогами, который в Южном Оране играл, по-видимому, важную роль, не встречается больше нигде в Сахаре, хотя там есть еще два больших центра наскальной живописи: Тассили-н-Аджер и Феззан. У каждого центра есть свои характерные особенности и свои собственные сюжеты. Если в Южном Оране доминирует баран, то на Тассили или в Феззани чаще встречаются сюжеты сексуального характера с многочисленными и часто откровенно реалистическими сценами совокупления. На Тассили очень распространен рисунок спирали, причем встречается он в связи с фигурами и людей, и животных, но ни в Феззани, ни в Южном Оране он не обнаружен.

Авторы всех этих рисунков, насколько можно об этом судить по профилям человеческих изображений, принадлежали к одной и той же белой расе, однако отдельные группы людей уже, вероятно, достаточно разошлись, чтобы верования их были различны. И более того, каждая из этих групп эволюционировала по-разному, в зависимости от условий жизни, климатических факторов и различных конфликтов, в которые вступали те или иные племена, что и отражает наскальная живопись каждого региона.

Из этого следует, что установить общую хронологию и единую классификацию для всех наскальных рисунков Сахары нельзя и что каждый регион должен изучаться особо, причем исследовать нужно каждый сектор методически, чтобы получить все возможные характеристики для сравнения.

Что касается происхождения рисунков, оно остается по-прежнему загадочным. Некоторые ученые полагают, что корни их лежат в Капсийской культуре североафриканского верхнего палеолита, центры которой находились в основном на нагорьях Константины и в Тунисе и которая оставила нам несколько прорисованных плакеток и маленьких

скульптур среднего достоинства. Мне кажется, что эта гипотеза не основана на убедительных аргументах. Я признаю, что не могу предложить взамен никакого другого решения. Хронология сахарского неолита только разрабатывается, и даты, полученные методом радиоуглеродного анализа, показывают, что он древнее, чем это предполагалось всего несколько лет тому назад. Новейшие методы — радиоуглеродный анализ, пыльцовый анализ (палинография), гранулометрия и другие — придают исследованиям по первобытной истории все более научную основу, но результаты еще слишком немногочисленны, чтобы делать окончательные выводы.

Когда я вернулся в Бешар, майор Жийом принес мне три куска песчаниковой плакетки, подобранные в *хаммада* Хаммагир, показавшиеся ему обработанными. Когда в Музее Человека ее собрали и склеили в одно целое, стало видно, что это сокол с тонко вырезанной головой. Эта вещь была на поверхности неолитического слоя, в котором попадалось множество обработанных предметов. В Египте известно большое количество близких по форме плакеток, тоже с изображением сокола, но меньших размеров; эти маленькие резные предметы, встречающиеся в гробницах додинастического периода, служили дощечками для растирания косметических красок, а может быть, имели и магический характер. Еще раз выявилась аналогия с тем, что производилось в Египте, и даже можно задать вопрос: не является ли этот предмет предшественником изображений египетского бога Гора? Это всего лишь гипотеза, но египетская цивилизация не родилась на пустом месте; верования, которые она отражает, должны были, хотя бы частично, иметь своим источником верования неолитических народностей, живших в окрестностях Нильской долины, — может быть, и в Сахаре. На сегодняшний день плакетка из Хаммагира — единственный известный предмет такого рода.

В 1965 году я отправился в Тагит, прелестный красочный маленький оазис на юге Бешара, рядом с которым существует прекрасный ансамбль скальных рисунков. Априори можно было предположить, что это юго-восточное продолжение цепи изображений Южного Орана, которая простирается от Джебель Амура до хребта Ксур. Однако это совершенно не так.

Там можно увидеть великолепные панно с изображением быков; контурная линия прекрасно отполирована, равно как и вся поверхность внутри рисунка. У всех этих жвачных — рога в форме лиры, что соответствует виду *Bos africanus*, сильно отличающемуся от *Bos ibericus* Южного Орана, имеющего толстые и короткие рога. И хотя они покрыты густым слоем патины — нужно уточнить, что большая часть этих рисунков вырезана на горизонтальных плитах, а потому действие солнечной радиации на них очень велико, — они довольно поздние и отличаются замечательным качеством; эти рисунки следует отнести к одной из «школ» «периода полорогих». Рядом можно видеть более ранние изображения и весьма посредственных львов, которые можно отнести к периоду упадка стиля «периода буйвола», особенно ярко выраженному в Южном Ороне; для этого времени характерны сидящие на корточках молящиеся фигуры и изображенные рядом с ними львы и страусы, неважные по стилю и примитивные по технике исполнения. Остальное — маленькие быки и лошади, более или менее определенно связывающиеся с прочерченными буквами ливийско-берберского алфавита²⁵, — большого интереса не представляет.

Обследовав всю зону между Бешаром, Оглат Берабером и Табелбалой, мы не нашли ни одного нового рисунка. В Хаммагире, напротив, мне посчастливилось увидеть маленькое живописное панно, обнаруженное военными с базы; на нем изображены красивые небольшие лошади и изящные антилопы. Это единственная роспись во всем районе. Стилль изображения животных напоминает расписанные плиты, найденные раньше неподалеку отсюда, в Джорф Торба, в доисламском кургане; они датируются благодаря ливийско-берберским надписям, которые не могут быть старше первых веков нашей эры.

Весь этот район необычайно богат доисторическими культурными слоями, лежащими прямо на поверхности, а потому охота за наконечниками стрел — любимое развлечение здешних военных. Эта мания охватила и здешних кочевников, которые у входа в столовую предлагают их по динару за штуку, причем если берешь несколько штук, то цена падает до полдинара и ниже. Сколько же археологических богатств распыляется таким образом, сколько слоев потеряно для изучения! Все, что мне удалось сделать, это заинтересовать одного увлеченного археологией офицера и заставить его зарисовать план всех обнаруженных стойбищ, с чем он прекрасно справился. Хоть документ останется! Помощь добровольцев в Сахаре нельзя переоценить: археолог не может поспеть повсюду и часто ценная информация поступает от военных самого разного звания. Таким образом были сделаны совершенно исключительные открытия, например росписи Тассили, которыми мы обязаны лейтенанту Бренану; есть и много других — всех имен перечислить невозможно, эти люди компенсировали ущерб, нанесенный памятникам военными и гражданскими лицами. Особенно я имею в виду «нефтяников», которые в Большом Восточном Эрге предавались откровенному грабежу и привезли во Францию целые ящики, битком набитые предметами первобытной культуры; к несчастью, все это валяется по чердакам и, может быть, в один прекрасный день попадает на барахолку, а ведь некоторые вещи не представлены в музеях.

Обстоятельства позволили мне обследовать эрг Эр-Руи и эрг Эль-Ачан; в один я попал из Табелбалы, а в другой — из Оглат Берабера. В этих покрытых дюнами районах нет никакой надежды найти наскальные рисунки или росписи, зато очень многочисленны различные предметы первобытной культуры, относящиеся к самым разным эпохам.

К величайшему своему удивлению, я обнаружил, что весь этот обширный район был прежде покрыт болотами. Свидетельством тому служат поднимающиеся там и тут бугры, внутри которых находятся окаменелые корни, а на них — обломки древесных стволов. Эти окаменевшие деревья не имеют ничего общего с деревьями третичного периода, часто встречающимися в Танезруфте, где на поверхности на довольно больших пространствах лежат внушительные окаменевшие стволы, зачастую рядом с костями динозавров. Здесь болота существовали в более поздние времена. Остатки террас показывают, что они поднимались на четыре или пять метров над нынешним уровнем почвы; впрочем, и сама почва часто образована глинистыми озерными донными осадками, изобилующими раковинами моллюсков. Берега этих древних озер густо усеяны орудиями эпохи неолита; здесь попадаются рубила с плоским основанием, что позволяло очень удобно держать их в руке, много просверленных бусин из скорлупы страусовых яиц. Но хотя бусин здесь очень много, среди них нет ни одной орнаментированной, так же как среди тех, которые мне приходилось видеть в частных коллекциях. Я подчеркиваю эту деталь, поскольку существовало предположение, что

орнаментировка изделий из страусовых яиц, восходящая к африканской Капсийской постпалеолитической культуре, была характерна для всего неолита Южного Орана и прилегающих к нему с юго-запада районов, вплоть до Рио де Оро. Но до сих пор все мои исследования по этому вопросу в зоне Бешара, плато Гир, Эр-Руи и Эль-Ачана, в горах Ксур от Бени-Унифа до Афлу, только опровергали эту теорию.

В десятке километров к северо-востоку от Бешара военные показали мне большую мастерскую леваллуазского периода, в которой лезвия и острия производились в почти промышленном масштабе; среди них нам попало несколько двусторонних рубил²⁶, сделанных в ашельских традициях²⁷. Там их столько, что хватило бы насыпать курган! В эрге Эр-Руи и его окрестностях впадины между дюнами буквально набиты ашельскими рубилами, причем та их часть, которая выходит на поверхность, потемнела от солнечного света, а края выравнены песком,— стало быть, изделия лежат на этом месте уже тысячи лет! Проходя через одно ущелье, я на площади не больше ста квадратных метров насчитал их более шести сотен. Но это, по всей видимости, не мастерская, потому что осколков от обтесывания не видно. Нет и никаких следов становища: ни пепла очага, ни пищевых отходов,— хотя, может быть, все это унесено ветром. Место это мало подходит для обитания, и на первый взгляд такое скопление рубил кажется необъяснимым.

Подобная концентрация этого вида орудий не ограничивается эргами Эр-Руи, Эль-Ачан и Игиди, она продолжается и дальше к югу, вплоть до Мавритании. После окончания работы конгресса по проблемам первобытной истории Африки, который проходил в Даккаре в 1961 году, я имел возможность посетить район Эль-Бейда, неподалеку от пальмовой рощи в Атаре, и там обнаружил ту же плотность распространения палеолитических орудий, но если там одни слои находились во впадинах между дюнами, то в других местах — на краю долин, пригодных для обитания человека.

Обилие осколков от обтесывания позволяет говорить о мастерских. Мой друг и коллега Теодор Моно, присоединившийся к нам в Эль-Бейде после долгой разведывательной поездки на верблюде по восточным районам, привез в седельных сумках прекрасные экземпляры неолитических орудий, продолговатых по форме и безупречных по обработке. Еще раньше, во время восемнадцатидневного рейда без воды через Маджубу, он заметил, что неолитические стоянки встречаются очень часто, и значит, население этих мест в ту эпоху должно было достигать неслыханной плотности. Западные области Сахары, ныне столь засушливые, в прошлом, по-видимому, хотя это кажется невероятным, являлись наиболее густонаселенными.

Проведя два месяца в Южном Ороне и успев за это время подробно обследовать плато уэда Намус, которое тоже было плотно населено, особенно в эпоху неолита, я получил возможность поехать в Хоггар, где меня очень гостеприимно приняли на атомной базе в И-н-Эккере. Благодаря любезно предоставленным мне средствам передвижения, я смог объехать окрестности и вновь осмотреть наскальные рисунки в Агеннаре около Таманрассета, в Тите, Хирафоке, Иделесе, И-н-Эккере и Араке; все они относятся к «периоду полорогих», и рядом с ними я постоянно обнаруживал керамику, подобную найденной в культурных слоях этого периода на Тассили. Мне также дали вертолет, и я смог потратить день на то, чтобы обследовать массив Ти-н-Фельки, к северо-востоку от Адрар-Ахнета; там случайно была обнаружена неолитическая стоянка, давшая девять шлифованных топоров, плакетки с обра-

ботанными краями и прекрасную пуговицу шестиугольной формы из сердолика. Эту последнюю вещь я позднее показал известному ученому фульбе Амаду Хампате-Баа, о котором я еще расскажу, и она вызвала у него бурное восхищение. По его словам, такие вещи и в наше время представляют предмет вожделений женщин-фульбе; по форме она напоминает гнездо страуса, а поскольку эта птица, прежде чем насиживать, откладывает до сорока яиц, то ее считают символом плодородия. И Хампате-Баа пояснил, что эта штука ценится на вес золота.

Столь большое сходство между предметами из культурных слоев «периода полорогих» в Центральной Сахаре и современными или очень недавними у фульбе поистине удивительно. Я много раз находил в этом массиве выстроенные в ряд камни, представляющие собой остатки загонов для скота. Теодор Моно, который в свое время обследовал лежащий поблизости Ахнет, обнаружил там сходные ряды камней и предположил, что это остатки защитных стен. В своей монографии об Ахнете он сообщил о том, что нашел в убежище культурный слой, образованный порошкообразным веществом, и извлек из него кости, принадлежащие ослу. По его описанию легко установить сходство с культурными слоями «периода полорогих» на Тассили; наличие в пищевых остатках костей осла не должно удивлять, потому что одна из настенных картин в Тиссукаи изображает сцену охоты на это животное, которое тогда было еще диким. Добавлю, что в Ахнете очень много рисунков этого же периода, все они были изучены профессором Моно.

С помощью вертолета я произвел обследование высоких вершин Тедесты, гранитной гряды, которая является северо-западным продолжением Кудьи в Хоггаре; я смог вновь увидеть те росписи, которые изучал еще в 1940 году, когда был мобилизован в отряд мехаристов Хоггара. Они были открыты в 1935 году альпинистской экспедицией капитана Коша, с тех пор ставшего генералом; в ту экспедицию входили мои друзья Франсуа де Шаслу-Лоба, Фризон-Рош, Пьер Ишак и Пьер Левден. Я воспользовался своим путешествием для того, чтобы обследовать становища, которые были открыты с тех пор. Здесь я обнаружил такую же, как на Тассили, керамику времени плакеток с обработанными краями, а также остатки загонов для скота.

Ареал обитания пастушьих племен расширяется по мере наших исследований и выходит далеко за пределы Тассили, что, конечно, мы и предполагали. Но пути миграций нужно еще уточнить.

В 1967 году в ущельях Арака были открыты росписи «периода полорогих»; благодаря тому, что с них по моей просьбе были сняты копии и сделаны снимки, я смог опубликовать их. Известны они и в Ти-м-Миссао, в Танезруфт-н-Ахнете, а также дальше к западу, в массиве Земмур; теперь мы можем с уверенностью сказать, что племена, пасшие коров и быков, были распространены по всей Сахаре, но художественные свидетельства своего пребывания они оставили только там, где рельеф этому благоприятствовал и где это позволяло наличие скальных укрытий, что может быть только в гранитных массивах, но исключено в зоне регов и дюн; о пребывании пастушьих племен в этих районах свидетельствуют остатки керамики, плакетки и остатки загонов для скота, и нужно систематически вести их поиск.

Неспециалисту эти объяснения могут показаться несколько техническими и сухими, но тем не менее для того чтобы понять, каким было прошлое Сахары, и уяснить себе, что археологические гипотезы могут строиться только на основании многочисленных наблюдений, они совершенно необходимы.

ТАССИЛИ В НЕЗАВИСИМОМ АЛЖИРЕ

Алжирцы, завоевав независимость, решили организовать туризм в Сахаре, в частности на Тассили-н-Аджер, где алжирский туристический клуб разбил палаточный лагерь около гельты Тамрита. Из него тысячи туристов, ежегодно приезжающих на плато, отправляются на стоянки с наскальными рисунками.

В апреле 1967 года я снова приехал в Джанет, где меня с радостью встретили мои многочисленные друзья. Джебрин, которого предупредили о моем приезде, тоже здесь, хотя ревматические боли делают для него подъем и спуск с перевала Тафалелет все труднее и труднее. Мы бросаемся друг другу в объятия и оба радуемся этому нежданному свиданию, которое напоминает нам нашу молодость и первую встречу тридцать пять лет назад. Билаль тоже здесь; это больше не тот мальчишка, который доставил нам столько беспокойства в 1962 году, а повзрослевший и весьма высокий молодой человек. Оба будут сопровождать меня в поездке на плато. Мы обмениваемся новостями, и я узнаю, что тропа на Ассакао приведена в совершенно негодное состояние на редкость обильными дождями, которые прошли на Тассили и в районе Джанета три года тому назад. Джебрин даже отмечает: воды было столько, что никто из туарегов такого и не припомнит. Воды уэда снесли половину садов и много домов в Джанете. В этой несчастной стране, где пески поглотили всю пригодную для пахоты землю, дожди могут стать настоящей катастрофой; так случилось и в 1964 году. Но я тем не менее хотел проехать по этому пути — не мог поверить, что титаническая работа, затраченная на то, чтобы сделать эту тропу проезжей, могла полностью погибнуть. Итак, мы отправились в путь на двух лэндроверах, одном юнимог-мерседесе и грузовике, который вез человек двенадцать, вооруженных лопатами и заступами.

Кое-как, разбирая на пути осыпи, выравнивая ямы, добираемся до входа на перевал. Отсюда я отправляюсь пешком на разведку. Пройдя немного, я, пораженный, останавливаюсь: прохода больше нет. Огромные скалы, высотой в два этажа, сдвинуты с места, как игрушечные кубики. Чтобы проехать, нужны упорство, время и средства, но строителей мало, и они уже приустиали.

Эта попытка проваливается, и мы возвращаемся в Джанет, откуда отправляемся к перевалу Тафалелет и проходим его пешком. Оказавшись на плато, Джебрин приводит своих верблюдов, на которых мы должны добраться до Титераст-н-Элиаса, И-н-Итинена, Тимензузина и Та-н-Зумайтака.

Росписи в том же состоянии, в каком я видел их первый раз, некоторым они кажутся несколько поблекшими; но для того чтобы получить ту чистоту и свежесть цвета, которую видят в книге, сообщившей об открытии росписей, нам пришлось оживить краски, увлажнить скалу и расчистить их от глинистых наслоений, скопившихся за тысячелетия. Нынешние посетители этих мест забывают, что мы часто прибегали к помощи лупы, чтобы проследить контуры, и нужно было потратить целые дни, а иногда и недели на воспроизведение во всей их полноте сложных сцен, целые фигуры которых значительно повреждены дождевыми потоками. Если бы на иллюстрациях мы сохранили те краски, которые видели невооруженным глазом, то они выглядели бы выцветшими и едва различимыми, как пейзаж, который близорукий видит без очков.

То же самое было в Европе с росписями франко-кантабрийской области, копии с которых были сняты аббатом Брейлем: при посещении пещер Дордони многие были разочарованы. Восстанавливая цвет, Брейль брал за основу тот, который он получил, смачивая поверхность росписи, что возвращало краскам их природный оттенок, и контраст получался тем разительнее, что его копии были выполнены на белой или слегка тонированной бумаге. Он меня и научил этому способу, посоветовав, естественно, принять все необходимые меры предосторожности, чтобы ничего не испортить. Этим методом и работают все французские и испанские специалисты по наскальным росписям, без него маленькие фигурки в гротах восточной Испании вообще нельзя было бы воспроизвести. Но совершенно очевидно, что прибегать к этому способу всем позволить нельзя, потому что его неоднократное и бесконтрольное применение может повлечь за собой необратимую порчу росписей.

Сами по себе росписи не изменились, но тем не менее я вынужден с грустью констатировать, что от одного панно в Тамрите отколот кусок, что многие фигуры обведены карандашом, а некоторые рисунки, что совсем уж плохо, для удобства фотографирования покрыты бесцветным лаком. Столь прискорбное поведение туристов позднее вызвало к жизни специальный закон, по которому все районы с наскальными рисунками были объявлены национальными археологическими заповедниками, причем охране будут подлежать также сохранившиеся флора и фауна.

Не без волнения расстаюсь я с Джебрином. Мы все же договариваемся, что, если мне удастся вернуться без большой задержки, мы еще отправимся с ним вместе в одну разведывательную поездку, на этот раз в район Верхнего Фаднуна: нужно наметить границы будущего заповедника и выяснить, есть ли рисунки на западе плато Тамрит.

Проект этот удалось осуществить в мае — июне 1969 года, благодаря любезности доктора Хена, занимавшего в то время пост министра общественных работ в алжирском правительстве. Джебрин утверждает, что у него еще хватит сил меня сопровождать, но при том условии, что с нами поедут двое его сыновей, Муса и Агауэд, чтобы заниматься верблюдами, водой и дровами, потому что его старые ноги уже отказываются ему служить для такой тяжелой работы. К этим трем туарегам присоединяется еще Гиса, работавший в нашей экспедиции в 1956 году; с тех пор он вступил в алжирскую армию, где был горнистом,

что, несомненно, больше подходило его мирному нраву, чем ношение оружия.

И вот снова над нами звездное ночное небо, а вокруг золотые пески эрга Адмер, южные уэды, густо поросшие *этелем*, который в изобилии дает нам дрова для костра. После дневных переходов, долгих и тяжелых, потому что температура уже довольно высока, вечером мы спокойно сидим у котелка, в котором кипит вода для чая; чаем занимается Агауэд, Гиса замешивает тесто для *кесры*, а Муса ведет пастись верблюдов. При свете костра видно, как по песку бегают великолепные, с черными в белую крапинку панцирями скарабеи; когда их поймаешь, они защищаются, разбрызгивая в глаза очень едкую жидкость; в поисках добычи охотятся за большими черными жесткокрылыми насекомыми огромные тарантулы (в действительности это галеоды), и время от времени, подняв хвост, проползает скорпион, преследующий различных кузнечиков (акрид), привлеченных светом. Так каждый вечер повторяется простая и неизменная сцена из жизни кочевников Сахары, в которой у каждого точно обозначенная роль. Все пятеро мы сидим за *шербой* у большой эмалированной миски и черпаем из нее деревянными ложками.

В гельте Дидер молодой туарег и двое негрятя привели к водопою голов тридцать верблюдов и наполняют водой бурдюки. Хотя они очень молоды, справляются они с этим прекрасно. Мальчишки хватают в охапку бурдюки, которые немногим меньше их самих, и не без труда грузят их. Когда все готово, туарег садится в великолепное седло и в полном сознании своего высокого положения гордо направляется к каравану, а негрятя более скромно взгромождаются на вьючных верблюдов. Туарегская иерархия, таким образом, соблюдена, и Джебрин улыбается, глядя, как удаляется от нас этот маленький мирок. Жизнь его племени идет своим чередом... На самом деле в Сахаре продолжает существовать тайная форма рабства. Что стало бы с семьей этих черных слуг, если бы она жила по современным законам, предоставленная своей собственной судьбе? Эти слуги — термин «раб» в данном случае неадекватен — в действительности свободнее и безусловно счастливее, чем многие рабочие наших заводов.

В 1969 году Джебрину должно быть около семидесяти трех лет; он не очень в этом уверен, но помнит, как отец говорил ему, что он родился в тот год, когда племя кель аджер совершило набег на племя иккараден, — это последнее название означает на языке *тамахака* «воры» и применяется к тебу (теда) из Тибести. Местные хроники относят этот военный поход к 1896 году. А с другой стороны, Джебрин утверждает, что во время мятежа племени аджер в 1917 году он еще не носил покрывала, что уменьшает его возраст на несколько лет, потому что молодые туареги надевают покрывало на шестнадцатом году.

Вода в гельте Дидер очень грязна: она зеленоватого цвета и в ней масса разлагающегося верблюжьего помета. На счастье, над восстановлением автомобильной дороги, ведущей в Форт-Полиньяк, работает дорожно-строительный отряд; у него есть грузовик-цистерна, который ездит за водой в Форт-Гардель, а вода там превосходная. Поэтому все то время, что мы остаемся в районе, Агауэд и Муса наполняют наши бурдюки из этой цистерны.

В пяти или шести километрах к западу от Дидера на скалистом выступе должно было быть много наскальных рисунков, обнаруженных три-четыре года назад инженерами путей сообщения, которые приводили в порядок дорогу. Джебрин расспросил туарегов, и мы их легко

разыскали. Это прекрасный ансамбль: на слегка наклонной плите сгруппировано около ста двадцати рисунков, выполненных по большей части полированным штрихом; многие из них весьма близки к изображениям уэда Джерат. Тут можно увидеть больших быков с лирообразными рогами, увенчанными символическими предметами, а впереди них фигуру человека, который, по-видимому поклоняется им,—этот сюжет встречался и в Джерате. Один бык, длиной более пяти метров, особенно эффектен благодаря спиральным мотивам великолепной работы, которыми украшено все его туловище. Весь ансамбль подтверждает, что бык изображен в «период буйвола», и если в это время он еще и не был одомашнен, то, по крайней мере, началось его приручение. С другой стороны, любопытно отметить, что символические предметы, часто изображаемые между рогами животного,—здесь это длинная, расположенная горизонтально палка—в точности такие же, как у некоторых быков «периода полорогих» на Тассили. Подобное сходство свидетельствует о том, что это не случайная экспрессивно-художественная деталь, а определенная традиция.

В становище Та-н-Терирт—это название соседнего уэда—обнаруживаем около сорока изображений маленьких сов, до сих пор в наскальном искусстве неизвестных. В противоположность технике полированного заглабленного штриха, в которой выполнены большие рисунки, здесь применялась техника пунктировки; силуэты многих из этих птиц перерезают контуры изображений больших быков, следовательно, они вырезаны позднее. Может быть, они тоже относятся к «периоду полорогих», но, поскольку никаких других археологических данных нет, это остается сомнительным. Несмотря на все мои старания, ни следов очага, ни характерного орудия, которое помогло бы хоть как-то сориентироваться, я не нашел.

В этих местах мы провели шесть дней, которые понадобились мне для снятия копий, а потом снова отправились в путь—в небольшой оазис Ихерир; расположен он на дне каньона того же названия и для этого района в некотором смысле представляет собой жизненно важный центр. Верблюжью тропу, очень трудную для животных, мы оставляем и следуем по автотрассе, петляющей по обнаженному, совершенно сухому плато, где мы потихоньку жаримся на медленном огне. После дневного перехода добираемся до края плато, и перед нашими глазами внезапно возникает зеленое пятно садов Ихерира—пышные пальмы, корявые фиговые деревья и длинные опушенные тростники. Нужно только спуститься по довольно крутому склону—и мы в деревне. Вождь с удовольствием предоставляет нам для жилья пустующую соломенную хижину и великодушно приглашает к своему столу.

В Ихерире четыреста жителей, занимающихся попеременно садоводством и пастушеством. Когда мужское население работает в пальмовой роще, женщины кочуют с козами на плато; когда сады заботы не требуют, мужчины становятся пастухами. Вода сюда стекается отовсюду, но используют ее нерационально. Растут пальмы, фиговые деревья и виноград, но никаких фруктовых деревьев не культивируют, а абрикосы и персики на этой земле вполне могли бы произрастать. Здешние люди объясняют, что им никогда не попадались косточки этих плодов, чтобы их посадить!

Люди племени кель ихерир, полукочевники, полуземледельцы, среди туарегов—исключение; обычно считается, что обработка земли унизительна. Это маленький обособленный мирок, уже давно живущий своей жизнью на дне каньона. Судя по довольно темному цвету кожи, они

не чистокровные туареги. Легенда гласит, что однажды раб племени кель ахаггар искал пропавшего верблюда в горах массива Адрар, к югу от Ихерира, и встретил там гостеприимно принявших его людей; он взял в жены женщину из этого рода и больше к своим хозяевам не вернулся. Значит, кель ихерир — это не потомки ни кель ахаггар, ни кель аджер. Прежде оазис был во владении султанов Иманан, владык Тассили-н-Аджера и Хоггара. Последний *аменокаль* племени аджер, Брахим аг Абакада, никогда не предъявлял прав сюзерена на Ихерир и никогда там не был.

Жилища в этом оазисе тоже особые, каких нигде больше в Сахаре не встретишь. Это большие хижины, фундамент которых представляет собой более или менее правильный четырехугольник; сложены они из валунов, добытых в уэде, и скреплены глиной; в центре стоит раздвоенный сверху столб, а на него опираются балки; этот прочный остов покрыт тростником, укрепленным снаружи и изнутри круговыми валиками, оплетенными веревками. Внутри хижина перегороджена глиняной скамьей на две части; дальняя часть, в глубине, посыпана мелким песком и служит спальней, а в передней, там, где дверь, в углу сложен из камней очаг. Для проветривания в стенах, очень низко, проделаны небольшие отверстия, так что у пола всегда сквозняк. Перед хижинной, как правило, выстроена стенка, огораживающая двор, где обитатели сидят по вечерам, а летом спят. Все сооружение довольно удобно и очень прочно.

В деревне много интересных развалин. Во-первых, сразу за садами находится старый *ксар*, который приписывают туркам, владевшим оазисами Феззана вплоть до итальянской оккупации, то есть до 1902 года, но приписывают неправильно, потому что, по всей вероятности, он намного древнее. Затем есть какое-то старое строение неизвестного происхождения из трех-четырёх комнат. И наконец, третья группа развалин — с комнатами абсолютно правильной формы, построенными из камней, скрепленных раствором такой необыкновенной прочности, что мой геологический молоток высекает из него только искры. Дж. Каркопино, которому я показал планы этой постройки, увидел в них сходство с римскими развалинами в Остии и предположил римское влияние. В том, что римляне доходили до этих мест, нет ничего невозможного. Одно время подразделения III легиона Августа стояли в Гадамесе: в уэде Эль Аджаль, в Феззане, были обнаружены римские развалины, осколки стекла и керамики; в 1934 году в одном могильнике доисламского периода в Джанете также была найдена римская керамика.

Еще одна достопримечательность Ихерира — это тайные хранилища в скалах уэда, где здешние жители в беспокойные времена прячут и хранят урожай фиников и зерна. Хранилища прекрасно зацементированы, и грызуны не могут туда проникнуть. Любопытно, что в одном из этих хранилищ обнаружилась наскальная роспись.

Когда здешние старухи узнали, что приехал Джебрин, они все сбегались приветствовать его и спросить, почему он так редко их навещает. Смотреть, как они беседуют, держась за руки, как влюбленные, просто трогательно, но достоинство они сохраняют удивительное. Поговорив, женщины поднимаются, оправляют одежду, и Джебрин, старательно соблюдая обязательный церемониал, немного провожает их.

Среди нынешних обитателей деревни живет еще старый *каид* из Ахарара, который прекрасно помнит, как я проезжал через его маленький оазис в 1935 году.

На следующий день, когда я объявляю, что хочу уехать, возникает

непредвиденный инцидент. Сын вождя деревни, Сенусси, исполняющий здесь обязанности фельдшера, не желает, чтобы моим проводником был Джебрин. Он приводит тот довод, что здесь мы не на территории его племени и что кель меддак и так зарабатывают много денег на туристах, приезжающих посмотреть наскальные росписи в район Джанета, а в своем районе кель ихерир сами хотят получать доходы от ремесла проводника, и потому меня должен сопровождать только человек их племени. Отправляясь на поиски наскальных росписей, я и предвидеть не мог, что стану причиной подобной ссоры. Но в этом краю, где заработки так редки, каждый, очевидно, только о том и думает, чтобы получить с туристов хоть какой-нибудь доход. Я объясняю, что я не турист, что алжирское правительство как раз и поручило мне обследовать возможные места наскальных росписей, что это в их общих интересах. Они ничего и слушать не хотят, авторитет правительства или префектуры, будь то в Алжире, в Джанете или в Илези, для них ничего не значит, хотя административно они и подчиняются этому правительству. По правде говоря, так оно всегда и было, даже в прежние времена по отношению к их собственным вождям. Чтобы исчерпать инцидент, я заявляю, что Джебрин устал и останется ждать меня в деревне, а его сын, Агауэд, поедет со мной, чтобы заботиться о верблюде. Следовательно, одного человека пусть мне дадут, и я его вознагражу. На том и порешили, и на завтра мы утром отправились в путь; в качестве проводника с нами едет, взгромоздившись на осла, старик лет семидесяти из племени кель ихерир, Муса Атангор.

Из оазиса мы выезжаем по руслу уэда Аггеле; проезд затруднен растущими где попало без всякого ухода пальмами. Тропа идет вдоль уэда по береговому откосу, среди камней и сверкающих на солнце неглубоких водоемов, над которыми кружатся стрекозы. Около 9 часов утра, перед тем как начать трудный подъем на голое плато, где у верблюдов больше не будет пищи, проводник останавливает нас на небольшой площадке, затененной тамарисками. Рядом есть гелъта, и, как утверждает Муса Атангор, в ней можно искупаться, не рискуя подхватить бильгарциоз²⁸. Вода чудесная, и я не могу устоять. В 13.30 взбираемся на *акба* под названием Азазум и в 14.45, после тяжелого подъема по камням, под палящим солнцем, доходим до вершины, но потратив намного меньше времени, чем предсказывал нам старичок. В 16.30 добираемся до выемки в скалах Ассалана, где, совершенно измученные жарой, делаем привал на ночь. Тропа, которой мы продвигались от самого перевала, хорошо намечена и расчищена. Муса рассказал, что ее построили военные еще во времена капитана Шарле в 1909 году. Этого офицера прозвали «капитан *реджемов*», потому что на всех тропах, по которым ему пришлось путешествовать, он приказал поставить вехи в виде куч камней.

В Ассалане есть два грота с росписями. Один из них, чрезвычайно интересный, был открыт в 1949 году экспедицией Бернара и неправильно назван Тахлахи, по наименованию района. Весь пол его покрыт козьим пометом, под которым вполне может лежать доисторический культурный слой. Следовало бы произвести раскопки, но, поскольку я здесь в разведывательной поездке, налегке, у меня на это нет ни сил, ни времени. Я подбираю на земле очень красивый обработанный кремень. Во втором же гроте есть прекрасное изображение колесницы.

Утро следующего дня я потратил на обследование небольших «каменных лесов» в окрестностях. Во многих впадинах скал я обнаружил следы росписей, но все они сильно попорчены, в хорошем состоянии не

сохранилось ни одной. Зато почти всюду я нашел остатки загонов для коров, многие из них были использованы туарегами для постройки очагов и загонов для коз. Это еще одно доказательство того, что племена «периода полорогих» посещали эти места, на что указывают и росписи.

После полуторачасового перехода добираемся до гельты Тальмест в уэде Тиджелаин; ширина ее около пятидесяти метров, и вода в ней очень чистая, потому что животные сюда попасть не могут; глубина гельты от двух до трех метров; рыба в ней не водится. Еще один часовой переход — и мы на длинном гребне, окаймляющем плато. В полдень мы уже в Аззере (это место мне позже называли Ихерен), на восточной оконечности песчаникового массива, изрезанного многочисленными проходами. Заглянув в один большой скальный навес, я остановился в восхищении перед росписями, занимавшими в длину девять метров. Здесь и бараны с пятнистыми туловищами, и полосатые быки, и великолепное симметрично расположенное стадо быков, рога которых изображены в криволинейной перспективе, и женщины верхом на быках, и какие-то фигуры с расписанными телами, и бегущие страусы, причем все это скомпоновано с высочайшим художественным мастерством; помимо всего перечисленного, здесь изображены еще буйволы, а в нижнем слое — влекомая четверкой лошадей боевая колесница с одним возничим. Краски сохранились довольно хорошо. Из всех произведений наскального доисторического искусства, которые мне пришлось видеть на Тассили и в других местах земного шара, эти росписи мне кажутся самыми прекрасными. Их красота настолько поражает меня, что я не могу глаз оторвать от стены, и радость встречи с таким искусством наполняет меня благодарностью к древним художникам.

Я думал, что под соседними скальными навесами найду похожие росписи, но был разочарован: они неглубоки и стены их сильно разрушены. Позже я обнаружил, что росписи все же есть, но в этот день я осмотрел только ближние скалы. Мимоходом отмечаю, что и здесь встречаются остатки загонов для скота.

В 15 часов снова отправляемся в путь. Нам нужно пройти злоеший черный рег. Зимой место это может показаться просто однообразным, но в мае оно беспощадно. Ни одного дерева, только несколько кустов каких-то приземистых растений в едва заметных промоинах, и слепяще отражается от скал свет. В тот момент, когда мы меньше всего этого ожидали, мы вдруг оказались на краю глубокой впадины — тесно зажато скалами русла уэда. Спускаемся со скал по крутой козьей тропе, где из-под ног животных осыпаются камни, пересекаем русло по зыбучему песку и взбираемся на другой склон. Но, поскольку уэд Тиджелаин образует великолепный меандр²⁹, этот утомительный путь — спуск и подъем — приходится проделать еще раз. В глубине цирка у туарегов пасутся полдюжины ослов, находящих здесь себе нехитрый корм. Оба осла Мусы за этот день немало прошли, но хозяин очень устал, а потому садится на одного из них и лихо погоняет его. Муса ростом невелик, и годы уже не позволяют ему вскочить в седло, а потому ему приходится остановиться около большого камня и воспользоваться им как скамейкой. Два раза подряд он чуть не сваливается на землю, но достоинства при этом не теряет — смеется, и все. А кроме того, у него определенный талант к ловле *добов* — больших и безобидных ящериц, которые во множестве водятся на песчаниковых плато Тассили и живут обычно под обломками скал. Он отыскивает следы на песке и идет прямо к плите, под которой спряталось животное; если плита большая, он до тех пор бросает на нее камни, пока

она не расколется на куски, которые уже можно приподнять. Тогда из одного продолговатого камня, поставленного на другой, он сооружает нечто вроде рычага, и наконец ему удается поймать окаменевшего от ужаса доба. Муса его тут же убивает и потрошит, а вечером жарит на костре. Сколько трудов из-за 25 граммов мяса! За время нашего путешествия Муса их изжарил с дюжину.

В 17.30 доезжаем до Ти-н-Ахенкода и делаем привал на месте древнего жилища, где я нахожу четыре плакетки с обработанными краями и цилиндрическую зернотерку, застрявшую в земле. В путь отправляемся в пять часов, по утренней прохладе, и Муса объявляет, что поведет меня туда, где видел камни в форме сахарной головы. Приезжаем на это место, называемое Тан-Хадиджи, в 6.45. Камней — пять, один из них разбит; часть их стоит, часть лежит на земле. Муса рассказывает, что много времени тому назад камни стояли в два ряда на расстоянии метра друг от друга в направлении с северо-востока на юго-запад. Они действительно похожи на сахарные головы, только пошире в основании и пониже высотой; самый высокий — 47 сантиметров, его диаметр у основания — 31; высота самого маленького — 28 сантиметров. На их хорошо отшлифованной поверхности нет никаких орнаментов. По форме они напоминают фаллические камни (хотя поприместнее), так называемые «камни с свиной головой», найденные еще до первой мировой войны на доисламском кургане в Табелбалете, около Форт-Флаттерса, которым туареги поклонялись. О существовании этих камней известно от людей племен кель ихерир и кель тоберен, кочующих в данном районе, но никакие верования или обряды с ними не связаны. Метрах в пятидесяти от камней нам попадаются остатки жилища, где я нахожу две зернотерки и обломки неолитического жернова.

Продолжаем обратный путь на Ихерир; пейзаж довольно мрачный; доходим до вершины *акба* Азазум. Дорога перегорожена камнями; Муса их отодвигает, чтобы дать проход животным, и объясняет, что это заграждение от верблюдов, дабы они без присмотра не спускались в пальмовую рощу и не травили сады. Так перегорожены все тропинки, ведущие к оазису. В 9.45 мы внизу, а в 11 часов — уже в деревне, где я нахожу Джебрина, — тот окружен своими старыми приятельниками и ведет с ними интимную беседу.

Пройдясь по улочкам, убеждаюсь, что люди племени кель ихерир отнюдь не предприимчивы. Они ничего не выращивают — я встретил только несколько кустов табака. Большинство женщин и детей уходит с козами на пастбище. Около источника в ксаре Муса показывает мне остатки разрушенной системы, которая служила для орошения пальмовой рощи; сейчас она находится посередине уэда, на холме, возвышающемся на четыре-пять метров над современным уровнем почвы, который раньше был на высоте холма, — воды уэда все унесли, опустошив таким образом большую площадь, пригодную для возделывания. Рядом находятся зацементированные хранилища в скалах; нынешняя их высота не превышает пятидесяти сантиметров. У края пальмовой рощи на одинокой скале я обнаружил рисунки: несколько быков и один жираф, принадлежащие «периоду полорогих». На земле я подобрал классического типа плакетку с ретушированными краями, такую же, какие попадают около гротов с наскальной живописью на восточном Тассили.

После обеда, вечером, раздается там-там; звуки, судя по эху, недалекие, заставляют нас с Агауэдом подняться и пойти посмотреть на красавицу, которая таким образом собирает своих поклонников. Это молоденькая девушка лет пятнадцати, а с нею еще две девочки помю-

ложе; все три очень худы; они отбивают ритм на канистре, которая служит им барабаном,— это, конечно, не столь поэтично, но резонирует канистра сильнее и громче. Когда мы пришли, девушки были еще одни, но вскоре собираются и юноши, чтобы скрасить вечер пением заунывных мелодий. Совсем немного нужно, чтобы во впадине уэда воцарилась атмосфера непринужденного веселья. Любопытно, что на вечеринку молодых людей созывает такая молоденькая девушка и среди них ей позже придется выбрать себе кавалера. Нравы меняются повсюду, и у туарегов тоже³⁰.

В Ихерире полно комаров, они не дают мне спать всю ночь. В 4 часа я уже встаю, чтобы подышать прохладой. Долина спит в густом тумане, вершины скрыты дымкой. В 7.30 уже жарко как в пекле. Я иду искупаться к ближней гелте и там вижу мальчишку, который ловит рыбу; снасть у него немудреная: крючок, сделанный из огромной французской булавки, веревочка, привязанная к ветке, а в качестве наживки — куски лягушки, которую он поймал в луже. И клюет! У него любопытный способ подманывать рыбу: он резко ударяет по воде самодельным удилищем, тут же забрасывает удочку с наживкой, и усачи так и спешат со всех сторон, чуть не толкаясь, чтобы попасться на крючок.

Муса и Агауэд аг Джебрин идут за верблюдами. В 14.30 мы выезжаем из Ихерира и едем вверх по уэду Акис Йадарен. Вдруг на нашем пути возникает муфлон и спешит спрятаться в гроте на высоких скалах. Пересекаем изгородь, которая защищает уэд от верблюдов: в этом месте он образует что-то вроде озера около двадцати метров длиной и во всю ширину долины. Доезжаем до селения Ти-н-Элези.

Медуин аг Дада, служивший раньше в Аджере в отряде мехаристов, провел меня к маленькой нише в скале, расчищенной неким Эль Хийей, который живет в ней отшельником, но в это время он отсутствовал. На стене грота я обнаружил прекрасную роспись «периода лошади», изображающую битву людей, вооруженных копьями. Вечером делаем привал выше деревни, в уэде Аит — единственном месте этой очень узкой долины (скорее даже каньона), где верблюды могут найти себе корм.

На краю утеса, возвышающегося над нами, видны какие-то большие развалины и рядом с ними башня. Это было оборонительное сооружение, постройку которого приписывают суданцам³¹, напавшим на Ихерир. Согласно легенде, они были столь многочисленны, что возвели это укрепление за один день, причем каждый из них принес по одному камню. Сражение длилось пять дней, в живых остался только один человек, который и сдался в плен. Чтобы подтвердить этот факт, Джебрин показывает мне курганы на обоих берегах уэда. Проезжаем мимо этих курганов доисламского периода и видим еще одну могилу. Медуин аг Дада, видя, что я показываю на два вделанных в здание надгробных камня, уточняет: «Это не воин, он умер оттого, что в Ихерире объелся ворованным виноградом!» Аллах справедлив!

В уэде есть большие водоемы. Выезжая из Ихерира, мы некоторое время ехали берегом настоящей реки, длиной не менее шести километров и местами достигавшей глубины четырех-пяти метров. Крокодилы, которых ныне и следа не встретишь, водились именно здесь. Два последних были убиты — один в 1909 году, а другой — в 1924-м. Медуин рассказывает, что несколько лет назад во время паводка в яме с водой застрял усач длиной в полтора метра, такой большой, что одному человеку его было не поднять. Мне это кажется сомнительным, потому что в Сахаре рыба таких размеров никогда не водилась...

Медуин живет в маленьком селении в верховьях уэда и знает все его закоулки. Он ведет меня к скале приблизительно на половине обрыва; ее украшают три боевые колесницы, влекомые лошадьми в стиле «летающего галопа», прекрасная сцена охоты на льва, сцены охоты на муфлона и быков. Часть скалы занята хранилищем; дверь его заперта. Может быть, там тоже есть росписи? Через пять минут ходьбы вниз по течению находим еще одну скалу, украшенную изображением колесницы. Нужно очень постараться, чтобы найти без посторонней помощи росписи в этих орлиных гнездах. Совершенно очевидно, что без такого сведущего информанта, как Медуин, я бы прошел мимо, ничего не заметив.

Кто все же нарисовал в столь труднодоступных местах эти невидимые для глаз путешественника колесницы? И связаны ли они как-то с пресловутым нашествием, которое приписывается суданцам? Может быть, битва на копьях — действительно память тех стычек, которые произошли у подножия этих скал? То, что именно сюда когда-либо проникали колесницы, мне кажется, исключено, но по плато, где тропа тысячелетней давности соединяет оазис Гат (Рапсу римлян) с оазисом Ахрархар, немного западнее Ихерира, они вполне могли разъезжать.

Вернувшись в лагерь после обследования утесов, я застаю там Алакто из племени кель ихерир, с которым познакомился во время своего первого путешествия по Тассили в 1934 году. У этого человека есть анатомическая особенность: по лишнему пальцу на каждой руке и ноге; на правой руке лишний палец не имеет суставов и представляет собой просто мясистый отросток. Когда-то я посоветовал ему поехать в Джанет к врачу и ампутировать их, но он мне ответил, что они ему ничуть не мешают. А теперь у него уже несколько дней идет такое воспаление, что он ночами не спит. Узнав о том, что я здесь, он пришел поздороваться со мной из своей деревушки выше по уэду. Алакто показывает мне совершенно распухший лишний палец, который держится на кусочке кожи, и хочет, чтобы я его немедленно от него избавил. Я отказываюсь под тем предлогом, что у меня нет с собой всего необходимого, и умоляю его немедленно ехать в Джанет. Но он настаивает. Конечно, отрезать палец скальпелем недолго, но ведь нужно будет остаться здесь, чтобы ухаживать за больным до выздоровления, — я слишком хорошо знаю, каким способом туареги дезинфицируют раны. Нет, невозможно, риск слишком велик, я от операции отказываюсь. Бедняга в полном отчаянии.

Вчера вечером я купался в уэде и, выходя из воды, простудился. Не ужиная, залезаю в спальный мешок. Мои туареги без покрывал у костра похожи на изголодавшихся разбойников; их силуэты четко вырисовываются в лунном свете среди фантастического пейзажа. В путь мы отправляемся в 5.30, значит, встать должны в 4 часа утра. Из уэда мы выбираемся по козьей тропе, которая вьется между оврагами, рассекающими склоны гор. Здесь сходится целая система грандиозных каньонов с очень крутыми склонами. Время от времени мы идем в метре от края пропасти, и достаточно какому-нибудь верблюду оступиться на нетвердо лежащем камне, чтобы свалиться со стометровой высоты и переломать себе кости. Из предосторожности Джебрин идет первым и отодвигает все камни, загромождающие тропу. Верблюдов же, кажется, ведет безошибочный инстинкт, и они совершенно сознательно выбирают место, куда поставить ногу. Здесь и там высатся кучи камней, к которым каждый проходящий добавляет еще один, чтобы умиловить злого духа этих мест. В 10.30 доходим до гельты

Ти-н-Ратуэ; в воде полно мелких усачей, а удобные навесы в скалах дают нам приют на жаркие часы.

Медуин аг Дада расстается с нами и в сопровождении Алакто отправляется в свою деревушку. Как все бывшие солдаты сахарских отрядов мехаристов, он был чрезвычайно рад встретиться с кем-нибудь из французов и выказывал мне искреннюю симпатию. Военная жизнь в какой-то степени дисциплинировала их, но самая глубокая причина этих теплых чувств — в совместной жизни на тропах пустыни, общих трапезах, в усталости после совместной работы, — все это сближает людей.

От самого Ихерира наш путь проходит по прекрасным местам, вдоль больших водоемов — в центральной Сахаре это самые крупные, — по берегам которых зеленой лентой тянутся пальмы, тростники, тамариски. Вода прорыла здесь многочисленные каньоны; эти своего рода мини-Колорадо, берега которых сложены базальтовыми лавами и вулканическим пеплом находящегося поблизости вулкана Азео Сеттефен, образуют незабываемый ландшафт, и туризм не замедлит этим воспользоваться. По здешним местам можно пройти только пешком, что значительно уменьшит число туристов, но зато отважные будут вознаграждены!

Муса аг Джебрин наполняет водой наши четыре бурдюка; в 14.30 мы покидаем Ти-н-Ратуэ и поднимаемся вверх по уэду И-н-Тауик, где под плитами, образующими выступ террасы, сохранились остатки старых стоянок. Уэд славится хорошими пастбищами после обильных дождей, но сейчас тут совершенно сухо. Пейзаж становится однообразным. Продвигаемся по земле, усеянной круглой, осыпающейся под ногами галькой, и в 16.30 останавливаемся на площадке, поросшей скудной травой. Прежде чем выпустить наших верблюдов попасться на травке, Джебрину приходится дать им по порции овса.

Как-то вечером разговор зашел о мелких животных, обитающих на Тассили; я заметил, что совсем не вижу здесь ежей. Джебрин подтверждает, что их действительно больше нет. В молодости ему случалось их ловить, но его сын Агауэд, которому сейчас двадцать два года, никогда даже не видел этого занятного зверька. Только в уэде Илези и в уэде Джерат сохранилось несколько экземпляров. Странно, ведь в Хоггаре они встречаются часто и мальчишки мне постоянно их приносили. Вероятно, на них здесь усиленно охотились, потому что мясо ежа высоко ценится туарегами, а укрыться в редкой растительности ему плохо удавалось. Этим и объясняется быстрое размножение гадюк, для которых еж — главный враг. Джебрин рассказывает мне, что шакалы тоже охотятся на ежей, причем весьма необычным способом. Шакал катит ежа лапой по земле, а потом мочится на него, от чего тот разворачивается; шакал хватает его за голову, и спокойно пожирает, выедая мясо и оставляя шкуру, подобно тому как оставляют кожу апельсина, выедая мякоть ложкой. Потом Джебрин рассказывает, как еж расправляется с гадюкой. Он приближается к ней, для защиты как можно глубже втянув голову в свой колючий воротник, и хватается змею посередине туловища; гадюка пытается ужалить, но только до крови ранит пасть, а еж в это время своими мощными челюстями дробит ей позвоночник и перегрызает ее пополам. И хотя змея, уже расчлененная, продолжает конвульсивно извиваться и пытаться ужалить, еж не теряет и поедает ее, сначала ту часть, где голова, а потом хвост. Борьба за существование беспощадна.

После обеда Муса с двумя верблюдами отправляется за водой к одной гелте; отец объяснил ему, где она находится, но Муса вернулся ни с чем. Ни он, ни его брат Агауэд этого района не знают, и в продолжение всего нашего путешествия Джебрин неутомимо обучает их, сообщая названия гор и уэдов, показывает пальцем дальние массивы, чертит тростью на песке основные линии рельефа и направления долин.

Четыре часа утра. Когда я вылезая из спального мешка, холодно, а в уэде Ихерир ночи были теплые. Мы отправляемся в путь, пересекаем совершенно лишенное растительности плато, взбираемся по песчаному сыпучему склону и попадаем в маленький «каменный лесок», похожий на большую черепаху. Здесь есть несколько неглубоких скальных навесов, но без росписей; зато я вижу загон для быков. Спуск слишком крут для верблюдов, и один вьюк падает и ломается. В 10.30 останавливаемся в уэде Зерзауа, где нам приходится довольствоваться жидкой тенью берега, там и тут поросшего перьями злаков. Располагаемся в неудобных и вонючих нишах, кишящих клещами, муравьями и мухами; на земле лежит толстый слой помета, большей частью верблюжьего и ослиного. Поблизости находятся два кургана с основанием в форме латинского V; Джебрин утверждает, что это сидения иззаббаренов — гигантов, мифического народа, который в древности якобы населял Тассили. На центральную часть они садились, а вытянутые ноги клали на развилку. Эта легенда фантастически отвечает на вопрос о древнем населении здешних мест, хотя вообще туарегов подобная проблема волнует очень мало.

Здесь мы остаемся до 15.30, пока Джебрин не приводит в порядок вьючный мешок, а потом направляемся по *абарекке* Уа-н-Терурирт — «верхней тропе», ведущей из Ахрархара в Гат. Я иду во главе нашего маленького каравана; спускаемся в большую трещину, и тут я вижу стадо коз, которое пасет молоденькая негритянка. Она тут же скрывается в проходе, загроможденном обломками скал. Агауэд, который от нас поотстал, бросается вслед за ней, и оба исчезают за камнями. Я спрашиваю у Джебринина, зачем Агауэд побежал за ней, но он отвечает мне весьма красноречивым жестом и смеется. Для туарегов изнасиловать негритянку, стерегущую стадо, если она не их племени и они ее не знают, дело обычное. Когда хозяин узнает имя виновного, он, как правило, требует для себя вознаграждения за понесенный ущерб, но в нашем случае женщина не знает, кто мы, и она не из племени кель меддак. По-видимому, эти истории спокойно улаживаются; туареги так себя ведут с незапамятных времен, потому что черную служанку не считают членом общества... Агауэд, несколько запыхавшись, догоняет нас. Джебрин идет рядом со мной; я от вопросов воздерживаюсь, но позже юноша сам расскажет мне, что своей жертве заплатил несколькими щепотками табаку.

Около 17 часов доходим до длинного гребня, сложенного руинообразными песчаниками; у оснований этих скал навесов нет, а следовательно, нет и росписей. Джебрин решается сесть на верблюда; от самого Ихерира он шел пешком, волоча ногу, потому что залезть в седло ему все труднее и труднее и он боится упасть, когда верблюд встает. Я очень волнуюсь, видя, как страдает мой старый друг, тем более что в это утомительное путешествие он отправился, чтобы доставить мне удовольствие. Муса, которого мы послали за водой, догоняет нас в Адрар Ти-н-Нузем, ничего не найдя. Останавливаемся в Адрар Зако. Утром следующего дня чуть свет с пустыми бурдюками отправ-

ляемся в путь и вскоре доходим до уэда Ахарар-Меллен. Перед нами внезапно появляются и тут же исчезают три газели — единственные, которых мы встретили за всю эту долгую поездку. Наконец, добираемся до гельты; вода в ней вся загрязнена ослиным пометом, но выбора у нас нет. Над водоемом обнаруживаю три рисунка, изображающие быков, и снимаю с них копии. Снова отправляемся в путь к *абарекке* Уа-н-Теруирт, с которой свернули, чтобы наполнить свои *герба*. По выходе из небольшого прохода в песчанике Джебрин показывает мне огромный обломок скалы, обрушившийся, как говорят, от удара метеорита; впрочем, никаких следов метеорита — ни места удара, ни воронки — мы не обнаружили. Джебрин уточняет, что ни кусочка от этого метеорита никто никогда не находил. Я предполагаю, что скала обрушилась сама собой, когда эрозия подточила ее у основания. На памяти туарегов на Тассили никогда не находили ни единого метеоритного осколка. Однако они часто приписывают большие нагромождения камней действию веземных сил. Абарекка Уа-н-Теруирт то вьется одной тропкой, то разделяется на несколько; ее хорошо утоптали постояннодвигающиеся по ней верблюды и ослы, и она отчетливо видна. Тысячелетия ходят по ней люди и видят только белую ленту, пересекающую угольно-черный рег. А ведь эта тропа могла бы рассказать немало разных историй о перемещавшихся по ней людях прошлых времен. Ездили по ней, наверное, прежде колесницы, — недаром их изображения чаще всего встречаются по обеим сторонам. В ближних горных массивах, служивших укрытиями, встречаются рисунки, росписи, обломки жерновов и зернотерок и прочие предметы, свидетельствующие о том, что здесь проходили люди, подобные изображенным в туниках в виде двойного треугольника на росписях с многочисленными ливийско-берберскими надписями, которые мы обнаружили, остановившись в 9.30 на привал в массиве Иссеререн, примыкающем к массиву Тирадеда. В 14 часов отправляемся обследовать массив И-н-Тебурбугэт, где на склоне горы видим огромный, прикрытый плитой скальный навес длиной минимум в пятьдесят метров. Чтобы попасть туда, нам пришлось карабкаться по карнизу на четвереньках, потому что у входа высота грота не превышает пятидесяти сантиметров; в глубине он становится выше, и можно встать во весь рост. По всей стене различаются довольно плохо сохранившиеся росписи «периода круглоголовых». В полу пещеры, прямо в скальном грунте, сделаны пять больших выемок в форме корыт, их можно было бы принять за ступы для зерна, но их назначение, несомненно, было совершенно иным, потому что это место абсолютно непригодно для того, чтоб служить человеческим жильем, а еще менее — постоянной кухней. В другом гроте мы видели изображения антилоп, жирафов и очень красивых человеческих фигурок с ушами животных. У входа, на отдельно стоящей скале, выгравирована группа баранов, туловища которых покрыты маленькими углублениями. В других небольших гротах видны следы росписей «периода лошади».

На соседнем скальном выступе Джебрин показал мне некое сооружение из камней, со стенами правильной формы, каждая длиной 1,75 метра; в одной из стен проделан четырехугольный вход. Это ловушка для шакалов; дверь ее поддерживается деревянным брусом, к которому привязывают приманку. Когда животное потянет приманку, дверь, сделанная из большой плиты, падает, закрывает отверстие в стене — и шакал пойман. Его убивают копьем, а мясо его идет в пищу. Эта система, родившаяся на Ближнем Востоке еще в начале

эпохи металла и встречающаяся теперь иногда только на Тассили, была широко распространена до появления капкана.

Вечером делаем привал около становища племени кель меддак. Нас принимает бывший солдат тассилийского отряда. Он угощает нас *кускусом* по-туарегски, таким острым, что мне удается его проглотить, только запив несколькими кружками воды, а потом потчует сушеным козым мясом, довольно сильно пахнущим, на что здесь никто не обращает внимания. Я посмеиваюсь про себя, вспоминая все те диковинные кушанья, которые мне приходилось есть в моих странствиях по свету: внутренности, сваренные на пару в газельем желудке на горячих камнях, — блюдо охотников-туарегов; жареных ящериц у кочевников-арабов; копченую рыбу у нигерийских рыбаков; копченое мясо муфлона и испеченные на песке блины — лучшее угощение в становищах Хоггара; поросятину в смоле в Сингапуре; пончики с листьями хризантемы у моих японских друзей; яйца, сваренные вкрутую в горячих сернистых источниках горы Фудзи; паровую свинину у индейцев в Андах...

Еще до света Муса пошел за большой флягой для воды, которую он забыл на месте нашей дневной стоянки, и вернулся к 6 часам. Немного погодя мы выступаем, пересекаем пустынное плато и в 10 часов останавливаемся у уэда Туглаэн, где нашлось немного травы для наших животных. Неглубокая ниша дает нам кое-какое укрытие от солнца. В 14.15 снова отправляемся в путь по тому же плато, которое изредка пересекают овраги со скудной растительностью. Никаких следов старинных поселений; правда, и места для этого мало подходящие — земля похожа на спекшуюся раскаленную корку. Джебрин уже совсем изнемогает, но тем не менее упорно желает идти пешком. В конце концов сыновья помогают ему взобраться на выючный мешок — он предпочитает его седлу, потому что на нем можно вытянуть ноги. С тех пор как его ужалила гадюка в большой палец ноги, что было уже много лет назад, он постоянно жаловался на боль в ступне и во всей ноге. Может быть, яд дает последствия в виде нарушений кровообращения и частичного паралича?.. В 12.30 останавливаемся в уэде Ти-н-Тэффелтаст. Сейчас мы находимся неподалеку от южного гребня Тассили; с него можно спуститься пешком вдоль расселины до уэда Иссендилен, одного из главных водостоков южной части массива, который, проходя по эргу Адмер, впадает в уэд Тафессассет.

Ночь приносит прохладу и покой. Я сплю как убитый. В 5.45 отправляемся в путь к скальным навесам Ти-н-Бенхур; там обнаруживаем росписи, изображающие быков, людей, большого муфлона, — все это в весьма плохом состоянии. Доходим до уэда Тирор; здесь росписи почти стерлись. Неподалеку в глубине расщелины есть гелта, но набрать из нее воды можно только с помощью крепкой веревки и ведра. Вода в ней сейчас есть, но у нас нет необходимых приспособлений, и мы к ней не идем. К полудню останавливаемся в Амседенете; я нахожу там остатки лагеря мехаристов. Навесы в скалах над уэдом сохранили, правда плохо, интересный ансамбль росписей; среди прочего там изображены по крайней мере четыре колесницы; в одну из них впряжена четверка лошадей. Есть несколько рисунков и на скале, и на лежащих рядом с ней плитах. И вот мы снова на тропе, именуемой *абарекка* Уа-н-Терурирт. Выходим около 15 часов и сразу садимся на верблюдов, однако вскоре приходится снова слезть и идти пешком, потому что на нашем пути постоянно встречаются узкие уэды и нужно то спускаться по берегу, то подниматься. В 17.30 доходим до

гельты Тазенжут; вода в ней неаппетитная, засоренная верблюжьим и ослиным пометом. Вечером поднимается резкий ветер, небо чернеет. Мы отказываемся от обеда, предпочитая укрыться от песка под одеялами, потому что ветер усиливается. На землю упало несколько капель, но дождь не пошел. И хорошо, потому что поблизости укрыться негде, а из одежды у нас тоже ничего подходящего нет.

В 21.30 меня разбудил Агауэд: он куда-то направляется в темноте; у него в руке электрический фонарь, и идет он на цыпочках. Сначала я ничего не понял в этой игре; мне хочется спать и, сразу же забыв об увиденном, я закрываю глаза. Но тут зажигается второй фонарь — на этот раз Муса решил поиграть в индейцев. Прибегает Гиса, хватая веревку, которая валялась на земле, и исчезает так же быстро, как появился. От всей этой возни в конце концов я совсем проснулся и очень заинтересовался происходящим. Поднимаюсь, подхожу к юношам-туарегам и вижу пять ослов, которые куда-то движутся за гребнем, отделяющим нас от гельты. Этих ослов мы видели, как только пришли в уэд, но они быстро удалились от нас на безопасное расстояние. Таких ослов ошибочно называют дикими; на самом деле это убежавшие на свободу домашние животные; они размножаются на воле, и детеныши действительно снова дичают. Агауэд, Муса и Гиса прячутся за скалами и не шелохнувшись ждут, пока животные пойдут к водопою. Они, конечно, туда и направлялись, когда их вспугнул наш приход. Агауэд, ведя наших верблюдов пастись, видел их; ослы тоже издали наблюдали за нами. Значит, они хотят пить. Для того, чтобы их поймать, место очень удобное: гельта представляет собой гигантский котел с крутыми берегами и подойти к ней можно только по одному склону, зажатому между отвесными скалистыми гребнями. Истомленные жаждой, ослы подходят к воде; люди, неотрывно следя за ними, дают им вдосталь напиться; напившись и отяжелев, с раздутым брюхом, ослы начинают подниматься обратно. Этого мгновения и ждали Агауэд с товарищами, чтобы броситься на них. Луна еще не взошла, тьма кругом чернильная, и смутные силуэты борющихся людей и животных выглядят просто эпически. Три осла совершают отчаянное усилие и скрываются за гребнем, четвертый тяжело бежит вверх по уэду — ему мешает вздутый живот, и копыта увязают в сыпучем песке, — но ускользнуть ему все же удастся. Пятого Агауэд успел схватить за заднюю ногу; тут же подоспел Муса и сунул ему пальцы в ноздри, чтобы лишить его дыхания, — классический способ остановить осла или лошадь. Подбежал и Гиса, и втроем они обездвигивают ослицу, которую выбрали потому, что ее будет легче приручить, чем старых ослов. Она пытается укусить Агауэда, и поэтому он направляет ей прямо в глаза свет электрического фонаря, чтобы ослепить ее; потом из веревки сооружает настоящий намордник с уздечкой, и таким образом ребята приводят ослицу в лагерь. Когда я подхожу, разъяренное животное пытается меня лягнуть, но Агауэд ловко спутывает его, связывая задние ноги с передней; попытавшись снова лягнуть, ослица падает и подняться больше не может.

Пока длилась вся эта цирковая сцена, Джебрин и не пошевелился; он спокойно лежал под одеялами, а когда животное стреножили, стал смеяться. За свою жизнь ему, должно быть, пришлось не раз вот так же ловить ослов, и он доволен, что его уроки не прошли для сыновей даром.

Теперь нужно привязать животное на ночь, но, к несчастью, здесь

нет ни дерева, ни достаточно большого камня, за который бы можно было зацепить веревку. Агауэд берет мою трость с железным накопечником и роет в песке круглую ямку, глубиной около сорока сантиметров и диаметром около пятнадцати; из веревки он делает петлю, оставив ослице для свободы метра три, кладет петлю в яму, вырывает с корнем куст *дринна*, кладет его на петлю, забивая им отверстие, как пробкой, а сверху насыпает песок. Желая проверить, прочно и надежно ли его сооружение, я тяну за веревку. Убежден, что даже и пять человек ее бы не вытащили. Туареги только что разыграли на моих глазах редкую сцену архаической охоты, когда человек встречается лицом к лицу с диким животным, так сказать, с равным оружием. Борьба людей и животных происходила честно, без всякой помощи извне, в частности, без помощи собак.

Теперь все могут лечь спать. Ночь прошла спокойно; на рассвете видим, что пленница наша не пошевелилась и так и лежит на боку. Вся голова, спина, бок и ноги у нее в кровоподтеках — следы напряженной борьбы; чтобы сохранить свободу, животное приложило отчаянные усилия, но тем не менее состояние его не внушает беспокойства. Навьючив верблюдов, туареги отвязывают ослицу и снимают с нее путы. Агауэд занимает с ней место во главе нашего каравана. Животное становится на дыбы, пытается его брыкнуть, но напрасно: ловкость погонщика заставляет ослицу волей-неволей идти по тропе. С обеих сторон от нее идут Муса и Гиса, и каждый раз, когда ослица вдруг вознамеривается убежать, или упирается, выгибаясь, или мечется, насколько ей позволяет веревка, налево-направо, они бьют ее палками. Дикий порыв сменяется покорностью, и она снова идет вперед... Вдруг Агауэд что-то говорит, Муса подбегает к ослице, хватается за гриву и прыгает ей на спину. Реакция следует мгновенно, ослица яростно взвизгивает на дыбы, но Агауэд, не отпуская, тянет за повод, не оставляя ей свободы движения, и заставляет ее идти. Тяжесть всадника умеряет ее агрессивность, и вскоре она уже идет, как покладистый домашний ослик. Хвалить Мусу как всадника излишне. Нужно прекрасно знать это животное, чтобы вот так, без седла и без стремян, прыгнуть ему на спину, держась только за веревочную уздечку и гриву. Правда, туарегов учат ездить верхом на осле, едва только они научатся стоять. Муса остается в «седле» около часа и слезает только тогда, когда уже не может сидеть. В 10 часов, во время остановки на привал, ослица уже послушно следует за своим погонщиком.

Мы находимся в уэде Эль-Уауат, петляющем по лысой низине. Кучи камней дают небольшую тень, и мы играем с солнцем в прятки. Кроме остановки в гротах Ти-н-Ратуэ, наши полуденные привалы были не слишком удобны. Джебрин перешел на летнюю систему, состоящую в том, чтобы не передвигаться в самую жару, и потому наши остановки становятся все длиннее. Сейчас июнь. Сегодня на привале Джебрин забился в нишу; он жалуется, что у него болит бок, и ничего не хочет съесть, кроме сырой луковицы, которую мы везем с собой от Ихерира. Когда мы собираемся уже выступить, он просит меня отделиться от каравана, который мы догоним вечером, чтобы отвести меня к гроту с росписями под названием Талеуауат. Это огромная ниша под плитой на склоне утеса, тянущаяся на сотню метров. Несмотря на боль и усталость, несмотря на ужасную жару, мой старый проводник хочет до конца выполнить долг информанта, проявляя исключительную профессиональную сознательность. Ведь куда проще было ничего мне об этом гроте не сообщать! Здесь действительно оказалось

много росписей, все в довольно плохом состоянии. Росписей «периода круглоголовых» я там не увидел, хотя, может быть, они и существуют под наложенным на них, иногда довольно густым, слоем сравнительно недавних изображений, среди которых много верблюдов и есть ливийско-берберские буквы. «Период полорогих» представлен хорошо — два прекрасных слона, несколько жирафов и страусов, антилопы, разных видов быки, человеческие фигуры, украшенные нательными рисунками. От «периода лошади» сохранилось по крайней мере две колесницы, запряженные лошадьми, и человеческие фигуры в туниках в виде двойного треугольника. На большей части поверхности стен видны отпечатки пальцев, сделанные красной охрой. Перед гротом был устроен огромный загон для скота, сложенный из больших камней, частично засыпанный. На земле находим небольшое количество инвентаря — осколки керамики, куски плакеток с ретушированными краями, жерновов и зернотерок. Пол пещеры устлан толстым слоем козьего помета, возможно скрывающим более древние следы обитания человека. Осмотр соседних гротов ничего не дает.

Продолжаем путь; местность изрезана каньонами, и вид у нее хаотический. С компасом и биноклем тут делать нечего. Чтобы не заблудиться в этом лабиринте, нужно иметь такого опытного проводника, как мой. По дороге видим еще одну каменную ловушку для шакалов, но сохранившуюся лучше, чем первая. Уже почти в темноте приходим в уэд Матерет, где догоняем своих спутников. Завидев меня, ослица немедленно попыталась брыкнуться, но повод, закрепленный тем же способом, что и вчерашней ночью, остановил ее так резко, что она свалилась с ног.

В этот час во Франции начинается подсчет голосов на выборах президента республики. Как все это далеко!.. Хотя уже несколько недель я не слышал о событиях, происходящих в мире; о том, что американцы высадились на Луне, я все же узнал. Многие туареги думают, что им рассказывают басни; что запущенная с Земли ракета может достигнуть Луны, они не верят. Лишь самые вольнодумные готовы это допустить и с убежденным видом говорят, что теперь можно считать доказанным: американцы сильнее русских! Таковы отголоски международной политики в самой глупи Сахары. Информация доходит к ним с расположенных на краю пустыни радиостанций благодаря транзисторным приемникам, счастливые обладатели которых не расстаются с ними даже для того, чтобы снять штаны.

Муса сражается с кустом *дринна*, где спряталась гадюка. Мы поджигаем куст — лучше поджарить змею прямо в ее убежище, чтобы она нас ночью не беспокоила. Наш бивуак мгновенно наводняют черные муравьи, без сомнения привлеченные огнем; они забираются в складки одежды, а когда их пытаешься там раздавить, кусаются. Муса избавляет нас от них: он делает факел и, водя им по земле, сжигает насекомых.

На рассвете Агауэд замечает, что один из его верблюдов убежал в соседний уэд, и отправляется на поиски. Мы, не дожидаясь его, покидаем стоянку и идем по тропе, которая должна нас вывести к перевалу Ассакао; Муса тянет ослицу на поводу. Мы идем уже четверть часа, когда нас догоняет молодой туарег племени кель меддак, а с ним два щенка-*слуги*. Он искал двух своих ослов, увидел наши следы и побежал за нами. Все усаживаются прямо на земле и обмениваются новостями: описывают встреченных по дороге людей, рассказывают, кто уехал в Джанет, что нового в оазисе и так далее. Поговорили и

о высадке американцев на Луну. Короче — местная газета. Решили, что этот молодой человек заберет с собой ослицу, — это избавит Агауэда от труда заставлять ее подниматься и спускаться по склонам. Немного погодя возвращается сам Агауэд и, не увидев ослицы, впадает в беспокойство. Я говорю, что ослица убежала, и ему остается только бежать в погоню. Джебрин и все остальные, ни словом не обмолвившись, в знак подтверждения кивают головами и втихомолку смеются. А потом я объявляю, что раз сам Агауэд у меня на службе, то ослица тоже моя, — ведь так? Я встретил одного туарега, который дал мне за нее хорошую цену, я ему и продал ее... Он возражает, что тассилийские туареги ослов никогда не покупают; когда нужно, они их ловят, как он, — здесь много *ахулиль* (этим словом местные жители называют одичавших ослов, в Аире их называют *имедерарен*). В конце концов, он оказывается доволен тем, что ослицу отдали человеку из его племени, — по приезде в становище он ее заберет. Вечером у бивуачного костра он мне рассказывает, что для приручения ахулиль нужен месяц — если этим заниматься ежедневно, — водить ее к водопою вместе с домашними ослами, возить на ней верхом детей и так далее, а иначе нужно два месяца. После этого, постоянно находясь с другими ослами, животное привыкает к новой жизни, становится покорным и уже от своих новых собратьев ничем не отличается.

До перевала Ассакао доходим к 8 часам. Когда я вижу, в каком ужасном состоянии дорога, потребовавшая столько усилий и когда-то такая удобная и красивая, у меня сжимается сердце. Самый верхний отрезок не слишком испорчен, и его можно было бы привести в порядок без больших затрат. Средняя часть, напротив, полностью разрушена; стекавшие со склонов потоки все перевернули. Нужно было под дорогой прокладывать огромные трубы, чтобы дать сток воде, а потом отвести ее ниже, в глубокую траншею. Все надо начинать сначала. Невозможного тут нет ничего, нужна только предприимчивость. Нижняя часть тоже пострадала от водного потока, который, не найдя выхода, разметал камни покрытия. В этом невообразимом хаосе нашим верблюдам идти очень трудно, а пешеходу — я иду пешком — нужно стараться не наступить на шаткий камень, чтобы не подвернуть ногу. Нам попались три гниющих верблюжьих и один ослиный труп — недавние жертвы падения. Вниз спускаемся без происшествий.

В 10 часов доходим до гельты Ти-н-Смад, лежащей в самой глубине зажатого скалами прохода. Вода великолепная и свежая, потому что животным сюда не попасть. Чтобы напоить своих, приходится устроить поилку: вырыв в песке яму и положив в нее палатку, наполняем ее, черпая воду из гельты сделанным из шкуры черпаком. Я не видел эту гельту такой полной с 1934 года, когда пил из нее в первый раз. Останавливаемся на отдых. С этой гельтой связана любопытная легенда: одна женщина из племени кель эс-суф — людей ветра или духов — утопила в ней новорожденного; и вот по ночам в полнолуние, когда луна стоит прямо над Ассакао, дитя выходит из воды и плачет... Джебрин разбирает свой багаж, считая ненужным спускать все в Джанет; излишки он поручает Мусе и Агауэду спрятать в скалах над водоемом. У всех туарегов есть свои тайники; спрятанные вещи — обычно запасы продовольствия — они безошибочно в трудный момент разыскивают. До них никто не дотронется; если прохожий увидит на песке ведущие к тайнику следы, из любопытства он туда заглянет, дабы знать, что такой-то спрятал там полный мешок фиников или прося, но взять — ничего не возьмет, — просто так не поступают! Нашим

разгруженным верблюдам на второй, очень крутой *акбе* будет легче идти. Через несколько минут Джебрин оставляет нас под тем предлогом, что ему нужно навестить одну свою давнюю приятельницу, а когда мы в 17.30 спускаемся, он лежит под деревом у подножия склона, в том месте, где мы условились остановиться на ночлег, и уже успел собрать дров для костра.

«Наверное,— говорю я ему,— у тебя есть крылья, раз ты спустился с горы раньше нас». Он смеется и объясняет мне, что спрямил дорогу по очень крутой тропе, непроходимой для верблюдов: точнее, это военная тропа, которую знают только жители Тассили. Если кто-нибудь вздумает преследовать туарега в такой стране, ему понадобятся изрядное воображение и средства!

Утром проходим мимо памятника доисламского периода; состоит он из насыпи в виде прямоугольного трезубца; перед ним стоит большой курган, а по бокам от него — два маленьких. Джебрин объясняет, что это место сборищ пресловутых гигантов *иззаббаренов*, которым здесь приписывают все без различия памятники прошлого. Простые люди рассаживались во впадинах; вождь занимал место на большом кургане, а слева и справа от него сидели два стражника. На самом деле это доисламская гробница, этническая принадлежность строителей которой остается неизвестной из-за отсутствия систематических раскопок.

В каньоне, где мы сделали привал, мы совершенно задыхаемся. Камни за день так накалились, что до поздней ночи продолжают отдавать тепло. И наутро, когда мы снимаемся со стоянки, как только лучи солнца проникают в глубь каньона, мы начинаем поджариваться. Джебрин говорит, что не следовало мне приезжать в такое позднее время, когда большая жара вовсе не благоприятствует долгим путешествиям на верблюдах. Сам он совершенно измучился в этой своей последней, как он считает, поездке, и когда к концу дня мы входим в пальмовую рощу Джанета, все мы в самом деле совсем обессилены. Через три дня, одержимый желанием поскорей отдохнуть от своих трудов, Джебрин приходит прощаться со мной; он терпеть не может оазиса и спешит вернуться к своим. Последнюю свою жену, которая, уточняет он, ему больше не нужна, Джебрин бросил и проводит время, ходя в гости то к одним, то к другим.

Он никогда не сидит без дела, руки его всегда заняты,— например, из покрашенной им самой козьей шкуры и куска алюминиевой арматуры для палатки, который он использует как мундштук, Джебрин мастерит небольшой красивый мех для раздувания огня, наподобие кузнечного. Для собственного удовольствия он сделал внутреннюю арматуру верблюжьего вьючного мешка; он чинит себе одежду, сандалии и приспособливает к своей больной ноге европейскую обувь, которую он выпросил у туристов. Джебрин всегда занят, кроме тех случаев, когда его одолевают ревматические боли, помимо воли лишая его возможности двигаться.

Джебрин останется для меня самым необыкновенным из туарегов, человеком, полностью приспособленным к суровой жизни в Сахаре, одним из самых умных, с неистощимым запасом знаний людей, которых я когда-либо знал, и больше того, самым верным другом, несмотря на свой независимый и подчас вспыльчивый нрав. Когда ему случалось по пустячному поводу наговорить лишнего, он, напустив на себя исполненный достоинства вид важного господина, шел спать в одиночестве куда-нибудь в отдельный уголок под скалой; на завтра же, к

утреннему чаю — это час дружбы, — будучи хорошим актером, возвращался и самым милым образом извинялся за вчерашние резкие слова, объясняя, что им в ту минуту владел злой дух. Связывающая нас дружба всем на Тассили известна до такой степени, что наши имена не разделяют, и говорить об одном — значит говорить о другом. Эта дружба служит примером всем людям его племени, и молодое поколение, состоящее из его сыновей и племянников, а теперь уже и из внуков и внучатых племянников, прониклось ее духом; они становятся преданными и приветливыми проводниками для туристов. Впрочем, все эти туареги еще детьми приходили играть к нам в лагерь; подростками кое-кто из них носил нам почту, таскал дрова и воду; все они полюбили фруктовые соки и разное печенье, к которому они очень неравнодушны.

Мой рассказ о нашем последнем путешествии верно передает дух, царивший в наших многочисленных совместных разведывательных походах в поисках росписей Тассили, в этих обычных, в общем-то, поездках, в каждой из которых была своя толика маленьких ежедневных приключений, в поездках по суровому краю, где жизнь не терпит низостей.

В результате этого путешествия я представил алжирским властям проект декрета, который меня просили составить и целью которого являлось превращение всей зоны Тассили-н-Аджера в национальный парк. К проекту была приложена карта. Декрет должны были издать в 1974 году. Так Алжир прославил себя, создав первый в мире государственный археологический заповедник.

СОБЫТИЕ В ПОЗНАНИИ ДОИСТОРИЧЕСКОГО ИСКУССТВА

С того момента, когда были открыты первые памятники доисторического пещерного искусства, перед исследователями встал вопрос: каковы же были, при самом его зарождении, движущие мотивы этого художественного творчества? По мнению многих ученых, любое искусство имеет своим истоком религию или магию. Если вспомнить о знаменитых бизонах из глины в пещере Тюк д'Одубер, в Арьеже, которые находятся на высоте 800 метров над входом и добраться до которых можно только после того, как вскарабкаешься по узким вертикальным шахтам, протиснешься в еще более узкие проходы и долго будешь идти по темным галереям, то станет очевидным: для того, чтобы старательно запрятать скульптуры в столь труднодоступное место, нужны были серьезные причины. Ту же картину можно наблюдать в соседней пещере Трех Братьев, где до колдуна, господствующего над всем залом с рисунками, можно добраться только на ощупь — в таком труднодоступном закоулке он помещен. Еще один пример: пещера Бедейлак, также в Арьеже, где вырытый водой в известняке первый зал настолько огромен, что во время второй мировой войны там был размещен авиационный завод, который немцы эксплуатировали в течение всех четырех лет оккупации. В двухстах метрах от входа проход сужается; перед глазами возникает «кропильница», за которой видны нависающие сталактиты и торчащие сталагмиты. Чуть дальше взгляд посетителя привлекает огромный бизон на очень ровной и хорошо доступной взору стене. Пока все это совершенно обычно. Но, взобравшись по откосу каменной осыпи, попадаешь в неудобную камеру, у самого пола которой есть вход в узкий лаз; если вы достаточно отважны, чтоб просунуться в него и карабкаться семь — восемь метров по вязкой глине, то он приведет вас к двум бизонам, вылепленным из этой глины, и тем же способом изображенным женским половым органам, а за скалой, образующей стену вестибюля, вы увидите нарисованную красками лошадь, голова которой нарочно не прорисована. В расщелине той же пещеры еще меньшее отверстие ведет в коридор, где едва-едва может пройти человек. На левой стене изображен великолепный бизон.

Следует также упомянуть пещеру Руффиньяк, в которой росписи находятся почти в километре от входа. Подобная аномалия отмечается в большей части пещер Франции и Испании, где встречаются памятники искусства. С одной стороны, есть изображения, которые видны сразу; с другой — запрятанные в самых труднодоступных закоулках, причем в древности они были еще хуже видны, потому что средства освещения тех времен — масляные лампы и смоляные факелы — давали довольно тусклый свет. Следовательно, можно предположить, что некоторые места — те, где изображения хорошо видны, — были доступны простым смертным, а другие, тайные, были известны только посвященным. Следы детских ног в Тюк д'Одубере и в Нью, например, позволяют предположить, что существовали специальные святилища для инициации молодых, где совершались обряды, которые останутся нам навсегда неизвестными.

Некоторые рисунки франко-кантабрийской области, на которых представлены пронзенные стрелами животные, чаще всего лошади и бизоны, раненые медведи, извергающие носом кровь, служили охотничьим обрядам, а изображения жеребых кобылиц — культу плодородия; цель всех этих ритуалов — обеспечить успешную охоту и в то же время — быстрое размножение дичи. Однако сторонники «чистого искусства» полагают, что для ритуального обозначения животного достаточно было просто символа и что, если бы художника не побуждала к тому жажда творчества, вряд ли он стал бы тратить часы, дни, недели, а иногда и месяцы на создание таких произведений, как росписи потолка Альтамиры, ансамбли Ласко и Руффиньяка. По мнению аббата А. Брейля, специалиста с мировым именем и пионера в изучении доисторического искусства, утилитарное искусство религиозно-магического характера должно было сосуществовать с искусством для искусства. Это кажется очевидным.

В Сахаре все это представляется несколько иначе: рисунки вырезаны на скалах под открытым небом, росписи тоже нанесены на стены ниш и, следовательно, видны всем проходящим; исключение составляют некоторые случаи, засвидетельствованные в И-н-Итинене и Тиссукаи: изображения человеческих фигур «периода круглоголовых» в сопровождении какого-то животного с раздвоенным копытом и схематических негритянских масок всегда сделаны в темных местах, вероятно, использовавшихся для обряда инициации. Что касается рисунков редкого, нетипичного содержания, то им вообще трудно приписать какой-нибудь определенный смысл. Иначе дело обстоит в тех случаях, когда, как в Южном Ороне или в Джерате, некоторые сцены носят сюжетный характер (например, охотничьи), а другие постоянно и очевидно соединяют человеческие фигуры в позе молящегося с изображением животного — буйвола, барана или льва. Ассоциации этих изображений говорят о каких-то, для нас неясных, религиозных верованиях и указывают на определенную роль, которую играли эти животные, равно как и некоторые символы, например спираль. Оставим в стороне сцены эротического характера, которые, без сомнения, были просто откровенным выражением культа плодородия, а также человеческие фигуры с зооморфными головами, может быть, предвосхищавшие богов Древнего Египта.

Когда аббату Брейлю пришлось разбирать досье Бренана, в котором хранилась прекрасная подборка копий тассилийских росписей, они не вызвали у него мыслей о религиозных побуждениях, но он был очень изумлен повествовательностью пастушьих сцен. Если он снабдил

некоторые панно совершенно фантастическими подписями, то это было более шутки ради. Его внимание особенно привлекла юмористическая сторона рисунков, а потому он всячески подчеркивал этот поистине новый вклад тассилийских росписей в наше представление о доисторическом искусстве. Сюжетно-анекдотическая сторона на самом деле выступает на первый план, идет ли речь о движущемся стаде быков, о пастушьем становище, состоящем из хижин, о быках на привязи, о причесывающих друг друга женщинах, о разделывании туши дикого осла, об охоте на газелей или битве лучников за стадо быков — обо всех сценах повседневной жизни, настолько обычных, что они и по сей день повторяются у скотоводов суданских степей. Иногда юмористическая экспрессивность этих сцен достигает неожиданной силы. По этому поводу можно вспомнить одну любовную сцену, копия которой была снята в Тимензузине еще в 1956 году, но не опубликована; сцена написана на скалистой стене, подходы к которой очень неудобны, на высоте более трех метров, как если бы автор не хотел, чтобы она попала на глаза любому прохожему. В этих искусно изображенных любовных играх нет ничего пошлого. Пара в центре представляет лежащую на спине женщину с раздвинутыми ногами, а на ней мужчину в совершенно однозначном положении; одна забавная деталь — направо от этой пары другая женщина, присев на корточки, смотрит на них, взмахивая руками, словно отмеряя ритм; еще правее, повернув голову к лежащей на земле паре, мужчина держит женщину за руку и старается привлечь ее к себе с очевидным намерением последовать примеру первых, но его партнерша, по-видимому, не очень охотно откликается на приглашение; внизу третья пара: мужчина тянет к женщине руки, как бы намереваясь ее схватить, а та вздевает руки к небу жестом, позволяющим сомневаться в ее согласии; слева — четвертая пара, причем здесь краски более блеклые: женщина убегает, спасаясь от объятий мужчины, протягивающего к ней руки, — несчастная, кажется, хочет избежать игры, которая, ей, видимо, не по вкусу. Последний персонаж этой сцены, мужчина, вооруженный луком и стрелами, с разгневанным видом приближается к парам, возможно чтобы покарать их за измену... Глядя на эти картины, задаешь себе вопрос, изображены ли здесь различные последовательные фазы одного и того же события, как в комиксах, или просто различные сцены публичного или группового полового акта, что, впрочем, никого не смущает, совсем как у эскимосов, у которых из-за такой ерунды женщина даже не перестанет жевать резинку, или у некоторых племен южноамериканских индейцев, для которых публично совокупиться столь же обычно, как пить и есть. Автор этой очень удачной сценки не был новичком. По всей видимости, изображая ее, он от души развлекался, но весьма сомнительно, чтобы он хотел придать ей религиозный характер. Другие сцены того же жанра сообщают, что различные способы половой любви древним скотоводам Тассили были уже известны и в этой области им было нечему учиться у наших современных специалистов.

В двух случаях, в уэде Джерат и в Южном Ороне, на больших гравюрах изображено совокупление человека с буйволицей. Было бы крайне неосторожно считать это изображением полового извращения, потому что мы совершенно не знаем, что за этим стоит. Может быть, союз человека с некоторыми животными предвосхищает зооморфных богов Египта?

Событие, представляющее немалый интерес, по-новому осветит вопрос о побудительных мотивах искусства пастушьих племен Сахары.

Открытие наскальных росписей Тассили должно привлечь внимание ученого мира, особенно африканистов-этнологов, занимающихся историей фульбе. Кто же такие фульбе? Пастушеский народ, живущий ныне в Западной Африке, от Сенегала до Чада и Северного Камеруна, где они в поросшей злаковыми травами степи пасут свой крупный рогатый скот. Это не белые и не черные; кожа у них часто очень светлая, более или менее загорелая, волосы длинные и не мелко вьющиеся, черты лица и губы тонкие. Но это тип, встречающийся у племен, которые еще ведут кочевой образ жизни; многочисленные осевшие племена, смешавшиеся с местным населением негритянского происхождения, принадлежат уже к смешанному типу. Кочевые племена называются бороро, осевшие — гидда, «люди домов». Бороро не имеет значения «бродячий», а означает «невежественный», как противоположность тем фульбе, что обращены в ислам и сведущи в Коране. Фульбе привлекли внимание всех исследователей-африканистов, потому что ни негры, ни они сами не считают себя автохтонами; происхождение фульбе остается загадочным. Их пытались сделать потомками евреев, малайских переселенцев, негроидизированными берберами, сирийцами, цыганами, бретонцами, басками и бог знает кем еще. Короче, по их поводу высказывались самые фантастические гипотезы. Однако тот факт, что деятельность фульбе в основном направлена на разведение крупного рогатого скота и что именно они являются виновниками его появления в Западной Африке, общепризнан. По их собственным преданиям, они будто бы прибыли в Фута-Джаллон около VIII века н. э., переправившись через реку Сенегал; двигались они с севера. Стало быть, последняя их миграция шла через Сахару, но какой дорогой и откуда они шли? Весь вопрос в этом.

В моих путешествиях по суданской саванне, в Нигере, неподалеку от скал Бандиагары, в окрестностях Мопти и Ниафунке, на севере Камеруна мне случалось встречать женщин-фульбе, привлечших мое внимание своей удивительной красотой. В числе моих друзей был один человек, некто Жильбер Вьейар, прекрасно знавший этот народ и любивший его. Когда я с ним познакомился, он был простым чиновником в департаменте по гражданским делам в Тахуа, а позже занял пост, как в то время говорили, администратора колоний. Мы с ним жили вместе в предоставленном ему просторном помещении, и фульбе были основной темой наших бесед за едой и по вечерам. У него было две жены, одна фульбе, а другая хаусанка; жена-хаусанка родила ему дочь, которую на языке той страны звали «мягенькая». Когда он приехал в Париж на стажировку в Колониальную школу, чтобы занять потом пост администратора, мы частенько встречались с ним в Латинском квартале и беседовали на нашу излюбленную тему, которая для меня представляла уже тогда такой же интерес, как и все, что касалось туарегов. Поэтому многочисленные стада быков, изображенные на стенах тассилийских гротов, сам тип пастухов, прически женщин и мужчин, а также их одеяния — все эти детали, когда я их увидел, воскресили в моей памяти наши разговоры с Жильбером Вьейаром, который, к сожалению, был убит в первые же месяцы войны в Вокулере, в родных местах Жанны д'Арк. Фульбе напоминало и многое другое: луки — классическое их оружие, изображенные на скалах круглые хижины, телята, привязанные так, как я это видел не раз в стойбищах бороро, и огромные стада коров с лирообразными рогами, в точности похожих на тех, молоко которых я пил на юге Аира, в Адамауа и в стране догонов. С той поры я пришел к убеждению, что

художники «периода полорогих» должны быть одними из основных предков нынешних фульбе и что открытые нами росписи — свидетельство их древней миграции. Изображенные женщины с тонкими чертами лица, с прическами в виде шлема или сахарной головы и мужчины с заплетенными в косы волосами по своему физическому типу отчетливо напоминают фульбе.

Поскольку росписи того же стиля и того же времени были обнаружены, правда в меньшем количестве, в Тибести, в Хоггаре, в маленьком тассили Ти-м-Мисао, в центре Танезруфта и в Земмуре, то мне кажется, что шедшая с востока миграционная волна вступила сначала в центральную часть Сахары и следовала вдоль больших долин, под защитой основных горных массивов, так что конечный выход ее к Сенегалу представляется одним из самых вероятных. В то время один весьма заслуженный этнограф из Музея Человека, Жермена Дьетерлен, бывшая сотрудница профессора Марселя Гриоля, изучала обычаи фульбе с помощью одного ученого фульбе, Амаду Хампате-Баа, бывшего посла Мали в государстве Берег Слоновой Кости, позже представлявшего свою страну в ЮНЕСКО. Им пришла мысль посетить выставку копий росписей Тассили в павильоне Марсан, и они были очень удивлены, узнав во многих сценах отражение обычаев фульбе-бороро, среди которых Амаду Хампате-Баа провел свое детство. Особенно привлекла его внимание одна роспись — та, которую мы окрестили «Быки на коленях», или «Схематические быки», поскольку на ней вместо ног у животных были изображены какие-то культипки; мы предположили, что они лежат. Амаду Хампате-Баа увидел, что животные на фреске, а также изображенные тут же люди, которых мы принимали за безногих калек, просто стоят в воде.

На интереснейшей многочасовой лекции, прочитанной нам Амаду Хампате-Баа и прослушанной нами с неослабным вниманием, он объяснил, что эта роспись изображает обряд, называемый *лотори*, при котором он присутствовал в ранней юности и который практиковался у пастухов-фульбе Масины вплоть до их обращения в ислам. Обряд этот состоял в том, что раз в году ночью животных вели к ближайшему рукаву реки и там чистили, в память о их происхождении из воды. Дело в том, что у фульбе существует легенда, будто быки появились из воды. Она рассказывает, что один человек с женой и детьми устроили стоянку у болотистого водоема, и вот, с наступлением темноты, они увидели, как из воды вышли быки и мирно подошли к их костру, а на рассвете вернулись в воду. Днем человек и его семья отошли подальше от водоема. Но вечером быки опять пришли и улеглись у огня. Много раз быки уходили и возвращались к людям каждый вечер. Однажды человек ушел далеко в заросли, и быки, придя к нему, больше не вернулись к воде, остались и уже не покидали человека, связав с ним свою судьбу. Согласно этому поэтичному сказанию, с того дня быки стали домашними. В память о таком, водном происхождении коров и исполняется ежегодно обряд *лотори*, точно так, как это делалось когда-то в среднем течении Нигера, недалеко от Диафараве, когда на нем присутствовал юный Амаду Хампате-Баа.

Пока животных чистили, на берегу происходили танцы; дата церемонии, приходящаяся обычно на ноябрь, назначалась старейшим *силатиги*. На языке мандинго *силатиги* означает «вождь»; у кочевников-фульбе это главенствующее лицо, которому ведомы все секреты скотоводства, постигнутые им в течение долгих лет посвящения; за знания и мудрость его в конце концов избирают вождем, и потому же

он еще играет и роль прорицателя. Дату *лотори* он назначает, учитывая двадцативосьмидневный цикл лунного календаря и относительное положение двадцати восьми созвездий, управляющих солнечным годом пастушьих племен. Церемонии начинались в первый день назначенного жрецами лунного месяца и продолжались до пятнадцатого дня, причем ритуальное купание происходило в день полнолуния. Обряды совершались не только в память о происхождении животных, но и преследовали профилактическую цель — предохранить скот от болезней и бесплодия.

Амаду Хампате-Баа объяснил также, что рисунок в виде пальцев представляет руку первого пастуха, звавшегося Кикала. Эта шестипалая рука символизирует общественную организацию фульбе, причем последний, дополнительный палец имеет наименьшее значение; если считать справа, четыре первых пальца обозначают четыре больших аристократических рода фульбе, потомков четырех первых детей Кикалы мужского пола; эти роды носят названия, хорошо известные и сейчас. Это *диалы*, *баа*, *соо* и *бари*. Пятый палец изображает союзное семейство, произошедшее от браков с чужими кланами и отдавшее себя под власть вождей фульбе. Наконец, дополнительный палец изображает рабов, по происхождению своему не фульбе, но живущих в тесном симбиозе с кочевниками и разделяющих все их труды.

Символическое значение рисунка этим не ограничивается. Четыре первых сегмента, или пальца, окрашены соответственно четырем основным мастям быков: красной, желтой, белой и черной, и каждый цвет приписывается одному из названных выше семейств. У бороро рассказывают такую легенду: чувствуя, что умирает, Кикала решил разделить стадо между четырьмя первыми сыновьями и, чтобы избежать споров, сделал это, рассортировав животных по мастям на четыре части. Расширив свое значение, символика этих цветов стала обозначать и четыре элемента, лежащие в основе всего сущего, — землю, воду, воздух и огонь, а в дальнейшем и четыре стороны света, которые играют основную роль в обрядах фульбе. Поэтому и вход загонов для скота, и двери хижин, и привязь для животных, и место, где воздвигнут семейный алтарь, — все ориентировано по сторонам света согласно строгим правилам. Таким образом, это целая цепь символов, образующая настоящую геральдику и служащая отличительным признаком для каждой семьи подлинных фульбе. Соотносительные звенья этой цепи таковы:

диалы — желтое, огонь, восток;

баа — красное, воздух, запад;

соо — черное, вода, юг;

бари — белое, земля, север.

Внимательно рассмотрев внутреннее и внешнее поля рисунка в виде пальцев, на нем можно насчитать тридцать три человеческие фигуры, идущие друг за другом гуськом. Ног не видно — они тоже в воде, на головах маски с большими ушами, изображающие «хитрых животных» африканского фольклора — лису, шакала, зайца. У большей части этих людей на руках танцевальные атрибуты, может быть колокольчики, — такие, как обычно у фульбе. Это служители культа различных ступеней посвящения: тридцать три фигуры соответствуют числу ступеней посвящения, которые должен пройти неофит, чтобы получить полное знание пастушеских обрядов инициации и достичь высшего звания *силатиги*. Первые тридцать человек, изображенные в нижней части большого пальца, — это люди, достигшие высшей ступени посвя-

щения и призванные наблюдать за точным исполнением обрядов. Они танцуют — обстоятельство, на которое следует обратить внимание, — выстроившись друг за другом в ряд, чтобы изобразить извивающуюся змею. Это танец змея Тианаба, сверхъестественного существа, представителя бога на земле, которому специально поручена охрана стад. Изображение его мы встречали на многих росписях, в частности в Джаббарене, Ти-н-Тазарифте и Уа-н-Дербауэне.

Следовательно, наша роспись, не опуская ни одной детали, изображает обряд *лотори*, что позволяет считать древние пастушьи народы Тассили предками фульбе. Амаду Хампате-Баа объяснил нам также значение числа двадцать восемь. Для того чтобы обряд *лотори* возымел благоприятное действие, необходимо участие в нем двадцати восьми быков. На росписи в Ти-н-Тазарифте мы насчитали их только двадцать семь, но, может быть, одно изображение стерлось и ускользнуло от нашего внимания. Число двадцать восемь является также основным для пастушьего года фульбе, разделенного на двадцать восемь временных отрезков по тринадцать дней, причем каждый месяц зависит от какого-нибудь созвездия. Церемония *лотори* происходила на исходе двадцать восьмого месяца. Двадцать восемь — это и число узлов или петель на шнурке, которые посвященный должен развязывать каждый день, чтобы постигнуть постепенно скотоводческие знания, и число ступеней этого знания, причем первый и последний узел — альфа и омега, заключающие в себе тайну начала и конца мира, — посвящены богу. Кроме того, двадцать восемь — это кратное четырех, а фульбе считают, что существует семь формул скрещивания, дающих животных двадцати восьми различных окрасок, поскольку число семь символизирует полноту целого, соединяя в себе мужское начало (три) с женским (четыре).

«Для того, кто посвящен в пастушьи обряды, это очень просто», — говорил Амаду Хампате-Баа.

Но это куда менее просто для того, кто знает, как трудно сблизиться с фульбе-бороро и заставить их говорить откровенно, потому что все пастушьи обряды — тайна. У нашего друга и информанта дедушка был *силатиги*, и, следовательно, под его руководством он в молодости и прошел посвящение. Теперь Амаду Хампате-Баа перешел в ислам, так же как и многие члены его большой семьи. И есть серьезное опасение, что еще через несколько лет все эти прекрасные легенды будут полностью забыты.

Расшифровка доисторической росписи в свете инициационных обрядов фульбе — значительное событие, по своим последствиям далеко превосходящее рамки этнографических исследований. И если эта фреска имеет повествовательный аспект, рассказывая о церемонии *лотори*, то она еще и вскрывает чрезвычайно сложный комплекс верований, о котором не догадывается рациональный ум европейца. Тут и легенды о происхождении и практике скотоводства, и отражение общественной и политической организации фульбе, и символика чисел и цветов, и космогоническая система, которой подчинена практическая и религиозная жизнь скотоводов, — все это, тесно связанное, постоянно присутствует в сознании фульбе. А Амаду Хампате-Баа был послан провидением, чтобы раскрыть нам эту тайну.

Поражает то, что картинки, нарисованные примерно около 3500 года до н. э., могут быть поняты более пяти тысяч лет спустя, и мы вправе задать себе вопрос, могли ли традиции сохраняться в неприкосновенности в течение всего этого немалого времени. То, что многие детали

росписей «периода полорогих» позволяют установить близость культуры того времени сегодняшней культуре фульбе, которые считаются основателями разведения крупного рогатого скота в Западной Африке, объясняется упорным этнографическим консерватизмом африканских народов, хотя и сильно сдавшим свои позиции под мощным натиском ислама; бороро вплоть до самого последнего времени этому натиску противостояли и сохраняли обычаи своих предков-скотоводов.

Амаду Хампате-Баа расшифровал немало росписей, но это внесло вклад в основном в этнографические исследования.

К изложенному можно добавить, что у некоторых групп фульбе Нигера существует другая версия этой легенды. Она рассказывает, что первый пастух разделил животных своего стада по типам рогов: на быков с короткими и толстыми рогами и на быков с лирообразными длинными и тонкими рогами, что соответствует двум видам, представленным в росписях на скалах Тассили; в зоологии эти виды носят названия *Bos brachyceros* и *Bos africanus*. У фульбе понятие об этих различиях сохранилось. Это тем более интересно, что в чистом виде оба семейства в Западной Африке не сохранились из-за скрещивания коров с зебу, происшедшего неведомо когда, результатом которого было появление бесчисленных метисов с самой разнообразной формой рогов. В наши дни пастухи фульбе отдают предпочтение длиннороговому быку с примесью крови зебу из-за его силы и приспособленности к степным условиям. Толсторогий же бык, напротив, ценится за выносливость в ходьбе и смирный нрав, что делает его прекрасным верховым животным, которое особенно любят женщины.

Выше я рассказывал о некоторых росписях, изображающих сексуальные сцены, где партнеры занимаются любовью по-собачьи. Джебрим приходил от них в ужас, потому что в его глазах это немыслимо и чудовищно. В этой области наше ханжество достигло такой степени, что заслонило от нас истинную природу человека. А вот мудрые фульбе говорят, что, когда мужчина хочет иметь сына, который станет вождем, колдун дает ему совет поступить именно таким образом... Аминь!

Открытые мною во время разведывательной поездки в 1969 году на плато Ихерир росписи по своему качеству и новизне вполне заслуживали того, чтобы с них сняли копии. Я сообщил об этом доктору Хену, который был тогда министром общественных работ в алжирском правительстве и председателем Комитета промышленной кооперации — организации, принявшей участие в охране росписей Тассили и просившей меня о сотрудничестве в этой области, а также доктору Талебу, бывшему министру народного образования, позднее министру информации и культуры; они оказали мне самый радушный прием и обеспечили финансовыми и материальными средствами, необходимыми для осуществления этого проекта. Между Алжиром и Илези (бывшим Форт-Полиньяком), ближайшим к предполагаемому месту работы населенным пунктом, прямого воздушного сообщения нет, и потому наш посол в Алжире Жан Бадеван любезно предоставил в мое распоряжение принадлежащий посольству самолет DC-3. Меня должны были сопровождать два члена экспедиции 1962 года — Пьер Коломбель и Ив Мартен, а также два алжирца, студенты Школы изящных искусств в Алжире, приезжавшие на трехмесячную стажировку в Музей Человека. Но из двух алжирцев прибыл только один, Абделазиз, потому что другой в утро отлета проспал. Дело было во время *рамадана*, и он, несомненно, измученный бессонной ночью, уснул в тот момент, когда должен был встать. Все это происходило в конце ноября 1970 года.

Наш пилот — очень милый человек, полковник Ферре, атташе по воздушному транспорту при нашем посольстве. Сначала, чтобы дозаправиться горючим, садимся в И-н-Аменасе, потом берем направление на Илези. Перед тем как приземлиться, производим воздушную разведку района Ихерира, чтобы выяснить, существует ли проход, которым мы могли бы от автомобильной дороги добраться в лендровере до скал Ихерена. К сожалению, под нами только каньоны и непроходимые для автомобиля нагромождения камней.

Экипаж обнаруживает неполадки в системе шасси — что-то не так с давлением масла, то есть, попросту, где-то есть утечка. Шасси выхо-

дят свободно, но тормоза не срабатывают. Чтобы хорошенько рассмотреть посадочную полосу, пилот делает два захода, мы покрепче затягиваем привязные ремни; самолет приземляется в самом конце площадки и все катится и катится, хотя мотор работает на малых оборотах; останавливается он у самого края посадочной полосы, на счастье, очень длинной, иначе бы без инцидентов дело не обошлось. Механики проверяют шасси, находят место утечки, — ликвидировать ее нельзя. Нужно запросить Алжир, чтоб доставили запасное колесо, потому что испорченная тормозная система с ним тесно связана, и домкрат, который позволит поднять это переднее шасси и сменить колесо. За полторы тысячи километров от Алжира, в глухой деревушке, это не очень-то кстати! В довершение начальник почтового отделения в Илези предупреждает меня, что машины, предоставленные в мое распоряжение Министерством общественных работ, придут только через неделю, потому что шоферы соблюдают *рамадан*. Чтобы не томиться от безделья в уютном «отеле» в Илези, мы решаем отправиться пешком к началу уэда Джерат, где в прошлом году посол Жан Бадеван, которого я сопровождал в «Тассилийский Везер», открыл большой ансамбль рисунков, ускользнувший от внимания нашей экспедиции в 1959 году. Мы систематически копируем их и, таким образом, не теряем времени даром.

После многочисленных и невообразимых осложнений самолет, наконец, может подняться в воздух и доставить из И-н-Аменаса в Илези запасное оборудование. Машин приходится ждать еще несколько дней. Наконец они появляются. Грузим оборудование и продовольствие. В экспедиции участвуют два туарега, которых мы заранее вызвали в Илези: Бухайас, бывший унтер-офицер отряда мехаристов из племени орарен, будет нашим проводником, а Икнан аг Барка из племени иджерадже-раун — поваром. Оба хорошо знают и тот район, который мы должны пересечь, Фаднун, и тот, где мы будем работать. Бухайас обошел все уэды этого района; он оказался сведущим и полезным проводником. Перед отъездом мы собрали информационное совещание; в нем участвуют мэр Илези, один туарег из племени орарен, депутат Амастан, бывший адъютант Брахима аг Абакада и его наследник на посту вождя племени аджер, принимавший участие в воздушной разведке, которую мы производили над Тассили в 1959 году вместе с капитаном Годаром, и еще другие — они счастливы проявить свою осведомленность и рассказать о местах, где видели росписи. Они знают, что Джанет своим нынешним процветанием обязан росписям Тассили, и надеются, что мои исследования в районе Ихерира послужат к их пользе. Это совершенно естественно, и я искренне хотел бы содействовать тому, чтобы все эти люди, которых я не раз встречал в своих странствиях и с которыми делил их скудную, но предложенную от всей души пищу, получили источник существования.

В Фаднун мы отправляемся через плато — оно довольно пустынно и удручающе однообразно. Сейчас 5 декабря, и погода отнюдь не жаркая. На 138-м километре Бухайас останавливает машины и ведет нас к скальному навесу Байдари, где мы видим изображение двух слонов, многочисленных быков и людей, вооруженных луками. На 184-м километре снова останавливаемся, на этот раз у уэда Тедар. Под навесом тридцатиметровой длины видим жирафов, страусов, быков, антилоп и три колесницы с лошадьми в «летащем галопе». Росписи, принадлежащие к «периоду полорогих», выполнены в том же стиле, что и в Тиссукаи, Сефаре и И-н-Итинене. Шестого к вечеру останавливаемся в Тикедране, в маленьком, скрытом скалами цирке, куда незамедлитель-

но являются окрестные туареги, узнавшие, что нам понадобятся верблюды, так как мы направляемся в Ихерен, а проехать на лендровере туда нельзя. На следующее утро, желая подойти как можно ближе к нашей цели, едем по тропе Ихерира, но через три километра останавливаемся, потому что машины не могут пересечь широкую и глубокую долину, а все туареги единодушно утверждают, что другого пути нет. Ожидая нанятых накануне верблюдов, осматриваем массив Сенфукет, где находим десяток скал, расписанных человеческими фигурами и быками. Как только приводят верблюдов, нагружаем их нашим снаряжением и запасом продовольствия на два месяца и направляемся к Та-н-Хадидже, к тому месту, где в прошлом году я обнаружил группу священных камней. Доктор Талерб просил меня привезти их, но они слишком тяжелы, чтобы грузить их на верблюдов, а машины остались в сорока пяти минутах езды отсюда. В окрестных скалах есть несколько небольших стен с росписями — изображения людей с нателными рисунками «периода полорогих» и человеческие фигурки «периода круглоголовых». Отсюда едем к гроту Тахлахи, где году в 1950-м мой бывший сотрудник Жорж Ле Пуатевен, находившийся в то время в зоологической экспедиции, возглавляемой профессором Бернаром из Алжирского университета, снял копии с прекрасных росписей. Снимаем копии с тех, что он пропустил, и перебираемся в Тазакарут, где обнаруживаем изображение колесницы. Три часа спустя доходим до Ихерена и начинаем устраиваться надолго. Уже холодно, и температура может упасть еще ниже. Мы превращаем скальные гроты в комнаты, огораживая их каменными стенками, которые должны укрыть нас от ветра. Продовольствие прячем в расщелинах скал, чтобы предохранить его от непогоды. Грот с росписями обращен на север, и солнце туда не проникает ни разу за день. Холодно настолько, что мы вынуждены надеть аноракки на пуху, а темно так, что работу мы прекращаем в 17.30. Нам остается только в ожидании ужина сидеть у огня и, надев на себя свитеры, аноракки и бурнусы, чтобы не дрожать, коротать время, рассказывая разные истории.

В этом гроте нам предстоит большая работа. Стена покрыта росписями на 9 метров в длину и на 3 метра в ширину. Все изображения — людей и животных — выполнены очень тонкой линией, что делает нашу задачу еще труднее. Постепенно читаем роспись, изображающую стада быков, коз и идущих баранов, и нам открывается удивительное богатство оживляющих ее деталей. Наиболее доступная обозрению часть занята панно, представляющим шестнадцать жирафов, естественно и изящно сплетающихся друг с другом. По мере того как мы копируем его, мы начинаем понимать, что ни одна его линия не пересекает другую, что вся композиция была задумана как единое целое и что каждое животное на ней, в какой бы плоскости оно ни было изображено, имеет свое определенное место и ни один рисунок не находит на другой. То же самое можно сказать и обо всех остальных фигурах на этом панно, будь то изображения людей, идущих амазонок, разных групп антилоп и прочее. За исключением двух слонов, написанных в более ранний период, и нескольких человеческих фигур, вся пещера, кажется, расписана одним художником, и даже на наш опытный взгляд этот последовательный ряд росписей впечатляет качеством рисунка, исключительной сложностью композиции и реализмом изображения. Это лучшее из всех найденных до сих пор в Сахаре произведений, шедевр натуралистического искусства неолита. Когда некоторые мои коллеги, специалисты по первобытной истории и наскальной живописи, присут-

ствовали при распаковке наших копий в Музее Человека, они точно так же восхищались этим панно, как и я. Как тщательно выписаны все детали! Одна сцена показывает только что родившегося жирафенка, твердо стоящего на неокрепших ножках и с еще не отпавшей пуповиной. В другой сцене точность изображения позволяет с первого взгляда различить в группе галезей и антилоп газель-доркас с тонкими рогами, белую газель-дама, антилопу-орикс с длинными, загнутыми назад рогами, антилопу-бубала с узкой и длинной головой (одна из них тщательно вылизывает только что родившегося детеныша). Другая группа представляет льва, держащего в когтях барана; голова его обращена в сторону вооруженных копьями людей, которые оспаривают у него добычу; над ними изображены бегущие в ужасе бараны. И самая неожиданная картина — болотце с прыгающими лягушками, из которого пьет бык. Немного дальше — дерево, изображение вообще редкое для наскальной живописи Сахары; по стволу взбирается человек. Особенно тщательно выписаны быки; у некоторых между рогами можно различить какой-то узор, вероятно, символического характера, напоминающий ковер. На некоторых быках едут верхом женщины, одетые в нарядные, сплошь вышитые платья, и со сложными прическами. Женщины и дети перед хижинами, сооруженными, похоже, из сшитых шкур. Любопытно, что весь потолок покрыт отпечатками пальцев, сделанными красной охрой. Больше всего их над панно с жирафами. Что это — «иконоборчество» или магический ритуал? Я уже писал о виденных мною отпечатках пальцев в пещере Талеуауат во время моей поездки с Джебрином в Ихерир.

По мере того как пополняется коллекция тассилийских росписей и еще более — в результате снятия копий, которое позволяет нам глубже проникнуть в технику и стиль доисторической живописи, — становится все очевиднее сосуществование на этой территории различных человеческих сообществ, особенно в «период полорогих». Если некоторые человеческие типы на росписях по своим профилям, мужским и особенно женским прическам напоминают фульбе, или, точнее говоря, их предков, то с самого начала наших исследований нам встречались и несомненно негроидные типы, и европеоидные. В Тиссукаи в Уа-н-Дербауэне, в И-н-Итинене мы были поражены, увидев профили, напоминающие одновременно и семитские, и египетские, и европейские. Если некоторые сцены на росписях скотоводческого периода могут служить иллюстрацией жизни современных фульбе и ритуальных церемоний, поныне практикуемых, как показал нам Амаду Хампате-Баа, у бороро Западной Африки, то другие служат свидетельством наличия иной школы, иного народа. Например, большая роспись И-н-Итинена, изображающая племя во время кочевья, вносит что-то новое — женщины верхом на быках в богатой сбруе посреди стада коз, бараны и быки с самой разной формой рогов. Да и картины, представляющие сцену суда, жертвоприношение барана, воинов в форме, идущих на битву, носят более повествовательный, нежели метафизический характер. Все это когда-то привело меня к предположению, что здесь имела место не одна миграция скотоводческих племен, а несколько. Ихерен подтверждает это предположение. Стиль здешних росписей аналогичен стилю прекрасных композиций И-н-Итинена и Уа-н-Дербауэна — тот же тонкий штрих, тот же физический тип персонажей, те же быки с деформированными или украшенными какими-то предметами рогами.

Значит, то, что Сахара была перекрестком дорог, по которым двигались различные расы, — не миф? Но какие именно это были расы?

Трудно ответить на этот вопрос, потому что сахарская антропология пока еще в пеленках. Известно совсем малое число неолитических скелетов, в то время как — что вовсе странно — об австралопитеках, африканских пред-гоминидов, которые жили за два миллиона лет до неолита, мы знаем гораздо больше, чем о более близких к нам по времени африканских неолитических племенах. На современном уровне скудных знаний нам не известен никто, кроме ливийцев, предков берберов.

Я произвожу зондирование у стены грота и получаю образцы древесного угля; метод радиоуглеродного анализа дает для них дату: 2900 год до н. э.

Работа потихоньку движется. Холод одолевает нас все больше и больше. Девятнадцатого декабря начинается дождь. Приходится ставить палатки, главным образом для того, чтоб уберечь от дождя продовольствие. Икнан и Бухайас со смехом вспоминают о моей знаменитой барачке. Не много ли ее мне будет? Неудобства возмещаются значительным преимуществом: гелята, уровень которой быстро понижался, снова полна и может обеспечить нас водой до конца экспедиции. Нас восемь, считая двух шоферов, и нам нужно две с половиной канистры воды в день, то есть минимум пятьдесят литров. С первых чисел января холода усиливаются, и по утрам вода в канистрах представляет собой плотный кусок льда, который нужно сначала растопить, чтоб сварить утренний кофе. Днем, чтобы как-то согреть сотрудников, работающих в гроте, по нескольку раз кипятим чай. По утрам пальцы у них настолько коченеют, что они несколько минут греют их на солнце, чтобы разогнать кровь.

В сопровождении Бухайаса обследую соседние массивы, и находки множатся. В десяти минутах ходьбы от лагеря, на противоположном берегу уэда, находится большой скальный навес с прекрасными росписями. В благодарность за помощь, оказанную экспедиции доктором Талемом, называем этот грот его именем, а грот с жирафами — именем доктора Хена. Мы поручаем алжирскому студенту Абделазизу снять в нем копии, но не без посторонней помощи, потому что опыта у него еще недостаточно. Каждая поездка приносит новые открытия, не столь важные, как в первых двух гротах, но несомненно интересные. Во многих местах мы обнаруживаем росписи «периода круглоголовых» — самые западные из всех известных сегодня образцов этого удивительного слоя. Мы насчитали двадцать пять еще не исследованных скал с росписями. Плато Фаднун и Тахлахи далеко не столь богаты, как Тамрит, по той причине, что там нет «каменных лесов», где по преимуществу встречаются росписи. Но как только какой-нибудь скальный навес оказывается подходящим для создания и сохранения росписей, они там наверняка есть. Методическое обследование района убеждает в том, что зона обитания неолитического населения Тассили простиралась далеко за пределы, ограниченные Акакусом и массивом Тиссукаи.

Производя обследование района, в двух часах ходьбы от нашего лагеря я неожиданно выхожу у уэда Ахарен к укрепленной ограде; таких укреплений я никогда еще не встречал в Центральной Сахаре. Оно было построено так, чтобы использовать стоящие здесь большие скалы, которые соединялись друг с другом стенами толщиной около метра и высотой около 1,2 метра; огороженное пространство имеет 60 метров в ширину. Стенки, образующие вход, поставлены наискось друг к другу, причем вход очень узкий, так что в него может пройти только один человек. Одна из скал у входа, у основания которой есть неглубокая ниша, во всю ширину покрыта росписями «периода лошади». На них

изображены колесница с двумя мужчинами, один из которых держит копьё, распряженная колесница, а перед ней две лошади, и другая колесница, на которой стоит человек. На другой стороне скалы можно различить плохо сохранившиеся росписи «периода полорогих». Меня сопровождает Икнан. Я спрашиваю его, кто мог построить это укрепление, но он ничего об этом не знает, не знают и старожилы района; они говорят, что так было всегда. Внутри укрепления не раз разбивались стойбища: на земле лежит толстый слой козьего помета и видны небольшие сооружения из камней, служившие укрытиями для козлят. Укрепление было построено на гребне, господствующем над равниной, где когда-то имелись ныне высохшие колодцы. Место было удобным, и укрепление вполне можно было защищать. Узнав об этой находке — любопытно, что туареги и не думают сначала показать вам то, что им известно, а ведут вас к памятникам по ассоциации, осознав после очередной находки, что такие-то памятники могут представлять для вас интерес, — через несколько дней Бухайас приводит меня к другому укреплению, тоже оборонительного характера, расположенному в полутьме ходьбы от нашего лагеря в Тахунт Терорте. Здесь оно построено высоко на осыпи и больше похоже на крепость, чем первое. Скал здесь использовано больше, а потому число стен меньше, но в целом они выше. Хотя диаметр всего сооружения не превышает 40 метров, оно должно было быть практически неприступным. На стенах видны пастушеские сцены, изображения людей с нательными росписями, а также человеческие фигуры «периода лошади». К огороженному пространству примыкает несколько скальных навесов, в одном из которых я подобрал кремневый наконечник стрелы.

Какая связь существует между росписями и этими сооружениями? Следует заметить, места эти были столь благоприятны для обитания человека, что люди и «периода полорогих», и «периода лошади» жили здесь, несомненно, очень подолгу. Кроме того, эти укрепления чем-то напоминают пастушьи загоны для скота, если им придать оборонительный характер. Поездки по району убедили меня в том, что он часто посещался скотоводческими племенами. Здесь много и скальных навесов с росписями, и загон для скота. Попадают и странные, загадочного назначения плакетки с ретушированными краями, характерные для племен, пасших крупный рогатый скот, неоднократно встречавшиеся в культурных слоях на плато Джанет. Район этот всегда считался небезопасным; в нем можно нередко обнаружить тайные склады, построенные в скалах подальше от основных троп. Туареги называют их *таракамт*. Построены они из камней, скрепленных глиной, а дверью, как правило, служит большая песчаниковая плита. До прихода французов местное население хранило здесь запасы продовольствия. И действительно, все это плато, называемое туарегами Тахилахи и расположенное между перевалом Ти-н-Тираджели и уэдом Ахарар, которые служили удобной дорогой с Хоггара, делало легкими разбойничьи набеги и вынуждало жителей искать укрытия.

Теперь люди здесь бывают редко, и только около Тикедрана есть несколько становищ. Время от времени туареги навещают нас. Они рассказывают об очень трудной прошлой зиме, когда эпидемия гриппа унесла немало народу. В уэде Тассет, в нескольких десятках километров отсюда, тридцать человек умерло меньше чем за неделю. Не хватало рук, чтобы зарыть мертвых. Тринадцать умерло в Ихерире, шестнадцать — в Илези, а всего — около трехсот. В районе не было ни одного врача, а если бы и был, то раз уж эпидемия началась, он не

смог бы ее остановить. В убийственных эпидемиях, которые периодически разражаются среди туарегов и уносят множество человеческих жизней, в большой степени виновато постоянное недоедание. Здесь демографическое равновесие устанавливается естественным путем, в зависимости от пастбищных ресурсов, которые обуславливают физическое состояние организма кочевников. В то время как у всех окрестных народов наблюдается значительное увеличение прироста населения, число туарегов Тассили за сорок лет практически не возросло. Нужно быть готовыми к тому, что, если не вмешаются никакие посторонние факторы, через несколько поколений они вообще исчезнут; пастбища тоже скудеют из-за систематической вырубке деревьев, и при современных темпах через пятьдесят лет, считая от сегодняшнего дня, их больше на Тассили не будет.

Собравшись у лагерного костра, мы обсуждаем все эти вопросы, и туареги рассказывают, что алжирские власти предлагают им осесть в Илези. Но такую перспективу они единодушно отвергают, хотя отнюдь не недооценивают трагичность своего положения. Они говорят, что предпочитают умереть среди своих камней. Когда-то то же самое говорил мне Джебрин.

А пока у нас что-то сдает Пьер Коломбель. Он не ест и не спит, мучаясь ужасной зубной болью. Единственная медицинская помощь во всем районе— это санитар в Ихерире, туареги Сенусси, мой старый приятель. У него есть щипцы, и, по сведениям местной устной хроники, он ими, кажется, даже умеет пользоваться, но анестезировать не умеет. Поскольку все наши обезболивающие уже не помогают и несчастный не может больше терпеть, Бухайас отправляется за верблюдами, чтобы отвезти больного в Ихерир. К счастью, он встретил там врача из Джанета, француза, приехавшего в Алжир по соглашению о техническом сотрудничестве; врач диагностировал абсцесс и провел лечение антибиотиками. Спустя несколько дней дела у нас наладились. Еще через несколько дней Бухайас купил у некоего Эль-Кебира, расположившегося становищем около Тикедрана, козу. Мы ее съели, но нашли, что мясо очень жесткое и газелье гораздо лучше. Едва обронил я это замечание, как Эль-Кебир, парень довольно взбалмошный и очень болтливый, а впрочем, сообразительный и отважный, заявляет мне категорически: «Завтра пойду искать тебе газель!»

Поскольку оружия ни у кого из нас нет, мы принимаем это обещание за шутку.

Однако, когда мы встаем утром, нас ждет первый сюрприз: Эль-Кебира нет, и Бухайас говорит мне, что он ушел ночью. Появляется он часов около десяти в совершенно незабываемом виде: на свой широкий *саруаль* кочевника он натянул военные суконные брюки цвета хаки, перевязав низ веревочками; на нем старая шинель того же происхождения и совершенно драные резиновые башмаки, на шее висит старый бинокль, а за пояс заткнут кинжал... Он останавливается рядом с нами, а на плече у него самая настоящая газель. Мы приветствуем его криками восторга и восхищения. Чтобы отметить его подвиг, завариваем чай, и Эль-Кебир рассказывает.

Выйдя ночью в направлении Ахарена, он на рассвете около маленького «каменного леса» заметил на земле вчерашние следы газели. Пошел по ним и таким образом дошел до грота, куда спряталось животное; оно спало, свернувшись клубком, чтобы согреться. Эль-Кебир снимает бинокль, дабы не зацепиться им и не наделать шума, вынимает кинжал, как кошка, подкрадывается к газели на расстояние вытянутой

руки, так, что животное ничего не замечает, бросается на него, вонзает кинжал ему в грудь, а потом перерезает ему горло. Если бы окровавленная газель не лежала перед нашими глазами, я никогда бы не принял всерьез подобный рассказ; однако я знаю, потому что сам был тому свидетелем, что некоторые туареги — прекрасные охотники, несравненные следопыты и способны на совершенно выдающиеся подвиги. Потом мне рассказывали, что это не первая удача Эль-Кебира, да и сам он говорил, что таким образом убил десяток газелей и двух муфлонов. Его брат тоже занимается подобной охотой; он рассказывает, что однажды пришлось иметь дело с муфлоном такой потрясающей силы, что он с ним сражался весь день; в конце концов сумел повалить животное, сжал ногами его туловище и в этом неудобном положении все же перерезал ему горло; при этом охотника залило кровью с головы до ног.

Прекрасная иллюстрация и впечатляющее свидетельство того, как выглядела охота в доисторические времена!

К Бухайасу ходит в гости маленький Мохаммед, мальчик лет двенадцати. Однажды он приносит *дамана* — маленькое млекопитающее, величиною с сурка, живущее в скалах и питающееся в основном листьями акации; туареги называют его *окаокао*. Маленький туарег шел по каменистой долине недалеко от Тан-Хадиджи и вдруг заметил двух *окаокао* — вероятно чету, — которые выискивали на земле растения. Откуда ни возьмись появился лунь, стрелой кинулся на одного *окаокао* и схватил его. Другое животное, обезумев от страха, забилося под ближайшую скалу совсем рядом с Мохаммедом, который мгновенно скинул с себя свою короткую *гандуру*, накинул ее на зверька, чтоб его ослепить, и поймал живым. Нам очень хотелось привезти его в зоологический сад Алжира, но было трудно добывать ему листья акации, которые он так любит, и в конце концов, несмотря на все наши предосторожности, он погиб от холода. Это редкое и малоизученное животное, но мне осталось только снять с него шкуру и привезти ее в отдел млекопитающих Музея естественной истории.

Икнан рассказал нам, как несколько лет назад его укусила в руку гадюка и как он выпутался из этой истории. Способ лечения, который он применил, стоит того, чтобы о нем рассказать. Случилось это в то время, когда Икнан наполнял бурдюк водой из гелты; гадюка, следов которой на земле не было видно, спрятавшаяся за большими камнями, ужалила его в тот момент, когда он протянул руку, чтобы зачерпнуть воды. Убив напавшее на него пресмыкающееся, — а это у всех жителей Сахары безусловный рефлекс, — он наложил жгут, потом надрезал место укуса, чтобы пустить кровь, и натер рану луком и корнем табаката. Голову гадюки он отделил от туловища, отступив на три пальца, потом отрезал хвост, тоже отступив на три пальца, а среднюю часть зажарил и съел. Через два часа его вырвало, и единственным последствием, которое он почувствовал, было вздутие пахового лимфатического узла. И если этот рецепт сильно смахивает на колдовство, следует все же знать, что кровь гадюки содержит противоядие от ее собственного яда. Может быть, этим и объясняется действенность метода?

Работа подходит к концу. Мы сняли копии со всех росписей в обоих больших гротах Ихерена, а также во всех более мелких скальных навесах. В первый раз мы видели роспись, изображающую человека верхом на осле, и барана, несущего сфероид. С Тассили нам расставаться не жаль, потому что мы очень пострадали от холода. Копии, сделанные моими сотрудниками Пьером Коломбелем и Ивом Мартеном, очень

высокого качества и заслуживают всяческих похвал; что касается Абделазиза, то он сделал значительные успехи и скоро достигнет хороших результатов.

Заехав в Ихерир, я получил извещение, что самолет нашего посольства прилетит за нами через неделю, как и было условлено с полковником Ферре. Сахара огромна, сообщение здесь очень плохое, но новости всегда доходят до того, кому они предназначены. Выходим на автомобильную дорогу, и около скал Кель эс-Суфа, которые ее окаймляют, видим неизвестные нам росписи «периода полорогих», сильно попорченные недавними граффити. Наше внимание неожиданно привлекает листок белой бумаги, прицепленный к острому камню. Из любопытства останавливаемся и читаем его — это послание предназначено мне и еще раз сообщает о том, когда прибудет самолет. Всегда лучше предупредить два раза... таковы обычаи Сахары! Если бы маршал Сульт действовал подобным образом, то европейская история, возможно, пошла бы по другому пути³².

Илези оказался нам унылым, кемпинг заброшенным и неухоженным. Насос, который снабжает водой всю деревню, сломан; четыре дня сидим без воды. Простыни не выстираны, а потому мы предпочитаем спать в своих спальных мешках — все-таки своя грязь приятнее, чем чужая. От всего этого мы даже начинаем жалеть о своих неудобных гротах, где мы так мерзли.

Во время нашего пребывания на плато туареги рассказывали нам о временном озере, которое вроде бы образовалось в предыдущие годы и где теперь, по их словам, лежат тысячи рыбьих скелетов. Используем свободное время и отправляемся туда в сопровождении Икнана. Проплутав некоторое время по местам, порядочно засыпанным песком, Икнан спрашивает других туарегов и в конце концов выводит нас ко впадине с довольно высокими берегами, приблизительно в восьмидесяти километрах к северо-северо-востоку от Илези. Зрелище просто зловещее. Все дно выемки, имеющей около километра в диаметре, устлано высохшими рыбами с разверстой пастью. Здесь — головы огромных усатых сомов, там — головы и хребты усачей, рядом — превратившиеся в мумии нильские окуни, всего более десяти тысяч рыбьих трупов, хрустящих под ногами, когда по ним идешь, — остатки беспрецедентной драмы.

Что же произошло? В 1959—1962 годах над Тассили прошли обильные дожди, наполнив уэды до краев и вызвав паводки неслыханной силы. В это время в местности, называемой Марсена, и образовалось озеро, и, по-видимому, уровень воды поддерживался последующими паводками. Так или иначе, озеро продолжало существовать вплоть до 1967 года. И на несколько лет это место превратилось в уголок саванны — на берегах поселились пепельные цапли, розовые фламинго, журавли, утки-свистуны, зеленошейки, аисты, водяные курочки и прочие. Нефтяники из И-н-Аменаса приезжали сюда охотиться, а иногда и ловить рыбу. Из подручных средств, используя автомобильные камеры, строили плоты. Один инженер даже как будто утонул здесь. Если судить по следам уровней высыхания воды, в центре озеро должно было иметь около трех метров глубины. Когда воды стало недостаточно, все дно пришло в движение. Несчастные рыбы кишели в тине, пытаясь зарыться в нее и найти там спасение. Но напрасно. Вскоре все стихло. Тогда явились стервятники, вороны, шакалы и набросились на добычу. В воздухе стояло такое зловоние, что несколько недель люди чувствовали его на десять километров в округе. Туареги никак не воспользо-

вались такой удачей, потому что большинство из них рыбы совсем не ест.

Каким образом всем этим сомам, усачам и окуням в течение столь долгого времени удавалось добывать себе пропитание, ведь они могли рассчитывать только на мусор и насекомых, приносимых паводком? Виднеющиеся на глинистом дне остатки водорослей заставляют предположить, что они питались растительной пищей. Кажется, они здесь хорошо прижились, а наличие многочисленных окуньков длиной всего в несколько сантиметров, таких маленьких, что можно с уверенностью сказать, что они здесь и появились на свет, показывает, что способность размножения у них не была нарушена; для сомов это, кажется, было не так. Правда, самка нильского окуня вынашивает икринки в жаберной полости до их полного созревания и, следовательно, обходится без водяных растений, необходимых другим видам для того, чтобы прикрепить к ним икринки.

Откуда все они взялись? Несомненно, из больших водоемов Ихерира, располагавшихся в уэде Имирху, одном из главных, если не главном, стоке всего Тассили; этот уэд и его притоки — левые Тассет и Идефиль и правые Зарзауа, Торсет и Тифиламин-та-Меллет — известны тем, что в них еще водится рыба. Для туарегов вовсе не исключительный случай — видеть, как паводки приносят рыбу; но впервые на памяти людей озеро просуществовало так долго, привлекло к себе такое множество водоплавающих птиц и, высыхая, оставило такое число жертв. Случай действительно удивительный, потому что, хотя рыба прекрасно ловится и в озерах Ихерира, и в гельтах притоков Имирху, все же представить себе, что такое ее количество обитает в последних водоемах Тассили и было выброшено оттуда поистине чудовищным паводком, просто невозможно. Впрочем, именно в одном из этих самых обширных озер Центральной Сахары был в 1924 году убит последний крокодил Тассили; убил его туарег Салем, который жив и поныне. Этого красивого седобородого старика мы встретили за несколько дней до того, как уехали с Тассили, и он рассказал мне, в каком именно месте убил земноводное.

Этим зловещим, но незабываемым зрелищем и закончился наш полевой сезон. Самолет прилетел, багаж вывезен на летное поле. На следующее утро мы улетаем и уже вечером наслаждаемся мягкими постелями и белыми простынями. С того момента, как мы прибыли в *дар диаф* в Илези, мы уже успели забыть, что все это существует. Остался позади Ихерир, где для туристов построен великолепный кемпинг, который нам показывал Сенусси. Все туареги надеются, что после наших открытий их край, интересные со многих точек зрения, привлекает многочисленных посетителей.

СЕВЕРНЫЙ НИГЕР

Как ни огромно пространство, занимаемое Сахарой, любой ее район всегда представляет большой интерес для археолога. Вот уже много лет обстоятельства благоприятствовали моим исследованиям на территории Республики Нигер, и я ни разу не пожалел об этом.

Северная область государства географически представляет собой часть Сахары. В центре расположен горный массив Аир; с точки зрения растительного покрова это степь с преобладанием злаковых и акаций; массив этот ниже Хоггара; как и в Хоггаре, наиболее высокие горы в нем — вулканического происхождения, но растительность здесь богаче, потому что в целом больше осадков: в Агадесе в хорошие годы до 200 миллиметров, а в Иферуане только 50, иногда и меньше. Некоторые долины очень лесисты, а в южной части над густыми зарослями возвышаются, как канделябры, многочисленные пальмы. Там до сих пор встречаются обезьяны, дикие кабаны-бородавочники, раньше нередки были и львы. Всего лишь лет тридцать назад тут в изобилии водились антилопа-орикс, газели-дама и обычная, а также страусы, но с появлением скорострельных ружей и особенно автовездеходов эти виды почти полностью исчезли. В то же время по обе стороны массива Аир, длина которого 325 километров, простирается пустынный рег: с восточной стороны это Тенере-н-Тафессассет, которое по засушливости воистину представляет собой пустыню в пустыне, а с запада — Тамесна. Я хорошо знаю весь этот район, потому что перед второй мировой войной, принимая участие в разведке, изъездил его на верблюдах вдоль и поперек. Эти поездки были изнурительны, но тем не менее оставили самые прекрасные воспоминания. Как в Тенере, так и в Тамесне я обнаружил чрезвычайно интересные доисторические стоянки, а также наскальные рисунки в массивах Аир и Джадо.

В январе 1970 года, осмотрев выставку наскальных росписей Тасили в Национальном музее в Ниамее, президент Республики Нигер Диори Хамани предложил предоставить в мое распоряжение транспорт, который позволил бы мне еще раз обследовать знаменитые неолитические культурные слои, уже виденные мною в 1934 году, чтобы собрать

на них предметы, которые можно было бы датировать методом радиоуглеродного анализа, еще не применявшегося в те времена. Речь идет о Тафержете и Тамайа Меллете; на последней стоянке были найдены четырнадцать человеческих скелетов. Кроме того, я от многих слышал о существовании наскальных рисунков в небольших песчаниковых массивах в окрестностях Арлита.

Арлит. Что это, собственно, такое? Необычный современный горно-промышленный городок, возникший посреди голой пустыни и озаряющий каждую ночь небо вокруг себя на 50 километров. Причина его появления? Уран. Да, именно в этом отдаленном месте, редко посещаемом даже кочевниками, геологи Комиссариата по атомной энергии после упорных поисков открыли годные для разработки залежи. Сегодня громадный завод, сверкая на солнце, действует круглые сутки, перерабатывая руду, залегающую здесь на глубине 37 метров. Это — плод титанического труда. Пришлось построить базу, оборудованную кондиционерами, для французских и африканских инженеров, техников, квалифицированных рабочих и их семей. Красивые, окруженные зеленью виллы стоят вокруг великолепного бассейна, где дружно барахтаются черные и белые ребята, для которых, когда они вырастут, расизм покажется бессмыслицей.

Я вновь увидел стоянки в Тамайа Меллете, Тафержете и деревья, под которыми ночевал более тридцати лет назад. Ничто не изменилось. Об этих краях рассказал мне аббат Брейль, профессор Коллеж де Франс. По его просьбе я и отправился тогда исследовать их. Материал для датировки радиоуглеродным методом мне удалось собрать только в Тафержете. Анализы были выполнены лабораторией слабых радиоактивных излучений в Жиф-сюр-Ивет, и возраст слоя был определен в 2130 лет. Этот необычный и единственный в своем роде культурный слой был обнаружен капитаном Ле Рюмером, который в 1933 году участвовал в рейде отряда мехаристов. Слой представляет собой пласт пресноводных ракушек метров 60 в длину, 40 — в ширину и толщиной местами до 50 сантиметров. Слой плотный, раковины частично превратились в порошкообразную массу. Находится это залежание в долине Тассаламана, который берет свое начало одновременно в массиве Хоггара Анахефе и в одном из западных массивов Аира. Продолжаясь на юг под названием Даллол Боссо, древняя река впадала в Нигер в Ниамее. Этим она отличалась от всех древних рек Сахары, впадавших в закрытые бассейны. В наше время, разумеется, это стало далеким прошлым: вода иссякла и появляется в руслах только в верховьях и в период обильных дождей. В Тафержете среди раковин встречаются кости и хребты крупных рыб, костные останки и зубы гиппопотамов, костные пластинки крокодилов, кости быков. Помимо наконечников стрел, присутствие которых доказывает существование охоты в те времена, здесь оказалось особенно много гарпунов и костяных рыболовных крючков, а также яйцообразных камней с желобком посередине, служивших грузилами для рыболовных сетей. Недалеко от этого слоя в глине лежит целая плечевая кость гиппопотама. Трудно представить себе это животное, красноречиво свидетельствующее о влажном климате древней Сахары, на фоне пейзажа, где вода сейчас столь редка.

Чтобы отправиться в Тамайа Меллет в лендровере, я нанимаю проводника — уроженца Хоггара, поскольку тамошние туареги лучше других знают этот район, где они постоянно кочуют. Эль Хабиб аг Мохаммед из племени кель рела вспоминает, что когда-то, в своей ранней молодости, видел меня в стойбищах. Когда мы добрались до культур-

ного слоя, он, поняв, что я ишу, сказал мне: «Около моего шатра есть что-то похожее». «Хорошо, — ответил я, — поедem посмотрим вместе».

Через день он остановил машину у холма в местности под названием Ти-н-Куна, в нескольких десятках километров к востоку от тропы И-н-Абангарит. Удивительно, что Эль-Хабиб взял совершенно правильное направление, однако он не смог точно определить расстояние: вместо пяти километров нам пришлось проехать двадцать пять. Впрочем, каким образом кочевник, определяющий расстояние по медленному ходу своего верблюда, мог бы правильно представить себе его в наших километрах? Вокруг видны только обломки костей, глиняные черепки, фрагменты жерновов, зернотерок и молотков. Наконечников стрел мало, — по всей видимости, их подобрали кочевники для продажи иностранцам. Мне все же удается найти несколько наконечников, а также два топора, осколок гарпуна и кость с декоративной резьбой. Фауна представлена пресноводными ракушками, правда, в меньшем количестве, чем в Тафержете, костями больших сомов, костными останками дикого кабана-бородавочника с полностью сохранившимися коренным зубом и клыком. Есть тут осколок клыка гиппопотама, головка бедренной кости жирафа и более мелкие останки быка, барана, козы и газели. Костные останки только одного животного близко прилегают друг к другу, сохраняя его согнутое положение. В глине лежат два черепа, но их верхние части полностью уничтожены ветровой эрозией. Все скелеты в большей или меньшей степени растоптаны, а их лежавшие на поверхности части под воздействием солнца стали крайне хрупкими. Попытка извлечь их из глины грозила бы им полным разрушением. Я ограничиваюсь фотографированием.

С помощью Бертрана Себира, молодого и энергичного руководителя франко-нигерийского культурного центра в Ниамее, просившего разрешения сопровождать меня в течение нескольких недель, с тем чтобы познакомиться с этим районом, удаленным от столицы более чем на тысячу километров, я обследую небольшие песчаниковые массивы. Самые северные из них возвышаются километрах в пятнадцати от Арлита. Повсюду есть наскальные рисунки, изображающие главным образом небольших быков, газелей, жирафов, слонов, носорогов, а также людей, одетых в туники в виде двойных треугольников, с перьями на голове и вооруженных дротиками. Самое неожиданное открытие — три колесницы, изображенные весьма схематично и раньше в этой зоне не встречавшиеся.

Один инженер, которому поручено изучение троп и потому прекрасно знакомый с этим районом, любезно проводил нас в Ану-Маккарен, относительно зеленую и богатую дичью долину в сотне километров к юго-востоку от Арлита. Там мы с Бертраном Себиром обнаружили около пятисот рисунков, среди которых много мастерски выполненных изображений жирафов.

Один из работающих на заводе в Арлите французов, Мишо, высшее удовольствие которого — пилотировать небольшой самолет, купленный им в складчину с двумя товарищами, сообщил мне, что менее чем в сотне километров к северо-востоку от Арлита есть великолепный естественный аэродром. Рядом с этим аэродромом он видел множество рисунков. Однажды он проводил нас в эту долину под названием Мамман, где, действительно, мы увидели рисунки, о которых много лет тому назад писали Ф. Родд и Ф. Никола. У нас очень мало времени, потому что мне нужно срочно возвращаться в Ниамей, чтобы демонтировать выставку. Однако я зарисовываю ансамбль, изображающий жирафов и

отличающийся большими размерами и высоким качеством исполнения, а также схематически исполненную колесницу. По моей оценке в этой долине не одна тысяча рисунков.

Мне сообщили, что в самом Арлите существовал большой культурный неолитический слой. Доктор Жак Пети, главный врач Сомaira, компании по добыче урана, проводил меня к тому месту и рассказал его историю. Для строительства госпиталя начали выравнивать площадку бульдозером, который обнажил костные останки, из чего стало ясно, что здесь находится культурный доисторический слой. Госпиталь все же построили. Осталась лишь полоса длиной пять метров в садике, отделяющем поликлинику от стационара. Но ведь это катастрофа! Чтобы получить представление о богатстве слоя, я делаю пробный раскоп. Слой, видимо, выходит за пределы ограды госпиталя как на север, так и на юг, и там следовало бы тоже взять пробы.

Вернувшись в Ниамей, я отправляюсь с отчетом к министру народного образования Хару Кука, а затем к президенту Диори. И тот и другой приглашают меня вновь посетить Нигер, с одной стороны, для того чтобы снять копии с наскальных рисунков и ознакомить с ними публику, с другой — чтобы попытаться спасти культурный слой в Арлите. В этих местах неолитические слои немногочисленны, а этот, по-видимому, имеет внушительные размеры. Поэтому я с готовностью обещаю президенту Республики Нигер помочь в этом вопросе всем, чем могу.

Вторая экспедиция в Аир. 1971

В январе 1971 года я вновь в Агадесе, столице Аира, знаменитой своей мечетью, минарет которой, с декоративными балками, виден километров за пятнадцать. На этот раз меня сопровождают мой самый верный компаньон Пьер Коломбель и молодой нигерец Бубе Гадо, лицензиат исторических наук и преподаватель лицея в Ниамее; недели на две к нам присоединяется также Бертран Себир.

Массив Аир представляет интерес не только потому, что он возвышается между двумя крупными гидрологическими системами, некогда сильно влиявшими на распределение населения в этом районе, но и потому, что тянется он как раз вдоль линии, соединяющей Тунис и Кано, а это, по-видимому, во все времена был путь, по которому средиземноморские влияния проникали в Центральный Судан. Тому есть огромное множество свидетельств, оставленных народами доисторического, предысторического и, наконец, исторического периода; к основным свидетельствам относятся сообщения писателей классической греко-латинской древности, средневековья и арабских путешественников. Поле деятельности для исследователя огромно, все захватывающе интересно. Меня очень давно привлекала история Аира, и все маршруты я составляю так, чтобы каждый из них, в соответствии с программой работ, включал в себя поиски любых следов человека как древнего, так и нового времени.

Первая часть этой программы никак не связана с наскальными графическими рисунками и росписями и посвящена поискам гипотетического медного рудника к западу от Аира, описанного под названием Такедда арабским путешественником Ибн Баттутой в 1353 году. До сих пор никаких следов того, что в древности в Аире существовала промышленная добыча меди, не выявлено, поскольку наличия медесодержащих извест-

няков недостаточно для того, чтобы подтвердить факт их эксплуатации. Там, где это происходило, всегда имеются не только штреки, откуда извлекалась руда, но и кучи шлака, остатки плавильных печей, фурм, литейных желобов, а также молотков, служивших для размельчения руды. Эти свидетельства не могли бы пройти незамеченными, а только они и могут служить неопровержимым доказательством.

Такедда соответствует записанному на слух слову «тегидда», которое на языке тамашек означает «естественная впадина, наполняющаяся водой во время дождей». Мы собираемся обследовать три известные *тегидды*, чтобы выяснить, соответствует ли сообщение Ибн Баттуты действительности или же в его тексте это случайное совпадение написаний. Уже тридцать лет многие исследователи пытаются определить местонахождение медного рудника, о котором он упоминал, но до сих пор найти его так и не удалось.

В Тегидда-н-Тагаите нет ни следов эксплуатации рудника, ни следов строений из твердых материалов. Обследуя район, мы наткнулись на старинные укрепления, приписываемые одному сонгайскому императору*, аскии Мохаммеду, который между 1500 и 1515 годами совершил два похода против султана Аира, с тем чтобы подчинить его своей власти. На соседнем гребне мы обнаруживаем неизвестные до сих пор наскальные рисунки, с которых будущая экспедиция снимет копии, а рядом — неолитический производственный слой с многочисленными осколками от обработки камней.

В Тегидда-н-Адраре тоже нет никаких следов эксплуатации рудника, но есть еще одно укрепление, приписываемое тому же сонгайскому завоевателю. Многочисленные холмы были приняты одним бывшим офицером отряда мехаристов за разрушенные дома. Он полагал, что ему удалось открыть Такедду Ибн Баттуты. Впадина окружена многочисленными неолитическими мастерскими того же времени, что и в Тегидда-н-Тагаите, но более бедными.

Тегидда-н-Теземт. Это солончак, где несчастные добытчики растирают землю, содержащую соль, в маленьких глиняных мисках, наполненных водой. Воду выпаривают на солнце, получая мягкую массу, состоящую из глины и кристаллов соли. Из этой массы делают нечто вроде караваев разных размеров, а потом продают их на всех рынках Нигера. Это очень интересное зрелище. Груда намытой земли настолько велика, что издали, двигаясь по тропе, ее можно принять за гору. Поселок построен рядом с солончаком. К домам, чаще всего жалким, всегда примыкает двор, где солевары делают свои соляные караваи. После сезона дождей туареги со всей округи за сотни километров приходят к водоему в Тегидде, чтобы напоить свой скот. Это лечение солью. Вода, содержащая четыре грамма соли на литр, отвратительна на вкус, однако местные жители привыкли к ней и, видимо, не страдают от этого. В период дождей, когда вся местность превращается в болото, большинство уходит за девяносто километров к юго-юго-востоку, в селение Ин-Гал, служащее одновременно соляным складом. Любопытно, что солевары из Тегидда-н-Теземта и жители Ин-Гала говорят на особом диалекте, представляющем собой смесь сонгаи, тамашек и даже арабского языка. Этот факт приписывают существованию сонгайской колонии, якобы основанной в XVI веке в Агадесе императором Гао, часть жителей которой переместилась в Ин-Гал, тем более что эта мест-

* Сонгайская империя занимала господствующее положение в излучине Нигера с XIII по XVI в. Ее столицей был Гао. Разгромлена армией султана Марокко в 1591 г.

ность находилась на караванном пути из Агадеза в столицу Сонгайской империи. Многие слова и большинство грамматических правил имеют сонгайское происхождение. Числа же обозначаются на тамашек и по-арабски. Мы видели, как люди фильтруют насыщенную солью землю, чтобы извлечь из нее кристаллы соли, принести домой еще влажную массу и сделать из нее соляные караваи. Однако напрасны были бы поиски следов добычи меди в жилых кварталах, хотя Ибн Баттута указывал, что обработка руды происходила в домах, а вода протекала сквозь медные рудники, что портило ее цвет и вкус. Это описание точно совпадает с Тегидда-н-Теземтом, но ни о какой добыче меди здесь и речи быть не может. Вся почва вокруг соляной копи, насколько видит глаз, представляет собой красную растрескавшуюся глину, полностью исключающую наличие медной руды.

Азелик — еще одна местность, менее чем в пятнадцати километрах к северо-востоку от Тегидда-н-Теземта, упоминавшаяся как возможное местоположение таинственного рудника Ибн Баттута, поскольку там были найдены куски известняка с вкраплениями медной руды. Мы отправляемся туда, чтобы проверить наблюдения, сделанные мною много лет назад. Прежде всего мы отмечаем, что здесь нет развалин собственно домов, а есть несколько частично обрушившихся стен древней мечети и небольшие стены, окружавшие дворики и служившие, видимо, загоном для домашнего скота. Место же, где жили люди, усеяно глиняными черепками, равномерно покрывающими землю, и на нем не видно никаких следов стен. Тому, кто немного знаком со средневековыми развалинами Аира, ясно, что селение должно было состоять из большого числа соломенных хижин, по-видимому, сожженных при его разрушении. Мы взяли около тридцати проб в разных местах, и все они показали присутствие следов пепла и частично сгоревших соломенных циновок. Два человеческих скелета, лежащие ничком среди глиняных черепков, не могли быть, разумеется, захоронены во время пожара. На земле повсюду валяются неподвижные нижние жернова, некоторые из них протерты до дыр, но нигде нет ни малейшего следа плавильных печей или добычи руды. Что же касается медесодержащего известняка, то он входит в состав горной породы, на которой лежит почва, но содержание в нем меди настолько мало, что он непригоден для разработки. Производя зондирование, мы извлекли совершенно целый горшок, края которого слегка выступали над землей, а рядом с ним подобрали куски древесного угля, для которых методом радиоуглеродного анализа была установлена дата 1150 год н. э. Еще один пробный раскоп на кургане, покрытом керамическими черепками, позволил нам обнаружить часть фурмы и кузнечный шлак. Но этот инвентарь можно найти на месте кузницы в любом селении.

По местным преданиям, здесь жили будто бы пастухи племени туарегов инассуфа, которым и приписывают открытие соляной копи в Тегидде. В краю туарегов все легенды поэтичны, и потому стоит пересказать и эту. Однажды пастух, погнавший коров на пастбище, по возвращении вечером увидел, что одной из них не хватает. На следующий день пастух отправился искать ее, и, идя по следам, обнаружил ее в довольно болотистом месте. Вернувшись в становище, он заметил, что копыта животного покрыты слоем красной глины. Он соскреб ее и положил в калебасу. Жена начала готовить еду и, ничего не заметив, опустила в ту посудину кусок мяса. Когда еда сварилась, женщина подала ее хозяину; он очень удивился тому, какое вкусное получилось мясо, и спросил, что она туда положила. Только тогда женщина уви-

дела на дне сосуда красную глину. Удивившись, она попробовала ее на язык и обнаружила, что глина соленая. Муж рассказал, как попала в котелок эта глина. Все люди стойбища тут же отправились в то место, где ходила корова, и, попробовав глину на вкус, убедились, что она соленая. Они поделили между собой участок, покрытый соленым глинистым илом, и с того дня стали разрабатывать эту своеобразную соляную копь.

Азелик был разрушен в XVIII веке султаном Агадеза, безуспешно пытавшимся утвердить свое право на взимание налогов с добываемой соли. Оставшиеся в живых укрылись в Ин-Гале, где, как известно, до сих пор обитают их потомки. Поселение, видимо, занимало не более двухсот метров в диаметре, причем люди селились на возвышенных местах. Мы насчитали вокруг восемь некрополей и около семи тысяч могил; это доказывает, что население маленького городка, если учесть длительность его существования, было немногочисленным, тем более что погребения имели место и все эти последние годы.

Прежде чем уехать из Азелика, мы останавливаемся у источника, чтобы запастись водой. В маленьких водоемах, образованных подземными водами — *азелик* на языке тамашек как раз означает «лужи, куда постоянно поступает вода», — плавают лягушки, барахтаются дикие утки. Тут останавливаются самые разнообразные перелетные птицы, синие голуби, цапли — мы их насчитали около двадцати. Мы видели в этих местах семь или восемь диких лошадей с жеребятами; при нашем приближении они умчались с развевающимися по ветру гривами и хвостами. Они великолепны своей статью и здоровым видом. Это одичавшие животные, размножающиеся теперь на воле. Они, вероятно, живут на свободе уже около двадцати лет и приходят к водоемам Тегидда-н-Адрара, где мы их уже как-то видели в прошлом году, а также к водоему Фагошия. Вода в Азелике вкусная, очень прозрачная и совсем не соответствует описанной Ибн Баттутой. В ней водятся даже лягушки, что доказывает ее прекрасное качество.

Отсюда мы отправляемся к горе Азузам в пятнадцати километрах к востоку, где, по слухам, находится небольшой медный рудник, который, кажется, несколько лет тому назад обнаружил один геолог. Но, хотя нас пятеро и мы ищем во всех направлениях, ничего похожего не находим. Здесь не оказалось также и никакого источника, то есть воды, «текущей по медному руднику», что обязательно изменило бы ее вкус и цвет. Мы все же заглядываем внутрь полностью высохшего колодца, глубиной около двадцати метров. И хотя наши поиски таинственного «медного рудника» закончились неудачей, мы приехали сюда не совсем напрасно: мы обнаружили несколько скелетов, черепá которых унесены ветром; у одного из них на груди был медный диск с отверстием посередине.

Нам остается побывать в Марандете, местности, расположенной в сотне километров к юго-востоку от Агадеза. Сегодня это источник, посещаемый кочевниками. Здесь обосновалось немного мелких торговцев, а несколько лет тому назад тут построили школу для детей живущих в окрестностях туарегов. Воды здесь достаточно, и до великой засухи 1973 года пастухи-фульбе и туареги каждый день по очереди водили сюда на водопой тысячи животных. Когда-то здесь был довольно крупный населенный пункт на пути из Гао в Египет, о котором сообщалось у арабских авторов: последний раз он упоминался около 1100 года. Согласно устным преданиям, жителями Марандета были го-биры, около 1200 года изгнанные туарегами. В 1950-х годах отряд

мехаристов разбил лагерь на одном из холмов левого склона долины. Некоторое время спустя французский офицер, командовавший отрядом, заметил сверху расположенные ниже размыты, обнажившие кузничные тигли. Он отправил партию их во французский Институт Черной Африки в Дакаре, причем сообщил, что в разрытой им грудке остатков не менее тысячи подобных предметов. Не было ли это как раз тем самым знаменитым медным рудником? В Дакаре склонялись к утвердительному ответу. Именно это соображение и побудило меня отправиться в Марандет. Отыскать холм не составило труда. Мехаристы не заметили, что разбили лагерь прямо на неолитическом слое: поверхность земли усеяна наконечниками стрел, отшлифованными топорами и растоптанными человеческими скелетами. Холм с тиглями — их здесь действительно много — находится на пятьдесят метров ниже, на краю уэда. Я прошу трех жителей селения помочь мне просеять почву, составляющую слой. Среди этих троих — местный кузнец, работающий на кочевников округи. За три дня мы извлекаем 10 304 тигля, смешанных с глиняными черепками, пищевыми отходами, а также форму для литья металла, остатки фурмы и куски шлака. Кузнец внимательно рассматривает то, что мы извлекаем из земли; все эти остатки он считает следами очень большой мастерской, но отнюдь не рудником, поскольку извлеченные нами детали литейных форм и фурмы сделаны по тому же образцу, что и используемые ныне ремесленниками Агадеза. Инвентарь, извлеченный при раскопках, настолько обилен, что мне пришлось сюда вернуться еще дважды вместе с сотрудниками, чтобы довести дело до конца. В конечном итоге, мы добыли немыслимое количество тиглей — 42 500 штук! Как можно объяснить столь огромное их число и для чего они использовались? Многие из них целы; в некоторых есть следы серебра или меди, в других — совсем ничего. Когда были извлечены первые тигли, кузнец несколько торжественно произнес: «Эту штуку когда-то использовали для отливки золота!»

В тот момент я отнесся к этому скептически, но позднее, когда показал свои находки старым кузнецам в Агадесе и услышал то же самое, мне пришлось с ним согласиться. Но ведь в Аире никогда не добывалось золото, что же тогда?.. Нам известно, что до середины прошлого века много золота шло через Аир из Бамбука, в современном Мали; в Аире даже был в ходу динар особого веса. Может быть, там и прежде существовала торговля золотом? Во всяком случае, такое количество тиглей объяснить трудно. Много месяцев меня мучил этот вопрос, пока я не вернулся в свою библиотеку в Туре и не прочел там в «Хронике султанов Агадеза», что один из них, Илизауан, правивший около 1430 года, обратился к своим марабутам с вопросом, разрешено ли ему Кораном взимать налог с караванов, проходящих через его страну. Он получил следующий ответ: «Ты должен взимать налог лошадьми и набедренными повязками с купеческих караванов и отдавать его людям, охраняющим дорогу из Египта в Томбукту, ибо по ней ездят все те, кто везет хлопковые ткани из Египта и золото из Томбукту». Этот текст многое проясняет, формально подтверждая, что через Аир шла торговля золотом. Но с каких пор? Радиоуглеродный анализ древесного угля, взятого из разных груд остатков и на разных уровнях, дал даты: 556, 640 и 900 годы н. э.; это вполне согласуется с устными преданиями, гласящими, что город погиб около 1200 года н. э. Поскольку Марандет, несомненно, предшествовал Агадесу как этап на пути из Гао в Египет, через него должны были провозить золото. Драгоценный металл, бывший в те времена предметом торговли, добывался обычно

промыыванием. Чаще всего золото было в виде песка, иногда в самородках, но последние по традиции доставались властителю страны, так что торговцы располагали для своих коммерческих операций только песком. Они перевозили его на себе в мешках из кожи или ткани, а иногда внутри футляров, изготовленных из больших страусовых перьев. Перевозка была сопряжена с риском, и те, кто не принимал достаточно надежных мер предосторожности, часто несли потери. Ситуация становится ясней, когда узнаешь, что происходило в те времена в Тадемекке; поскольку этот город был расположен в трехстах километрах к северу, в Адрарифорасе, то в нем останавливались караваны, шедшие из Гао в Алжир. Сейчас от него остались только развалины, а когда-то здесь существовала золотоплавильня, где отливали монеты достоинством в один динар, но на них не было ни года, ни какой-либо отличительной маркировки. По этой причине их прозвали «лысыми динарами». Это ценное сведение сообщено в 1608 году арабским автором Эль Бекри и позволяет предположить, что в плавильне для облегчения перевозки и последующего обмена песка из него отливали небольшие монеты.

Внимательно рассмотрев карту Африки, мы убеждаемся в том, что Марандет занимает такое же положение на восточной тропе, как Тадемекка на северной. Можно вполне допустить, что здесь тоже была плавильня, служившая нуждам купцов. Однако подобное предположение отнюдь не исключает того, что местные кузнецы плавил также медь и серебро для изготовления украшений и различных пользовавшихся спросом предметов. Этим можно было бы объяснить необычно большое количество тиглей. В тех, которые были мною исследованы, не обнаружено никаких следов золота. Их изучением не согласилась заняться ни одна французская лаборатория, поскольку золото, из-за отсутствия примесей, обычно практически не оставляет при плавке никакого следа, в противоположность серебру и меди.

Город, без сомнения, был застроен только соломенными хижинами, ибо никаких следов стен не сохранилось, а население, по-видимому, не было обращено в ислам. Нет также следов ни мечети, ни даже некрополя, так что невольно возникает вопрос: как поступали с умершими? Мы провели изыскания по всему региону и не нашли ни одного штрека, откуда бы добывалась руда. Итак, Марандет не обнаруживал никакой связи с Такеддой Ибн Баттуты. Кроме того, вблизи подобных разработок всегда существуют котлованы, часто — глубокие траншеи, следы плавильен с остатками литейных печей, куски фурм, шлак, литейные желоба и прочее. Однако, несмотря на тщательные поиски, нами не было найдено ничего подобного.

Напротив, следуя как можно ближе тексту Ибн Баттуты, анализируя каждое его описание характера жилищ, воды, местоположения рудника, разработок, типа рабочих, условий продажи и цен на полученный продукт, приходишь к выводу, что все это соответствует соляной копи в Тегидда-н-Теземте, если только заменить слово «медь» словом «соль». Такая ошибка в написании не есть нечто невероятное; в ряде произведений, дошедших до нас в виде неоднократно переписанных рукописей, подобное встречается. Здесь же еще и особенный случай: если автор этого отчета о путешествии пробыл в Такедде (Тегидда-н-Теземт) довольно долго, прекрасно описал поселение и занятия его жителей, то по возвращении в Марокко письменно изложил этот рассказ не он. Свои воспоминания о путешествии он продиктовал человеку по имени Ибн Джебзай аль-Кальби, который был секретарем султана Марокко Абу Инана. Следующая редакция принадлежит некоему Мохаммеду

аль-Байлуни; новый переписчик также сократил текст, опустив некоторые подробности и благочестивые легенды. По мнению мсье Рено, члена Французского института и переводчика «Географии» Абульфедда, сомнительно также и то, что Ибн Баттута вел записи во время путешествия, чем и можно объяснить большое количество выявленных в тексте неточностей. Арабисты, имеющие опыт в переводе текстов, считают, что «наиболее убедительной проверкой правдивости путешественника является сравнение его свидетельств с сообщениями лиц, посетивших те же края, причем особенно тех, кто жил приблизительно в ту же эпоху»*. Мы же вынуждены признать, что Ибн Баттута был единственным человеком, сообщившим о медном руднике в Такедде. Но мне кажется, что поиски медных рудников были не напрасны. Они позволили нам сделать несколько интереснейших открытий, как-то: наскальные рисунки в Тегидда-н-Тагаите, неолитические культурные слои в Марандете, каменотесные мастерские в Тегидда-н-Тагаите и Тегидда-н-Адраре, укрепления в этих двух местах и так далее**.

Вторым пунктом программы новой экспедиции в Аир было копирование наскальных рисунков, обнаруженных в уэде Мамманет в начале 1970 года. Нам удалось устроиться в Арлите, где дирекция акционерной компании рудников любезно предоставила в наше распоряжение помещения для нашего оборудования и продовольственных запасов. Мы могли также останавливаться там. Это была неоценимая услуга.

В Мамманете, отделенном от Арлита регом, простирающимся более чем на восемьдесят километров, мы разбиваем основной лагерь в обвалах скал, которые дадут нам немного тени в самые жаркие часы дня. Нас окружают только наскальные изображения буйволов, фигурок в туниках в виде двойных треугольников, слонов, носорогов, жирафов, страусов, небольших лошадей, верблюдов и множество надписей на языке тифинаг, начертанных на песчаниковых утесах, окружающих ложе *кори*, — так здесь называют уэды. С блокнотом, карандашом и резинкой в руках распределяю работу между нами. Бертран Себир, уже сопровождавший меня в течение двух недель в прошлом году, снова предложил свою помощь и занимается в основном фотографией. Кроме того, мы располагаем неожиданной дружеской помощью в лице доктора Жана Вьешанжа, биолога из Института Пастера, брата исследователя Мишеля Вьешанжа, погибшего от истощения во время экспедиции в Смару в Рио де Оро в 1930 году. Тем не менее оба моих основных сотрудника — Бубе Гадо и Пьер Колумбель — и я сам оказываемся совсем не лишними, ибо каждый день дарит нам уйму новых наскальных рисунков.

К несчастью, все источники воды вокруг нашего лагеря высохли. Животные и несколько кочевников, живущие в этом уэде, навещаются к одной лишь гелте, находящейся от нас в четырех километрах, но она недосыгаема для автомашины. Мы вынуждены запастись водой в Арлите. Эту тяжелую обязанность с превеликим удовольствием выполняет моя жена, привозя нам одновременно еще и хлеб, и свежие овощи. Однако такие поездки туда и обратно — немалая потеря времени и

* Предисловие К. Дефремери и д-ра Б. Р. Сангвинетти к кн.: *Voyages d'Ibn Batoutah*. Paris, 1953, p. X.

** Проблема Тегидда-н-Теземта вызвала большую полемику и стала предметом многочисленных гипотез, изложение которых заняло бы здесь слишком много места. Читатели, желающие ознакомиться с этим интереснейшим вопросом, могут обратиться к работе: *Lhote H. Recherches sur Takedda, ville décrite par le voyageur Ibn Batoutah et située en Aïr*. — *Bulletin IFAN*, 1972, t. XXXIV, 3, p. 429—470.

денег. В северной части Нигера бензин очень дорог, а при передвижении по пересеченной местности расход его составляет от 25 до 30 литров на сто километров. Для решения этой наболевшей проблемы мне предложили аппарат, состоящий из пластмассовых пластинок, конденсирующий содержащиеся в воздухе водяные пары и обеспечивающий таким образом водой без больших расходов. Опыт показал, что после двухдневного дождя, пропитавшего насквозь почву, в результате чего влажность воздуха в последующие дни сильно возрастает, за день собирается полтора литра воды. Но когда дождя не было уже два года и воздух очень сух, то можно тысячу раз умереть от жажды, прежде чем наберешь наперсток воды. Поэтому я никогда не обременяю себя этим устройством, применение которого относится к области утопии.

Старый пастух, привыкший за четверть века службы у инспекторов начального обучения из Агадеза к путешествиям по диким местам, выполняет у нас обязанности проводника и повара. С поваром-профессионалом у него мало общего, но для того, чтобы сварить рис, приготовить макароны с луком и томатным соусом и открыть банки с консервами, не обязательно кончать кулинарную школу. С другой стороны, он чемпион по готовке на вертеле. Его зовут Кульне. Это туарегское прозвище он получил в молодости за большие уши. Он великолепно знает все тропы в округе. Его солдатский французский язык немало нас забавляет, зато знание им языков хауса и тамашек для нас чрезвычайно ценно.

За три недели сняты копии со всех наскальных изображений в Лагере I. Мы перемещаемся выше и устраиваемся в весьма неудобном убежище, которое мы окрестили Лагерем II. Тут на редкость неудобно, тем более что температура заметно поднялась. Затем, еще выше, в месте впадения в уэд правого притока, где скалы буквально испещрены рисунками, мы разбиваем Лагерь III. Мы безостановочно рисуем, в основном жирафов, но здесь есть также несколько слонов и много фигурок, одетых в туники в виде двойных треугольников. Местность далеко не приветлива. Здесь нет достаточно глубокого убежища, и во время завтрака мы вынуждены играть с солнцем в прятки. Полуденный отдых, совершенно здесь необходимый, проводим в расщелине скалы на неровной земле, положив под голову вместо подушки большой камень. Усталость помогает нам уснуть в самых неудобных местах, и мы почти с сожалением покидаем эти жалкие убежища; снаружи, как только мы выходим из тени, нас охватывает свинцовая духота. В двухстах метрах от лагеря находится расширяющаяся к краям котловина шириной по крайней мере в десять, длиной в двадцать и глубиной более трех метров. Она, увы, пуста, а как хорошо было бы искупаться! Четыре года подряд я бывал потом в этом месте и ни разу не видел в котловине ни капли воды. Ночь в Сахаре обычно приносит прохладу, но здесь мы лишены даже этого удовольствия. Хотя долина довольно широка, она зажата высокими песчаниковыми утесами. Их склоны абсолютно голы, если не считать нескольких приземистых колючих кустарников и пучков злачных растений в глубине уэда, и представляют собой сильно нагревающиеся скалистые откосы, которые потом долго отдают тепло. В полночь термометр продолжает показывать 30°, и уснуть нам стоит большого труда.

На левом берегу *кори* имеются другие рисунки, и мы отправляемся их копировать, не перенося свой лагерь. Нам повезло — мы наткнулись на великолепный ансамбль из больших жирафов, изображенных в хорошем стиле, тщательнее и реалистичнее, чем большинство других сцен.

В Мамманете, помимо изображений лошадей и фигурок в туниках в виде двойных треугольников, встречается множество зарисовок верблюжат.

Любопытно, что рядом с рисунками в Лагере I я подобрал песчаниковые пластинки с высеченными на них схематическими изображениями верблюжат. Они напоминали обычные детские игрушки. Трогательные вещицы, отражающие скудость земли, бедность ее обитателей и жизнерадостность детей — вопреки всему. Предметы эти трехлопастной формы; один выступ изображает горб верблюда, в двух других при некотором воображении можно увидеть шею и круп животного. Такие пластинки часто встречаются на месте покинутых туарегских стоянок, где дети их обычно оставляли. Однако почему эти предметы (а я собрал их около шестидесяти) находились рядом с ансамблем наскальных рисунков? Может быть, это были своеобразные посвятельные дары? Вполне вероятно, но какова цель дарения?

Мы снова поднимаемся по уэду и доходим до места, где пышная растительность теснится между двумя утесами. Там, на вершине гребня левого, довольно высокого, берега видны несколько фигур, глубоко высеченных в скале, причем одна из них — в натуральную величину. Некоторые части тела у них выкрашены в черный или белый цвет, особенно головной убор и боковые части туники, спадающей ниже колена. Вблизи оказывается, что эти большие фигуры выполнены в стиле туник в виде двойных треугольников, черные части рисунка замазаны древесным углем, а белые представляют собой просто участки скалистой поверхности, свежевыскобленные с помощью куска песчаника. Наш старый Кульне под внешностью нищего оборванца скрывает большую наблюдательность и неплохую память. Он объяснил нам, что проходящие через эти места туареги совершают обряд, заключающийся в подновлении рисунков либо древесным углем, либо просто куском песчаника, с той целью, чтобы изображенные существа исполнили их желание и послали им в этом году новую одежду. Изображают эти рисунки легендарных персонажей туарегского фольклора Элиаса и Абу Элиаса. Туареги, крайне суеверные и постоянно приносящие всяческие обеты, воздают им особые почести. Я уже говорил о камне Адар Исахархарет, на который нужно взобраться одним прыжком, произнося при этом какое-либо пожелание. В Ти-н-Беджедже на тропе Ассакао на поверхности скалы есть изображение ступни, которое нужно покрыть маслом, чтобы быть уверенным в том, что ты не останешься без одежды. На тропе Тамрит нужно в нишу бросить камень, и так далее. Понятно, что в крае, где всего не хватает, где одежда характеризует человека, иметь новую очень важно. В наши дни характер этого пожелания несколько изменился, ибо молодые туареги, военные или шоферы, надеются скорее на приобретение транзистора или даже мотоцикла...

Этим утесом полоса рисунков на левом берегу уэда практически кончается, но ими покрыты утесы на противоположном берегу, там, где в уэд впадает маленький приток. Но близится самое жаркое время года, и о снятии копий нечего и думать. Мы уже собрали их более трех тысяч, и понадобится еще много месяцев, чтобы привести их в должный вид и снабдить аннотациями для публикации. Однако мы надеемся вернуться сюда в будущем году.

Что же представляют собой эти росписи в рамках наскального искусства Сахары? Если здесь много быков, то изображения лошади и особенно человеческих фигур в характерных туниках указывают на то, что все рисунки не старше «периода лошади». Таким образом, здеш-

ние росписи появились позднее больших рисунков в Южном Ороне, в уэде Джерат и в Феззани, которые восходят к «периоду буйвола», а более поздние — к «периоду полорогих». Тем не менее они представляют несомненный интерес, свидетельствуя об экспансии народов, которым была знакома лошадь, на юг Сахары и об их проникновении в горный массив Аир. Если во время предыдущей экспедиции я обнаружил четыре изображения колесницы, то в Мамманете мы нашли еще два таких рисунка. На них схематически представлены двухколесные повозки с одним дышлом, в которых едут воины. Они свидетельствуют об усилении миграции, которую можно отнести, согласно датам, установленным в Мавритании для подобных же росписей, к V и IV векам до н. э. и даже к несколько более позднему времени. Человеческие же фигуры изображают ливийских воинов такими, какими мы их знаем по египетским памятникам и по стеле Абизара в Кабилии. Это тот же тип людей с перьями на голове (их количество бывает различно), вооруженных дротиками и круглыми щитами, какие встречались ранее в Хоггаре, Тассили-н-Аджерере и Адрар-Ифорасе. Этот ливийский воин — предок туарегов, которые, прежде чем стать всадниками на верблюдах (мехаристами), были превосходными всадниками на лошадях, а в излучине Нигера остались таковыми и до наших дней. Он свидетельствует о приходе в Аир носителей берберских языков с их ливийским алфавитом, современное начертание которого имеет название письма тифинаг. Однако, согласно устным преданиям, бытующим в этих местах, на которые опираются некоторые авторы, интересующиеся историей юго-восточных туарегов, носители берберских языков появились в Аире якобы около VIII века н. э. Тем не менее эти представления следует пересмотреть. Обнаруженные нами наскальные рисунки свидетельствуют о том, что они пришли сюда задолго до христианской эры. В этом отношении весьма познавательно в некоторых случаях изучение фауны. Прежде всего мы вынуждены признать, что людям, которым была известна лошадь, широко занимались скотоводством и разводили быков. Этому не нужно изумляться, поскольку туареги занимаются разведением крупного рогатого скота и в наши дни: в кори Мамманете мы не раз видели стада. Нужно все же оговориться, что сегодня это — зебу, то есть горбатые быки. Однако зебу никогда не фигурировал на скальных росписях и рисунках «периода полорогих», и мы не знаем, при каких условиях он появился на Западе Африки. Правда, фульбе рассказывают, что, уже придя на левый берег Сенегала, они из-за коровьей чумы потеряли свои стада и вынуждены были восстановить их, но как и когда они стали разводить горбатых быков и откуда эти животные взялись, они не уточняют. Во всяком случае, очевидно, что в то время, когда в Аире появился верблюд, рядом с ним на скалах изображался бык, а не зебу. Если же случайно и можно встретить изображение зебу, то это относительно недавний рисунок, выполненный гораздо хуже и покрытый более светлой патиной. Судя по рисункам в Аире, зебу появился в этом регионе только после начала нашей эры. За неимением более точных указаний эту дату можно принять как рабочую гипотезу.

Слон и гиппопотам тоже привлекают наше внимание, так как изображений их тут довольно много и рисунки сопровождаются алфавитными знаками (что встречается редко), откуда можно сделать вывод об их относительно недавнем происхождении. Европейские путешественники никогда не сообщали об изображениях слона в Аире. Однако нам известно, что в начале нашего века он обитал на берегах Нигера. Не-

сколько особей было замечено между Адрар-Ифорасом и Аиром году в 1916-м. Носорог изображается гораздо чаще, чем слон, но в последнее время он в регионе не встречается; кажется, он исчез еще раньше слона, поскольку во времена, когда французы пришли на Средний Нигер, о его присутствии там не было никаких упоминаний, разве что намного южнее, в зоне саванны. Итак, перед нами не столь уж древние наскальные изображения этих видов, и они не могут служить здесь хронологическим ориентиром, как в северных районах Сахары. Позднее присутствие этих животных в ее южной части объясняется широтой, на севере же они исчезли гораздо раньше. Обилие изображений носорогов, которое подтвердили последующие экспедиции, весьма любопытно и для Сахары, по-видимому, совершенно исключительно, так как на всех рисунках «периода лошади» в других регионах, кроме Адрар-Ифораса, где я видел два или три подобных рисунка, они обычно не встречаются. Может быть, этот факт случайно прольет свет на один вопрос, который в истории до сих пор остался неясным, а именно — на вопрос об *Agisamba regio*.

Александрийский географ Птолемей описал около 130 года н. э. поход полководца Юлия Матерна в *Agisamba regio*, горную страну, где, по его словам, обитали носороги. Поход как будто имел место в 86 году до н. э., а войско, вышедшее из Лептис Магна (Триполи), достигло города Гарамы (ныне Джерма) в Феззани и вместе с царем гарамантов отправилось в карательную экспедицию против одного «эфиопского» племени, подвластного этому монарху. Поход якобы занял четыре месяца.

Исключительная лаконичность текста вызвала многочисленные толкования. Комментаторы отождествляли область Агисамбу то с Аиром, то с горным массивом Адамауа на севере Камеруна, то с плато Адрар-Ифорас, то с Эфиопией. Большие споры вызывает даже сама длительность похода — четыре месяца, если принять во внимание, что дневные переходы колонны были довольно коротки, ибо лошади должны были отдыхать. Адамауа и Эфиопию следует исключить сразу же. Сторонники этой гипотезы забыли о том, что область распространения гарамантов может ограничиваться только той зоной, где есть наскальные изображения воина с круглым щитом, вооруженного дротиком и с перьями на голове, а также надписи ливийско-берберскими буквами. Люди Гарамы никогда не доходили до севера Камеруна (что им было там делать?), а тем более до Абиссинии. Аир и Адрар-Ифорас, напротив, находились рядом с ними, и там жили люди той же этнической группы. Вспомним, что говорилось о Марандете: в этой местности проживали гобиры, то есть черные, следовательно, как их называли античные авторы, «эфиопы». Но о каком же из этих двух горных массивов шла речь? В этом-то и состоит трудность. Единственным мерилom может служить расстояние, заданное длительностью похода в четыре месяца, но мы даже не знаем, занял ли это время поход только в одну сторону или туда и обратно. Исходя из этого срока — четыре месяца, считают, что расстояние, пройденное римским полководцем, можно оценить приблизительно в 2500 километров, что должно было бы и в самом деле привести его в Камерун. Однако этим расчетам доверять опасно, ибо в Сахаре столь часто возникают различные неучтенные факторы, что длительная экспедиция вряд ли день за днем проходила без происшествий. Нужно учитывать характер местности, состояние пастбищ и верховых животных, запасы воды, политическую ситуацию, безопасность дороги и так далее. Неизбежно возникают неожиданно-

сти. Вспомним, кстати, армию Камбиса, погибшую около 525 года до н. э. в Ливийской пустыне, где Камбис хотел уничтожить храм Юпитера-Амона. Султан Марокко, организовавший военный поход в Томбукту в конце XVI века, потерял половину своего войска. В гораздо более поздние времена экспедиция Фуру-Лами, потеряв тысячи верблюдов своего каравана, была на волосок от гибели. Отправившись из Уарглы 23 октября 1898 года, Фуру прибыл в Агадес только 28 июля 1899 года, а в Зиндер — 2 ноября того же года. Марокканский поход, возглавлявшийся пашой Джудером, длился сто тридцать пять дней, то есть четыре с половиной месяца, и, однако, было высчитано, что собственно в пути войско находилось около пятидесяти дней. Остальное время ушло на обеспечение продовольствием, на водопой и выпас животных, а также остановки на отдых.

Исходя из этих примеров, трудно судить, в каких условиях проходила экспедиция римлян, тем более что нам неизвестно, использовали ли они лошадей, верблюдов или еще и колесницы, что, впрочем, менее вероятно. Правда, поскольку в этом случае Юлия Матерна сопровождал царь гарамантов, ему не приходилось опасаться жителей тех мест, через которые продвигалось его войско, а также заниматься поисками проводников и верховых животных. Ему не нужно было спешить. В четырехмесячный срок, возможно, входят остановки, необходимые для отдыха людей и животных. Ни один отряд не был бы в состоянии выдержать подобный путь без длительных передышек, даже с учетом того, что климат Сахары был, видимо, мягче, чем в наши дни. Во всяком случае, не нужно выходить за пределы «царства гарамантов» и соседних областей, находившихся от него в зависимости. В противоположность тому, что говорится в тексте, гараманты, жители Гарамы, были не черными, а белыми. Это ливийцы — предки современных туарегов. Помимо того, что зона их обитания определяется ареалом наскальных рисунков «периода лошади» и ливийско-берберского алфавита, возникновение которого соответствует среднему «периоду лошади», по всей вероятности, следующему за «периодом колесниц», нам теперь из устных преданий известно, что именно берберские племена изгнали чернокожих жителей Аира и что область их экспансии никогда не выходила за пределы пространства, занимаемого ими в наши дни.

Географам, сидящим в кабинетах, часто свойствен тот недостаток, что они, толкуя рассказы античных историков, свободно манипулируют дневными переходами, запросто преодолевают реги, горы, реки, полагая условия Сахары сильно отличными от нынешних. Возможно, что где-то в начале нашей эры здесь еще и существовали кое-какие озера, но, как о том свидетельствуют остатки древних жилищ эпохи неолита, основные черты рельефа сохранились неизменными. Из числа предполагаемых только Адрар-Ифорас и плато Аир соответствуют количеству дневных переходов Юлия Матерна. Я сам склонялся к мысли об Адрар-Ифорасе, но многочисленные изображения носорогов на скалах Аира заставили меня изменить точку зрения. Ведь недаром же Юлий Матерн по возвращении указывает, что область Агисамба — «страна, где носороги собираются для размножения». Это животное настолько поразило римлян, что именно в это время они стали чеканить его изображение на своих монетах.

В Мамманет мы возвращаемся совершенно без сил, но в Арлите превосходное питание и смывший с нас многодневную грязь душо быстро вернули нам бодрость. Здесь нас ожидают новости. По плану благоустройства Сомаира на территории, примыкающей к госпиталю с юга

и еще не тронутой бульдозером, было решено посадить деревья. Садовник, привезший саженцы, решил вырыть ямы для посадки с помощью пневмомолота и сразу же обнаружил, что земля буквально перемешана с человеческими костями. Вторая проба, взятая несколько дальше, дала тот же результат и позволила извлечь человеческий череп. Об этом сразу сообщили доктору Жаку Пети, главному врачу госпиталя, и он распорядился приостановить все работы; его решение было подтверждено ответственными лицами.

Мы расчищаем ямы, уже засыпанные землей, и принимаемся за работу, главная цель которой — разобраться в количестве и качестве отложений. Это — продолжение к югу основного слоя, на котором стоит госпиталь. Мы извлекаем человеческие костные останки, большое количество детских зубов и кусочки древесного угля, которые впоследствии позволят произвести радиоуглеродный анализ, множество останков крупного рогатого скота, пресноводные ракушки, рыбные кости — все то, что уже было обнаружено при прошлогодних раскопках. Новым является наличие множества человеческих останков, в том числе фрагменты пяти разных черепов.

Доктор Пети становится для меня очень ценным источником информации. Он здесь с начала строительства завода; побуждаемый живой любознательностью ученого, он пытается понять особенности страны, где ему пришлось работать. До строительства отдельных домов для служащих все европейцы тесно общались, встречаясь трижды в день в столовой. Ему сообщали обо всем, что обнаружено в результате обследования местности. При первой возможности Пети совершает краткие поездки, что позволяет ему хорошо ознакомиться со всем районом. Он не антрополог и не специалист по первобытной истории, но весьма осведомлен в этих вопросах; поскольку мой приезд пробудил в нем массу новых интересов, он стал для меня щедрым источником множества ценных сведений. Так, он привел нас к культурному слою, находящемуся километрах в двенадцати к востоку от Арлита. Местные европейцы прозвали его «логовом шакала», туареги же называют Ти-н-Тералдже, что означает «скала грифов». В расщелине на вершине одного из песчаниковых утесов массива действительно гнездится пара этих птиц. Слой находится наверху и занимает площадь около сотни метров в диаметре. На сером фоне хорошо видны многочисленные белые кости — это пищевые отходы, оставленные некогда жившими здесь людьми. Помимо бесчисленных керамических черепков, тут имеются кости крупного рогатого скота, зубы бородавочника, сплошь испещренные трещинами, раковины, рыбы кости и огромные головные пластинки сомов. В давние времена в этом ныне столь пустынном месте смерть от голода людям явно не угрожала. С вершины Ти-н-Тералдже видна длинная выходящая лента высохшего русла реки, поросшего довольно чахлой растительностью, куда женщины ходили собирать ракушки. При более внимательном изучении местности (речь идет не о раскопках, а просто об обследовании) мы обнаруживаем два человеческих скелета, обнажившиеся на три четверти в результате эрозии. Так же как и в Ти-н-Куне и Тамайа Меллете, погребение мертвых здесь было неизвестно, их клали среди куч кухонных отбросов. Вдоль склонов, где потоки воды оставили смытые кости и глиняные черепки, валяются наконечники стрел, зернотерки и обломки жерновов. К этому слою еще придется вернуться, чтобы исследовать его более тщательно, однако уже сейчас складывается впечатление, что весь инвентарь, черепки посуды и фауна здесь те же, что и в Арлите.

После двухмесячной работы по копированию наскальных рисунков в Мамманете мы отправляемся в Ниамей по внутренней части горного массива Аир. Едем по долине Аудерер, где, по словам нашего старого Кульне, есть рисунки. На обоих склонах — сотни изображений того же периода и той же школы, что и в Мамманете. Сейчас не может быть и речи о снятии с них копий, но это будет сделано во время следующей экспедиции. По каменистой и извилистой тропе, бегущей то вверх, то вниз, как «американские горы», мы добираемся в сумерки до небольшого оазиса Иферуан, похожего на изумрудный ларец у подножия сиреневых гор альпийского типа. При выходе из селения делаем крюк, чтобы посмотреть рисунки, изображающие, в частности, жирафов, а затем спускаемся к югу и следуем через Ассоде и Тимиа к Агадезу.

От Ассоде, бывшего некогда самым крупным городом в Аире, остались одни развалины. Расчищенная для автомобилей трасса проходит совсем рядом, и с ограничивающего ее гребня мы обозреваем гигантское нагромождение обрушившихся домов. Какое впечатляющее и печальное зрелище представляют собой обвалившиеся стены, развалившаяся на части большая мечеть, занимавшая некогда центр города! Удручающее впечатление разрухи и полной безжизненности усугубляется стоящей вокруг тишиной. К югу от развалин простирается огромное кладбище, насчитывающее около пяти тысяч могил; на многих из них есть написанное по-арабски имя умершего, но нет ни одной даты. Ассоде, бывший, по-видимому, таким же цветущим городом, как и Агадез, стал местом, за обладание которым в течение нескольких веков боролись две основные племенные группировки туарегов — кель гресс и кель эуи. Легенды гласят, что город был якобы основан племенем кель гресс, но в средние века он стал политической столицей кель эуи и резиденцией их владыки — *анастафидета*. Поскольку эти развалины никем еще не изучались, я предлагаю включить съемку их плана в программу будущей экспедиции.

Мы продолжаем свой путь к Тимиа, интересному маленькому горному оазису, приютившемуся в глубокой долине. Его круглые хижины отличаются довольно необычной архитектурой, причем каждое жилище украшено кругом из камней. Основа существования этого живописного поселка — земледелие; здесь выращивают просо, помидоры, картофель, лук и прочее, а также пальмовые деревья, дающие совсем маленькие плоды. Мужчины исполняют также обязанности погонщиков верблюдов и регулярно водят из Билмы караваны с солью, называемые *азалаи*. На крышах хижин стоят красивые горшочки из красной обожженной глины. Побуждаемый любопытством этнолога, я беру один из них в руки, с тем чтобы купить его, рассматриваю и обнаруживаю, что внутренние стенки покрыты каким-то белым налетом и отвратительно пахнут. Женщины, появившиеся из-за изгороди, смотрят на меня с лукавством и, кажется, смеются под своими покрывалами. Я спрашиваю их, для чего служит этот сосуд. Они изображают, как присаживаются на корточки и подсовывают его себе под юбку. Одна старуха посмелее принесла мне два новых горшка и объяснила, что такой обычай позволяет женщинам не выходить ночью из хижины. Школу в этом селении посещает очень много детей. Удивительно слышать, как дети туарегов говорят по-французски. Они счастливы показать, что умеют объясняться на этом языке. Организация обучения в Нигере потребовала больших усилий, хотя в школах учится едва лишь десять процентов детей. В стране туарегов есть школы для детей кочевников, в частности в Тегидда-н-Тагаите, Марандете, Арлите, Гугараме, Тирозерине, Аззеле и

других местах, так что сегодня даже в самых отдаленных горных уголках с приятным удивлением слышишь, что тебе отвечают по-французски; еще в 1950 году ни один туарег в Аире не говорил на нашем языке. Как ни странно, но это произошло после установления независимости. Французский в этой стране является официальным языком, служащим для общения разноязычного населения, и первый конгресс по использованию французского языка состоялся в Ниамее. Басни Лафонтена, написанные в повествовательной манере, характерной для африканского мышления, пользуются огромным успехом у маленьких нигерцев, и белых, и черных. Это неудивительно, ведь наш баснописец часто черпал сюжеты у Эзопа, а Эзоп по происхождению был нубиец. Так возвращаем мы Африке, хоть и в несколько забавной форме, то, что у нее позаимствовали.

Выйдя из селения и спустившись по опасной, узкой и крутой, тропе, путешественник останавливается, пораженный видом великолепного водопада, низвергающегося в огромную котловину, наполненную водой. Зрелище потрясающее... Идя дальше, добираемся до нижнего бьефа³³ уэда, где среди пышной растительности струится вода. Здесь водится плюющая змея, или, точнее, кобра *Nigricollis* с желтым кольцом вокруг шеи. Если кто-нибудь по неосторожности окажется неподалеку от нее, у змеи срабатывает рефлекс и она плюется. Это предупреждение, чтобы к ней ни в коем случае не подходили, иначе, при малейшем движении в ее сторону, она бросается и кусает. Ее яд гораздо сильнее, чем у гадюки: смерть от паралича наступает через несколько минут.

На окаймляющих тропу скалах, не обращая на нас внимания, резвятся павианы. В этом регионе обитает также и мартышка, или плачущая обезьяна. Одна из них очень заинтересовалась Коломбелем, снимавшим копию с изображения жирафа рядом с Иферуаном. Она приблизилась менее чем на десять метров, а потом не торопясь скрылась за камнями. Это, пожалуй, чуть ли не единственные животные, встреченные нами на пути, а ведь когда-то Аир славился как один из самых богатых дичью районов. Здесь водились сотни газелей-дорка и дама, антилопы-орикс, страусы. Хорошо, если мы видели двух или трех газелей, но мы не встретили ни одной антилопы-орикс и ни единого страуса. Своим исчезновением эти прекрасные представители фауны обязаны разрушительному инстинкту охотников, главным образом европейцев.

Мы добираемся до Кериб-Кериба, небольшой деревушки, где живут рабочие, добывающие оловянную руду в ближайшей горе. Один молодой служащий, взвешивающий руду, сообщает нам, что наверху есть несколько наскальных рисунков, с которыми мы и знакомимся. Затем едем в селение Эль-Меки, административный центр компании, занимающейся эксплуатацией оловянных рудников в Аире. Это большой поселок рудокопов, вокруг которых подвизается маленький мирок торговцев и молодых женщин из Агадеза, чьи прелести по заслугам оцениваются многочисленными холостяками, пришедшими, часто издалека, в поисках работы. У выхода из Эль-Меки, рядом с гельтой, видим несколько рисунков, украшающих нависшие над ней скалы. Дойдя до южной части плато, проходим по красивым долинам, поросшим пальмами-дум и высокими кустами терновника. Пастухи трясут их ветки с помощью длинной жерди с крючком на конце, сбрасывая таким образом на землю плоды — любимое лакомство коз. Заросли здесь очень густые, и порой кажется, что находишься в экваториальном лесу.

На горизонте — шпиль минарета большой мечети в Агадезе. Это окончание экспедиции и возвращение в Ниамей.

Январь 1972 года. Возвращение в Нигер. На этот раз меня опять сопровождали Пьер Коломбель, мой самый верный сотрудник с 1962 года, и молодой инженер-архитектор Анри Бушар, только что окончивший Политехническую школу в Цюрихе. Мы начинаем с того, что готовим к открытию небольшую выставку, посвященную наскальному искусству Нигера. Она была организована по случаю официального визита президента Жоржа Помпиду Национальным музеем в Ниамее по инициативе хранителя музея П. Тусе, человека очень энергичного. Несмотря на свое пристрастие к современному искусству — французская колония даже преподнесла ему забавного петуха, сделанного из старых автомобильных деталей, — президент проявил живой интерес к наскальным рисункам Аира, спрашивал об их возрасте, археологической ценности, задавал многочисленные вопросы по существу дела. В честь гостей Нигер организует великолепный народный праздник. В течение двух часов мы любуемся самым красочным шествием, какое я когда-нибудь видел, в котором среди других участвуют три тысячи всадников и две тысячи мехаристов, сверкающих на солнце амуницией. Но я не мог задерживаться на празднествах, потому что члены моей экспедиции уже несколько дней тому назад приехали в Марандет. До Агадеза я добираюсь на военном самолете, а оттуда — на присланном за мной ленд-ровере. Мои сотрудники продолжают раскопки слоя с кузнечным инвентарем. Сейчас они извлекают новые тигли из груды обломков, оставленной нетронутой предыдущей экспедицией. Мы выкапываем много форм для небольших слитков металла, несколько, тоже небольших, гончарных изделий, но весь этот инвентарь свидетельствует лишь о ремесленном производстве, а не об обработке руды.

Сотрудники рассказывают мне о том, что на пути из Агадеза дорогу им преградила ослица — она никак не могла разродиться. Животное уже совсем изнемогло, но детеныш не появлялся на свет, и несчастной грозила несомненная гибель. Коломбель, не раздумывая, засучил рукава и начал ей помогать, а шоферы Данлади и Захариа вместе с Анри Бушаром ассистировали ему, крепко держа животное за ноги. В это

время Ирэн наливала воду в сосуд. За десять минут несчастную освободили от мертвого детеныша, смочили ей голову, ноздри, чтобы она пришла в себя, напоили и приласкали. Когда дыхание животного стало нормальным, они ее оставили, и она догнала своих сородичей у ближайшего колодца. В Сахаре необходимо быть мастером на все руки, однако мы все же поразились способностям Коломбея к профессии ветеринара-акушера.

Теперь мы направляемся к Тегидда-н-Тагаиту, чтобы снять там копии приблизительно с двухсот пятидесяти наскальных рисунков, обнаруженных в прошлом году. Почти все они высечены на горизонтальных плитах. Неолитический слой, бегло просмотренный нами, обещает небезынтересные сюрпризы: выходя далеко за пределы гребней, очерчивающих впадину, он простирается в длину более чем на километр. Мы не заметили этого сразу, поскольку все наше внимание было поглощено развалинами, находившимися в этой местности. Нас привело в восхищение обилие и разнообразие сохранившихся в целости предметов — их было около трех тысяч. Среди них множество скребков, суживающихся к острию, долота, небольшие плоские топоры, несколько топоров большего размера, обтесанных с обеих сторон и отшлифованных только по лезвию, — полный набор инструментов, служивший, главным образом, для работы по дереву. Сотни тысяч осколков свидетельствуют о развитом изготовлении каменных орудий. Это самая большая производственная мастерская, известная мне в Сахаре.

Мы покидаем Тегидда-н-Тагаит, его пальмы, прекрасную артезианскую воду, любезного директора школы для детей кочевников и ее маленьких непоседливых питомцев. Дети счастливы тем, что получают пшеничную похлебку три раза ежедневно, кроме воскресенья, когда они имеют право на рис. Похлебку разливают по эмалированным мискам — одна миска на двоих. У детей такой вид, будто они едят лакомство, еда им, несомненно, нравится — у себя в становищах не всем удастся есть досыта, как здесь.

Сделав крюк через Азузам, где в колодце глубиной в двадцать метров нет больше ни капли воды, и с трудом обогнув небольшую каменистую гору, мы, благодаря Кульне, знающему этот район как свои пять пальцев, выходим на прямую дорогу к Арлиту. Нас очень порадовала встреча с несколькими одичавшими лошадьми с жеребенком, возможно теми же, что мы встретили в прошлом году у Азелика. Потом мы гнались за шакалом, и нам удалось его поймать, — правда, он был ни жив ни мертв. Почва представляет собой глину с большими трещинами, что сильно затрудняет движение автомашины. Местами она покрыта галечником, возникшим в результате выветривания песчаников, когда-то занимавших весь район и на юго-востоке Арлита существующих ныне только в виде небольших, сильно выветренных скал. Туареги дали этому огромному плато название Талак, что на их языке означает «глина».

Мы добираемся до Арлита без каких-либо дорожных происшествий. Мы рады тому, что можем задержаться здесь на несколько дней, чтобы произвести наскоро профилактический осмотр машин и запастись продовольствием. Затем мы отправляемся на теперь уже хорошо знакомый нам Мамманет и поднимаемся вверх по кори до скалы Абуд-Элиас, рядом с которой разбиваем лагерь. В самом уэде нет больше рисунков, которые надо копировать, зато они есть в его нижних небольших притоках, в частности Тамокрине. Наши блокноты испещрены изображениями многочисленных фигурок в виде двойных треугольни-

ков; некоторые из них сидят на корточках и наделены непомерно длинным фаллосом.

На левом берегу расположены две расселины, одна из которых — уэд Серока. Там множество изображений быков, жирафов, а также три запряженные лошадьми двухколесные колесницы (мы их не заметили в 1971 году), высеченные в схематическом стиле на горизонтальной плите в месте, где сходятся два ущелья. Немного ниже, в скале, — глубокая впадина в скалистом грунте, называемая туарегами *туарди*. Она наполнена водой, кишашей комариными личинками, но, несмотря на этот дефект, вполне годной для питья. Это избавит нас от дорогостоящих забот по доставке воды от самого Арлита, крайне утомлявших нас в прошлом году. При обследовании левого притока уэда Гурета (его название я узнал позднее) мы обнаруживаем тысячи изображений, среди которых бесконечное множество небольших верблюдов и лошадей и надписи письмом тифинаг. На протяжении четырех километров фигуры следуют непрерывно друг за другом на обоих берегах. Совершенно бессмысленно копировать одного и того же верблюда или страусенка. Мы ограничиваемся самыми интересными сюжетами, требующими нескольких дней работы. В начале же этого притока находится широкая, наполненная водой гелъта, куда приходят на водопой стада из окрестностей. На возвышающихся над ней скалах глубоко врезаны в камень изображения больших и красивых жирафов с превосходно отполированной контурной поверхностью рисунка, а также больших быков, слонов и носорогов. На обратном пути мы снова встречаем носорогов, карабкающихся на пальму павианов и три колесницы. Пока мы заносим всю эту фауну в наши блокноты, вокруг нас резвится целое племя даманов, или, как их называют туареги, *окаокао*. Я уже упоминал о них при описании нашего пребывания в Ихерене в Тасили-н-Аджерере. Они здесь не пугливы, и мы можем свободно наблюдать за ними. Они держатся семьей, и пару родителей обычно сопровождают трое или четверо детенышей. Мы видели одну такую маленькую колонию в Тамокрине, но она быстро спаслась бегством. Здесь же кочевники бывают редко, и дикие животные гораздо меньше боятся человека. Каждую ночь гиена (возможно, и не всегда одна и та же) проходит по нашему лагерю, в нескольких метрах от наших постелей, устроенных на открытом воздухе. Однажды, когда я заглянул в укрытие у стены довольно крутого склона, в трех метрах от меня выскочила гиена и побежала рысцой дальше, не проявив ни малейшей агрессивности. Когда недавно мы были в Азузаме, моя жена, поднимаясь на гору, спугнула одну гиену из ее логова, и та просто пустилась наутек. Здесь очень много шакалов, и каждый вечер они устраивают зловещий концерт. Они довольно смело, даже днем, нападают на стада и утаскивают отставших коз и козлят. Одно семейство туарегов, разбивших свою стоянку неподалеку от нашей, потеряло таким образом несколько коз. Правда, пастухом был мальчик лет десяти, да еще и очень пугливый. Однажды утром, как только мы проснулись, Кульне подал мне знак подняться на вершину скалы Абуд-Элиас, откуда за нами настойчиво наблюдали два гепарда, но они мгновенно исчезли. Бедные кочевники платят всем этим голодным хищникам немалую дань. У Батракума — источника, расположенного на северо-западе Ин-Гала, мы однажды увидели осла, у которого гиена вырвала из задней левой ноги кусок мяса. Глубокая, до кости, кровоточащая рана была облеплена мухами, но туареги утверждали, что животное выживет. Скотоводы могут в лучшем случае обратиться за помощью к ветеринару, живуще-

му в Агадесе. Он разбрасывает в таких случаях мясо, посыпанное стрихнином. Это радикальный способ. В Тегидда-н-Адраре мы видели с десяток шакалов, отравленных таким образом.

Однажды, развернув старый номер газеты «Журналь дю диманш», куда были завернуты свежие овощи, привезенные из Арлита, мы с изумлением и смехом прочли там, что один швейцарский этнолог якобы видел и сфотографировал в Мавритании ребенка-газель.

В газете рассказывалось о том, что привезенные фотографии заинтересовали одного из соотечественников этого этнолога, известного антрополога; последний построил массу гипотез, в которых пытался доказать, что этот ребенок еще в младенческом возрасте выпал из рук матери, ехавшей на верблюде, был подобран и вскормлен газелью, а когда подрос, то научился прыгать, как его приемная мать, и питаться так же, как она. Короче говоря, настоящий роман-фельетон! Эту историю рассказывают в туарегских стойбищах уже более сорока лет. Кульне, которому я ее поведал, когда он вернулся с охапкой хвороста, сказал: «Я тоже знаю эту историю о ребенке-газели. Когда я был маленьким, мать мне ее много раз рассказывала». — «И это правда? Ты веришь этому? Ты знаешь людей, которые видели таких детей?» — «Конечно нет! Никто их никогда не видел! Это просто волшебная сказка, которую рассказывают детям».

История действительно красивая — такая же, как рассказ о Маугли или легенда о Ромуле и Реме, вскормленных молоком римской волчицы, и многие другие. В 1787 году во Франции родилась история о ребенке-волке. В лесу был найден несчастный слабоумный ребенок. Он совершенно не понимал человеческой речи и выражал свои эмоции лаем. Его называли маленьким дикарем. Этим случаем занялись ученые и вскоре договорились до самопроизвольного зарождения ребенка! Он умер около 1820 года. Мы еще не раз, конечно, услышим о ребенке-газели или еще о чем-нибудь подобном. Ведь так приятно верить в сверхъестественное!..

Старый Кульне слышал много историй, которые туареги рассказывают у лагерных костров, — именно там ведутся беседы. В Гурете он увидел, как мы остановились перед одним из странных рисунков, изображающих мужчину с непомерно большим половым членом. «Ты знаешь, кто это? — спросил он. — Это Мандазарам, человек, который хотел иметь сразу двух жен». И он продолжал: «У туарегов это не принято. Наши женщины так ревнивы, что никогда этого не допустят. Мандазарам, у которого уже была жена-красавица, решил в один прекрасный день взять себе еще одну. Когда его жена узнала об этом, она велела привести своих верблюдов, сложила вещи и, ни слова ни говоря, отправилась в становище, где жили ее родители, как это принято в семьях благородного происхождения. Когда Мандазарам обнаружил ее исчезновение, он стал, громко крича, звать беглянку вернуться, но она не уступала и продолжала путь. Он все не прекращал своих жалоб, обезумев от горя и желания, и вдруг увидел, как его член стал расти и вытягиваться вслед удалявшейся жене. Для предостережения тех, кто вздумал бы совершить ту же ошибку, и изображено на рисунках это злоключение».

Закончив съемку копий в Гурете, мы возвращаемся в Арлит, где используем несколько дней своего отдыха для расчистки раскопа, несколько пострадавшего от воды во время зимних дождей. При очистке боковых стен и дна неожиданно обнаруживаются два практически целых скелета. Оба лежат в согнутом положении, колени и руки прижаты

к груди, а кисти рук — к голове на уровне лица. Создается впечатление, что для сохранения такого положения тела были когда-то перевязаны веревками. Иссохнув, фаланги пальцев провалились в полость рта. Молодые нигерки, проходившие мимо раскопа, обратили на это внимание и спросили, смеясь, не кусал ли этот несчастный себе перед смертью пальцы при мысли, что придется держать отчет перед владыкой загробного мира.

Поскольку каждая сахарская экспедиция зависит от предоставленных кредитов, то программу работ следует составлять чрезвычайно тщательно и по возможности не отступать от нее, чтобы использовать имеющиеся в распоряжении деньги наилучшим образом. Нам осталось еще решить две задачи: сделать копии с обнаруженных нами в прошлом году в Аудерере рисунков и снять план развалин Ассоде. Перед выездом в Аир заливаем баки доверху бензином, потому что до Агадеза заправиться нельзя, и пополняем продовольственные запасы. Наш маршрут проходит по восточной части Талака, затем мы попадаем в горный массив Аир, долго едем по однообразному серому галечнику, и вдруг, за поворотом, перед нами открывается широкая долина, покрытая пышным ковром растительности, над которым возвышаются огромные деревья, обвитые гигантскими лианами. Это — кори Аудерер. Рисунки покрывают скалы по обоим берегам вади, ниже того места, где его пересекает тропа и где мы, в густых зарослях, разбиваем лагерь.

На дне уэда несколько туарегских семейств построили хижины. Полукруглые строения стоят группами по три-четыре; сделаны они из циновок, сплетенных из листьев пальмы-дум — такой способ в Аире встречается чаще, чем покрытие из кож, принятое в других местах.

Работаем методично. Каждый в поисках рисунков обследует определенный участок скал. Здесь растет много акаций, и поэтому среди обломков скал, совсем как в Гурете, режутся *окаокао*. Здесь на них не охотятся, хотя у них очень вкусное мясо, а благодаря олдувайским находкам в Восточной Африке нам известно, что еще австралопитеки лакомились ими два или три миллиона лет тому назад...

Близость туарегских становищ не проходит для нас даром. Сначала наносят визит женщины и просят табаку и сахару — это уже привычно. Однако ночные визиты здешних собак не доставили нам никакого удовольствия: они стащили пластмассовый мешок, где хранился весь недельный запас хлеба; мы привязали его к дереву, но, к несчастью, недостаточно высоко, и он оказался в пределах их досягаемости. Собаки даже объелись, сожрав все вместе с мешком. Расстроились мы очень! Кульне получил хорошую головомойку — он-то должен был знать, какие меры предосторожности следовало принять, если лагерь находится рядом со становищами, где бродят собаки.

К нашим материалам добавилось около двухсот наскальных рисунков, среди которых есть изображения людей с прическами в форме полумесяца, а также быков, лошадей и верблюдов. Все это — дополнительный вклад в уже имеющееся собрание наскальных рисунков Аира. Закончив здесь работу, мы проезжаем семьдесят километров и оказываемся в Иферуане. Разбиваем наш лагерь на берегу уэда, напротив внушительного горного массива Тамгак. Его плоская громада, достигающая высоты 1800 метров, закрывает горизонт. По нему можно передвигаться без особого труда. Там есть несколько орошаемых источниками садов, принадлежащих людям, которые почти никогда не спускаются из этого орлиного гнезда, за исключением тех редких случаев, когда нужно сделать кое-какие покупки в Иферуане. О них сло-

жена легенда: если верить немецкому этнологу Л. Фробениусу, описавшему их под названием народа махалби, то они являются последними представителями племени низкорослых охотников, которые, по его словам, «кочуют и охотятся между Аиром и Мурзуком». Однако между Аиром и городом Мурзук в Феззание простирается Тенере, и не совсем понятно, каким образом люди могут «кочевать» по этой совершенно безжизненной и безводной пустыне. Кроме того, Л. Фробениус утверждает, что во время обрядов инициации юношам на половых членах делают надрезы, оставляющие шрамы, и это впоследствии увеличивает их привлекательность в глазах женщин, и к тому же они, якобы для того чтобы усилить наслаждение, совершают половой акт сидя на корточках. Однако мне неоднократно доводилось встречать жителей Тамгака, а некоторые из них и сейчас живут в Иферуане. Они ничем не отличаются от других жителей этого селения, хотя те, впрочем, тоже не чистые туареги. Это чернокожие земледельцы, похожие на гарратингов оазисов алжирской Сахары. Смешанные браки с их прежними господами-туарегами несколько утончили черты их лица и высветлили кожу. Они живут на Тамгаке, занимаясь разведением коз, возделывая небольшие сады и охотясь за муфлонами, которые в изобилии водятся в горах. Женщины никогда не спускаются в Иферуан. Поскольку эти люди живут практически замкнуто и общаются только с членами своих семей, то никаких следов внешних влияний на них не заметно.

Совсем рядом с Иферуаном мы снимаем несколько копий с рисунков, о которых нам сообщил начальник почтового отделения. Однажды, спокойно работая над росписями, я увидел гиену, забравшуюся в расщелину соседней скалы. Два сопровождавших меня туарега тоже ее заметили. Они тотчас же бросились за хворостом, чтобы разжечь костер и выкурить ее. Гиена опустошает их стада, и они считают ее истинным бедствием. Вполне понятно, что они ненавидят гиен и стараются от них избавиться. Но когда мы разводим костер, оказывается, что дым валит из скалы метров на десять выше расщелины. Обходим скалу и видим, что в ней есть ходы, по которым зверь от нас и улизнул. В 1899 году, когда в Аире находилась экспедиция Фуру-Лами, там, по словам местных жителей, еще встречались львы и один из них будто даже унес козу и человека. Исчезновение этого хищника датируется 1905 годом. В тот год рядом с колодцем Тагедуфат, к юго-востоку от Агадеза, был найден одинокий, растерянный львенок. Рассмотрев внимательно следы взрослого льва вокруг колодца, поняли, что, изнемогая от жажды, мать бросилась туда и утонула. Львенка привезли в форт Агадез, где он прожил несколько лет. С тех пор в Аире о львах больше никогда не слышали. Однако в ста пятидесяти километрах к югу, в районе Адербиссината, они встречались сравнительно недавно. Я вспоминаю, что видел их там в 1938 году. Вполне естественно, следовательно, что их изображали в наскальных рисунках.

На обратном пути в Иферуан мы проходим мимо какого-то ветхого каменного строения необычного вида. Наш проводник сообщает, что это одна из самых древних мечетей в Аире. Внутри находятся пять параллельных друг другу стен, в которых для прохода сделаны маленькие низкие двери. В середине пятой стены — ниша или, как ее называют арабы, *михраб* — здесь служитель культа руководит молебствием. Через маленькие боковые, очень низкие, окна сочится слабый свет, создавая атмосферу сосредоточения и раздумья. Один старик рассказал нам, что эта мечеть относится ко времени исламизации Аира и что она якобы третья по древности. Первая была сооружена в Тэфесе, в двух

дней ходьбы отсюда, южнее деревни Агеллаль. Мы снимаем план этой мечети. Выхав из Иферуана в направлении Агадеза, мы через пятнадцать километров останавливаемся в разрушенной деревне Ти-н-Тагода; жители покинули ее в 1917 году, после того как она была разграблена во время восстания под предводительством туарега Коасена. Дома здесь построены из камней, скрепленных глиной,— способ, применявшийся во всех старинных селениях Аира до того, как с севера сюда проник другой архитектурный стиль и техника строительства из самана. Строения были очень простыми: несколько узких, вытянутых в длину комнат с закутком для кухни. В Ти-н-Тагоде тоже есть мечеть, построенная в очень строгом стиле. Она состоит из длинного помещения, в конце которого находится *михраб*. Ее посещают до сих пор, и каждую пятницу сюда приходит марабут для отправления службы. У него неподалеку есть небольшой открытый всем ветрам домишко, где он держит кое-какую кухонную утварь и циновки для ночлега и молитв. Только мы располагаемся, чтобы позавтракать, как приходит марабут, потому что это пятница. Он охотно соглашается разделить с нами трапезу и ест с завидным аппетитом; особенно ему нравятся сардины, которые он ест первый раз в жизни. К тому, чтобы мы сняли план мечети, он не видит никаких препятствий. Внутри мечети есть камень с высеченным на нем стихом из Корана. В принципе его нельзя выносить на свет, но нам хотят его показать, и все присутствующие мусульмане по очереди целуют его. Мы стараемся тщательно соблюдать все правила посещения святых мест. Сопровождающие нас туареги племени кель иферуан выражают нам по этому поводу свое одобрение, и один из них разрешает мне сфотографировать камень с надписью. Затем мы отправляемся в Ассоде. По пути три раза останавливаемся и снимаем копии с рисунков.

Город Ассоде оказался столь велик, что мы решаем провести тут дней двенадцать для снятия плана его развалин, но здесь есть только одно дерево, в тени которого можно укрыться в жаркие часы; выбора у нас нет, и мы устанавливаем тут свои столы и складные стулья. При съемках плана оказался незаменимым молодой архитектор Анри Бушар. Приблизительный план уже есть — он составлен по старой аэрофотосъемке, которая висела на стене в кабинете одного высокопоставленного чиновника министерства финансов в Ниамее. Теперь нужно верить его на месте, уточнить детали, сделать замеры, так что каждое утро и вечер мы бродим по кварталам развалин. Многие жилища довольно просторны. Одно из них, видимо, принадлежало анастафидету племени кель эуи, второму по значимости лицу в Аире после агадезского султана. Столицей анастафидета некогда был Ассоде. Участки земли, усеянные керамическими черепками вперемешку с золой из печей для обжига, позволили нам установить места расположения гончарных мастерских. На других участках скопления шлака указывают местонахождение кузниц. Некоторые места буквально покрыты кусочками браслетов из сланца, точно таких, какие носят до сих пор туареги на руке выше локтя. Многие глиняные изделия найдены совершенно целыми; они украшены красивым черным орнаментом на красном фоне, не встречающимся более в керамике Агадеза. Балки домов вытесаны из стволов пальмы-дум — это вид, который больше здесь не произрастает, он отодвинулся в южную часть Аира и влажные долины гор Багезан. Сохранившиеся кое-где двери сделаны из тамарисковых досок; это дерево здесь также стало редкостью. Колодец, где люди брали воду, находится совсем рядом, на дне уэда; еще заметна тропинка, по которой

ходили женщины — на них лежал этот ежедневный изнурительный труд. За пределами поселка, к югу, есть еще один колодец, сейчас заваленный колючими ветками, чтобы туда не падали животные. В виде исключения он выдолблен в граните, в породе, где обычно воды не бывает, поэтому он вызывает у меня особый интерес. Мне рассказали, что туда бросали трупы животных, а воду оттуда не брали. Жаль, что этот обычай не сохранился. В таких крупных населенных пунктах, как Агадес и Арлит, трупы ослов и других животных валяются прямо посреди улиц целыми неделями, отравляя своим зловонием воздух, и это никого не заботит. В центре селения находится обвалившаяся мечеть. Было бы совсем нетрудно подправить крышу и привести строение в надлежащий вид. Так же как и в Иферуане, эта мечеть имеет несколько параллельных друг другу проходов, сообщающихся между собой через небольшие сводчатые двери. В северном углу мечети был минарет, ныне обвалившийся. Мечеть, построенная на холме, почти в центре впадины, которую раньше занимал город, была, по всей вероятности, здесь одним из первых строений. К ней сходятся все главные и мелкие улицы, как если бы она была сердцем города. Расчистить эти проходы сравнительно легко, что облегчит экскурсантам осмотр города, если когда-нибудь будут всерьез организованы туристские поездки в Аир. Город весь опоясан кладбищами, но самые крупные из них расположены на востоке. На многих могилах установлены стелы с именами похороненных, но даты на них нет никогда. В изголовье могилы часто можно видеть какое-нибудь гончарное изделие, чаще всего горшок, куда члены семьи некоторое время после смерти близкого наливали воду. После того как семья решала, что умерший больше не нуждается в их посещениях, горшок разбивали, чтобы никто им не завладел.

Довольно обширные развалины Аира никогда систематически не изучались, и о средневековой археологии мы знаем немного. Вот почему я пытаюсь собрать все данные, способные пролить свет на прошлое; особенно интересна керамика, поскольку ее классификация, выработанная с учетом данных радиоуглеродного анализа, позволит установить относительную хронологию, как это было сделано Флиндерсом Петри в отношении Египта додинастического периода.

Ассоде мы покидаем, совершенно выбившись из сил. Сейчас конец марта, температура воздуха все повышается и становится труднопереносимой. С облегчением добираемся до длинного и узкого оазиса Тимиа, где покупаем яйца величиной чуть больше, чем во Франции бывают голубиные, цыплят размером с наших карликовых кур, худых и жилистых, но вполне съедобных, прекрасные свежие помидоры, их выращивают в огромных количествах во всех огородах, а затем сушат — туареги не любят их свежими. Впрочем, они очень быстро портятся из-за жары и толчков в автомашине. Один из наших шоферов, Данлади, хотел привезти полную картонную коробку помидоров своей жене в Ниамей, но через три дня они все настолько раскисли, что их пришлось выбросить.

В Тимиа мы с удовольствием задерживаемся на три дня, чтобы снять план трех мечетей, которые все больше нас привлекают. Одна из них построена в старом стиле и расположена вдалеке от нынешнего поселения; в прежние же времена она была окружена поселком. Вторая мечеть представляет собой пространство, огороженное на земле камнями. Разделение на пять частей, которое мы видели в старинных строениях из твердых материалов, здесь тоже соблюдено; она необычно больших размеров и могла бы вместить несколько сотен верующих.

Покончив с мечетями, мы спускаемся на Кериб-Кериб для снятия там копий с рисунков, отмеченных нами в прошлом году, а затем в Эль Меки, где мы их тоже видели рядом с гельтой. За эту экспедицию мы собрали две тысячи двести двадцать пять копий. Таким образом, за три экспедиции общее количество снятых копий превысило восемь тысяч. Мы также привезли с собой для музея в Ниамее несколько плиток с выгравированными на них небольшими фигурами людей, газелей, лошадей и верблюжат. Они позволят посетителям музея получить понятие о том, что представляют собой наскальные гравюры Аира.

Приехав в Агадез, мы могли считать экспедицию законченной. Однако случайно у меня состоялся разговор с анастафидетом племени кель эуи относительно развалин, которые являются, по-видимому, остатками старинного дворца, где жили султаны Аира до своего переселения в Агадез, примерно в 1507—1513 годах. Впрочем, это событие в истории так и остается темным пятном. Из хроник ученых Томбукту известно, что один сонгайский император Гао подчинил себе султана Аира в то время, когда тот жил в Таделизе; это было около 1500 года. Переводчики текста Уда́ и Делафосс неправильно истолковали его и отождествили этот населенный пункт с Тилабери, поселением, расположенным на Нигере выше Ниамея. Однако это место находится именно в Аире, и в хрониках, хранящихся у султанов Аира, уточняется, что их предки до своего обоснования в Агадесе жили в Таделизе, позднее в Ти-н-Шамане.

По-видимому, никому до сих пор не приходило в голову разыскивать древнюю резиденцию первых султанов. Уже несколько лет я спрашивал о ней вождей разных племен туарегов, и поэтому, узнав о моих поисках, анастафидет племени кель эуи дал мне на этот счет кое-какие разъяснения. Сам он этого места не знал, но люди из его окружения считали, что оно находится неподалеку от Агадеза, километров на двадцать севернее.

Итак, садимся в лендровер и едем; на двадцатом километре по счетчику пытаемся выяснить, где мы находимся. Дорога пролегает вдоль Иразерн-Агадеза, то есть вдоль большого уэда, собирающего все воды с юго-западного склона гор Багезан. Прямо перед переездом через уэд мы видим человека, обрабатывающего поле. Через Кульне спрашиваем у него, как называется это место и известно ли ему о Таделизе. Но Кульне спросонок (он, должно быть, предавался разгулу в Агадесе) не понимает, к чему я клоню, и вся эта история с султанами заботит его очень мало. К счастью, наш шофер Данлади, следивший за нашим разговором, который шел на языке хауса, повторяет вопрос и вносит в него ясность, и таким образом нам наконец удается узнать, что поселок Таделиза существует, что он на другой стороне *кори* и там, кажется, действительно есть развалины. Человек соглашается проводить нас туда при условии, что мы доставим его обратно на его поле. Мы катим по ложу уэда и доезжаем до площадки, расположенной чуть выше уровня *кори*, на которой стоит с полдюжины соломенных хижин. Долина зажата гребнями. Наш случайный проводник показывает пальцем на один из них, увенчанный руинами. Мы взбираемся по склону, и перед нами возникает большой четырехугольник, каждая сторона которого имеет в длину около тридцати метров. Внутри него находится ряд комнат с обрушившимися стенами. Толщина наружной стены достигает в некоторых местах метра, а высота — трех метров. Через извилистый проход, выходящий в караульное помещение, проникаем внутрь дворца (это, несомненно, здание, принадлежавшее властителю).

Жители хижин окружают теперь наши машины и интересуются, что мы собираемся делать в их бедной деревушке. Один мужчина сообщает, что он ветеран отряда мехаристов Агадеза, и поздравляет нас с приездом. Когда я спрашиваю у него о происхождении развалин, находящихся перед нашими глазами, он, не задумываясь, отвечает: «Это первый дворец султанов Аира до их переселения в Агадез. Он был построен пятьсот семьдесят шесть лет назад».

Подумать только! Три года я пытался найти человека, который привел бы меня к этим развалинам и сообщил о них какие-нибудь сведения, и мне удалось достичь цели в тот момент, когда я этого меньше всего ожидал! Уже на следующий день наш молодой архитектор, всегда бодрый и жизнерадостный, водрузил с помощью Коломбея среди обломков свой планшет, чтобы снять план этой старинной резиденции туарегского государя XVI века. При наскоро произведенных раскопках во дворе был обнаружен след очага с остатками древесного угля. Их анализ в лаборатории слабых радиоактивных излучений в Жифсьюр-Иветт показал, что они относятся к 1440 году. Эта дата на тридцать пять лет отличается от той, когда, по преданию, был возведен на престол первый султан Аира. Мы удивлены тем, что внутри ограды нет колодца и обитателям этого дома доставляли воду из долины. Такая, казалось бы, незначительная на первый взгляд деталь имеет в действительности большое значение, так как обитатели дворца оставались тем самым без защиты; этим фактом, вероятно, и можно объяснить то, что сонгайский император так легко подчинил себе султана Аира в 1500 году,— султан просто не мог этого избежать. Сооружение в целом совершенно не имело оборонительного характера. Это просторная резиденция в стране, где, теоретически, можно было не опасаться нападения извне. Поэтому вполне возможно, что во избежание подобных злоключений султаны и решили перенести свою резиденцию в Агадез и для защиты города воздвигнуть высокую стену. За этим событием последовали серьезные смуты. Султан, вынужденный подчиниться аскии Гао и выплачивать ему ежегодную дань в 150 тысяч дукатов, был через два года убит. Его место заняли два брата, царствовавшие одновременно. Они, видимо, не позаботились о выполнении обязательств, взятых на себя их предшественником, потому что аския вернулся в 1515 году. Оба брата были лишены власти и заменены другим султаном. Возведение стены, разумеется, не было закончено, поскольку она ничему, видно, не помогла. Дальнейшее — история долгая...

Что же касается нас, то, закончив на этом счастливом эпизоде и без того плодотворную во всех отношениях экспедицию, мы возвращаемся в Ниамей.

Январь 1973 года. Это четвертая экспедиция в Нигер, и состав ее изменяется в зависимости от программы. Меня, конечно, сопровождает Пьер Коломбель, а также молодой антрополог Жан-Луи Хейм, ставший к тому времени хранителем в Национальном музее естественной истории, и его техническая помощница Иветта Азулэ. Наша задача состоит в тщательном изучении культурного слоя в Арлите, к которому мы ранее лишь прикоснулись. Подобные, совершенно нетронутые стоянки эпохи неолита встречаются в Сахаре относительно редко, и потому этой пренебрегать не следовало. Мы начинаем с расчистки раскопа, пострадавшего за несколько месяцев нашего отсутствия от потоков дождя, вызвавших кое-где обвалы, и от песчаных ветров, нанесших пыль и всякий мусор. С помощью шнура и вех разбиваем участок на квадраты и нумеруем их. Каждому участнику выделяется свой сектор. Расчищаем грунт разными скребками, щетками и кисточками. Извлеченный грунт поручаем просеивать двум молодым помощникам — туарегам; за несколько дней они научились отбирать то, что было нами не замечено и может представлять какой-то интерес, — обычно крошечные брюхоногие, небольшие предметы — бусины из скорлупы страусиных яиц, иногда наконечники для стрел или костяные шила.

Самым ответственным моментом является начало работ. Прежде всего нужно очистить стенки уже существующей траншеи — это настоящий ров — и убрать с поверхности все, что не имеет отношения к культурному слою. Все члены нашей группы работают одним и тем же методом и в едином темпе, ведут записи в своих блокнотах, пользуясь одинаковыми условными обозначениями. Когда втягиваешься в дело, остается только не нарушать ритм, как корабль, выйдя из порта, старается не нарушать графика. Сомаир оказывает нам весьма разнообразную и эффективную помощь. Руководство отдает распоряжение обнести территорию раскопок камышовой изгородью, дабы предохранить их от нежелательных посетителей и особенно от детей, — школа находится не более чем в ста пятидесяти метрах от нас, и, выходя из нее, дети непременно соблазнились бы поиграть в наше отсутствие в архео-

логов. Чтобы создать столь необходимую для нас тень, над котлованом установлено сооружение из дюралюминиевых трубок с натянутым на них брезентом. Доктор Пети любезно предоставляет в наше распоряжение временно пустующее помещение своего диспансера, которое будет нам служить лабораторией. Здесь мы занимаемся очисткой извлеченных предметов, склеиваем костные останки и глиняные черепки, прикрепляем по ходу дела этикетки, а по окончании работ будем здесь же все упаковывать для отправки в Ниамей.

Зондирование, произведенное во время подготовки ям для посадки деревьев, показало, что археологический слой имеет толщину около двух метров. Это совершенно необычно для культурного неолитического слоя в Сахаре. Извлеченный инвентарь не отличается ни изобилием, ни разнообразием. Он состоит из небольшого количества фрагментов пресноводных ракушек и зернотерок; особенно много в нем керамических черепков с самыми разнообразными орнаментами. Фауна представлена главным образом костями крупного рогатого скота и коз, а также множеством зубов дикого кабана-бородавочника. Кроме того, мы с удивлением обнаружили многочисленные грудные и спинные позвонки, костные пластинки крокодила, сома и раковины съедобных пресноводных моллюсков; попадаются также рога антилопы, обломки зубов гиппопотама или больших зубов, принадлежавших, возможно, жирафу. Больше всего человеческих останков. Среди них берцовые кости, очень много зубов и фаланг, фрагментов черепов — все они встречаются в разных слоях, куда попадали при размывании скелетов дождевыми потоками. Действительно, на глубине до метра почва состоит из перемежающихся слоев, то глинистых, то песчаных, как если бы они образовывались по мере чередования сухих и влажных времен года. Они расположены не строго горизонтально и местами имеют волнообразную извилистую форму, отражающую неправильности русла стоков. Со временем образовались впадины и выпуклости. В обрабатываемом мною квадрате я извлекаю из почвы резцы и коренные зубы дикообраза. Эта неожиданная находка подтверждает, что некогда здесь был очень влажный климат. Примерно на глубине полутора метров появляются остатки древесного угля. Они сильно разбросаны и не образуют следов очага.

В начале раскопок мы обнаружили три вида моллюсков: два земных легочного типа и один водный, живущий в проточных водах, имеющих щелочную реакцию. Среди моллюсков легочного типа вид *Sibullina striatella* найден в Сахаре впервые, так как он живет в прибрежной зоне Западной Африки. Благодаря ему можно установить биотоп: уровень выпадения осадков должен быть не менее 2000 миллиметров в год. Сейчас до этого уровня далеко. За несколько лет, что мы здесь бывали, в год выпадало не более 20 миллиметров осадков, да и то не всегда. Значит, этот слой находился на берегу озера или реки? Изучая карту региона, мы отмечаем, что некоторые долины изрезаны древними реками, истоки которых находятся в самых высоких горах Аира, Тамгака, Гребуна, Гундаи, Агадака, Онрон Негета и так далее, и что западный склон массива с уэдами Зелин, Такриза, Гугарам, Аудерер, Ану Маккарен и Иразер-н-Агадес орошается гораздо больше, чем восточный. Все эти долины имеют сток в русло, расположенное намного севернее уэда И-н-Азауа, в которое впадают также источники, берущие начало в Хоггаре; западнее Арлита этот уэд носит название Тимерсой; в прежние времена воды всех этих притоков по его руслу через Даллод Боссо устремлялись к Нигеру. В отличие от других речных систем Сахары, здесь нет замкнутого бассейна. Сейчас все наблюдения подтверждают,

что современные долины Арлита были настоящими реками, разумеется с сезонным режимом, как это имеет место в саванне. Так, в шести километрах на запад от наших раскопок мое внимание привлекла большая гряда ракушек пресноводных моллюсков, но расположенная в глинистом слое не горизонтально, а вертикально. Речь идет о двух хорошо известных в экваториальной Африке видах: *Aspatharia tubens* и *Aspatharia dahomeupensis*, живущих именно в проточной воде. На границе тальвега, на краю давно образовавшейся долины, лежит множество останков гиппопотама, среди которых мы выбрали несколько коренных зубов, а также топор из отшлифованного камня. Эти находки настолько заинтересовали меня, что я решил продолжить обследование окрестности для сбора дополнительных доказательств (или опровержений) этой гипотезы о реках.

С тех пор как мы обосновались в Арлите, туареги постоянно приходят к нам с предложениями купить у них найденные в окрестностях наконечники для стрел, отшлифованные топоры, жернова. Однако чаще всего они не знают или не хотят указать место своих находок. Впрочем, нередко эти предметы попадают к ним из рук очень расторопных мелких перекупщиков, ловко использующих свое знание французского языка. Мне наконец удастся нанять одного молодого туарега для сбора информации. Его семья живет километрах в шестидесяти к юго-западу отсюда, около скал Игерфана. В его задачу входит осторожный опрос соплеменников. Как-то раз он приводит одного оборванца из своего племени, который якобы знает место к югу от Арлита, где залегает культурный слой. Бросаем нашу действительно очень однообразную работу на раскопках и отправляемся обследовать то место. Акауэли — так зовут этого старого туарега — заставил нас проехать добрых пятьдесят километров до небольшой ложины, зажатой между двумя песчаниковыми гребнями, внутренние склоны которых покрыты изображениями быков, лошадей, жирафов и человеческих фигур в стиле, аналогичном стилю рисунков в Мамманете. Мы пересекаем один овраг пешком (машины остались у подножия скал), карабкаемся по осыпям, по пути отмечаем схематические изображения трех колесниц и выходим на широкое плато, которое кажется белым оттого, что вся земля здесь сплошь покрыта самыми разнообразными костными останками; это кухонные отбросы. Стоянка под названием Аукаре очень похожа на стоянку в Ти-н-Тералдже: здесь в большом количестве залегают ракушки, позвонки сома, спинные пластинки крокодила, кости быков, газелей и кабана-бородавочника. Иветта Азулэ и Пьер Коломбель отрыли две лопатки гиппопотама, а Жан-Луи Хейм среди пищевых отходов нашел человеческие останки. Кроме того, здесь огромное множество обломков жерновов и зернотерок. Что касается Акауэли, то у него, несмотря на возраст, зрение острое, и он быстро подбирает пригоршню наконечников для стрел, несколько бусин из амазонита и несколько *Sibullina striatella*. Спускаясь обратно, я вижу простирающуюся перед нами широкую долину, до сих пор покрытую довольно обильной растительностью, где в эпоху неолита жили моллюски, рыбы, крокодилы и гиппопотамы, останки которых мы нашли на плато.

На следующий день Акауэли предлагает нам отправиться на юго-запад. Не без труда одолев путь, пролегающий по бугристой, поросшей пучками злаковых трав местности, добираемся до другого культурного слоя, диаметр которого вдвое больше, чем в Аукаре, то есть около четырехсот метров. Здесь много сверл, зернотерок, несколько плоских дисков, аналогичных найденным в Тенере. Не без интереса рассматри-

ваем скелет шакала с наконечником стрелы, застрявшим в грудной клетке, и полностью сохранившийся скелет быка. Откинутаая назад голова животного указывает на то, что оно не было принесено в жертву, а умерло естественной смертью. Затем Акауэли обращает наше внимание на многочисленные ямы в скалах на границе стоянки — они цилиндрической формы, диаметром 25 сантиметров и глубиной от 30 до 45 сантиметров. Рядом с раскопками в Арлите, Ти-н-Тералдже, Ану-н-Назаре, в Теререрте, близ Джанета, рядом с великолепными высеченными на камне быками, как бы пьющими из водоема воду, мы уже видели нечто подобное, но не знали, для чего оно могло бы служить. И наконец, на расстоянии двух километров отсюда Акауэли показывает нам еще трех высеченных на камне прекрасных и крупных жирафов.

Вчера в Аукаре Пьер Колумбель чувствовал себя неважно, но здесь, в Тагудалте, он с трудом передвигает ноги, утратив свою обычную энергичность, отказывается обедать и вынужден лечь. К несчастью, всю вторую половину дня дует суровый песчаный ветер, а ночью страшно холодно. Мы возвращаемся в Арлит, где врач диагностирует грипп. Я несколько раз захожу к больному, чтобы узнать о его самочувствии. Два дня спустя я тоже валюсь — голова как будто плавится, а ноги ватные. Затем наступает очередь Иветты Азулэ, но она заболела не столь серьезно. Ирэн бегаёт от палатки к палатке с термометром в руках, предлагая аспирин, овощной отвар и прочую легкую пищу, которую любезно готовит для наших больных шеф-повар Сомаира. Эпидемия гриппа свирепствовала всю зиму и унесла много жертв среди сельского населения и кочевников окрестных мест, поражая в особенности наиболее истощенных людей, стариков, женщин и детей. В частной больнице рудничного поселка врач и его персонал были перегружены с ноября. В так называемом «картонном поселке» на окраине африканского города, где кочевники из окрестностей, большей частью потерявшие свои стада из-за засухи последних лет, селятся в лачугах, сооруженных из упаковочного картона, старых джутовых мешков и гнилых циновок, гигиенические условия действительно ужасны. Нет воды для мытья, ее приходится приносить в калемасах или бурдюках из колодцев обжитых селений. Люди живут среди отбросов, разлагающихся ослиных трупов. Городские власти не заботят эти очаги эпидемий, они не имеют на то средств.

Чем же живут эти несчастные люди? По всей вероятности, в большинстве случаев проституцией молодых женщин. Что касается детей, то их посылают попрошайничать в город, где они ходят от одной двери к другой с миской в руках, собирая туда подаваемую им пищу. Впрочем, это обычай, которому здесь подчиняются все дети, воспитывающиеся в мусульманских религиозных школах. Мужчины пытаются устроиться на работу на стройках, но мало кому это удается из-за отсутствия какой-либо квалификации. Даже подметальщиками улиц берут только тех, кто уже где-то работал. И это вполне понятно, поскольку туарегов никогда не учили такому занятию. Поэтому некоторые пытаются добраться до Ниамея или Кано, где их охотно берут на работу сторожами, — в этом качестве они ценятся очень высоко. Что станет с ними потом? Их будущее мрачно и внушает тревогу.

Мы продолжаем наше обследование вместе с Акауэли, показавшим нам за три дня двухсоткилометрового путешествия четыре различные стоянки. Все они расположены по берегам бывших речных долин и богаты инвентарем, среди которого чаще всего встречаются сверла и топоры; им везде сопутствуют одинаковая фауна и керамика. Находок

так много, что я уже не знаю, куда складывать материал. К счастью, главный штейгер³⁴ Сомаира оказал мне огромную услугу, позволив воспользоваться большими ящиками, в которых привозят взрывчатку для урановых карьеров.

Как-то раз один товарищ Брахима проводил нас к стоянке, расположенной в сорока километрах к северу от Арлита. Там на поверхности лежало четыре человеческих скелета, верх черепов у которых был полностью разрушен песчаным ветром. Они не были погребены и лежали в согнутом положении среди кухонных отбросов и керамических черепков. У одного из них частично сожжены череп и плечевые кости. Здесь очень много огромных глиняных сосудов с красивым орнаментом, но нет ни одного целого. Мы осторожно собираем куски, чтобы попытаться склеить их в лаборатории. Совершенно неожиданно находим два глиняных подголовника, один в прекрасном состоянии, другой слегка подпорчен сбоку. В Сахаре на доисторической стоянке подобный предмет обстановки найден впервые. Мне сообщили также о других аналогичных стоянках, но у нас больше не оставалось времени.

После того как мы установили местонахождение различных стоянок, стало ясно, что все они располагались по краям долин, а фауна представлена видами, обитающими в реках, а не в озерах. Все наблюдения свидетельствуют о существовании обширной сети рек, соединенной с Нигером. В наши дни, разумеется, русла частично покрыты наслоениями, так что некоторые впадины с глинистым дном можно принять за бывшие озера. Не следует упускать из виду того, что процесс высыхания сахарских уэдов происходит при одновременном поднятии их основного уровня. Это неизбежно влечет за собой уменьшение крутизны склона и загромождение русла обломками, образующимися при разрушении возвышенных частей. Таким образом возникают запруды, создающие нечто вроде озер и болот. Когда в регионе Арлита бывают дожди, озера не образуются; потоки воды устремляются под землю к первоначальному руслу вади. За время многочисленных изысканий, произведенных за последние годы, мы ни разу не обнаружили бурых водорослей, являющихся самым достоверным свидетельством существования озер в древнюю эпоху.

Военнослужащие агадеского гарнизона недавно установили вехи на тропе из Арлита в Ассамака (это пограничный пункт на алжирско-нигерской границе), и супрефект, Адду Адам, приглашает меня осмотреть эту трассу. Протяженностью в двести километров, она пересекает уэд Тимерсой; на этой широте я его совершенно не знаю, потому что так далеко не заезжал. Долина шириной около двух километров наполовину засыпана песком; берега ее нужно было бы тщательно обследовать, они наверняка посещались людьми в эпоху неолита, я в этом мог убедиться в 1935 году, когда в дельте уэда И-н-Азауа нашел рыбы кости, зубы бородавочника и топоры из зеленой яшмы. На юге Ассамаки, близ Анесбараки, известен богатый неолитический культурный слой: шлифованные топоры, каменные молоты, жернова и наконечники для стрел, которые военнослужащие поста продают туристам.

Намеченная трасса неизмеримо облегчит будущие изыскания, поскольку этот сектор особенно опасен. Действительно, в сорока пяти километрах к северу от трассы три молодых человека, приехавших из Парижа летом 1971 года в автомашине «четыре-четыре», заблудились и погибли от жажды. Незадолго до своего отъезда они заходили ко мне. Я предупредил их о том, что они слишком нагрузили свою малолитражку и, кроме того, выбрали самое неблагоприятное время года. Однако

они не могли уже ничего изменить и отправились навстречу своей судьбе. Причиной трагической развязки была поломка машины, самая обычная (полетел карданный вал), которую они либо не смогли обнаружить, либо не сумели исправить. Их агония была долгой,— дело было в разгаре августа, когда еще стоит страшная жара. Бедняги доверчиво ждали помощи, но она не пришла. В десяти километрах от акации, в прозрачной тени которой они пытались укрыться, несколько лет тому назад нефтяники пробурили артезианский колодец. Теперь это небольшое озерцо, из которого, в тот момент, когда я там проезжал, пила воду стая лебедей. Но юноши так его и не увидели.

В марте 1974 года, производя обследование в сухом русле Тимерсой, я направился в полдень к двум одиноко стоящим, издали заметным на фоне огромного рега деревьям. Выйдя из машины, моя жена заинтересовалась металлическим предметом под одним из деревьев. Она подошла ближе и позвала меня. На железном кресте была пластинка со строгой надписью: «Памяти наших детей: Кристиана Жетета, Патриса Комба, Бернара Моретта. 20 августа 1971 г.» Один из них укрылся под машиной, и его тело мумифицировалось и оказалось нетронутым. Два других тела были растерзаны стервятниками, чьи экскременты оставили белые пятна на дереве. На земле валялись позвоночник, ключица и ребро, разумеется засыпанные песком к тому времени, когда приехали за телами. Сопровождавший меня туарег заявил, что нашел на месте стоянки автомобиля наручные часы, но он их якобы уже потерял. Осенью 1973 года четыре итальянца, выехавшие из Джанета на лендровере, заблудились несколько севернее этих мест и также погибли от жажды.

Район действительно очень опасен. Это бесконечный рег, где трудно ориентироваться и где практически никто не бывает. Здесь часто дует сильный песчаный ветер, от которого мутнеет воздух и становится невозможно дышать. Брат бывшего аменокаля Хоггара и все люди его становища, одиннадцать человек, заблудились здесь и погибли от жажды. Их останки нашли только лет двадцать спустя. Та же судьба постигла многих путешествовавших в одиночку людей, в том числе одну женщину из Европы. Недалеко отсюда, близ Анесбараки, в 1920 году погиб генерал Лаперрин. Название Тимерсой означает на языке туарегов «долина падали», что уже свидетельствует о ее плохой репутации. Теперь каждый километр трассы отмечен красивой и высокой белой вехой, так что подобные несчастья не должны повторяться, однако при условии не отклоняться от намеченной тропы.

В промежутке между экспедициями за пределами Арлита мы продолжаем раскопки в городе. Теперь мы находимся примерно на глубине 1,6 метра. Иветта Азулэ отмечает в своем раскопе фрагменты скелета, основная часть которого находится, по-видимому, в квадрате Жан-Луи Хейма. Вскоре он извлекает детский череп, затем скелет взрослого в согнутом положении, как бы обложенный тремя большими камнями. Трудно сказать, оказались ли они здесь случайно или же их положили, чтобы схоронить тела. Мы оставляем их на месте в качестве опознавательных знаков. Расчистив землю, в 1,8 метра от первых двух находим еще три скелета, принадлежащих людям негроидного типа, как и те, которые мы находили в предыдущие два года. Дойдя до того же уровня, Пьер Коломбель натывается на остатки скелета, правда разбросанные и хуже сохранившиеся. Мы замечаем на уровне желудка скелета какой-то шарик из белого вещества величиной с большой орех. Жан-Луи Хейм обнаруживает то же самое. Вещество напоминает мел.

Быть может, люди эпохи неолита умели лечить изжогу? Мы с осторожностью подбираем эти шарики, чтобы подвергнуть их потом анализу.

Глядя на эти согнутые скелеты, я невольно вспоминаю те, которые мы откопали в прошлом году. Они были найдены в том же положении и на той же глубине. Скалистое основание, на котором лежит культурный слой, находится на глубине не более десяти сантиметров от останков. На вертикальном срезе видно, что верхние напластования были изрядно перемешаны, а нижние, видимо, остались нетронутыми. Наличие на этом уровне шести скелетов заставляет предполагать, что тут сохранился небольшой некрополь. Я решаю оставить скелеты на месте, прикрыв их сверху. Любые доведенные до конца раскопки обязательно приводят к разрушению свидетельств прошлого. Здесь же я предпочитаю не дотрагиваться до них, поскольку на этой же глубине могут оказаться и другие скелеты, что и подтвердили раскопки следующего года.

В этот сезон мы просеяли только двенадцать кубометров раскопанного грунта, весьма немного относительно объема раскопок и их общей площади, составляющей около четырех тысяч квадратных метров.

Чтобы пополнить наши исследования древних мечетей, мы отправляемся в Такризу, небольшое местечко, расположенное во внутренней части Аира, недалеко от глинистой равнины Талак. По дороге снимаем несколько копий с наскальных рисунков. Мечеть, построенная на горном выступе и видная издали, не одинока — она является частью настоящего культового ансамбля, включающего в себя также помещения, предназначенные для паломников. Позади мечети находится дом для приема людей почтенного возраста, умудренных знанием Корана. Есть там и несколько длинных, раздвоенных на конце палок, на которые они опираются во время чтения священной книги. На некоторых религиозных праздниках она читается с начала до конца. Рядом расположено помещение для ритуальных омовений, затем помещение, где собираются молодые люди, которым дозволено присутствовать на церемонии на расстоянии, но не принимать в ней участия. Немного подалее находится длинное строение, состоящее из пяти или шести примыкающих друг к другу комнат. Это жилище для главных священнослужителей. В каждой комнате имеется несколько кухонных принадлежностей, неподвижные жернова, зернотерки и тому подобное, предоставляемые в распоряжение гостей. Немного подалее стоят домики для простых людей.

В настоящее время в этом селении никого нет, кроме брата марабута, выполняющего функцию сторожа и живущего неподалеку в маленьком доме. Марабут, сейчас объезжающий округу для сбора милостыни, также имеет здесь свой дом, служащий одновременно складом для съестных припасов. На первый взгляд эти совершенно пустые дома кажутся заброшенными, но на самом деле это не так: в селении поддерживаются порядок и чистота. Мечеть принадлежит кочевникам племени кель такриза, которые появляются здесь только во время религиозных праздников, в частности на рамадан. Тогда долина заполняется людьми и животными. Женщины, отдельно от мужчин, поселяются на площадке перед мечетью в тени растущих там очень красивых и больших деревьев. Рядом с мечетью находится обнесенный оградой некрополь, где покоятся марабуты, сменявшие друг друга в Такризе на протяжении веков и создавшие ей популярность. Основателем этой мечети был якобы шейх Сиди Малик аг Муса аг Мохаммед уа-н тегидда аг Мохамед уа-н Тефис, потомком которого является нынешний марабут. Легенда гласит, что шейх прибыл из Адрар-Ифораса, введомый волшеб-

ным золотым котелком, принадлежащим теперь другому марабуту из того же семейного клана. Последний поит из него простаков, разумеется, за хороший подарок. В действительности котелок просто из меди и начищен до блеска. Рассказывают, что его несколько раз крали, но всякий раз он сам собой возвращался к марабуту.

Несомненно, это очаровательное место заслуживало бы включения в программу туристской поездки по Аиру, если они когда-нибудь будут организованы. Очень жаль, что по некоторым пересекающим Сахару трассам движется множество автомашин, забитых туристами, для которых, кажется, самая главная задача — проехать как можно больше километров, не пытаясь даже увидеть и понять прошлое этого замечательного края.

На обратном пути в Агадес мы посетили мечеть в Агеллале, пользующуюся тоже большой известностью. В начале этого века она была одним из наиболее активных очагов ислама в Аире. Я был когда-то в этом оживленном месте. Теперь я с грустью вижу, что все дома покинуты. В долине осталось несколько хижин, где ютятся последние оставшиеся здесь семьи, существующие только за счет небольшого стада коз. Мечеть построена по тем же канонам, что и в Такризе. Здесь тоже имеется большое помещение, где хранятся раздвоенные на конце палки для чтецов Корана, а к балкам подвешены бутылки с какой-то жидкостью неопределенного цвета, в которой мокнут бумажки со стихами из священной книги. Этому настою приписывают великую целительную силу. Тем не менее прием паломников здесь не так хорошо организован, как в первом религиозном центре.

Деревня была большая, с добротными домами; некоторые из них даже имели второй этаж, ныне обрушившийся. На скалах у южного края долины есть несколько рисунков, а также надписи на арабском языке. Если бы не сухой туман, заволакивавший высокие вершины, окаймляющие пейзаж, местность была бы очень живописной. В середине этого цирка, там, где растут большие деревья, в частности афагаг, ахетес, аборак и многочисленные торха, ветви которых служат в основном для изготовления загонов для коз, Кульне показывает нам стоящий вертикально на земле камень высотой около восьмидесяти сантиметров. По его словам, камень упал с неба. На нем сверху лежит маленький камешек, которым все прохожие пользуются для того, чтобы потереть им о большой камень и, получив беловатый порошок, помазать им вокруг глаз. Этот порошок якобы служит лекарством против воспалений глаз, конъюнктивитов и трахомы, столь распространенных среди кочевников Сахары. В действительности это вовсе не метеорит, а кусок гранита из окрестностей. Кульне с сосредоточенным видом размазывает порошок вокруг глаз, что делает его похожим на очковую змею. Рядом с мечетью этот волшебный камень неуместен и кажется анахронизмом. Тем не менее вполне естественно, что обездоленные люди цепляются за самые примитивные и древние верования, если даже они и противоречат учению Корана. Мне никогда не приходилось видеть в Аире ни одного метеорита, и, насколько мне известно, никто никогда их там не видел, однако туареги иногда приносят самые обыкновенные камни, утверждая, что они упали с неба. Так, совсем недавно они передали супрефекту Арлита расколотый пополам камень, который, по их словам, упал и разбился на их глазах. Когда мне предложили высказать свое мнение о природе этого предмета, я заверил, что это всего лишь песчаниковая пластинка.

Из Агеллала мы отправились в Тэфис, расположенный на другой

стороне горы, которую пришлось обойти, ибо добраться туда по прямой можно только по верблюжьей тропе. Там-то и построена первая в Аире мечеть, «мать мечетей», как ее называют туареги. По преданию, она основана марабутом Мохаммедом аг Мохаммедом аг Ибрахимом, чаще называемым Уа-н-Тефис. Он принадлежал к роду марабу из Адрар-Ифораса, вышедшего из Феса, почему эта мечеть и названа Тефис. В легенде также рассказывается, что этот марабу прибыл на слоне, который помог ему доставить тяжелые балки для строительства мечети. Мечеть представляет собой вытянутое в длину четырехугольное строение очень строгих линий; в нее сейчас попадают через боковую дверь. Дверь в главном фасаде загорожена крест-накрест ветками, чтобы в мечеть не заходили животные. Параллельно *михрабу* расположены в ряд помещения, куда дневной свет проникает только через небольшие отверстия. Именно это сооружение послужило моделью для всех мечетей Аира. Сбоку находятся две не смежные друг с другом комнаты: в одной хранятся палки с развилкой на конце для чтецов Корана, а в другой производят омовения. Невдалеке, в довольно благоустроенном доме, одновременно служащем и складом, живет слепой старик, попросивший у нас милостыню. Приблизительно в пятистах метрах от мечети на площадке находится кладбище. В его центре — могила основателя мечети, окруженная большими, узкими, вертикально поставленными плитами. Паломники приходят сюда ежегодно для исполнения обряда, заключающегося в нанесении трех небольших насечек на главной плите, в верхней части которой имеется отверстие, куда каждый просовывает палец, а потом касается им лба. Недалеко отсюда линия камней обозначает место для молитвы в те дни, когда в Тефисе большой наплыв народа. Планировка всех этих культовых сооружений такова, что, в отличие от больших мечетей на Севере, в них отсутствует *минбар*, то есть кафедра для проповедей. Эта особенность, кажется, свойственна секте ибадитов, мусульманских пуритан, духовными наследниками которых стали мозабиты,— значит, именно они и принесли в Сахару мусульманскую религию.

В Иферуане, откуда он родом, Кульне встречается со своей старухой женой. Он счастлив тем, что может подарить ей чай, кусковый сахар, новую ткань, духи и просо. В этот вечер он король здешних мест. Все соседи явились угоститься за его счет. Он и не подозревал, что у него столько друзей!

На обратном пути в Агадез мы останавливаемся в Ассодде, чтобы сосчитать могилы. Их оказалось около пяти тысяч — это немного для такого крупного и древнего населенного пункта. Правда, большинство домов служили продовольственными складами для кочевников. Многие из них были похоронены там, где умерли, а не на кладбище Ассодде. Эта деталь, сообщенная мне анастафидетом, показывает, насколько затруднительно в стране туарегов определить численность населения исходя из количества могил на кладбищах. Мои исследования привели меня к выводу о том, что кладбища здесь повсюду, за исключением культурных центров, принадлежат кочевым племенам, перемещающимся по строго ограниченным территориям. Под влиянием зарождающегося ислама появился обычай захоронения мертвых в одном определенном месте, часто освященном погребением какого-нибудь известного марабута. Не говоря уже о том, что практически исчезли такие крупные племена, как инассуфа, итесан и другие, имевшие самые большие кладбища, в последние годы наблюдается тенденция к менее строгому соблюдению древних обычаев.

Кульне повел нас по тропе, проходящей несколько западнее тропы на Тимиа, чтобы показать нам наскальные рисунки, которые он заметил прошлым летом при поездке по этим местам с одним иностранцем. Все они невысокого качества, но заслуживают того, чтобы впоследствии с них были сняты копии, особенно потому, что находятся в южной части Аира, свидетельствуя тем самым о пребывании здесь людей «периода лошади».

Мы снова в Агадесе, столице Аира. Еще в январе один кузнец, принимавший участие в наших раскопках в Марандете, сообщил мне об остатках плавильных печей недалеко от местечка Жола, в 180 километрах на юго-юго-запад. Случилось так, что в это же самое время поблизости находился нигерский взвод мехаристов из Агадеса. Капитан Аисса любезно предоставил в мое распоряжение в качестве проводника одного солдата из местных жителей, который должен будет вернуться в свой гарнизон на военном грузовике, прибывшем утром с продовольствием для взвода мехаристов. Мы отправляемся по хорошо нам знакомой тропе, ведущей в Марандет. Сейчас она производит унылое и даже мрачное впечатление: по обе стороны дороги рег с выгоревшим за время жестокой четырехлетней засухи пастбищем усеян трупами быков, ослов и верблюдов. Многие верблюжьи черепа повешены на деревья — таков обычай людей племени кель аир: благодарность этим мужественным помощникам человека и пожелание счастливого пребывания на том свете. Остовы разлагаются, отравляя воздух до появления уничтожающих их стервятников и воронов. Птицы настолько раскормились, что уже не в состоянии выполнять работу могильщиков; разжирев и отяжелев, они едва-едва могут взлететь. На пути из Марандета в Жолу мы несколько раз поднимаем стекла в машине и прибавляем скорость из-за невыносимого зловония. Иветт Азулэ непрерывно освежает воздух болгарской розовой водой. Этот аромат, смешиваясь с запахом человеческого пота, образует нечто странное, вряд ли снискавшее бы себе успех, выпавший на долю духов «Шанель № 5»... За последние годы туареги уже потеряли добрую треть поголовья своего скота, и при мысли о том, что же останется у них в этом году, становится как-то тревожно. Люди смирились. То, что здесь происходит, привычно для этой несчастной страны, где каждый, будь то земледелец или скотовод, зависит от капризов погоды. Недоедают здесь постоянно. Что же касается настоящего голода, то слышали они и о нем, но ведь все в руке божьей! И все повторяют за марабутом: «Мектуб!» («Так было написано!»). В кочевьях, где мы останавливались, женщинам с иссохшей грудью нечем кормить грудных младенцев, мешки для проса пусты, вечерняя трапеза сводится к нескольким зернам или орехам пальмы-дум. Невозможность дотянуть от урожая до урожая, в которую сейчас уже трудно поверить, здесь вполне реальна, и голод в этом году вполне может принять катастрофические размеры.

В Жоле мы пытаемся узнать что-нибудь о местонахождении остатков плавильных печей. Ко мне прислали нескольких старых кочевников, которые, по слухам, хорошо знают эти места. Здешний кузнец разъясняет им, что я ищу. Это тот самый, который работал с нами в Марандете; он построил здесь хижину рядом с военными, чьи жены — его основные клиентки. Один из кочевников, кажется, понял. Мы отправляемся, но, пробродив без толку по песчаным холмам, ни с чем возвращаемся в лагерь. Наш проводник спутал латеритное геологическое обнажение со шлаком. Появляются два молодых туарега, которые утверждают, что знают нужное нам место. Мы снова отправляемся в путь, уже

вместе с ними, двигаемся вдоль долины, взбираемся на занесенный песком высокий холм. Один из туарегов делает нам знак остановиться. Вокруг сплошной песок. Однако наши проводники ничуть этим не смущены, они рыщут по сторонам, обнюхивают землю, как собаки-ищейки, останавливаются и подзывает нас знаками. Один из них скребет землю и извлекает оттуда шлак. Они быстро выкапывают куски сопла, стенки доменной печи, остатки плавки. Два места с этими находками расположены примерно в двадцати метрах друг от друга, толщина слоя с остатками — около пятидесяти сантиметров. Плавильные печи были установлены на самом верху холма, как это обычно и бывает, для того чтобы их обдувало по возможности ветром, и на расстоянии от населенного пункта. Если в Азелике или вблизи от него будет обнаружено нечто подобное, я признаюсь в ошибочности своей гипотезы относительно Такедды = Тегидда-н-Теземта. Молодые туареги рассказали мне, что заметили эти остатки много лет тому назад, когда пасли коз, и тогда уже поняли, что здесь обрабатывали железо. На сегодняшний день это самое северное из известных нам мест обработки руды в Нигере. Остается найти место добычи.

В июне 1973 года произошло необычное затмение, о котором много говорили в печати; среди белого дня минут на двенадцать стало темно, как безлунной ночью. В Аир, одно из наиболее благоприятных для наблюдений мест, прибыли ученые со всего мира. В деревнях и стойбищах оглушительно били в там-тамы. По поверьям здешнего населения, луна, олицетворяющая мужское начало, состоит в браке с солнцем, символизирующим женское начало. Это очень плохой союз. Они часто дерутся, и отношения между ними налаживаются только тогда, когда луна находится в первой и в последней четверти. Солнце не любит: его лучи сжигают пастбища, оно заставляет животных и людей страдать от жажды, в то время как луна приносит прохладу и светит по ночам. У них обоих один общий враг — большая рыба Эль Хут³⁵, которая пытается их проглотить, и особенно луну. Затмение представляет собой именно нападение на луну большой рыбы. Для того чтобы напугать ее, женщины хватают все, что может произвести шум: там-тамы, тамбурины, котелки, старые бидоны, а вооруженные ружьями мужчины стреляют в воздух, и все кричат во все горло: «Боже, верни нам луну!»

На этот раз затмение длилось так долго, что жители Аира действительно решили, что большой рыбе удалось проглотить несчастную луну. Поэтому велико было облегчение, когда вновь появилось солнце, а в синеве неба стала видимой невредимая луна.

ТРАГЕДИИ ЗАСУХИ

Поскольку зима — самое благоприятное время для работы, в конце ноября 1973 года я снова отправился в Нигер, надеясь продолжить раскопки в Арлите. Я приехал туда в первой половине декабря в сопровождении трех новых сотрудников: Д. Гребенара, специалиста по первобытной истории, Ж.-Л. Лагаски, техника по раскопкам, Д. Шмидта, горного инженера. Мы сразу же принялись за новые участки, но они ничего интересного нам не принесли. Все тот же инвентарь, те же пищевые отходы, те же глиняные черепки, тот же характер отложений, состоящих из неправильных перемежающихся слоев глины и песка в верхних пластах и более плотных слоев глины в нижнем. В верхних слоях много разрозненных человеческих костей, особенно зубов, все в плохом состоянии. В нижних же слоях, напротив, скелеты сохранились полностью. Все они в согнутом положении, колени на уровне подбородка, руки на уровне лица.

В предыдущую экспедицию мы заинтересовались большими камнями, которые могли указывать на существование коллективных захоронений. Между нами завязался спор. Хейм и Коломбель склонялись к предположению о захоронении, я же совершенно не был в этом уверен, тем более что около больших камней было обнаружено только три скелета. Однако, как я уже упоминал выше, мы сознательно не трогали с места эти камни, чтобы они служили ориентирами. Извлеченные теперь шесть скелетов позволили уточнить факты. Это не было в собственном смысле коллективное захоронение. Вокруг скелетов и на них находились небольшие плиты, явно предназначенные для защиты от диких зверей, гиен и шакалов, обычно выкапывающих трупы. Лишенные со временем плоти и осевшие скелеты стали испытывать на себе в некоторых местах давление камней. Особенно пострадали черепа, что, несомненно, не произошло бы в случае организованного коллективного захоронения. Тела лежали в совершенно разных направлениях, то есть не были как-то специально ориентированы по странам света. Наконец, на глубине 2,25—2,30 метра достигаем основания из скальных пород, на котором непосредственно лежали скелеты. Понять характер этого

захоронения помогли также два следующих наблюдения. Прошлой зимой к востоку от больницы, метрах в пятидесяти от раскопок рыли траншею под фундаменты целого ряда зданий, предназначенных для нигерского персонала Сомaira. Во время этих работ два скелета, находившиеся примерно на глубине пятидесяти сантиметров, были совершенно разбиты рабочими. Кроме того, во время моего отсутствия была прорыта еще одна траншея для прокладки водопровода между оградой сада, примыкающего к раскопкам, и вновь построенными зданиями. Там оказалось пять скелетов; они тоже были разбиты, но рабочие успели заметить, что все они лежали также в согнутом положении. Отныне можно высказать гипотезу о том, что захоронение в Арлите представляет собой кладбище эпохи неолита, а не место поселения. Выход скального основания у домика, называемого «домом для гостей», к югу от раскопок, а также многочисленные пробы, взятые как во время разбивки сада, так и сделанные ранее геологами, свидетельствуют о существовании в эпоху неолита значительной впадины наибольшим диаметром свыше ста метров и глубиной до двух с половиной метров. Жители тех времен, чьи хижины или шатры находились, видимо, неподалеку (мы еще не выявили их местоположение), опускали своих покойников на дно впадины, аккуратно укладывали их друг на друга и клали камни вокруг и поверх них, для того чтобы предохранить тела от хищников, питающихся трупами. На места погребения бросали остатки пищи, горшки, кувшины для воды, золу из очагов. Пока толщина этого захоронения не превышала метра, поверхность почвы не претерпевала изменений, однако впоследствии появились провалы и бугры, которые во время дождей способствовали возникновению потоков, иногда очень бурных, наносивших груды мелкого гравия. Отложения, располагающиеся в пределах 1,5 метра от поверхности земли, представляют собой разнообразные слои: грязевые с большим содержанием гравия и песчаные. Они, вероятно, с одной стороны, соответствуют периодам дождей, а с другой — песчаным ветрам. Трупы продолжали укладывать в том же месте, но их костные останки были разнесены водой в стороны. Тем не менее нам удалось установить, что их всегда помещали в скорченном положении: в одном грязевом слое челюсть, теменная кость и фаланги пальцев касались головок больших берцовых костей, а это свидетельствует о классическом положении коленей, поджатых к подбородку. Куски древесного угля, найденные в различных слоях, дали датировку: 3600—2800 годы до н. э.; значит, это наслоение образовывалось примерно в течение восьмисот лет. Нагромождение тел и кухонных отбросов продолжалось до тех пор, пока не возник небольшой курган, возвышавшийся приблизительно на метр над уровнем почвы. С начала раскопок мы извлекли приблизительно пятьдесят скелетов, и, поскольку мы установили, что трупы укладывались также и на периферии впадины, допустимо предположить, что всего в некрополе должно быть до пятисот скелетов. Следовательно, судя по тому, что нам пока известно, это единственное в своем роде и необычное для Сахары захоронение.

Каждую неделю мы делаем хотя бы один выезд за город, чтобы установить, где еще за пределами Арлита есть культурные слои, и, таким образом, получить возможно точную картину населенности этого региона в эпоху неолита. Километрах в шестидесяти к северу от Арлита, в Тессан-Тикеуине, обнаруживаем прямо на земле огромные керамические сосуды для воды, совершенно разбитые, и собираем все черепки, чтобы потом склеить их в лаборатории. Мое внимание привле-

кает торчащая из земли, метрах в двадцати от горшков, кость. Освободив ее тщательно от земли, поражаемся ее форме: по всей длине — а она составляет около шестидесяти сантиметров — вырезана по центру бороздка, а по бокам от нее — еще две, волнистые, верхняя же часть расщеплена в форме латинского V; рядом, на глубине тридцати сантиметров, обнаруживаем еще одну, точно такую же. Я полагаю, что они были вырезаны из берцовых костей жирафа и служили для ношения амулетов. По окружности слоя обнаруживаем еще пять скелетов, обнаженных ветром. Верхушки черепов отсутствуют — они разъедены ветровой эрозией. Большие сосуды, называемые здесь *канари*, и странные длинные кости, своей формой напоминающие деревянные колышки, на которых современные туареги носят амулеты, свидетельствуют о том, что мы находимся на месте древнего жилища. Это факт исключительный, и его стоит отметить: Все прочие открытые нами культурные слои представляют собой кучи отбросов, и установить местоположение человеческих жилищ на них не удастся. В другом культурном слое, неподалеку от этого, мы нашли два глиняных подголовника, сходные с теми, которые мы обнаружили в прошлом году в этом же секторе. Поблизости, на обычной куче древних отбросов, мы собрали множество бусин из амазонита, законченных, незаконченных и разбитых; их такое обилие, что это наводит на мысль о существовании здесь мастерской по их изготовлению. В культурном слое Арлита мы их тоже находили, как, впрочем, почти во всех слоях, относящихся к тому же времени. В Аире же, где также должен был существовать культурный слой, мы пока ничего не обнаружили.

В местности, носящей название Тигермаун, в большой куче мусора, из которой мы извлекли несколько почти целых горшков, мы с удивлением раскопали скелет женщины, молодой, небольшого роста, а рядом — скелет ее ребенка, или мертворожденного, или умершего сразу после рождения, потому что ребра скелета не толще спичек. Скелет женщины лежит в согнутом положении; сохранились остатки кожаной одежды, прикрывавшей тело от груди до середины икр, а на груди — бусы из скорлупы страусиных яиц; неподалеку, почти на поверхности, обнаружены еще три скелета, из которых два носят следы обызвестления.

Еще несколько дальше, в Аулауальте, мы нашли место обжига керамических изделий, представляющее собой круглую яму около восьмидесяти сантиметров глубиной, края которой были выложены большими керамическими черепками, — все это сооружение служило печью для обжига; посередине также найдены черепки, которыми, видимо, прикрывали обжигаемые изделия. Мы извлекли около трехсот осколков, некоторые из них украшены интересным орнаментом. Это первое найденное в Сахаре место обжига керамических изделий, восходящее к неолиту. Некоторыми из этих прекрасных находок мы обязаны инженерам Сомаира, — они увлеклись археологией и доставили себе удовольствие поехать с нами на воскресенье. В следующий раз мы привозим с собой горшечника из Арлита, и он нам объясняет, что этой системой обжига до сих пор пользуются в здешних местах и он сам всегда работает именно таким способом. При этом он добавляет, что старые мастера нашли такие печи и стали строить им подобные. В этом же слое мы обнаружили еще пять скелетов с черепами, попорченными ветровой эрозией.

В Эррес-уа-н-Илгмате помимо красивых керамических черепков находим также пять бычьих скелетов, сохранивших свою анатомическую

структуру; запрокинутые назад головы животных указывают, что они не были принесены в жертву, а погибли естественной смертью, может быть от эпизоотии, потому что их останки были найдены на ограниченном пространстве на периферии становища. Нашли мы также небольшой горшок, горловина которого торчала из земли; в нем были кости газели, явно испытавшие на себе действие огня.

В Алабакате, на периферии поверхностного культурного слоя диаметром около четырехсот метров, из земли выступает край горловины большого *канари* для воды. Ширина сосуда около шестидесяти сантиметров. Земля вокруг него настолько тверда, что нам приходится долбить ее киркой, чтоб вытащить горшок, — он весь растрескался от тяжести содержимого, но нам удалось собрать все осколки, так что в дальнейшем его можно будет склеить; осторожно вынимаем заполнявшую его землю и на дне обнаруживаем человеческие кости и фрагмент челюсти. Перед нами — первая открытая в этой части Сахары погребальная урна. Рядом с ней лежит челюсть крокодила.

В Эссауи Казауэн откапываем нижнюю челюсть слона и по этому поводу вспоминаем, что в прошлом году в пятистах метрах к северо-востоку от Арлита сторож-туарег из Сомаира указал нам место, где мы нашли слоновый бивень.

Характер ископаемой фауны здесь повсюду одинаков — это пресноводные моллюски, плавниковые кости и позвонки сомов, останки крокодилов, фрагменты зубов гиппопотамов, останки слонов, бородавочников, различных видов антилоп, жирафов, газелей и так далее. Столь же очевидно и сходство керамики.

Самую сложную проблему ставит перед нами различие способов погребения: наряду с довольно большим некрополем, то есть определенным местом, куда систематически складывались тела умерших, мы наблюдали и индивидуальные захоронения в местах обитания и в кучах кухонных отходов (причем скелеты носят иногда следы частичного обугливания), и такие, видимо, необычные, случаи, как погребение матери и ребенка, и, наконец, погребение в урне, как в Алабакате. Некрополь до сих пор остается явлением для этого района исключительным; невольно удивляешься тому, что он был создан в естественной впадине, затопляемой во время дождей. Может быть, в какой-то определенный момент истории имел место некий катаклизм — то ли опустошительная эпидемия, то ли разрушительная война, — повлекший за собой смерть большого числа людей? И в силу того, что все они были захоронены в одном месте, жители этого района продолжали уже по привычке в дальнейшем класть туда своих мертвецов? Это, конечно, только гипотеза.

Каменных орудий в раскопах найдено мало; те немногие наконечники стрел, которые мы обнаружили, лежали всегда в непосредственной близости к какому-нибудь скелету, причем связь их кажется настолько очевидной, что я стал задумываться, не носит ли она причинно-следственного характера. Захоронение в кучах отходов было широко распространено; в этом я мог убедиться сорок лет тому назад в Тамайа Меллете, в уэде Имулей, в Тазерзаит Серире и позднее в Ти-н-Куна. Что касается частичного обугливания, уже ранее отмеченного на одном черепе в Тамайа Меллете, оно остается для нас абсолютно загадочным. Также и погребение в урне для неолитического населения окрестностей Арлита представляет собой совершенно исключительный случай. Мы ничего об этом случае сказать не можем, потому что, как и в случае частичного сожжения, до сих пор это единственная находка.

Все обнаруженные нами черепа, сохранившиеся в хорошем состоянии, можно отнести к негроидному типу. Найденные скелеты позволяют утверждать, что они принадлежали, кроме нескольких случаев, людям пропорционально сложенным, которых можно сравнить с современными хауса. Было отмечено несколько зубных аномалий: например, лишний зуб в восходящей ветви нижней челюсти и несколько ненормальных вращений зубов. Кариес не встречался, но жующая поверхность моляров³⁶ сильно изношена и представляет собой косую плоскость. Случаев выпадения зубов нам не встретилось. Раскопки дали множество детских зубов, но очень мало детских костных останков. Продолжительность жизни, вероятно, была очень невелика, потому что у всех найденных черепов не окостенели швы. Считается, что у европейцев черепные швы окостеневают к сорока годам, а у людей негроидной расы, по мнению антропологов,— в тридцать. Все это предварительные данные; сейчас проводится систематическое изучение черепов. Что же касается орудий, то все они, без сомнения, принадлежат к тому же типу, что и орудия из Шахейнаба в Верхнем Египте, изученные специалистом по первобытной истории Аркеллом; следовательно, мы имеем дело с культурой, истоки которой лежат в верхней части долины Нила.

Мы продолжаем изучение мечетей. К моему изумлению, оказывается, что в Агадесе их насчитывается двадцать пять, и некоторые регулярно посещаются. Есть здесь также и несколько мусульманских религиозных школ, где дети нараспев читают стихи из Корана; за ними наблюдает кто-нибудь из детей постарше, вооруженный розгой, которой он наказывает ленивцев, после чего все ученики сразу просыпаются и начинают выкрикивать стихи с такой оглушительной силой, что трясутся стены. Марабуты жалуются, что их школа все больше уступает светской, впрочем как и повсюду в мире... Я снимаю планы со всех мечетей, многие из которых очень стары и живописны.

Тем временем, продолжая поиски старинных резиденций султанов Аира, я заинтересовался некоей местностью под названием Ти-н-Шаман, упоминаемой в «Хронике султанов». Оказывается, и тут мы тоже имеем дело с ошибкой в написании,— на самом деле речь идет о древнем городе Анизаман, расположенном к северо-северо-востоку от Агадеса. В этом месте находятся важные руины, причем одно из строений своим размером и расположением комнат в точности повторяет резиденцию в Таделлизе. Некогда Ти-н-Шаман принадлежал племени инассуфа, которое арабские авторы называют также имуссуфан и мессуфит; это одно из самых древних благородных племен Аира, населявшее также Азелик. Посетил я и развалины Тазамака, принадлежавшего племени итессан, а затем развалины Арум в Балькоре, города племени балкорен, к востоку от Агадеса; оба эти племени вместе с племенами инассуфа и лиссауан принадлежат, как говорят туареги, к «племенам союза», выбирающим султана.

В Ниамей возвращаемся через Жолу, где в прошлом году мы обнаружили следы обработки железа. Прежде по этой тропе проходило множество народу, кочевники гнали свои стада, а теперь мы едем по совершенно пустынным местам. Только разбросанные там и тут кучи бычьих скелетов, уже частично обызвестковавшиеся, напоминают нам о драме, которую переживают пастухи Сахеля³⁷. Доехав до Дакоро, маленького городка на границе зоны распространения культуры проса, мы видим огромный лагерь беженцев, где люди живут в соломенных лачугах и кормятся за счет помощи международных организаций. Лагерь этих все больше и больше. Только в Аире такие лагеря есть в

Агадесе, Иферуане, Арлите, Ин-Гале, Агеллале, И-н-Зизауте, Данете и других. В Ниамее находится около пятнадцати тысяч туарегов из Мали, — они потеряли все и не хотят возвращаться на родину. Разными странами Европы и Америки были куплены для них или подарены тысячи тонн сорго, проса, маиса, пшеницы и сухого молока. Алжир, где есть и свои пострадавшие от засухи, поставил Нигеру огромное количество зерна, доставленное в Агадес грузовиками. Собрать все эти продовольственные ресурсы само по себе уже очень трудно, но еще сложнее доставить их туда, где они нужны, вследствие недостаточности местных транспортных средств, плохого состояния дорог и полной невозможности проехать по ним в зимнее время. Перевозка осуществляется иностранными военными самолетами — французскими, бельгийскими, канадскими, американскими — всех не перечислишь; и также различными грузовыми автомашинами, тоже военными, — французскими, бельгийскими, голландскими, австрийскими, алжирскими и, само собой разумеется, нигерскими. В деревнях продовольствие распределяется или нигерской администрацией, или благотворительными организациями, среди которых есть и входящие в «Католическую помощь»; грузовики «Дорог мира» по трудным тропам добираются до самых отдаленных от больших центров селений; во всех странах Сахеля можно встретить и «Добровольцев прогресса», и молодых американцев из «Корпуса мира», которые приносят особенно много пользы в госпиталях и культурных центрах; «Братья людей» собираются обосноваться в Тафадеке, чтобы способствовать развитию земледелия; есть и множество других людей, которые поселились здесь уже давно, живут всеми заботами страны и сроднились с ней, как, например, «Иисусовы сестрицы» — община, основанная еще отцом Фуко. У них есть миссия в Агадесе, а в двенадцати километрах от него, в Аззеле, — хозяйство, где они выращивают овощи, и километрах в двадцати к западу, у источника Кербубу, небольшое стадо коз. Все они бегло говорят на тамашеке и живут очень дружно с туарегами, разделяя все их заботы, всегда готовые прийти на помощь любому из них; несмотря на суровую жизнь, они при любых обстоятельствах сохраняют благожелательность и добрую улыбку. Вся эта молодежь, принадлежащая и к религиозным, и к светским организациям, юноши и девушки, днем и ночью ездит по самым трудным дорогам, чтобы доставить продовольствие к центрам распределения, где каждый «испытываемый»³⁸ — здесь их называют так — может получить полкило проса в день или эквивалентное этому количество других продуктов и порцию сухого молока для детей. Несмотря на все колоссальные усилия и потраченные миллиарды, проблему таким способом не решить; случаи болезней от недоедания, авитаминозов и различных других органических нарушений столь многочисленны, что нигерийские власти вынуждены были обратиться к помощи международной организации Красного Креста, который прислал целые медицинские группы, включающие в себя терапевтов, медсестер, диетологов, специалистов по питанию и так далее. Врачи приезжают из Норвегии, Дании, Голландии, Великобритании и из многих других стран мира. Все эти усилия часто разбиваются о полную инертность населения, которое привыкло покорно принимать то, что оно рассматривает как неизбежность. Изменить образ жизни? Но зачем? Начать возделывать землю, истощенную степными пожарами, способствовавшими выходу на поверхность окислов железа, да при этом еще в стране, где постоянно не хватает воды? Настоящий кочевник и лопаты-то в руках никогда не держал, как же ему взяться за такое дело? Конечно, под давлением необходимости, да

еще если его усилия будут поощряться, он попробует этим заняться, но через несколько недель или месяцев при первой же неудаче непременно бросит, потому что ничего в земле не понимает,— ведь земледелие требует длительной выработки навыков.

На счастье, зимний сезон 1974/75 года был дождливым, и просо дало хороший урожай, поэтому нужно надеяться, что положение земледельцев на юге значительно улучшится, но положение кочевников, будь то фульбе или туареги, не изменится. В некоторых долинах, где уэды несколько раз за зиму наполнялись водой, пастбища превосходны, но скотоводам остается только с грустью взирать на них, потому что все поголовье скота — источник их жизни — погибло, а чтобы оно восстановилось, нужно доброе десятилетие. Положение настолько серьезно и ставит такие трудноразрешимые проблемы, что страна будет вынуждена еще не один год прибегать к помощи извне.

Несмотря на весь драматизм событий, на фоне которых заканчивается наша экспедиция, я счастлив тем, что мне удалось доставить в Ниамей сорок пять ящиков собранных археологических материалов. Всего с начала моих изысканий в Нигере я привез их сто тридцать. В этих ящиках собраны археологические материалы из тридцати пяти культурных слоев, обнаруженных в радиусе ста километров вокруг Арлита; материалы состоят из двадцати пяти тысяч керамических черепков и многочисленных остатков фауны. Кроме того, среди останков крупного рогатого скота удалось выделить соответствующие двум видам, представленным на наскальных росписях Тассили, а именно: *Bos brachyceros*, с короткими и толстыми рогами, и *Bos africanus*, с очень длинными и довольно тонкими рогами в форме лиры. Теперь дело за тем, чтобы изучить весь этот материал и получить в результате более точные сведения, но это уже совсем другая работа...

БЕГЛЫЙ ОБЗОР ПРОШЛОГО САХАРЫ

В противоположность распространенному мнению, археология вовсе не такая уж далекая от жизни наука, не имеющая никакого практического значения. Она позволяет восстановить, этап за этапом, ту среду, в которой совершались великие переселения народов на земном шаре, и на этом основании вынести уроки для будущего. Таким образом, исследования, производившиеся начиная с 1956 года в районах Тассили-н-Аджера, Аира и Тенере-н-Тафессассета, способствовали изменению установившегося мнения о Сахаре, ее природных условиях и ее прошлом. Орудия доисторической эпохи, найденные как в эргах, так и в долинах различных зон пустыни, показали, что эта пустыня была населена, причем плотность населения здесь была больше, может быть, чем в любом другом месте земного шара. Наскальные рисунки Сахары, и особенно росписи Тассили, подтвердили это предположение и сообщили нам разнообразные и часто удивительные подробности о людях, делавших орудия из камня. Без этих рисунков и росписей мы никогда бы не узнали, что огромные миграционные волны скотоводческих народов, гоня перед собой стада баранов, коз и быков, прокатились из конца в конец Сахары, от Красного моря до Атлантического океана.

Мы долго представляли себе, что в период неолита Сахара населена была негритянскими земледельческими народами и люди белой расы не появлялись в ней, пока здесь не оказались дромადеры. По мнению некоторых авторов, негритянские народы еще в римскую эпоху занимали прибрежные районы Атласских гор; и, хотя эта гипотеза не нашла археологического подтверждения, многие отождествляли уэд Джеди в Зибанах с Нигрисом Плиния. На самом же деле белые вовсе не ожидали появления в Африке дромадера, чтоб проникнуть в Центральную Сахару и достичь берегов Нигера. Они пришли сюда на лошадях за тысячелетие до начала нашей эры. Это тоже открыли нам наскальные рисунки.

«Негр-земледелец», изготовитель котлов, которого уверенно противопоставляли «кочевнику-верблюжатнику» с его мехом,— это образ, нуждающийся в пересмотре. Теперь мы знаем, что кочевники Сахары

пользовались котлами в течение тысячелетий, а козий мех был известен пастухам крупного рогатого скота за три тысячелетия до нашей эры. Об этом тоже рассказали нам росписи.

Но наиболее интересные сведения дало нам открытие в Тассили росписей так называемого «периода круглоголовых». По стилю, по профилям изображенных на них людей, их татуировкам и нательным росписям, по символизму масок они резко отличаются от всех известных до сих пор в наскальном искусстве Сахары и подтверждают, что негритянские народы по крайней мере уже за пять тысяч лет до нашей эры населяли эту территорию вплоть до южных границ восточного Большого Эрга. Они свидетельствуют также, что с тех самых давних времен здесь существовал культ масок, как он существует и поныне у негритянских народов саванн и лесов; и более того, они открывают для нас типично негритянское искусство, которое не имеет ничего общего с другими «школами» доисторического искусства, известными в Европе или в Южной Африке. Именно эти росписи лежат в истоках современного искусства негритянских народов и со всей очевидностью выявляют их огромные художественные способности и творческий дух. Напротив того, выполненные в реалистическом стиле рисунки Южного Орана, уэда Джерат, Феззана, принадлежащие, возможно, «периоду круглоголовых», но, вероятно, более древние и имеющие иное распространение, судя по профилям человеческих изображений, кажутся творением европеоидной популяции.

Появление пастухов, гнавших перед собой стада, соответствует третьей фазе заселения. Принесенное ими с собой искусство реалистично, а некоторые ансамбли столь хороши, что их можно отнести к вершинам доисторического искусства. Если судить по росписям «периода половогих», тип населявших тогда Сахару народов не был единым. В одной и той же сцене мы можем видеть профили эфиопского типа, напоминающие профили темнокожих фульбе, негроидные профили с курчавыми волосами и отчетливо европеоидные профили.

В росписях стиля «периода лошади» появляются следы миграции белых; на боевых колесницах эти народы дошли до берегов Нигера и заняли территорию, которую ныне занимают туареги, являющиеся вероятно, их потомками. Сахара стала тем местом, где пересекались дороги, по которым двигались различные расы, тем более что позднее она испытала на себе влияние народов моря, карфагенян, греков, римлян, вандалов, арабов и турок. Учтем при этом также влияния христианства и ислама — и все вместе это даст средиземноморско-африканскую культуру, столь дорогую сердцу президента Леопольда Сенгора³⁹.

Следует все же сделать одну оговорку: если наскальные рисунки и росписи Сахары позволяют в целом наметить картину ее заселения начиная со времен неолита, то нельзя претендовать на то, чтобы они полностью соответствовали всем найденным свидетельствам материальной культуры. Может быть, некоторые неолитические народы Сахары, как, например, те, что населяли район Арлита, не обладали истинным художественным чувством и не изображали принадлежавшие им стада на скалах. Однако схема, построенная на основании рисунков и росписей, до сих пор достаточно хорошо согласовывалась с результатами, полученными методом радиоуглеродного анализа, и с найденными человеческими останками. Если в истории заселения этого региона и остались пробелы, то они, по всей вероятности, невелики.

Беглый обзор этого долгого прошлого делает очевидным, что столь негостеприимные ныне земли Сахары были в эпоху, сравнительно не-

давнюю по отношению ко всей истории человечества, густо населены, что подразумевает существование климата гораздо более влажного, чем нынешний. Эпоха неолита соответствовала периоду дождей, способствовавшему процветанию и людей, и животных. Обилие и разнообразие встречающихся здесь орудий той эпохи, буквально усеивающих реди, эрги и долины, поистине удивительны. Изучению этого периода в большой степени способствовали палинология, гранулометрия и радиокарбонный анализ. Последний дал возможность точно датировать некоторые культурные слои и утверждать, что неолит в Сахаре берет свое начало самое позднее в VIII тысячелетии до н. э., тогда как совсем еще недавно бытовало мнение, что он гораздо младше неолитических культур Северной Африки, Египта и Ближнего Востока. Если принять во внимание, что исследования пищевых отходов параллельно с изучением наскальных рисунков и гравюр позволяют проследить развитие фауны, что изучение пыльцы из археологических слоев дает нам более точное знание о растительном покрове, что брюхоногие моллюски позволяют нам определить степень влажности в тот или иной период, что гранулометрия знакомит нас с природой и происхождением осадочных пород в археологических отложениях и сообщает нам сведения о силе ветров, являвшихся причиной засухи и превращения скальных пород в песок, — то мы располагаем знаниями целой совокупности факторов, определявших развитие жизни в Сахаре за последние девять тысяч лет.

Палинологические исследования показали, что флора претерпела за это время весьма существенные и неожиданные изменения. Если раньше в самом сердце горных массивов Центральной Сахары растительность имела средиземноморский характер — здесь произрастали хвойные и масличные деревья, дуб, ольха, липа, каменное дерево и другие, — то постепенно она приняла вид, типичный для суданских степей, хотя и сохранила некоторые реликтовые виды, как, например, кипарисы Тассили и масличные деревья Центральной Сахары и Аира. Следует также добавить, что кипарисы, каменное дерево и масличные деревья росли далеко за пределами Центральной Сахары и что их пыльцу нашли в Тенере и его окрестностях, а также в Джурабе, то есть к северу от озера Чад.

Высыхание Сахары произошло, по-видимому, с катастрофической быстротой, и объяснить его причины — задача очень сложная. Легче всего проследить его этапы на примерах изменения животного мира. Гиппотамы жили тут за 2500 лет до н. э. и даже в более близкие к нам времена. Останки этих животных можно найти в культурных слоях Талака и Тенере, они часто встречаются на местах древних стоянок рыбаков Тафержита, в той зоне, где ныне условия для жизни очень трудны, если не вообще непригодны. Чаще всего попадаются моляры, обломки резцов и части лопаточной кости; длинные кости в собственно культурных слоях всегда отсутствуют, это заставляет предполагать, что разделка туши производилась прямо на месте охоты, а в становище приносились только отдельные куски, остальное же мясо нарезалось полосками, как это и теперь практикуется у охотников Центральной Африки. Люди неолита ценили, видимо, также мясо бородавочника, — нет ни одного слоя, где бы в изобилии не попадались зубы этого животного. Остатки же рыбьих костей и раковины моллюсков просто бесчисленны. Присутствие их в отложениях в таких больших количествах доказывает, что здесь существовали не только озера, но и проточные реки. Пищевые отбросы указывают на то, что режим питания, включающий

большое количество мяса, в неолите был привычнее для здешних жителей, чем в наши времена, и они отнюдь не голодали. Кости животных размером с антилопу они дробили, чтобы извлечь оттуда костный мозг. Огромное количество керамической посуды, неподвижных жерновов и зернотерок, а также некоторые сцены в росписях Тассили долгое время заставляли предполагать, что скотоводческие племена занимались и земледелием, но палинологические исследования, проведенные в Тенере и Тассили, этого предположения не подтвердили. Из этого ботаники сделали вывод, что все орудия служили для дробления зерен дикорастущих злаковых, в те времена, несомненно, встречавшихся здесь в изобилии.

Причины высыхания спорны, и всякое объяснение может носить только гипотетический характер. По мнению некоторых ученых, последние две тысячи лет Сахара представляла собой такой же пустынный район, каким мы его видим сегодня. Уже Геродот описывает Сахару именно такой — с оазисами, разделенными долгими безводными переходами, с цепями дюн от прибрежной зоны Сирта до берегов Атлантики. Это совершенно верно, но древний историк пишет также, что в этих местах водились дикие звери, и из его текста можно сделать вывод: лошадь была здесь обычным верховым животным, а в наши дни это совершенно исключено⁴⁰. Степень засушливости была несомненно меньше, чем теперь, в XX веке. Другие авторы опираются на свидетельства нынешних кочевников, утверждающих, что на их памяти и памяти их родителей засушливость все увеличивается, но эти свидетельства не могут быть серьезно приняты во внимание, так как имеют чисто эмпирический характер; за такой короткий срок, как человеческая жизнь, нельзя набрать достаточно данных для сравнения, к тому же следует учитывать чередование засушливых и влажных периодов во всех частях света. Однако в сенсационной прессе можно встретить следующее трудно проверяемое утверждение: оказывается, по мнению международных экспертов, пустыня наступает по фронту протяженностью 4800 километров со скоростью 48 километров в год. Сам я, хоть и живу в Сахаре давно, не взялся бы утверждать это с такой точностью, да и, признаюсь, никогда не видел, чтобы кто-нибудь замерял эту необычайную и фантастическую скорость.

Что касается скотоводов, летом 1973 года видевших, как погибли их стада, лишившихся всего своего достояния и вынужденных покинуть землю, по которой они издавна кочевали, чтобы в городских центрах на юге, спасаясь от голодной смерти, милостыней добывать себе пропитание, то они себе вопросов больше не задают. Поставленные на грань выживания, они испытывают трагедию, причина которой — засуха, неотделимая от всей истории Сахары. Голод? Но в этой стране он — явление эндемическое и постоянно угрожающее. В 1913 году, в «год голода», как называют его кочевники в своей устной хронике, умерло более одного миллиона человек; это был далеко не первый раз, когда голод унес столько жертв из числа этих постоянно недоедающих людей, принимающих его как бич, посланный высшими силами, управляющими судьбами нашей планеты.

С 1970 года, когда я снова стал постоянно посещать Республику Нигер, вся северная часть которой занята пустыней, я вижу, как несчастные скотоводы борются с засухой, а стада их из года в год все редуют и редуют. Они надеялись, что придет наконец сезон обильных дождей и положение их улучшится, но уровень воды в колодцах все понижался, а некоторые пересохли совсем. Они обращались к «делателям дождя»—

колдунам, которые, храня мудрость африканских народов, как и наши старые крестьяне, умеют по форме и движению облаков, по направлению ветра предсказывать дождь, но они не обещали ничего утешительного или вовсе молчали. Заклинатели пользовались засухой, чтобы уговорить людей приносить в жертву животных и таким образом набить собственное брюхо. Они утверждали, что вызвать дождь в их власти, а не делают они этого потому, что молодежь не верит в их могущество и не приносит им больше ни быков, ни баранов в качестве искупительной жертвы.

В 1973 году разыгралась трагедия. Сезон дождей начался слишком рано и прекратился внезапно, поэтому уже взошедшее просо плохо шло в рост: солнце сожгло нежные ростки, так нуждавшиеся в воде. Уже в прошлые годы урожай был недостаточен, поэтому запасов зерна для повторного сева не было, и в результате всего этого урожай во многих местах не составил и пятидесяти процентов от обычного, а ведь засеяно было больше площадей, чем в прошлые годы.

У скотоводов дела шли еще терпимо в зимние месяцы, пока скот питался на скудных пастбищах, но они быстро истощились; с февраля пастбища северных зон Аира были совершенно опустошены, и стада пришлось перегнать на юг, в более благоприятные места, которые не выдержали такого наплыва скота. Кочевники оказались в совершенно безвыходном положении, их ничто уже не могло спасти от подстерегавшей беды. В качестве последнего источника питания для коз срубали верхние ветки акаций, опустошая целые долины, неумолимо ускоряя гибель деревьев и способствуя тем самым наступлению пустыни. Прокормиться охотой эти люди тоже уже не могли, потому что все животные, бывшие некогда знаменитой дичью Аира, были совершенно бесмысленно истреблены с появлением скорострельных ружей.

В прошедшие века в подобном случае кочевники просто принялись бы грабить тех, у кого еще хоть что-то осталось, то есть чаще всего оседлых земледельцев, откуда и проистекала извечная вражда между этими группами населения, далеко не изжитая и поныне. Психология сахарского кочевника проста: пока у него есть чем насытиться и пока он может скрасить свой стол верблюжьим и козьим молоком, он думает только о своем сиюминутном благополучии; но как только засуха уничтожит пастбища и иссушит вымя коз и верблюдиц, он становится воинственным. Срабатывает рефлекс, направленный на выживание. Если туареги веками занимались разбоем, то только потому, что у них не было другого выхода. И в Агадесе, и в Томбукту еще помнят, как они стучали в двери домов рукоятками мечей, а если им медлили открывать, то вышибали их, требуя пищи и унося с собой все, что попадалось им на глаза. Здесь больше, чем в любом другом месте, была применима старая поговорка — сытый голодного не разумеет.

В наши дни, к счастью, образ мысли жителей Сахары изменился: они знают, что больше не могут и не должны прибегать к силе. Многие из них уходят в города, добираясь до самого Ниамея, где тем или иным способом выпрашивают себе на пропитание; а тем, кто остался на местах своих кочевий, пытаются помочь государственные власти. Туареги Хоггара, обычно из-за недостатка пастбищ кочевавшие по Тамесне, которая теперь принадлежит Нигеру, алжирскими властями были погружены в автомашины и возвращены на родину. Теперь они не могут больше добывать соль в копиях Амадрора, которую они обменивали на просо у нигерских земледельцев, и у них нет никаких средств к существованию. Рассказывают, что женщины знатных родов в Таманрассете

продают свои драгоценности, чтобы протянуть еще несколько недель. Ну, а потом?..

При самом удачном повороте дела неизбежно понадобится несколько лет, чтобы поголовье скота восстановилось и нигерская экономика обрела хоть некоторую стабильность. Но эти расчеты очень ненадежны. Такие кризисы могут не раз повториться в будущем, и с каждым разом положение будет ухудшаться. Нынешние причины засухи—метеорологического порядка, и тут мы ничего поделать не можем, по крайней мере при сегодняшних наших технических и финансовых возможностях. Все, кто так или иначе интересуются будущим жителей Сахары, не скрывают своего пессимизма, тем более, что за последние шестьдесят лет не было предпринято ничего или почти ничего. А ведь если посмотреть библиографию напечатанных по Западной Африке работ (бывшая Французская Западная Африка), то видишь, что было опубликовано множество наблюдений относительно прогрессирующего высыхания этой территории. Как можно было допустить, чтобы это почти не вызвало отклика и практических мер?

Вот что я отметил в Аире за последние годы. В Иферуане, небольшом поселке в северной части массива, в 1899 году экспедицией Фуру-Лами, долгое время пробывшей в этих местах, был вырыт колодец. Этот колодец все еще существует,—ныне он находится на территории, прилегающей к зданию, занимаемому нигерской жандармерией. В 1972 году он пересох. Я проверил его в 1973 году: глубина была 22 метра, но в нем не оказалось даже и следа влаги, и жители вынуждены были доставлять воду из уэда, наполняя ею бочки и катя их по земле. В своем дневнике Фуру записал, что вода стояла в колодце на глубине 12 метров*. В те времена для орошения садов в Аларсесе, Иферуане и других центрах земледелия Аира пользовались колодцами с «журавлями», которые в Северной Африке носят название *шадуфов*. Такая система может работать только в том случае, если уровень воды стоит на глубине не ниже трех метров. В 1938 году я видел здесь эти колодцы и некоторые сфотографировал. Сегодня ни одного из них не существует; вследствие понижения уровня грунтовых вод все они были заменены такими, откуда воду достают с помощью тягловых животных. Поскольку нынешние колодцы в садах достигают глубины 16—18 метров, то из этого можно сделать вывод, что за период около сорока лет уровень грунтовых вод в некоторых местах понизился более чем на 15 метров. Вот уже пять лет как по тем же причинам в Ин-Гале каждый год садовые колодцы приходится углублять. В Азузаме, в уэде Иразер-н-Агадес, лет двенадцать назад службой водоснабжения был вырыт и выложен камнем колодец; в 1973 году воды в нем не было, хотя дно его находится на глубине 20 метров. Неподалеку от Гугарама, на тропе, ведущей от этого колодца к Арлиту, в долине Талак, ранее густо поросшей величественными *таданами* (*Boscia senegalensis*) и другими видами, все деревья погибли вследствие понижения уровня грунтовых вод; на многие километры тянется земля, сплошь покрытая сухими стволами, как будто все деревья вырвал с корнем чудовищный ураган. Многие близлежащие долины постигла та же судьба. По-прежнему без воды и колодец Ассиу на севере Аира, где до 1900 года побывало немало европейских исследователей; его несколько раз пытались привести в поря-

* Следует отметить, что я был в этих местах в то же время года, когда был вырыт колодец,—подробность, имеющая значение, потому что обычно уровень воды зимой поднимается.

док. В Ассодде, который был некогда процветающим городом и насчитывал от трех до четырех тысяч жителей, теперь было бы невозможно обеспечить такое количество народа водой. Это справедливо и для старой деревни Ти-н-Тагоде, которая была обитаема еще в 1917 году. Агеллаль в начале века был процветающим селением, теперь же все дома в нем разрушились, и в долину иногда забредают только кочевники с жалкими стадами коз. В Тенере, где некогда протекал Тафессассет и где найдено необыкновенное множество орудий неолитической эпохи, беспрерывно дует северо-восточный ветер, принося с собой на восточные склоны Аира все более плотные песчаные облака, дальше и дальше проникающие в глубь массива*. Образуются небольшие дюны, и горячий воздух способствует высыханию растительности. На западе все небольшие песчаниковые массивы Талака засыпаны песком, и огромный эрг постепенно поглощает северную часть Тамесны. Если бы дерево Тенере, погибшее осенью 1973 года (какой-то шофер-ливиец сломал его, чуть ли не нарочно наехав машиной), могло рассказать нам превратности своей долгой жизни начиная с того дня, как оно проросло из семени посреди самого прекрасного эрга в мире, и как потом оно тянулось корнями до тридцатистиметровой глубины, чтобы утолить жажду, то мы бы имели точные сведения о процессе высыхания Сахары.

Отчетливо видно также, как повсюду в Сахаре становится все меньше растительности. Я уже упоминал о мертвых долинах; есть и такие, в Нижнем Аире, которые прежде были покрыты роскошной зеленью, а теперь она поредела настолько, что я едва узнал эти места. С 1970 по 1974 год нам часто приходилось более или менее подолгу бывать в долине Мамманет; там мы видели прекрасные зеленые акации, погибшие оттого, что кочевники вынуждены были срезать с них главные ветви на корм козам. К сожалению, по всей Сахаре деревья калечат так, что они погибают. Поскольку я был тому непосредственным свидетелем на протяжении сорока пяти лет, я могу достоверно утверждать, что исчезновение растительности происходит по прямой, хотя и неосознанной, вине кочевников. В 1929 году в районе радиусом в четыре километра вокруг Таманрассета можно было собрать хворост, теперь за ним пришлось бы ехать за сто километров! И туареги, и мавры, и теда стоят перед жестоким выбором — либо деревья, либо козы. Они не понимают, что, уничтожая одно, тем самым губят другое. А это давно ясно. Все ботаники, занимавшиеся проблемами тропической зоны, такие, как А. Шевалье, Обревиль, Р. Кезель, равно как и географы П. Куру, Р. Капо-Рей, по этому вопросу единодушны: скотоводство оказало губительное действие на все районы Сахары и продолжает его оказывать и на все прилегающие к ней зоны. В доказательство этого положения можно привести результаты некоторых опытов, в частности по созданию охраняемых лесных полос, которые были насажены французскими военными властями между Томбукту и Кабарой, гражданской администрацией в районе Гундама, Французским институтом Черной Африки в Мавритании. Повсюду в этих зонах вновь появилась жизнеспособная растительность, выросли прекрасные деревья, злаковые травы стали густы и высоки, как нигде в других местах, в то время как соседние с этими зонами районы, которые продолжали посещаться кочевни-

* В противоположность всему сказанному, случаются очень интересные явления, довольно обычные для Сахары: три года назад пошел дождь, причем только над районом Деревя Тенере, и несколько недель крупный рогатый скот пасся там, с удовольствием поедая нежные злаковые растения, которые туареги называют *алмоз*, а ботаники — *Aristida obtusa*.

ками, все беднели и беднели. Отсюда и вывод: не пустыня наступает, а кочевники, уничтожая растительность, способствуют ее наступлению. И ретроспективный взгляд, и сегодняшние наблюдения позволяют сделать заключение, что этот процесс имеет своей причиной также вспашку земель, некогда занимаемых лесами, и выжигание растительности, которое практикуется с целью расчистить землю под посевы и пастбища. Значит, не вся ответственность возлагается на кочевников, в не меньшей степени она лежит и на земледельцах, причем в некоторых случаях результаты их действий не менее плачевны. Процесс исчезновения лесов хорошо известен: сначала леса, редая, превращаются в саванну, саванна превращается в степь, а степь — уже преддверие пустыни. Следствием прогрессирующего поредения лесов является также эрозия почв — со всем, что отсюда вытекает. Так были опустошены берега Нигера: сначала земледельцами, искавшими плодородных участков, а потом и вырубками, производившимися с целью снабдить топливом паровые суда, курсировавшие между Куликоро и Гао. Для того чтобы засадить берега лесом, ничего предпринято не было, чем и объясняется разрушительная сила паводков.

Превращение в пустыню столь обширных пространств — а Сахара не единственное место на земле, где происходит этот процесс, — имеет и другие причины, помимо воздействия человека, хотя выдвинутые гипотезы не получили единодушного признания, поскольку все их очень трудно проверить. В этой области наши знания не сильно продвинулись*. Если чисто климатические изменения и имели место, то скотоводство усугубило их влияние и ускорило наступление той трагической ситуации, перед лицом которой мы оказались сегодня. Сколь бы ни плачевны были факты, все они прямое следствие исторического прошлого Сахары.

Можно ли сделать попытку объяснить эти явления в свете археологических находок последнего времени? Накопленные данные все больше убеждают нас в том, что было постепенное увеличение засушливости, хотя некоторые специалисты по первобытной истории и предполагают, что имели место катаклизмы, не уточняя, впрочем, какие. Мы, с нашей стороны, уверены в том, что можем пролить свет на некоторые факты, которые, в том случае, если они будут признаны заслуживающими внимания, могли бы подтвердить важность исследований по первобытной истории. Конечно, это касается только Центральной Сахары и примыкающих к ней с юга областей.

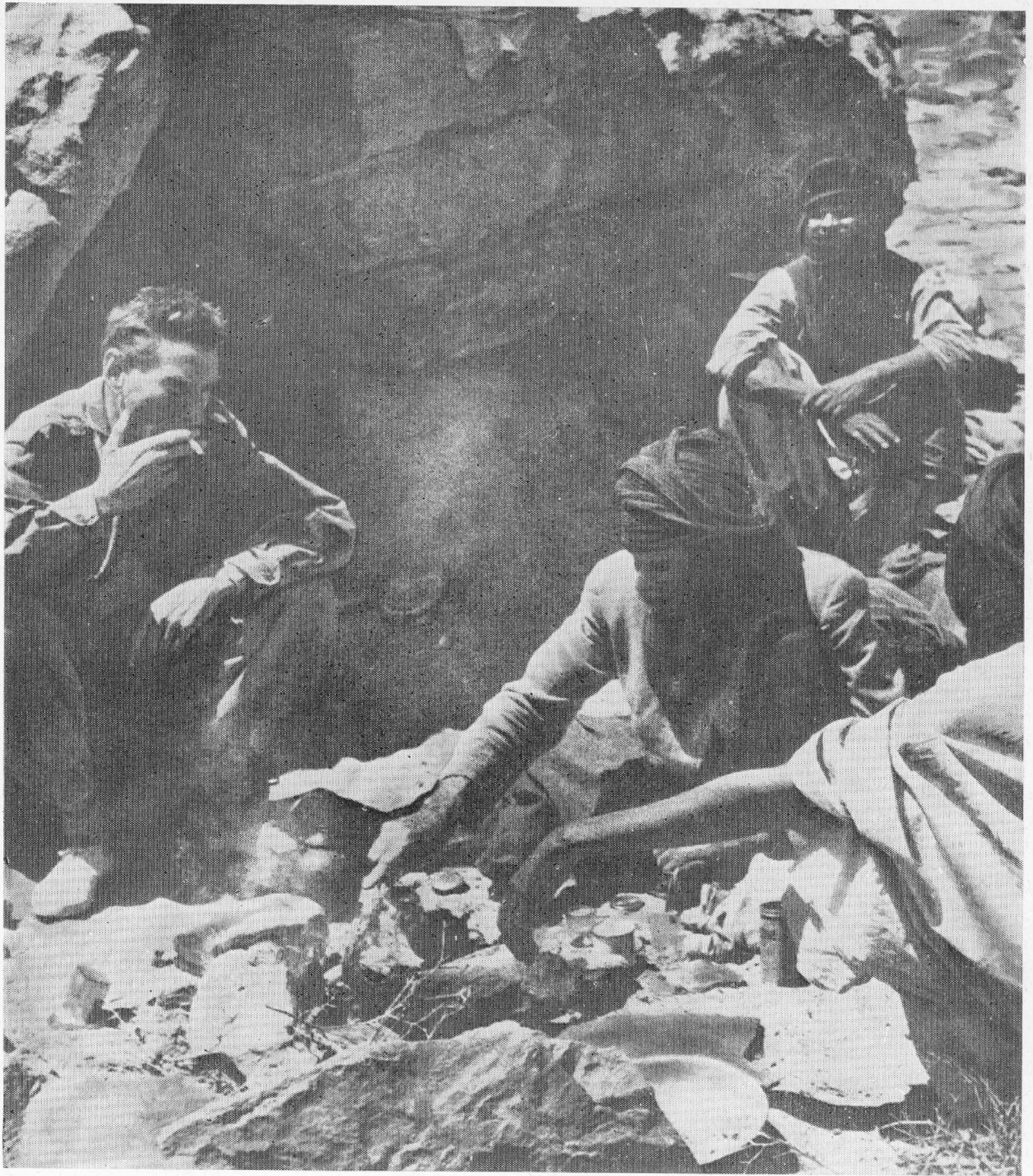
«Период полорогих» (с преобладанием быков и коров) длился в Сахаре с 4000 по 2000 год до н. э. Люди и их многочисленные стада жили в благоприятных условиях, а рядом с ними обитали большие травоядные, такие, как слон, который поедает от двухсот до трехсот килограмм

* Самым полным источником сведений о климате Сахары на сегодняшний день является работа Ж. Дюбьефа, изданная в двух томах Институтом исследования Сахары в Алжире. Основательно документируя свои положения, автор выдвигает гипотезу: нынешним засушливым климатом судано-сахарская зона обязана тому, что понижения атмосферного давления здесь редки, в то время как в период неолита они наблюдались чаще, и это влекло за собой гораздо более частое выпадение осадков. См. также: *Capot-Rey R. Le Sahara français. R.U.F., 1953*, — где многие весьма интересные главы посвящены нынешней засушливости и изменениям климата. По мнению указанного автора, высыхание наступило в результате климатических изменений, приведших к исчезновению тех факторов, которые прежде способствовали большей влажности этой зоны, а именно: зимних дождей, вызванных тем, что в геофизике называется полярным фронтом; летних дождей, обусловленных существованием теплого тропического фронта. Все дожди, проливающиеся над Сахарой и в наше время, вызваны теми же факторами, только в течение тысячелетий эти факторы уменьшились в количественном отношении.

мов злаковых трав в день, и носорог, чья потребность в пище отнюдь не меньше. Эти люди занимались рыбной ловлей, и в их пищевых отбросах встречаются кости и позвонки рыб, огромное количество раковин моллюсков, даже костные пластинки крокодилов. Это подтверждается инвентарем, найденным во многих неолитических культурных слоях, как в Талаке и Тенере (Нигер), так и в Тассили-н-Аджере (Алжир). Около 2000 года до н. э. условия, по-видимому, изменились. Конечно, гиппопотамы и большие травоядные в Сахаре еще водились, но произошли некоторые изменения в характере растительности: средиземноморские виды все более уступали место суданским. В уэде Шет-Илер, к югу от маленького тассили Ти-м-Миссао, в неолитическом слое, расположенном на границе глинистого ложа бывшей реки, не было обнаружено никаких следов водной фауны. Если этот слой и не удалось датировать (в 1935 году радиоуглеродный метод не был еще известен), то самым своим расположением он свидетельствовал о том, что водосток реки намного уменьшился.

После 2000 года до н. э. гиппопотам не встречается больше в наскальных рисунках и росписях,— совершенно понятно, что это толстокожее, которое без водоемов существовать не может, исчезло первым. В культурных слоях, восходящих к этому периоду, водная фауна — а именно моллюски, рыбы, крокодилы — совершенно не встречается. Скотоводческие народы, украшавшие росписями и рисунками скалы и гроты Тассили, мало-помалу покидали Центральную Сахару, в поисках новых пастбищ уходя к югу. К тому времени, когда в Сахаре появились колесничные лошади, от этих народов не осталось никаких следов, до такой степени, что невольно задаешь себе вопрос, что же с ними случилось. Народы «периода лошади» — очевидно, воинственные — тоже разводили крупный рогатый скот, но, судя по росписям Центральной Сахары, в гораздо меньшем количестве, чем прежние племена. Главенствующее место заняла охота — на жирафов, газелей, страусов, муфлонов, антилоп. Этот вид человеческой деятельности, которым не пренебрегали и пастушеские народы, получил большое развитие, потому что одно скотоводство больше не могло обеспечить население пропитанием. И если слонам удавалось как-то выжить в некоторых районах Центральной Сахары, то носороги совершенно исчезли. С некоторым опозданием народы «периода лошади» также добрались до горных массивов Аир и Адрар-Ифорас, которые, благодаря своему местоположению, сохранили растительность, питающуюся влагой приносимых муссонами дождей. Здесь обитали во множестве слоны, носороги и особенно жирафы. Мы это знаем из тех почти двадцати тысяч наскальных гравюр, которые обследовали за последние годы. И не нужно удивляться тому, что на этих рисунках почетное место принадлежит быку, потому что он еще недавно встречался в Аире. Ездили по Аиру и колесницы, как это видно из рисунков, но здесь это было в более поздние времена, чем в областях, лежащих от него к северу. Самые ранние элементы из этой группы рисунков относятся к V—IV векам до н. э. Чернокожие племена, если верить преданиям, гобирского происхождения, были оттеснены и уступили место предкам нынешних берберов. Никаких катаклизмов в собственном смысле этого слова, по-видимому, не произошло,— высыхание Сахары продолжалось; оно носило более или менее четко выраженный маятниковый характер, но со временем неумолимо прогрессировало.

Историк Геродот жил в V веке до н. э. Он оставил нам описание Сахары, в основных чертах совпадающее с тем, что с морфологической

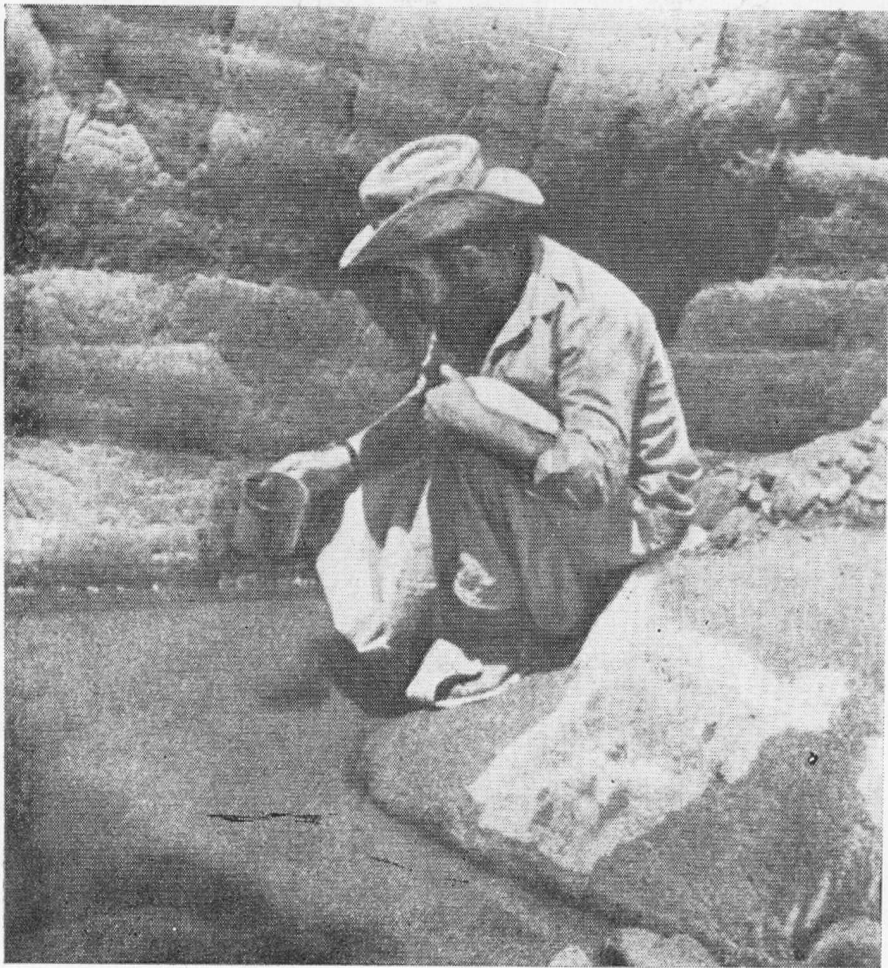
1. Анри Лот и туареги — погонщики верблюдов за чаепитием

2. Уэд Джерат. А. Вила, фотограф экспедиции, делает снимки с рисунков на плитах; складная лестница сконструирована специально в этих целях

3. Тиссукам. Ж.-П. Куро просеивает грунт неолитического слоя; работа идет в маске, потому что ветер постоянно поднимает пыль →

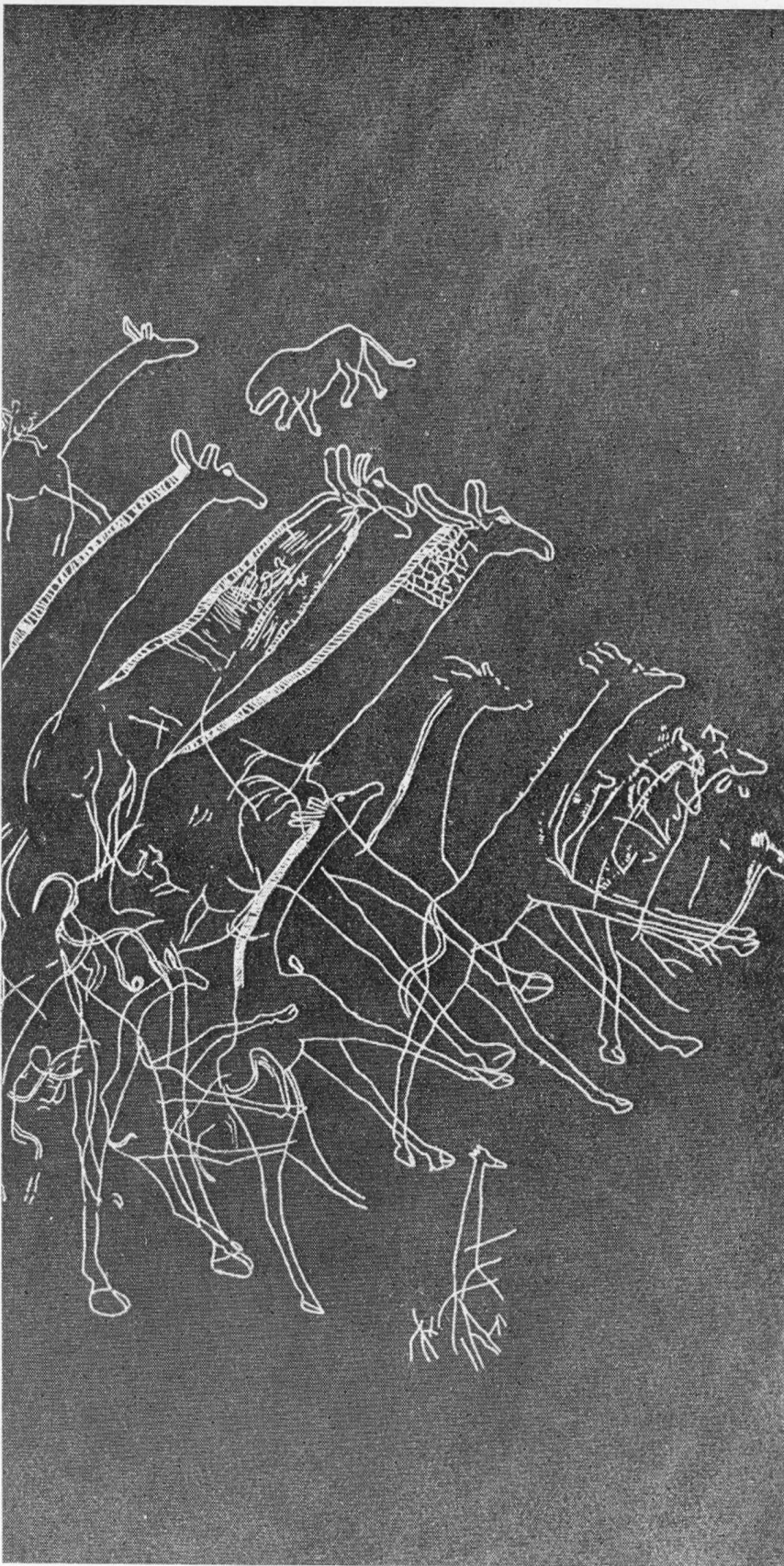
4. Тассили. Черпаем воду из гельты

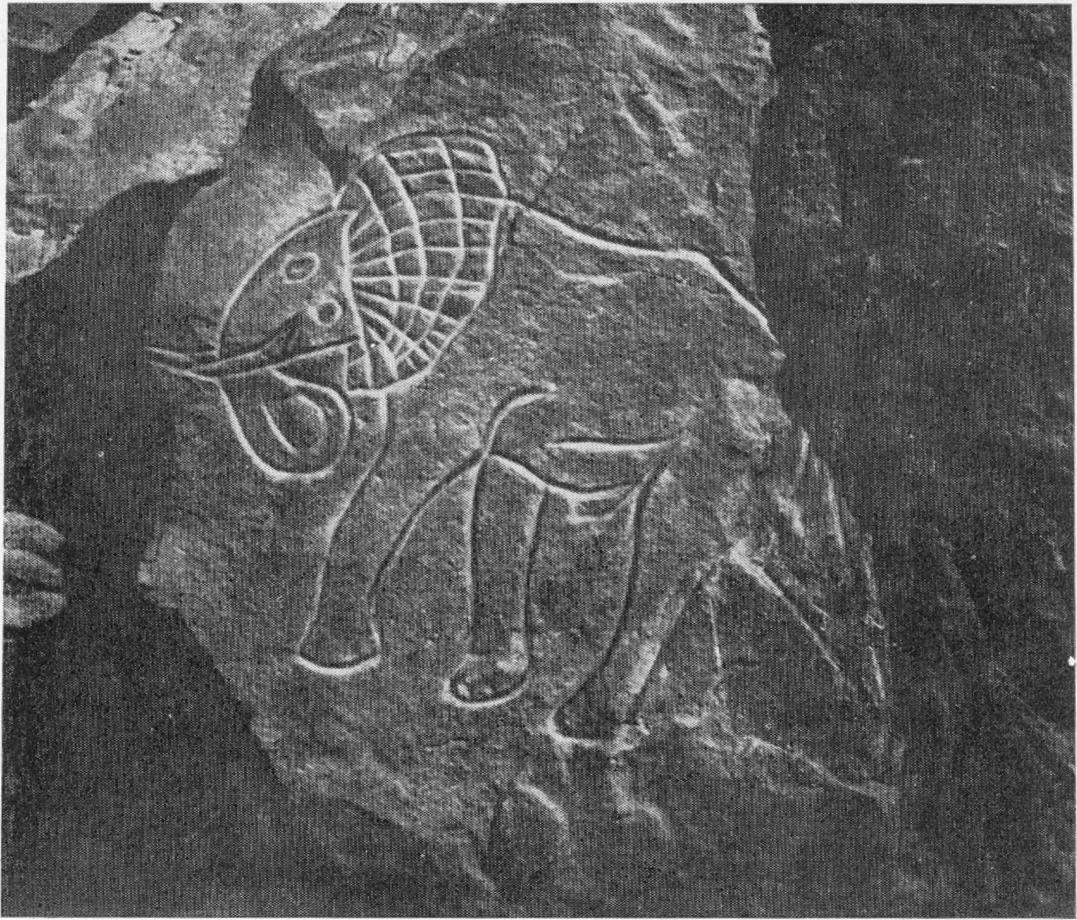
6. Уэд Джерат. Рисунок с изображением слона

7. Уэд Джерат. Сцена, изображающая нападение одного хищника из породы кошачьих на другого

→

5. Самый большой из всех известных наскальных ансамблей. Высота наиболее крупного жирафа — 8,5 м; общая площадь ансамбля — 120 кв. м

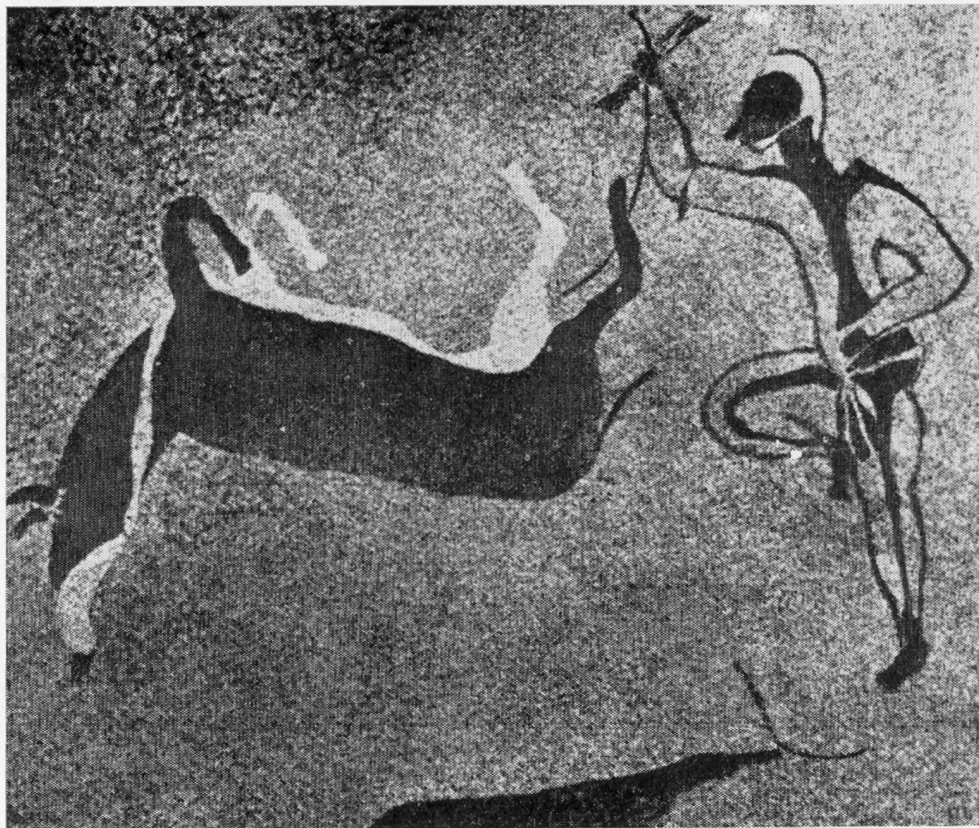

8. Уэд Джерат. Двуполое животное семейства полорогих

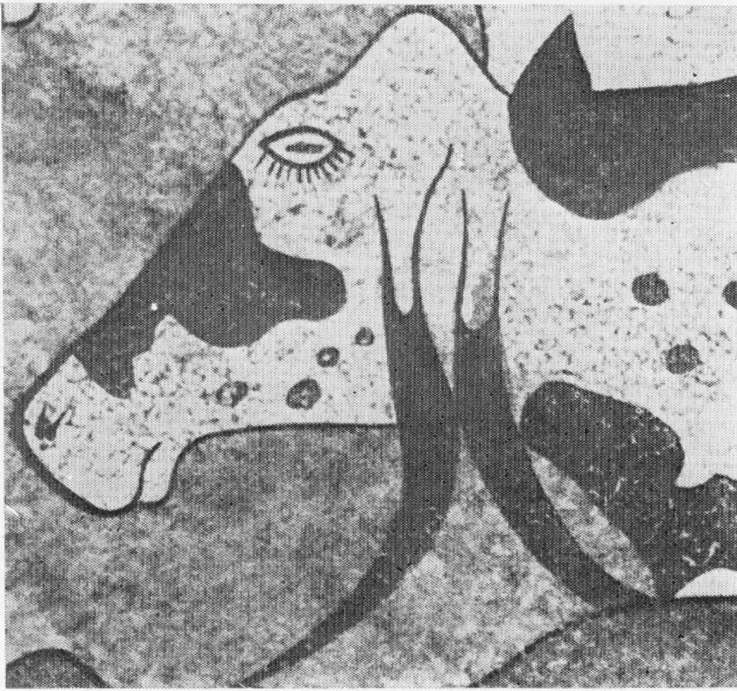
9. Уэд Джерат. Быки; над рогами левого животного символический орнамент

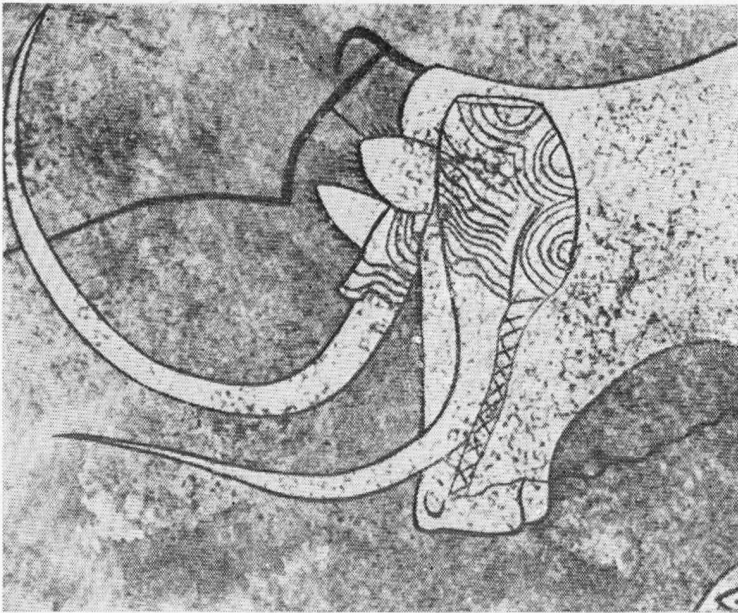
10. Тиссукаи. Охотник готовится разделать тушу убитого им дикого осла. «Период полорогих»

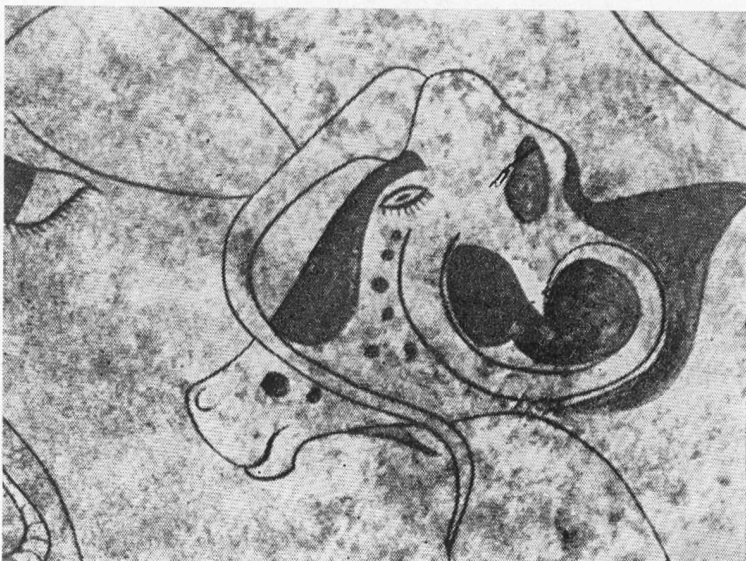
11. И-н-Итинен. Быки; рога одного из животных загнуты вниз и украшены резьбой

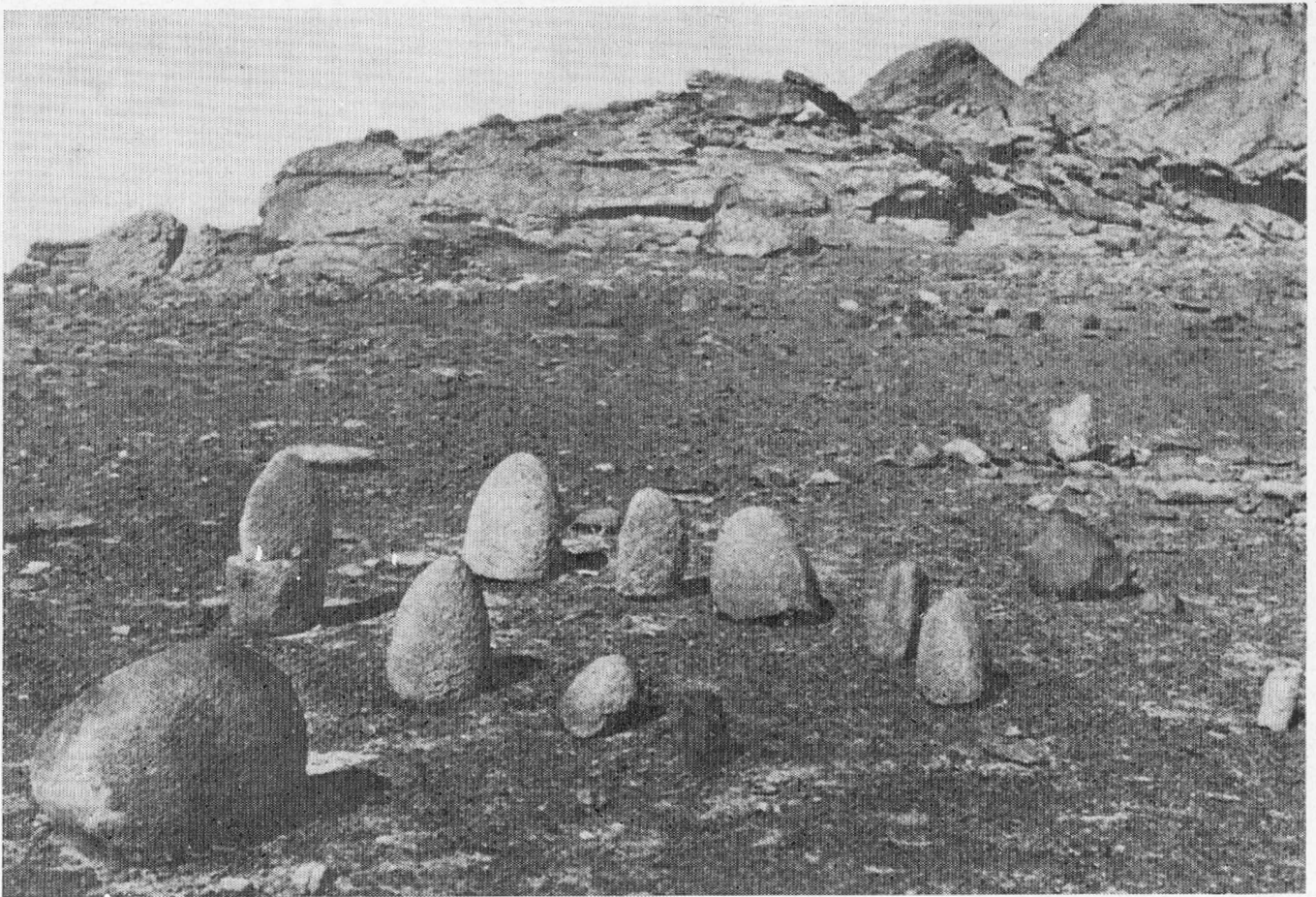
12. И-н-Итинен. Бык; рога загнуты вниз и изображены в фас. «Период полорогих»

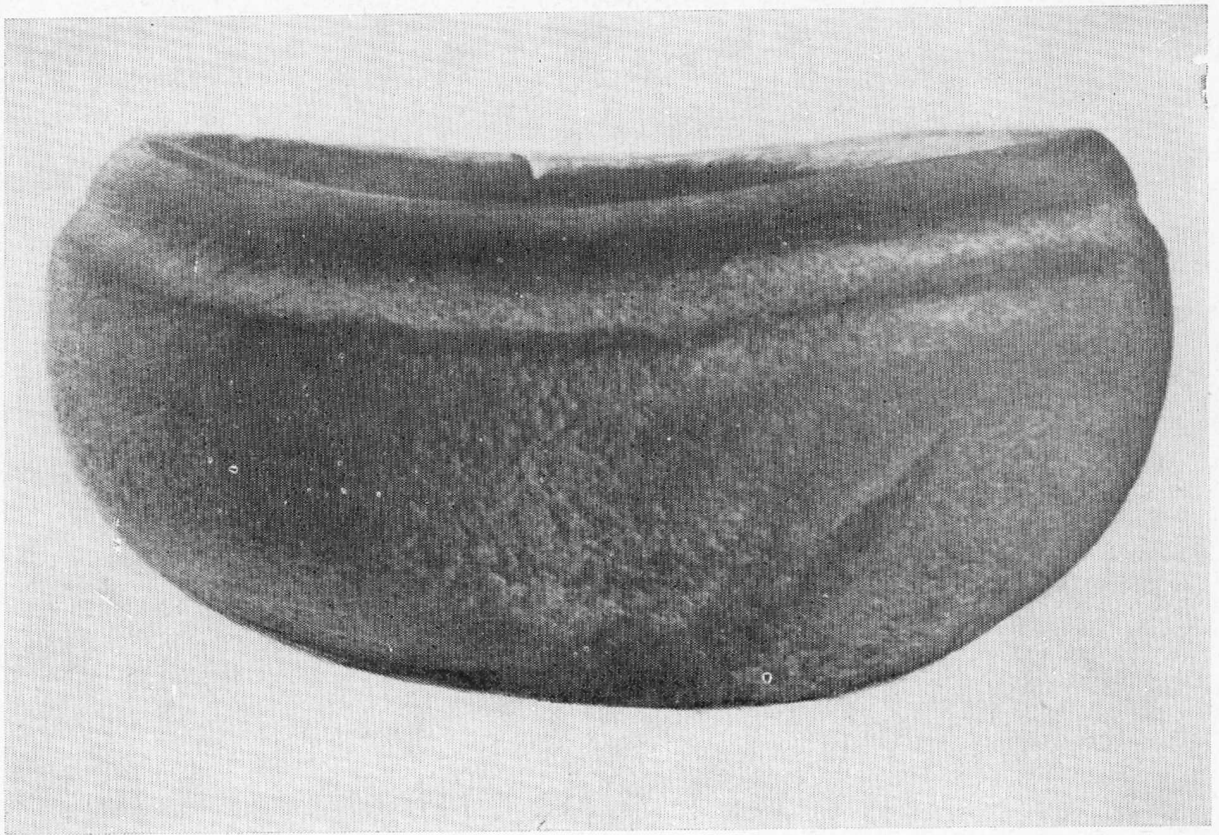
13. И-н-Итинен. Бык; длинные декорированные рога загнуты вперед. «Период полорогих»

14. И-н-Итинен. Бык; рога загнуты вниз и образуют спираль. «Период полорогих»

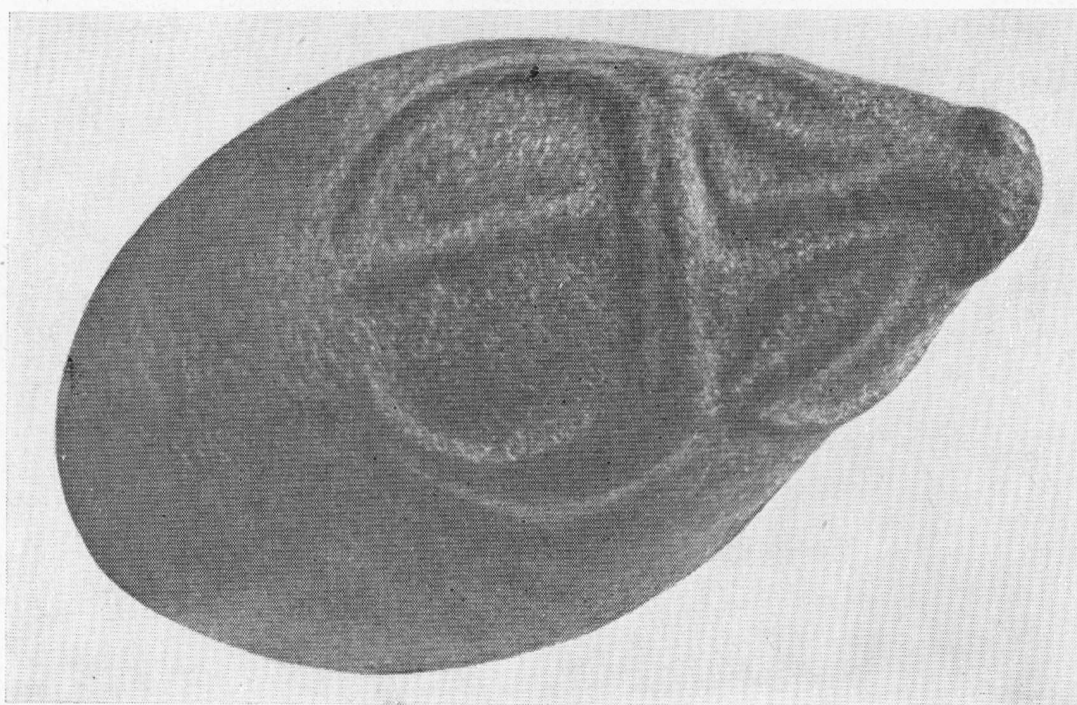
15. Тассили. Священные камни Тан-Хадиджи

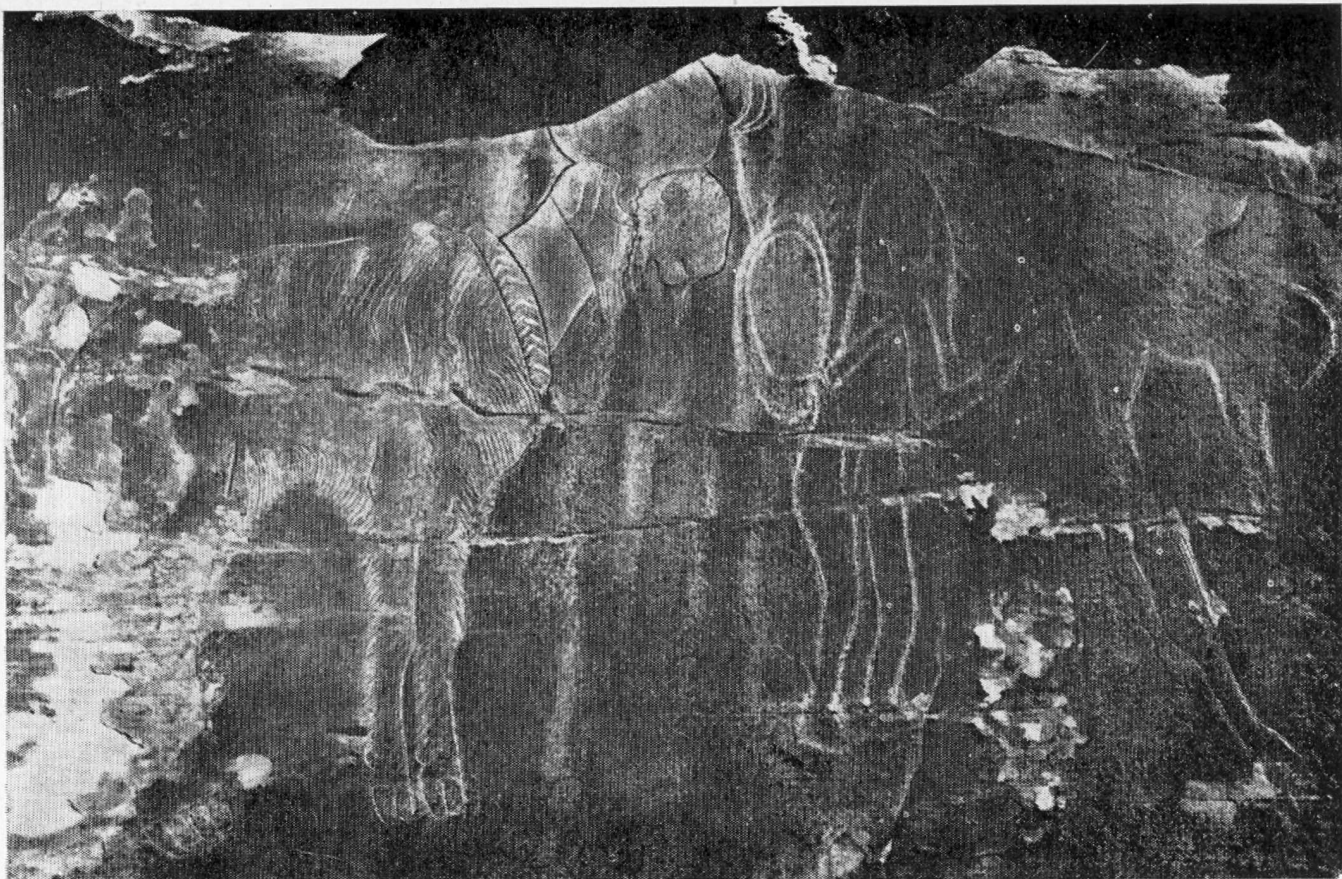
16. Каменная миска эпохи неолита. Найдена в Тиссукаи

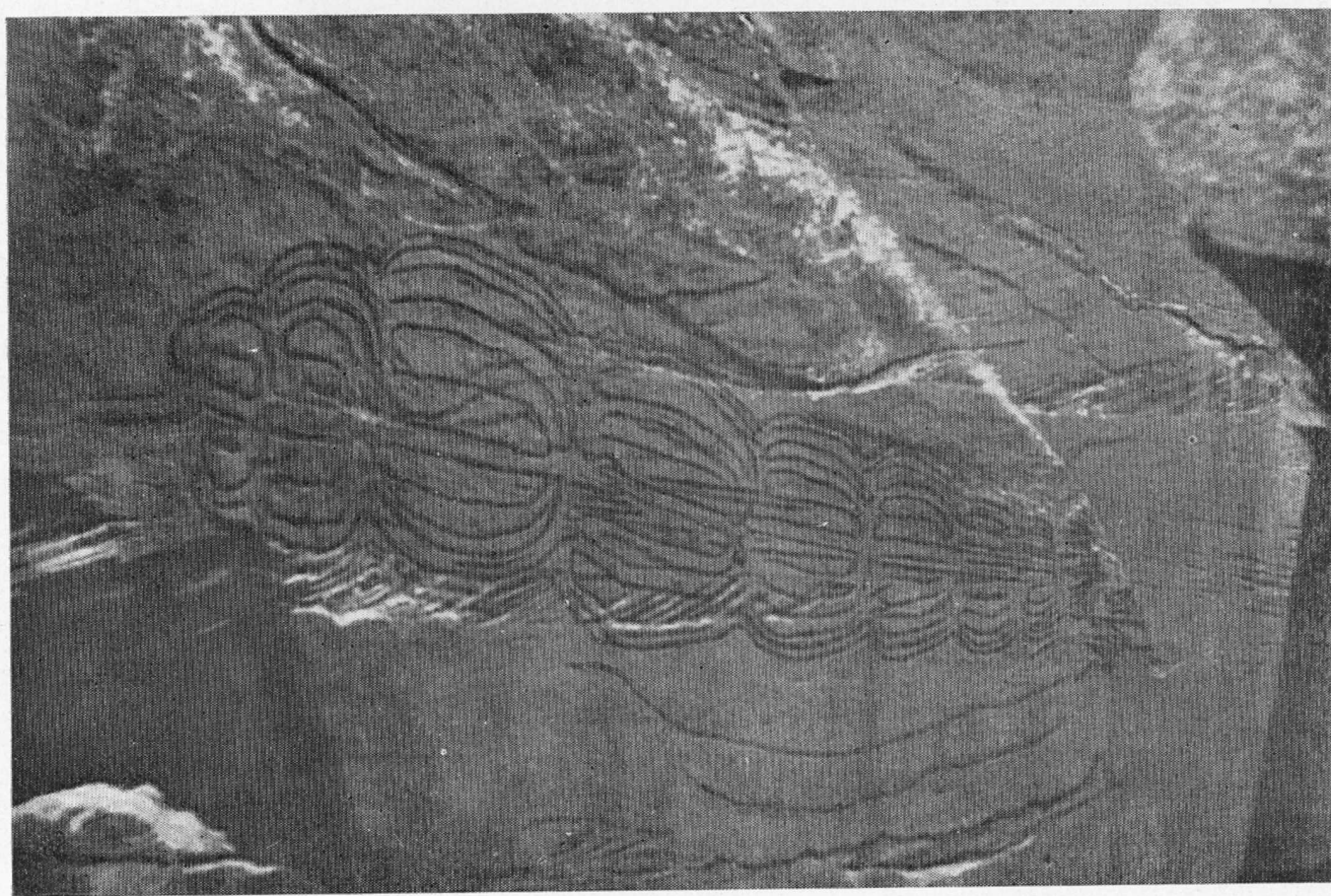
17. Большой жернов эпохи неолита, вес 125 кг. Найден в И-н-Итинене

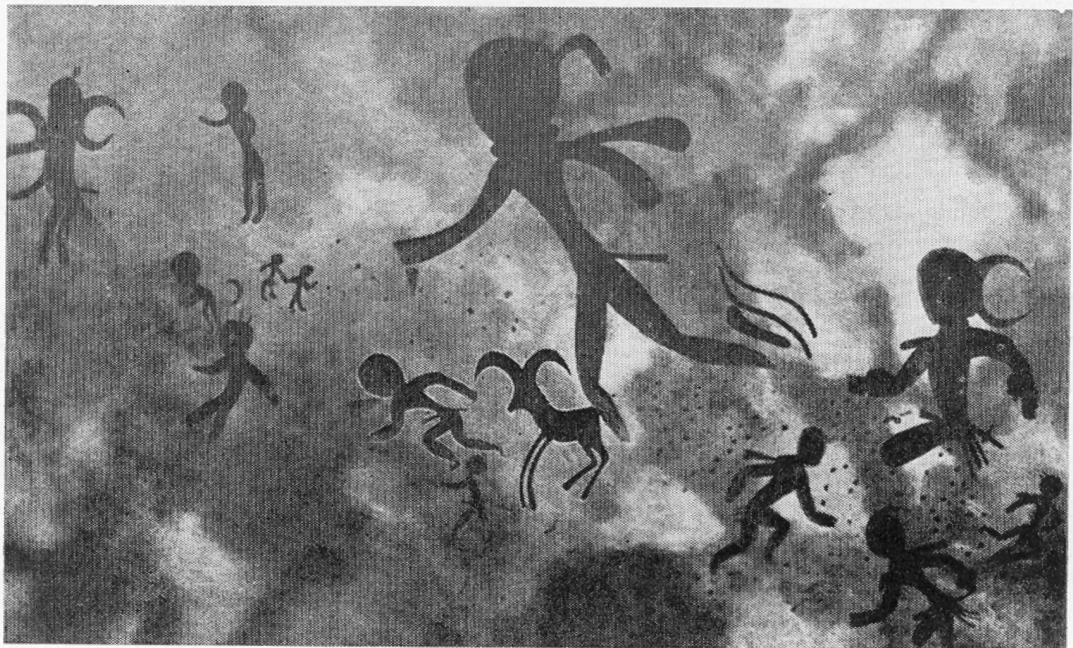
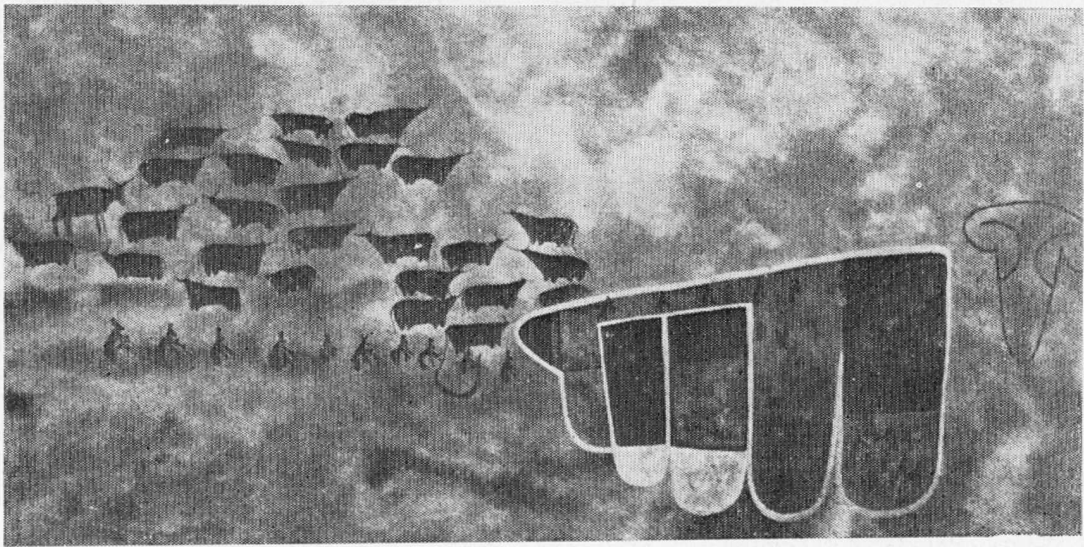
18. Маленькая рельефная скульптура эпохи неолита. Найдена в районе Тамрита

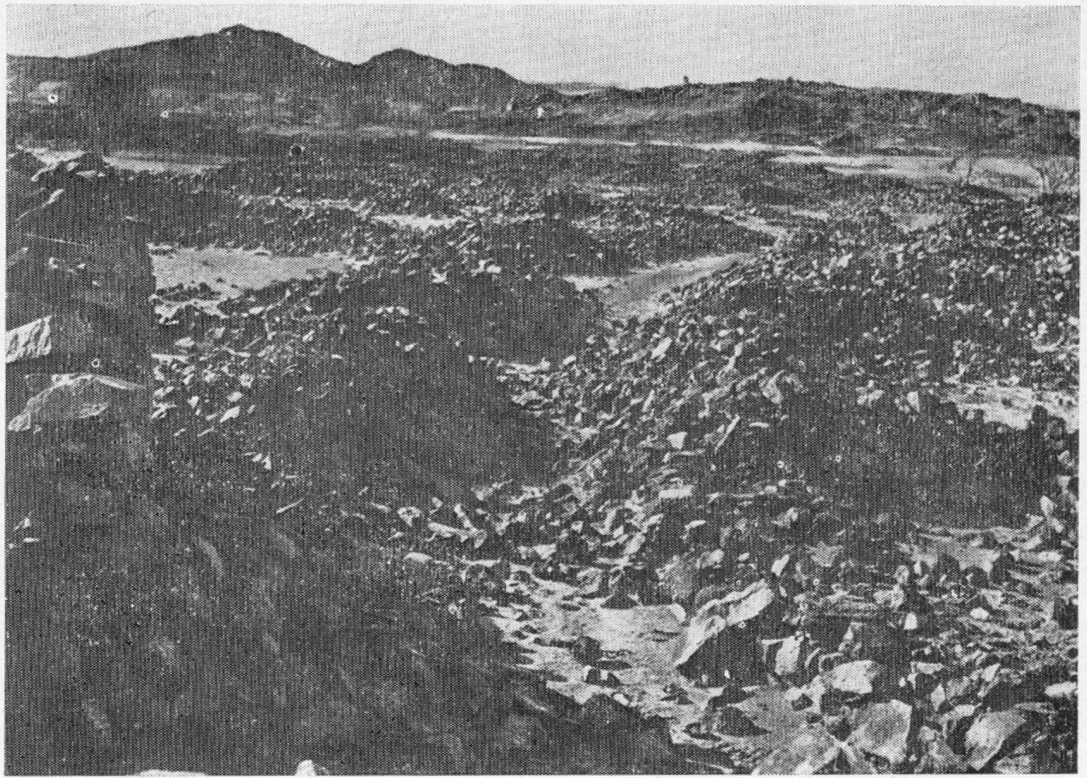

19. Бу Алем (Южный Оран). Баран. Петроглиф

20. Гарет-эт-Талерб (Южный Оран). «Скорпион», длина 6 м

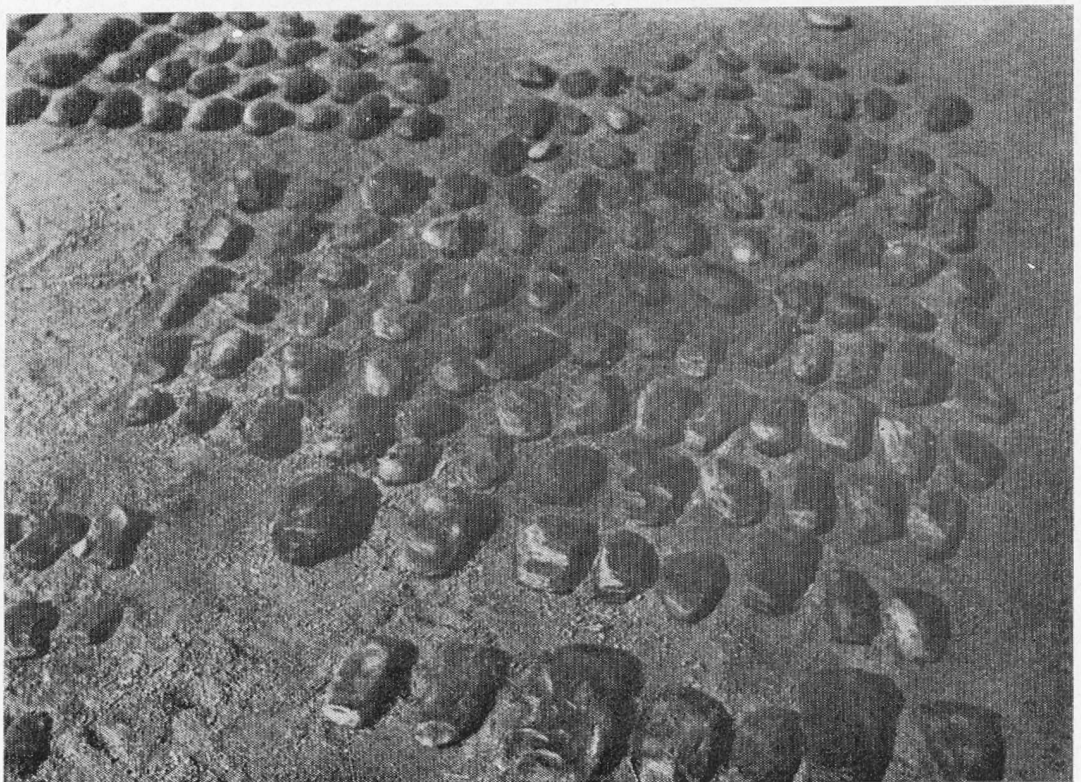
24. Аир. Развалины древнего города Ассоде, бывшего столицей туарегов племени кель зуи

←

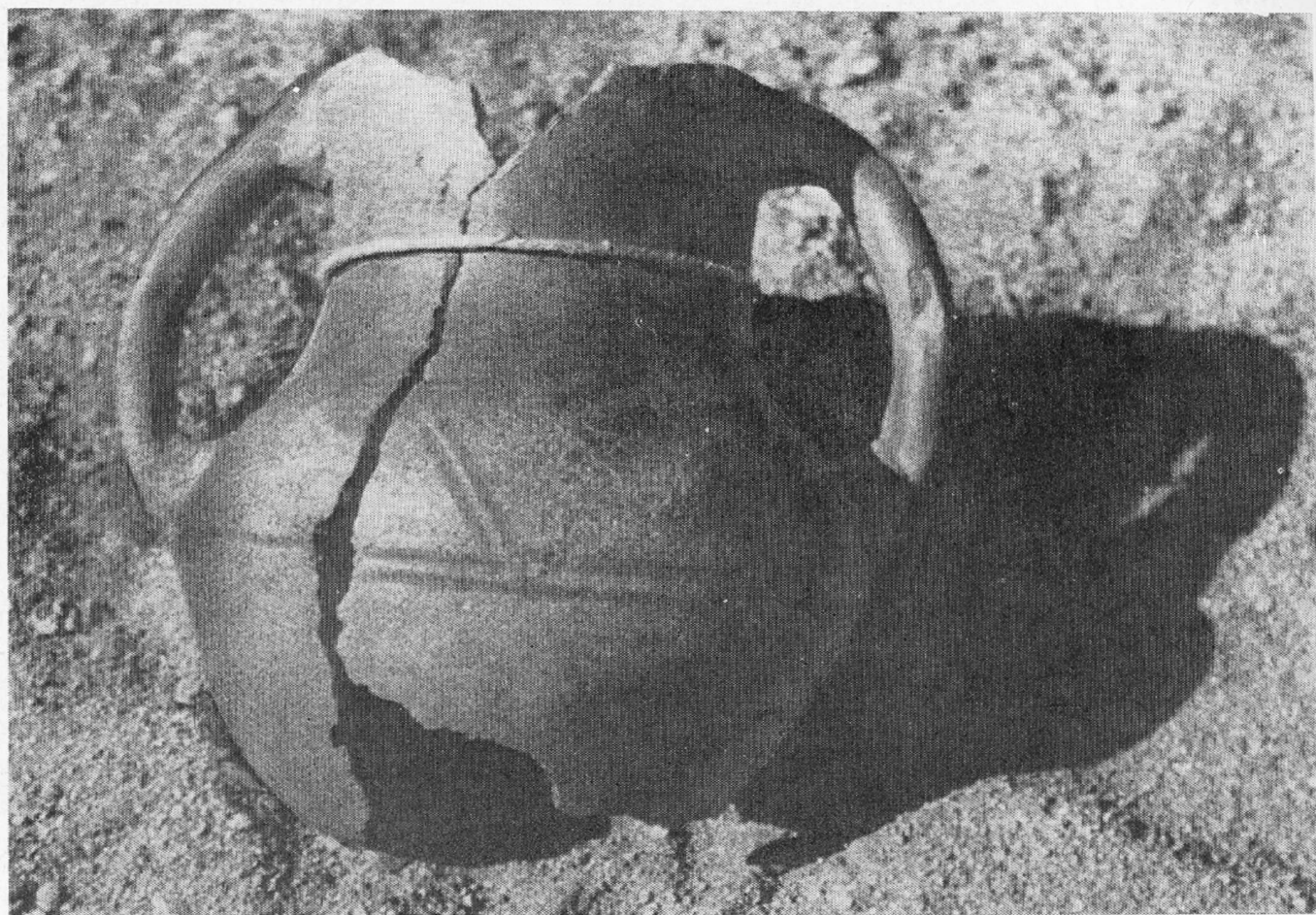
21. Ти-н-Тазарифт. Быки, стоящие в воде. Обряд лотори

22. Тимензузин (Тассили). Любовные игры в изображении тассилийских художников «периода полорогих»

23. Ти-н-Тефериест. Бегущие люди и муфлон. «Период круглоголовых»

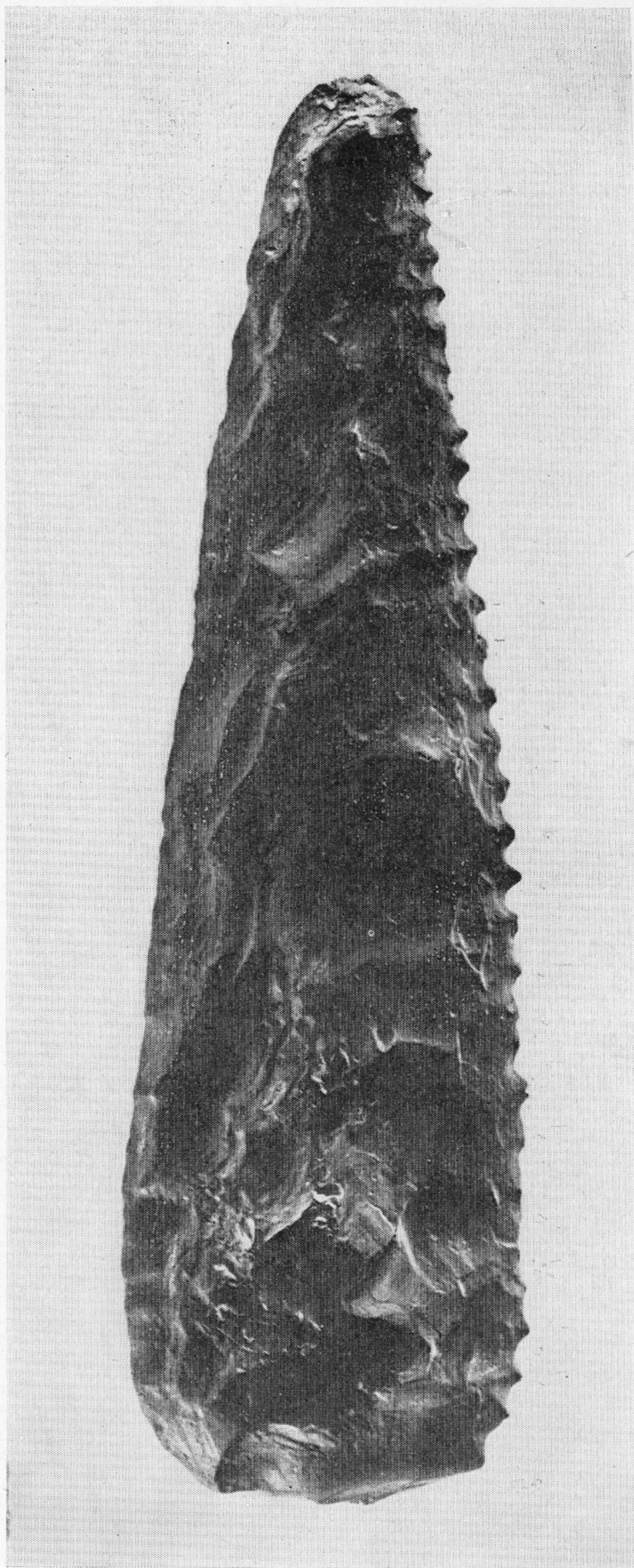
25. Аир. Каменные топоры, найденные в неолитическом отложении в Те-гидда-н-Тагаите

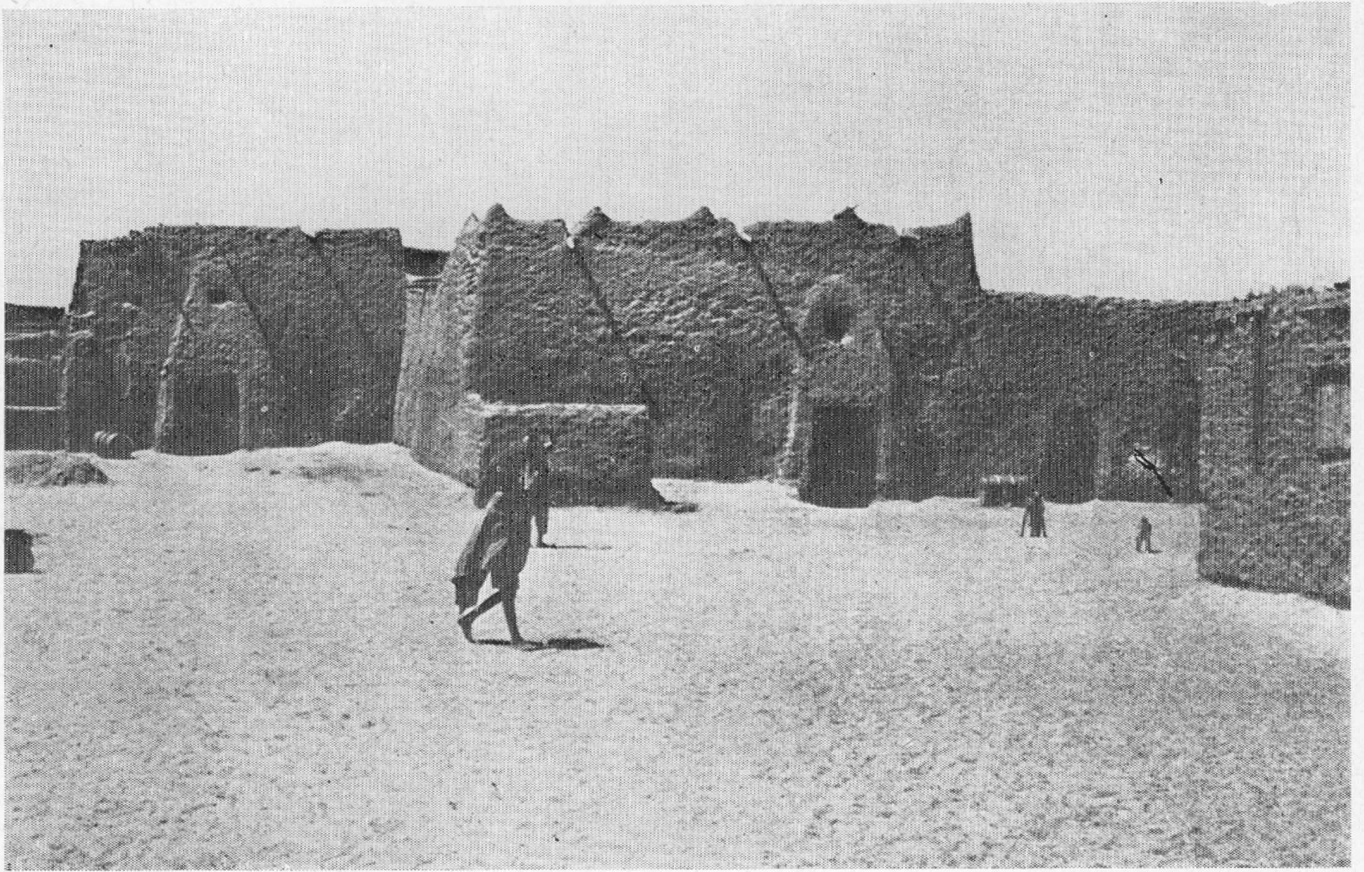
26. Аир. Большой керамический сосуд, найденный в Алабакате. На дне сосуда обнаружены остатки человеческого скелета

27. Керамика из развалин Ассоде

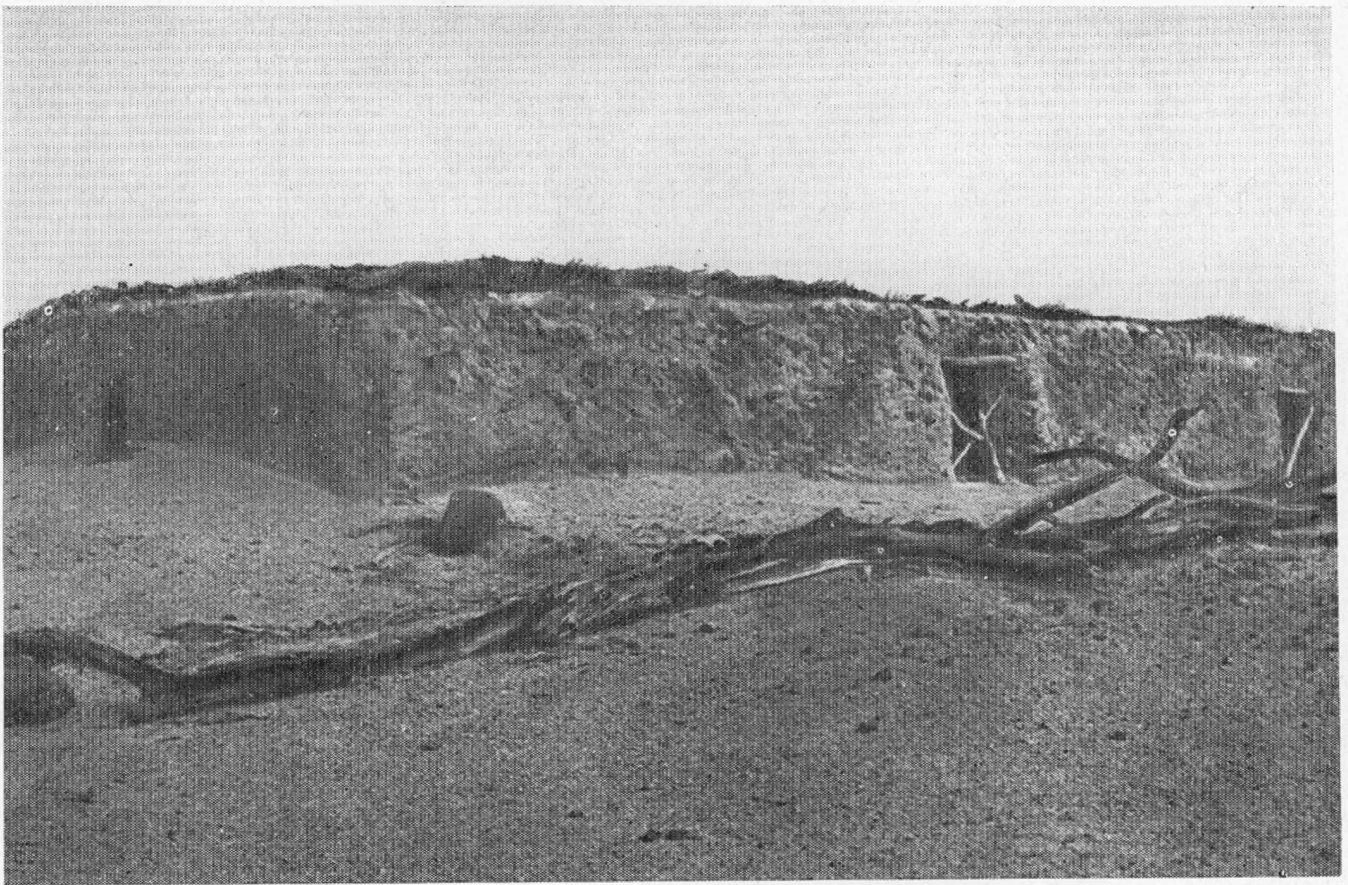
←

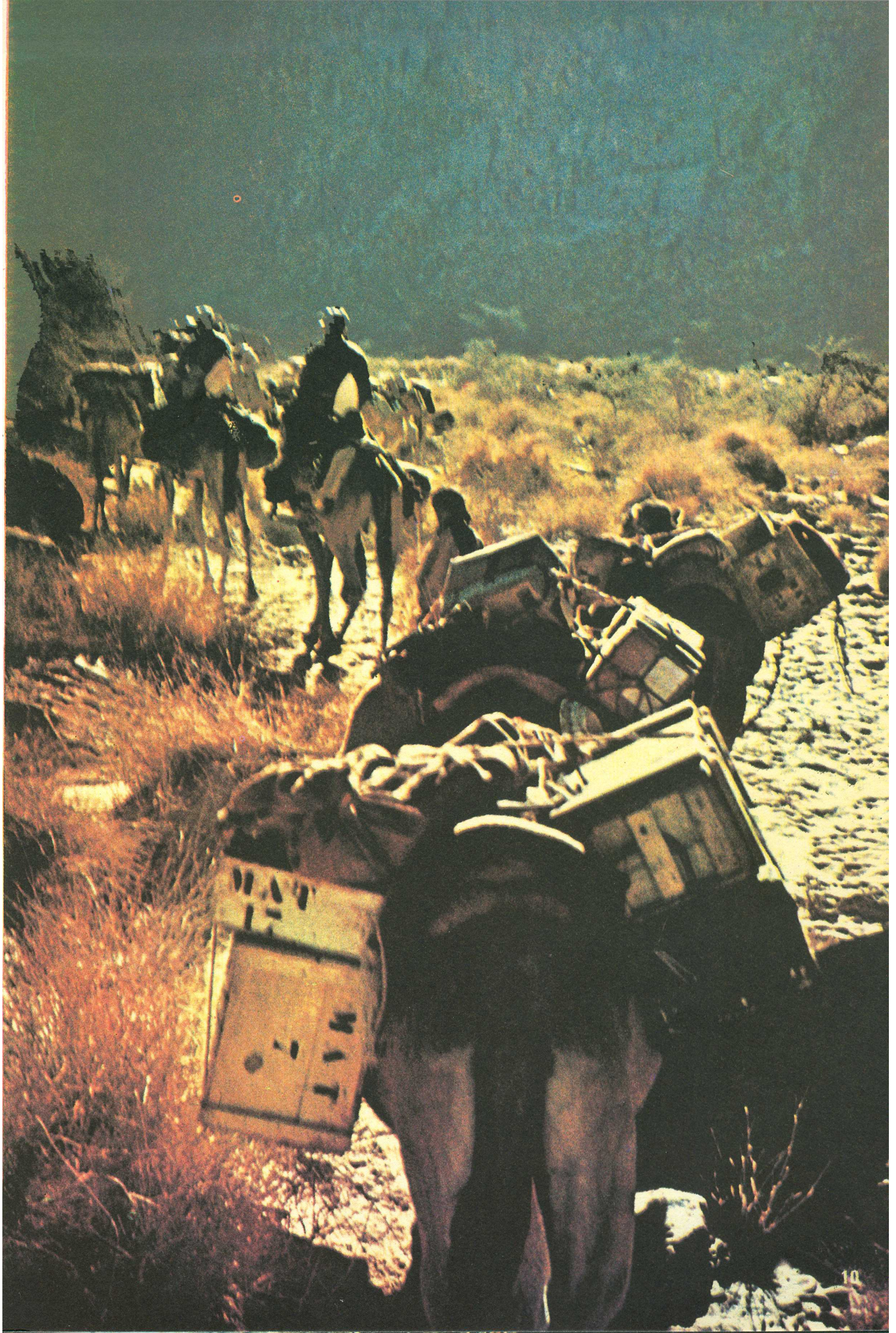
28. Большой предмет с зубчатыми краями, возможно, служивший серпом, найденный в Арлите

29. Аир. Типичные старые дома в Агадесе

30. Мечеть в Тефисе, которая считается самой древней в Аире

32

33

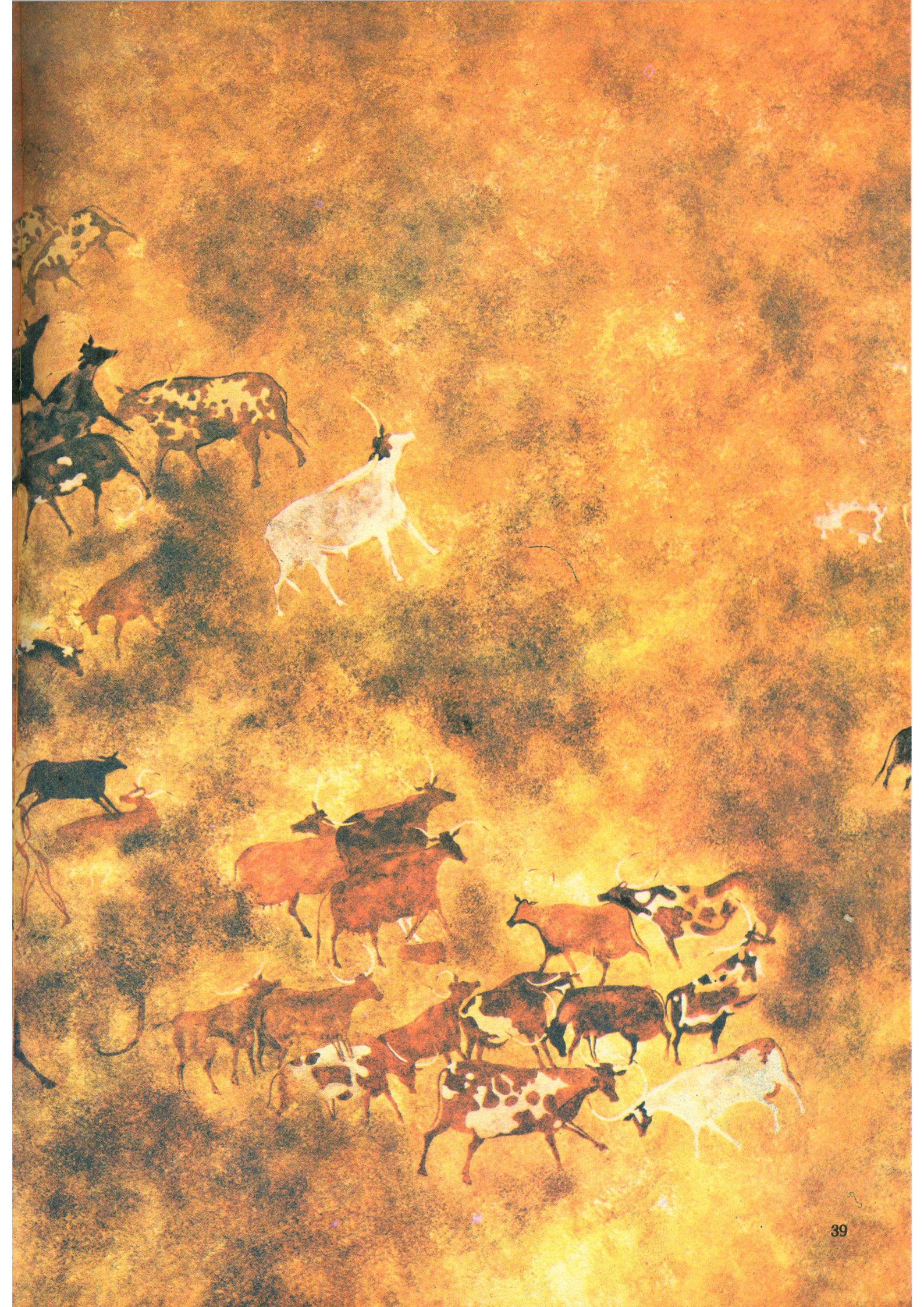
34

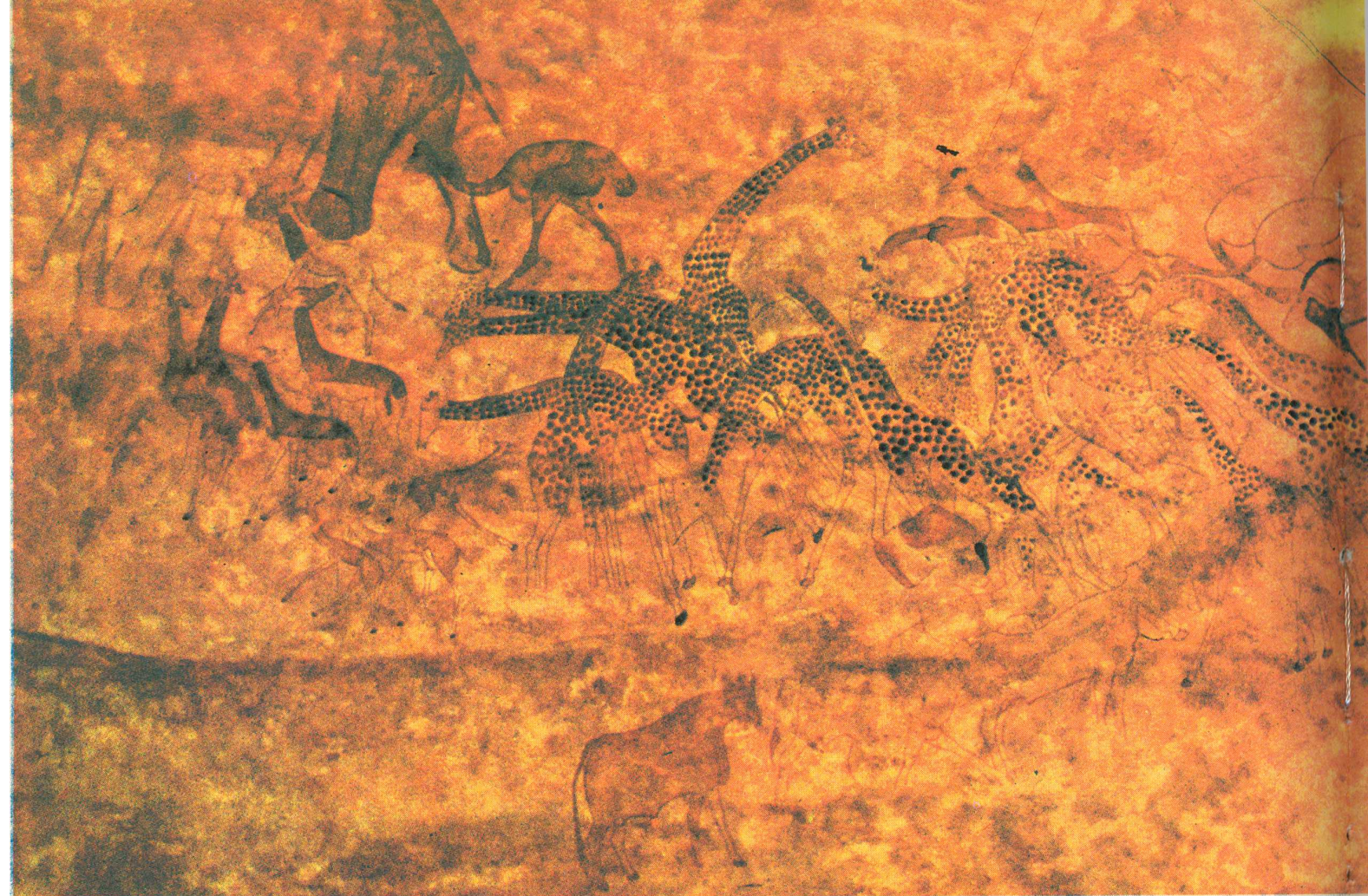

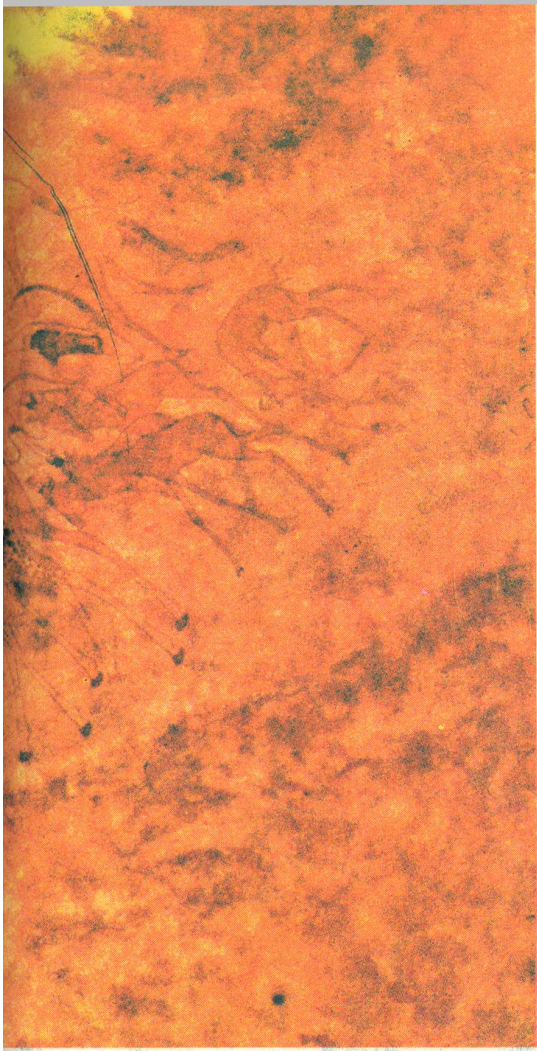

43

42

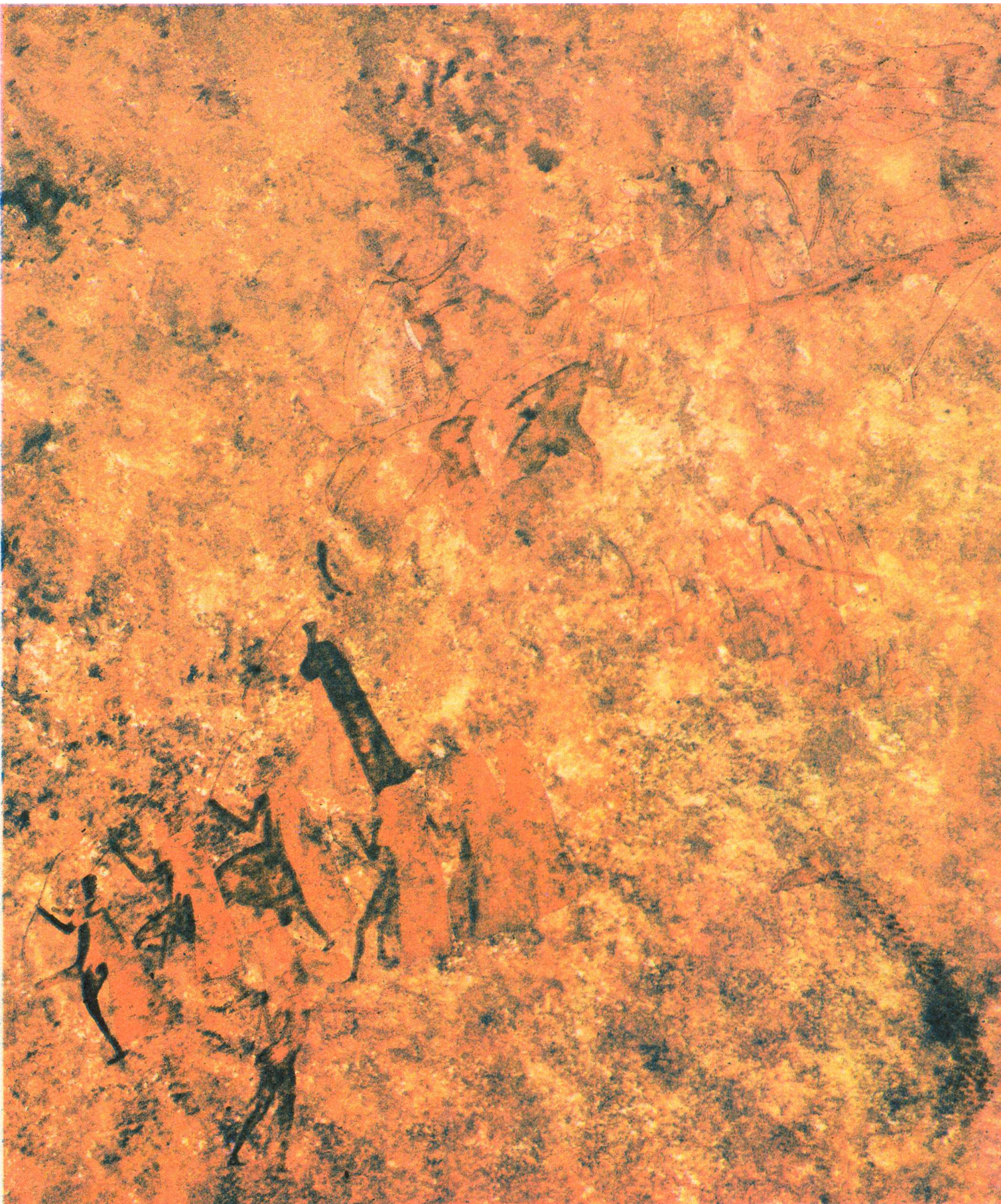
44

44

45

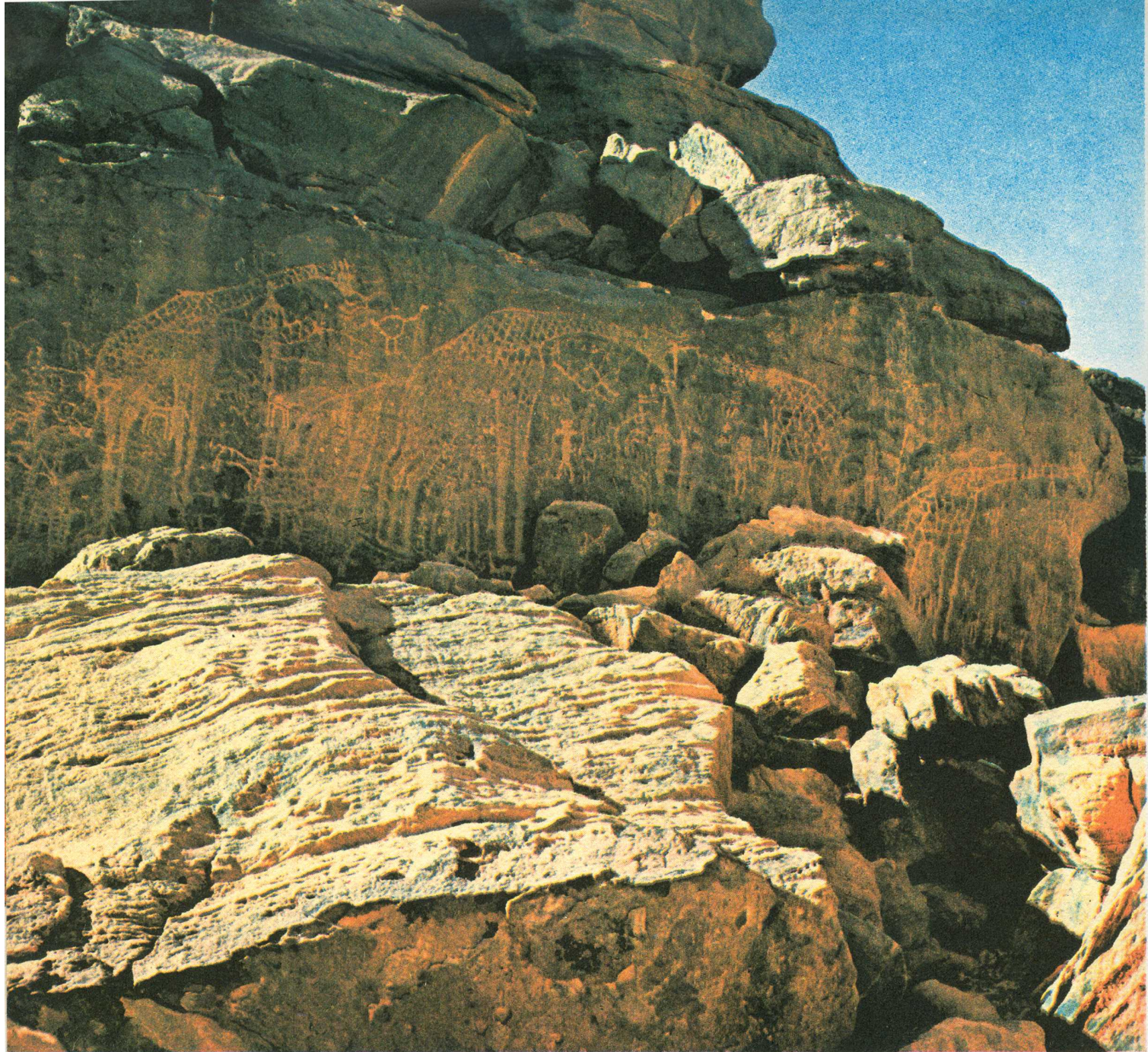

47

48

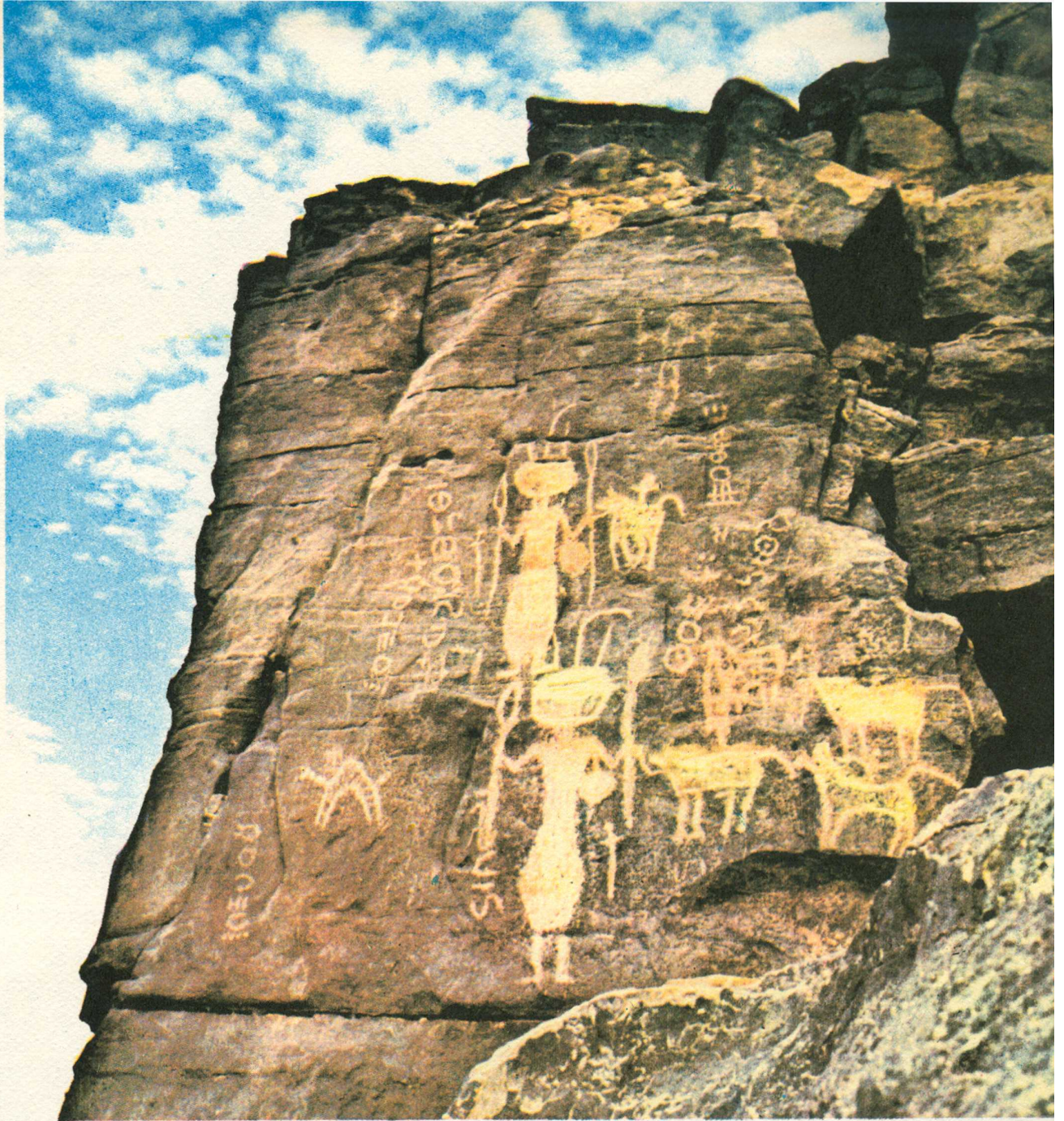

51

52

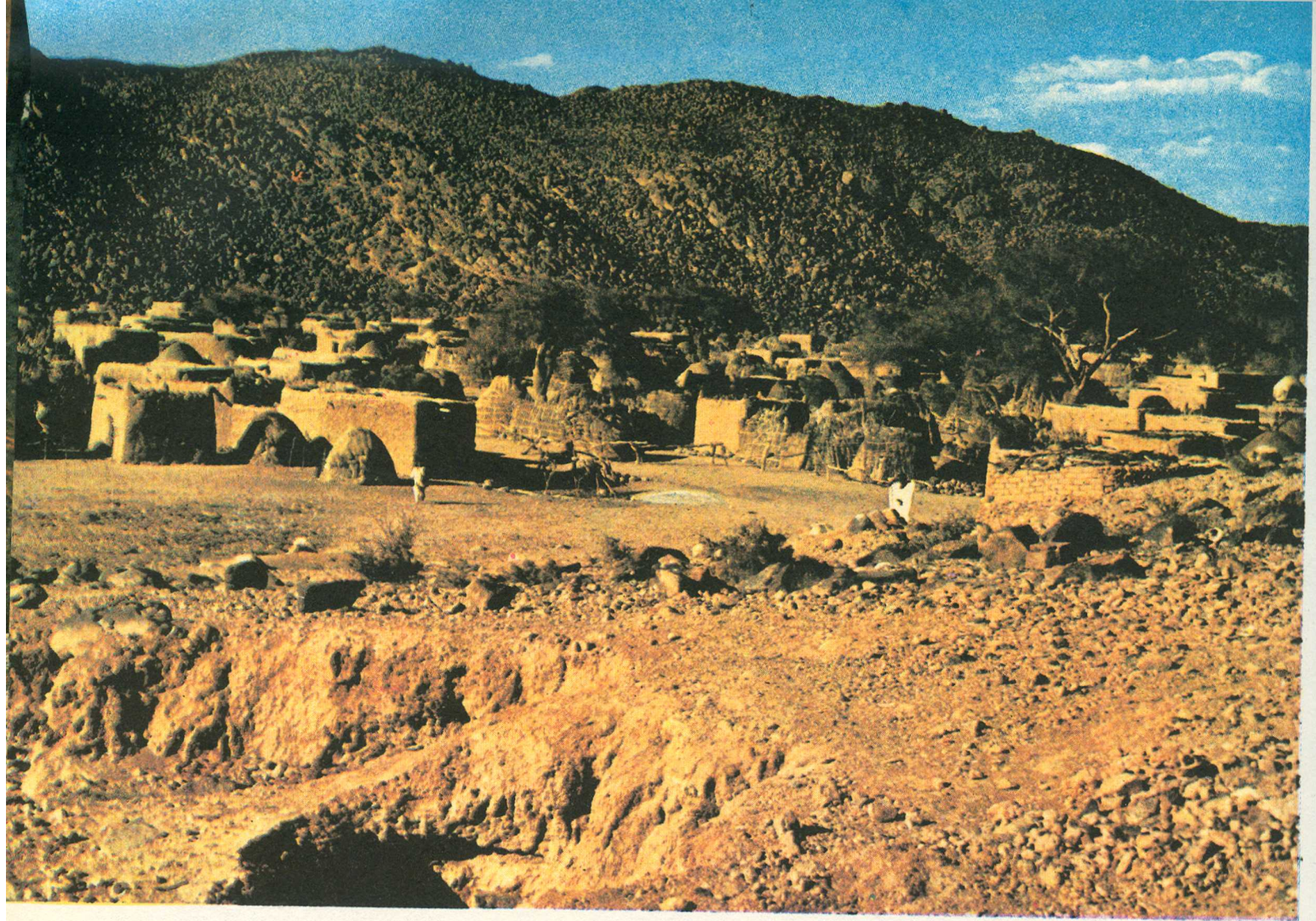
35

53

54

точки зрения она представляет собой сегодня: цепи дюн, тянущиеся от Нила до океана, затерянные в песках оазисы, отделенные друг от друга двухнедельными переходами через необитаемые пространства и соединенные караванными тропами. Он рассказывает, что у псиллов, племени, обитавшего во внутренних районах Сирта, ветер засыпал все колодцы, а за то, что они пошли на него войной⁴¹, погреб их всех под песком; а также что атаранты, предполагаемые обитатели Тассили-н-Аджера, проклинали солнце, иссушающее своим непомерным жаром их и их страну. Страбон, писатель начала нашей эры, сообщает, что кочевники на своих лошадях добираются до Цирты (Константина), но вынуждены из предосторожности привязывать под брюхо лошади бурдюк с водой. Около 60 года н. э. Тассили было описано Плинием; в частности, он изображает «ущелья гарамантов», по которым совершенно невозможно пройти, поскольку здешние жители, коих он — уже тогда! — называет разбойниками, засыпают колодцы, хотя, впрочем, те, кто хорошо знает эти места, легко могут колодцы найти. Этот прием хорошо известен на Тассили и применялся здесь, когда в страну пришли французы. К этому времени страна уже около двадцати веков представляла собой пустыню, и разбой стал необходимостью. Приблизительно во времена Плиния здесь появились верблюды, и однако, хотя Плиний и был натуралистом, он о них не упоминает. Берберам это животное было известно, потому что Юлий Цезарь, сообщая о победе над царем Юбой в 46 году до н. э., пишет, что он захватил у противника двадцать два верблюда. Дромадер происходит из Аравии и мог быть завезен в Африку через пролив Баб эль-Мандеб. Римляне использовали его в Сирии, и вероятно, они и распространили его в Магрибе. Это всего лишь предположение, потому что, сколь ни странным может показаться, у нас по этому поводу очень мало сведений. Как бы там ни было, появление дромедера в Сахаре обусловлено климатическими изменениями, то есть прогрессирующим высыханием, которое все более затрудняло передвижение на лошадях*.

В наши дни существование верблюда, в свою очередь, стало нелегким. С начала нынешнего века туареги Хоггара стали водить свои стада на поросшие дикими злаковыми травами равнины Тамесны, потому что в их стране иногда годами не выпадает дождей, а следовательно, она остается без пастбищ. Жители небольших горных поселков часто вынуждены покидать их и спускаться в низменности, где еще есть вода. Году в 1948-м в эти места пришел голод, и немало народу умерло. Племя таиток, обычно кочевавшее по горному массиву Ахнет, западному отрогу Хоггара, было вынуждено покинуть свои исконные земли, где больше нечем было жить, и теперь кочует по территории Нигера между Ин-Галом и Ин-Абангаритом. На Тассили-н-Аджере все местные перевозки осуществляются на ослах из-за плохого состояния верблюдов, причина которого — неважные пастбища и, главное, все более отчетливое исчезновение акаций.

Уже много веков засуха и ее неизменный спутник голод как для Сахары, так и для примыкающих к ней с юга степей, поросших дикими злаковыми, есть явление эндемическое. Свидетельство тому мы можем найти во всех хрониках, написанных арабоязычными авторами и в Томбукту, и в Агадесе.

Так, в XVI веке большой голод, вызванный длительной засухой, был

* Среди древних авторов процитируем также Помпония Меду, который пишет, что в Сахаре «ветер гонит песок, как морские волны».

в Гане. В это время в стране находился некий Али, родом из Даржина на юге Туниса, царь обратился к нему с тем, чтоб он попросил своего бога помочь в беде. Али ответил царю, что сначала тот должен обратиться в ислам; так и было сделано, вследствие чего пошли обильные дожди*.

В 1616—1617 годах сильный разлив Нигера опустошил все возделанные земли на его берегах, лишив население урожая проса и риса. К несчастью, ни на следующий год, ни в тот год, что следовал за ним, не выпало ни капли дождя, и в Томбукту и Гао наступил жестокий голод, такой, что жители принуждены были есть трупы вьючных животных и людей. По этой причине начались эпидемии и погубили множество из тех, кто не умер от голода.

В 1633 году засуха постигла город Диенне, расположенный к юго-западу от Томбукту, что вызвало голод и смерть тысяч жителей. Люди были настолько истощены и обессилены, что даже не могли отдать умершим свой последний долг. Был даже случай — страшно сказать! — когда видели, как женщина съела своего ребенка. И это бедствие продолжалось три года.

В 1696—1697 годах засуха постигла Агадез; в местных хрониках она получила название «войны Голода». Люди устали погребать мертвецов. В 1966 году, когда жители еще не оправились от последствий засухи, на город обрушились невероятно сильные дожди, которые снесли триста домов. Помимо этого, много народу умерло от различных болезней.

В течение XVII и XVIII веков не проходило пяти — десяти лет, чтобы не случился голод. Был он в 1721—1722 годах, тоже из-за засухи; он получил название *альтек*. В 1738 году опять разразился голод, на этот раз он особенно свирепствовал в городе Арауан, к северо-западу от Томбукту, и повлек за собой смерть большого числа женщин и малосильных людей; он продолжался, то слабея, то усиливаясь, до 1756 года. Местная хроника дала ему название «года десяти тысяч» и считает его самым страшным. В 1741 году засухой была поражена вся долина Нигера, от Диенне до страны хауса. Трупов было столько, что для них не хватало саванов, и их вынуждены были просто бросать, как падаль. Голод вызвал разбой, и город Томбукту опустел.

Это только те события, о которых сохранились письменные свидетельства. А сколько было таких, и до и после, о которых история умалчивает?

На другом краю Сахары столь же частый голод вызывал бесчисленные разбойничьи нападения одного племени на другое. Самыми памятными оказались засухи 1866 и 1868 годов в Алжире. По слухам, они унесли триста тысяч жителей, при общем их числе два с половиной миллиона.

Менее жестокой была засуха 1880 года на Адрар-Ифорасе. Тогда некоторые туарегские племена ушли в Аир, где и остались с тех пор.

В 1930 году на Хоггаре за один месяц насчитали около ста смертей — все из-за бронхопневмонии, которой заболели люди, ослабленные в результате сильного недоедания. Проводившиеся в Таманрассете медицинские наблюдения свидетельствуют, что каждый год от голода

* Рассказано Абу Аббасом Аль Шаммахи, умершим в 1522 г., в его «Китаб аль-Сийар». Значит, причиной обращения правителей древней империи Ганы в ислам была засуха. Это напоминает роль Моро Набы, императора моси в Верхней Вольте, заключающуюся главным образом в том, что он должен был вызывать дождь.

даются в топливе, потребление которого возрастает из года в год по причине неуклонного прироста населения.

Несмотря на то что многие уже давно бьют тревогу, никаких по-настоящему серьезных мер так и не было принято. И если человек и страдает в эти критические периоды, то семейные предания и нечто вроде памяти предков говорят ему, что это не в первый раз и что, несмотря на смерти, несмотря на разруху, жизнь возродится; он смиряется и надеется, уповая на бога... Но его смирение лишь порождает новые бедствия. И в самом деле, как только выдастся несколько благоприятных в смысле дождей лет, немного отрастет трава и стада восстановят свое поголовье, здешнее население возвращается к прежнему образу жизни и ничего не делает, чтобы избежать прежних ошибок. Смены бедствий и относительного благополучия привычны для обитателей Сахары, у туарегов даже есть пословица: как зимняя ночь ни долга, солнце все равно взойдет,—прекрасно отражающая и смирение народа, и его надежды. Если и наше западное индустриальное общество не свободно от подобного ослепления, то оно располагает, по крайней мере, финансовыми и материальными ресурсами, которые позволяют помочь беде. Но для стран, расположенных в Сахеле, ресурсы которых очень ограничены, дело обстоит совершенно иначе.

Зимой 1974 года прошли обильные дожди, и урожай проса, весьма значительный, был вполне достаточен для того, чтобы прокормить земледельцев. Проблемы же кочевников остались нерешенными, потому что если пастбища в какой-то мере и восстановились, то они все равно пустовали из-за падежа скота. Опыт показал: для того чтобы условия жизни кочевников — всегда нелегкие — более или менее нормализовались, нужно лет двенадцать. После 1917 года в Аире, во время первой мировой войны, восстали некоторые туарегские племена, подстрекаемые религиозным братством сенусиев, которых, в свою очередь, к тому побуждали турки, союзники немцев. Страна была полностью разорена. Вооруженные шайки обеих сторон нападали на стада и уводили скот; поголовье верблюдов уменьшилось настолько, что вся экономическая жизнь заглохла. Нормальное положение восстановилось только к 1928 году, и тогда же возобновилось с прежней интенсивностью традиционное движение караванов к соляным копиям Билмы.

Трудное положение, в которое попадают скотоводы, требует перестройки всей этой отрасли хозяйства для того, чтобы не допустить больше перегрузки пастбищ. Неразумно бесконечно увеличивать поголовье скота из соображений престижа и поставлять на бойни быков, весящих всего триста и дающих едва-едва сто двадцать килограммов мяса. Следовало бы организовать систему ранчо, методически использующих корма, избавляющихся от лишних бычков и коз и насчитывающих не менее шестидесяти гектаров пастбищных земель на голову крупного рогатого скота. Самыми страшными врагами деревьев являются козы, потому что они поедают не только ветви, но и кору. В Тунисе теперь в большинстве районов запрещено разведение коз. Пока им не будет найдена экономическая замена, к такой драконовой мере, может быть, и не стоит прибегать, но ограничить их число было бы необходимо. Безусловно, заставить кочевников принять эти нововведения будет очень трудно. Начинающее распространяться среди них просвещение и образующаяся молодая культурная элита помогут им понять и принять то, что рационально и необходимо.

Вторая неотложная мера — это систематическая посадка деревьев и охрана существующих. Заставить пустыню отступить — это долгая

и требующая огромных усилий работа, которая, в силу своей разносторонности, касается не только стран, занимающих Сахель, но и всех нас. Принудить кочевников перейти к оседлому образу жизни — попытка, заранее обреченная на неудачу; предоставленные же самим себе, они никогда не выберутся из отсталости. Не нужно также упускать из виду, что они вносят значительный вклад в снабжение оседлого населения пищей, поставляя ему мясо и молочные продукты, а ремесленникам — кожу, без которой те не могли бы обойтись. Следует принять меры к тому, чтобы они могли вести прежний образ жизни, но с меньшим элементом анархичности.

Молодое поколение гидромелиораторов и лесоводов разных стран Сахеля хорошо сознает стоящие перед ним задачи, но финансовые и материальные средства, которыми они располагают, не дают им возможности реального их решения. Эти проблемы могут быть решены только в том случае, если решение их будет проводиться в рамках международного сотрудничества. По некоторым сведениям, одна из программ находится сейчас в процессе осуществления. Алжир, которому принадлежит большая часть Сахары и который за свою историю испытал все ужасы засухи и голода, принял проект создания со стороны пустыни у подножия Атласских гор широкой лесозащитной полосы протяженностью 1500 километров от границы с Тунисом до границы с Марокко; эта полоса должна преградить путь ветрам и приостановить продвижение пустыни. Мероприятие это должно иметь благотворные последствия для всей Северной Африки. В 1969 году, на втором фестивале африканского искусства, который проходил в Алжире, президент республики Бумедьен остановился на мгновение перед знаменитой росписью из Джаббарена, обычно называемой «Разноцветные быки», и неожиданно в упор спросил меня: «Будут ли когда-нибудь снова пастись в Сахаре такие прекрасные стада?» Этим вопросом он снова напомнил мне о шеститысячелетней засухе и о богатом ландшафте древней Сахары...

А пока обстоятельства таковы, каковы они есть. Нужно отдать себе отчет в том, что продолжение исследований по первобытной истории — а Сахара раскрыла нам далеко еще не все свои секреты — позволит нам лучше представить процесс высыхания процветавшей в прошлом земли. Понять же причины бедствия есть наилучший способ справиться с ним.

- ¹ Музей Человека (Musée de l'Homme) — этнографический музей в Париже.
- ² Речь идет о нашумевшем романе французского писателя Пьера Бенуа «Атлантида» (впервые вышел в свет в 1919 г.), героиня которого — загадочная красавица Антинея, хозяйка полуфантастического замка в Ахаггаре (Хоггаре), — оказывается последней царицей атлантов, исчезнувшего народа, населявшего некогда легендарную Атлантиду.
- ³ Андре Мальро (1901—1976) — известный французский писатель-эссеист, занимавший пост министра культуры в правительстве де Голля.
- ⁴ Анри Эдуар Проспер Брейль (1877—1961) — крупный французский археолог, знаток первобытного искусства; учитель А. Лота.
- ⁵ Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955) — знаменитый французский философ, теолог и ученый-палеонтолог, один из авторов открытия синантропа в 1929 г. близ Пекина.
- ⁶ Имеется в виду находившаяся в тот момент в разгаре война за освобождение Алжира от колониального господства Франции (1954—1962).
- ⁷ Мало-ле-Бэн — курорт на побережье Северного моря, близ Дюнкерка.
- ⁸ Приапический — эротический, фривольный. От Приапа — греко-римского божества, покровительствовавшего садоводству, виноделию, а также пастушеству; важная фигура в оргиастических культах (наиболее распространенный символ Приапа — фаллос).
- ⁹ Лупанарий (лат.) — публичный дом.
- ¹⁰ Патина — поверхностный налет, образующийся от времени, длительного пребывания в земле или под открытым небом, на бронзе, меди, других металлах, а также дереве и камне.
- ¹¹ Везер — река во Франции, в департаменте Дордонь, в долине которой археологи обнаружили знаменитые верхнепалеолитические пещеры с росписями (наиболее знаменита пещера Ла Мадлен).
- ¹² Тальвег — наиболее пониженная часть речной долины; долинное ложе, заключенное между подошвами склонов.
- ¹³ Это утверждение автора необоснованно. Многие из встречающихся в различных районах Северной Африки, Сахары и Ливийской пустыни надписи, выполненные разновидностями ливийского алфавитного письма (одной из которых является сохранившееся до наших дней туарегское письмо *тифинаг*), по-видимому, относятся самое позднее к началу нашей эры и, следовательно, старше тысячи лет. Более того, есть основания полагать, что протоливийское письмо, из которого развились все известные разновидности ливийского письма, восходит не позднее чем к I тысячелетию до н. э., когда оно было заимствовано из финикийских или южноарабских систем письменности. В любом случае для отличия поздних надписей от древних, выполненных в сходных системах знаков, требуется серьезнейший науч-

* Составители И. М. Дьяконов, А. Ю. Милитарев.

- ный анализ, который ни А. Лотом, ни кем-либо другим пока, насколько нам известно, не предпринимался.
- ¹⁴ Четырнадцатое июля — национальный праздник Французской республики — день взятия Бастилии (1789 г.).
- ¹⁵ Палимпсест (*греч.* — «вновь соскобленная [книга]») — рукопись, писанная на пергаменте по смытому или соскобленному тексту; произведение искусства (икона, фреска, картина), в котором позднее изображение наслоилось на более древнее.
- ¹⁶ *In situ* (*лат.*) — в изначальном, первоначальном положении, местонахождении.
- ¹⁷ Баланит — вероятно, имеется в виду распространенное в Сахаре растение *Balanites aegyptiaca* (мезембриантемум).
- ¹⁸ Шарль Эжен де Фуко (1858—1916) — французский миссионер и ученый-филолог, проживший многие годы в Сахаре; автор непревзойденного четырехтомного словаря языка ахагарских туарегов. Был убит мусульманскими фанатиками из ордена сенуссиев. Канонизирован римско-католической церковью как «апостол пустыни».
- ¹⁹ Ла-Трапп — католический монастырь во Франции, известный строгим уставом своих монахов-траппистов.
- ²⁰ На весну 1962 г. приходится конец войны за независимость Алжира (18 марта были подписаны Эвианские соглашения, по которым Франция официально предоставила Алжиру свободу), отъезд последних контингентов французских войск во Францию и пик отчаянного террора, развязанного в Алжире боевиками ОАС — организации, борющейся за «французский Алжир».
- ²¹ Очевидно, имеется в виду Национальный музей естественной истории в Париже.
- ²² Немврод, или Нимрод — персонаж библейской истории, сын Хуша, сына Хама, о котором в Ветхом завете сказано: «Он был сильный зверолов пред Господом; потому и говорится: сильный зверолов, как Немврод, пред Господом» (Бытие, 10, 9).
- ²³ Бараны с загнутыми рогами вида *Ovis ammon*, действительно, как кажется, появились в Египте с XVIII династии (XVI—XV вв. до н. э.), но до этого там разводились пряморогие бараны *Ovis longipes*, несколько похожие на коз.
- ²⁴ Так называемый «докерамический» неолит начинается в Передней Азии не позднее VIII тысячелетия до н. э.
- ²⁵ См. примеч. 13.
- ²⁶ Двусторонние рубила, или бифасы — примитивные каменные орудия, обработанные с двух сторон.
- ²⁷ «Ашельским» (по результатам раскопок в деревне Сент-Ашель в Северной Франции) называется один из самых ранних периодов нижнего палеолита.
- ²⁸ Бильгарциоз — болезнь мочевого пузыря и кишечника, вызываемая паразитами.
- ²⁹ Меандр — извилина, излучина (по названию реки в Малой Азии).
- ³⁰ Инициатива девушек и незамужних женщин в отношениях между полами, в выборе партнера, в частности на знаменитых вечеринках — *ахалах*, подчеркивается во всех описаниях туарегского, в особенности ахагарского быта. Здесь же речь идет, по-видимому, о чрезмерной молодости девушки, — уж безусловно не о том, что новая жизнь якобы внесла элементы женской эмансипации в туарегское общество, — на самом деле, женщина в нем традиционно пользуется на редкость большой свободой и авторитетом; автор недостаточно ясно выражает свою мысль.
- ³¹ Под суданцами в данном контексте подразумеваются негроидные племена, по-видимому сонгаи с берегов Нигера. Суданом (от араб. *билад ас-судан* — «страна черных») традиционно называлась вообще Черная Африка южнее Сахары.
- ³² Никола-Жан-де-Дье Сульт — один из виднейших наполеоновских маршалов, впоследствии один из стратегов, добившихся завоевания Алжира Францией. А. Лот, видимо, намекает на роль Сульта в битве при Ватерлоо, когда он, будучи начальником штаба, не добился своевременного подхода корпуса Э. Груши на помощь Наполеону.
- ³³ Бьеф (*франц.*) — участок реки или канала, расположенный выше или ниже плотины.
- ³⁴ Штейгер — горный мастер, заведующий рудничными работами.
- ³⁵ Эль-Хут (*араб.*) — «большая рыба», а также название одного из знаков Зодиака.
- ³⁶ Моляры — коренные (задние) зубы.
- ³⁷ Сахель (*араб.*) — полупустынный степной пояс, примыкающий к Сахаре с юга.
- ³⁸ «Испытуемый» — религиозный термин; имеется в виду человек, которому бог послал страдания для испытания его.
- ³⁹ Леопольд Седар Сенгор (р. 1906) — президент Сенегала в 1960—1980 гг. Один из создателей теории «негритюда», утверждающей исключительность исторических судеб Африки.
- ⁴⁰ Лошадь, которая с первой трети II тысячелетия до н. э. (времени ее проникновения на африканский материк — по-видимому, через Египет из Передней Азии) служила в Сахаре основным боевым и транспортным средством, в первые века н. э.

стала вытесняться верблюдом. Это было связано с высыханием Сахары: лошадь весьма прихотлива в питье и еде и чутка к климатическим крайностям. Ее и поныне разводят в разных районах Сахары, в частности в Ахаггаре (Хоггаре), но в наши дни она скорее лишь роскошь и предмет престижа.

...Пошли войной [на ветер].— Геродот повествует об этом так: «Соседи насамонов псиллы. Племя это погибло вот каким образом: южный ветер дул с такой силой, что водоемы [у них] высохли и вся страна, лежащая внутри [Сирта], стала совершенно безводной. Тогда псиллы единодушно решили идти войной против южного ветра (я сообщаю только то, что передают ливийцы). И когда они оказались в песчаной пустыне, поднялся южный ветер и засыпал их песком» (*Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972, кн. 4, 173, с. 231*).

- Абарекка** (туар.) — дорога, тропа.
- Аборак** (в туар. языке нуллеммеденов) — растение мезембриантемум (*Balanites aegyptiaca*), см. примеч. 17.
- Аг** (туар.) — сын.
- Акба** (араб.) — крутой горный склон.
- Амгар** (берб.— «большой», «великий») — господин, начальник, вождь.
- Аменокаль** (туар.) — верховный вождь, вождь племени.
- Арта** (араб.) — деревце с яркими цветами, растущее на краю песков.
- Афагар** (в туар. языке нуллеммеденов) — вид акации (*Acacia gaddiana*).
- Ахетес** (в туар. языках кель ахаггаров и нуллеммеденов) — вид акации (*Acacia albidella*).
- Ашеб** (араб.) — зеленая трава.
- Барака** (араб.) — благословение, удача, счастливая судьба.
- Бордж** (араб. *бурдж* — «башня», «крепость») — укрепленный военный пост, форт.
- Бурнус** (араб.) — мужская одежда, длинный шерстяной плащ с рукавами.
- Вади** (араб.) — см. **уэд**.
- Гандура** (араб.) — просторная и длинная хлопчатобумажная или шерстяная туника без рукавов.
- Гара** (араб. диал.) — одиночный, изолированный холм.
- Гельта** (араб. диал.) — водоем, образовавшийся в понижениях почвы, часто в ложе уэда, благодаря выходу на поверхность подпочвенных вод или скоплению дождевых.
- Граффито** (итал., мн. ч. **граффити**) — грубо прочерченные на стене или камне надписи или рисунки.
- Герба** (араб. диал.) — бурдюк, мех из козьей шкуры, целиком снятой с животного.
- Дар диаф** (араб.) — дом для гостей, постоянный двор.
- Джебель** (араб.) — гора, горный район.
- Дженун** (туар. из араб.) — злой дух, джинн.
- Дхар** (араб.) — обрывистая граница каменистых плато.
- Каид** (араб.) — начальник, вождь.
- Кесра** (араб.) — печеный хлеб, печенье.
- Кори, коори** (туар.) — отрезок уэда, покрытый зеленью.
- Ксар, или ксур** (араб. диал.; араб. литер. *каср* — «замок, дворец») — укрепленное поселение.

Кудья (араб.) — скалистая почва, скала.

Кускус, или **кус-кус** (араб.) — мучная каша из зерен маиса, сорго или других злаков, иногда варится с мясом, — национальное блюдо народов Северной Африки.

Литам, или **лисам** (араб.) — покрывало, прикрывающее нижнюю часть лица; у туарегов — обычно синяя или белая полоса материи, оборачиваемая вокруг головы и оставляющая лишь узкую щель для глаз.

Марабут (араб.) — духовное лицо у мусульман; праведник, святой.

Мехари (араб.) — быстроходная порода верховых одногорбых верблюдов; название и происхождение связываются с горной областью Махра в Южной Аравии.

Мехарист — всадник на верблюде-мехари. В Сахаре из мехаристов-туарегов набирают на государственную службу специальные отряды для осуществления полицейских, пограничных и таможенных функций; до получения Алжиром независимости отряды мехаристов широко использовались французскими властями.

Михраб (араб.) — в мусульманском святилище (мечети) украшенная ниша, указывающая направление на Мекку, куда должны обращаться лицом молящиеся.

Реджем (араб.) — камень, груда камней, вежа.

Саруаль (араб.) — широкие шаровары с напуском внизу.

Сиеста (исп.) — дневной отдых, особенно в жаркое время.

Слуги, или **слугки** — порода собак, разновидность борзой, распространенная в Северной Африке.

Тамахак (туар.) — группа туарегских диалектов, в которых общеберберское «з» произносится как «х»; названы так по слову *тамахак* — «язык имахагов» (т. е. туарегов, берберов, как называют этот народ арабы), соответствующему общеберберскому *тамазигт* — «язык имазигов» (берберов). В эту группу входят, помимо прочих, языки туарегов кель ахаггар и кель ажжер (или аджер).

Тамашек (туар.) — группа туарегских диалектов, выделяемых на основании произношения общеберберского звука «з» как «ш», в частности в слове *тамашек* «язык имашегов» (туарегов, берберов), соответствующем общеберберскому *тамазигт*, язык народа *имазиген* (туар. *имошаген*).

Тассили (туар.) — состоящий из палеозойских осадочных пород ступенчатый горный массив с выступающими плоскими вершинами. А. Лот часто называет Тассили без определения «массив».

Тассили-н-Аджер — место первоначальных исследований А. Лота.

Тифинаг (туар.) — алфавитное консонантное письмо, применяемое туарегами, потомок древнеливийского. Надписи чаще всего наносятся вертикально, сверху вниз.

Торха (в туар. языке кель ахаггар) — растение мудар (*Calotropis procera*), древесный кустарник с желтыми, похожими на яблоки или лимоны несъедобными плодами, известными в древности как «содомские яблоки».

Уэд (в Передней Азии чаще **вади**, араб.) — русло пересохшей древней реки, наполняющееся водой в сезон дождей.

Хаммада (араб.) — пустынная местность.

Ханфус (араб.) — жук-навозник; прозвище верблюда, питающегося отбросами.

Шааба (араб.) — тропа через горы, отряд.

Шерба, или **шурба** (араб.) — вид напитка; похлебка.

Шеш, или **шешия** (араб.) — покрывало для лица, которое носят арабы пустыни.

Эрг (араб.) — песчаная пустыня.

Этель (араб. диал.) — тамариск.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей вторая на русском языке книга Анри Лота, известного французского исследователя Сахары, этнографа, археолога и специалиста по сахарскому первобытному искусству, содержит отчет о его экспедициях 1958—1974 годов в различные районы великой пустыни, последовавших за его первыми экспедициями (1956—1957) в поисках произведений наскальной живописи, — до этого Лот путешествовал по Сахаре как этнограф*.

Находки Лота справедливо вызвали еще в конце 1950-х годов всемирную сенсацию. Настоящая книга не только занимательный рассказ о полной приключений жизни в пустыне, но и научный итог почти двадцатилетнего периода анализа, размышлений и гипотез автора, касающихся происхождения, интерпретации, относительной и абсолютной хронологии и классификации образцов наскальных росписей, обнаруженных и скопированных им и его помощниками. Количество этих росписей неисчислимо и далеко превосходит всю совокупность известных до сих пор произведений доисторического изобразительного искусства, найденных в других районах земного шара. Историческое и художественное их значение огромно.

А. Лот, помимо описания работы экспедиций, уделяет довольно много места ясному и подробному обсуждению разнообразных аспектов проблематики, которую создают для исторической науки сахарские находки. Мы же остановимся здесь лишь на некоторых вопросах, получивших, на наш взгляд, недостаточно полное освещение или вовсе оставшихся вне поля зрения автора.

* Описанию экспедиций 1956—1957 гг. посвящена первая книга А. Лота на русском языке — «В поисках фресок Тассили» (М., 1962); второе издание — «В поисках фресок Тассилин-Аджера» (Л., 1973, с добавлением рисунков из книги Ж.-Д. Лажу «Чудеса Тассили н'Аджера», Париж, 1962). Предисловие к последней книге, написанное известным африканистом, членом-корреспондентом АН СССР Д. А. Ольдерогге, содержит целый ряд сведений по археологии, палеографии, истории Северной Африки и Сахары, по истории исследований памятников доисторического искусства в этой части Африки до начала 1960-х гг., а также анализ ряда связанных с открытиями Лота проблем, которые мы не сумели охватить в настоящем «Послесловии».

Прежде всего, каковы могли быть мотивы, побуждавшие первобытных художников творить все эти бесчисленные наскальные изображения? Представим себе, насколько весомыми должны были быть эти мотивы в глазах не только самих создателей древнего искусства, но и их соплеменников, позволявших немалому числу физически здоровых и сильных людей тратить массу энергии и времени на искусство (а ведь, как свидетельствует опыт Лота и его сотрудников, даже для копирования изображений требовались незаурядная выносливость, сила и ловкость). И это — в отнюдь не легких условиях неолитического быта, когда руки каждого охотника, воина, пастуха на вес золота, даже в богатых разнообразной фауной и флорой условиях Сахары того времени! Перед этими соображениями должны отступить аргументы сторонников «чистого искусства». Конечно, извечно свойственное человеку стремление к творчеству — необходимый компонент искусства неолитического, как и любого искусства. Но именно потому это стремление, как неизменный фактор, следует «вынести за скобки». Пока творческая потенция человечества не выделилась в обособленную сферу деятельности, не приобрела самостоятельной ценности, эта жажда творчества является лишь психофизическим фактором жизнедеятельности человека вообще, а не определяет специализированных занятий людей искусства.

Искусство исторически отстаивает свое существование как самостоятельной области человеческой деятельности с большими трудностями. Лишь на поздней стадии высокоразвитой культурной традиции его главным самооправданием и смыслом начинает казаться потребность художника в самовыражении. Но если бы древнее искусство служило только самовыражению, то традиционное общество не дало бы ему существовать, как чему-то не соответствующему интересам коллектива людей. Только в ее общее отношение к такого рода деятельности, как к чему-то исключительно важному, без чего невозможно нормальное бытие человеческого коллектива, могло обеспечить древнему человеку «право на творчество».

Искусство было нужно неолитическому роду. Оно получило право на общественное существование в условиях первобытности оттого, что являлось формой познания.

Для древнего человека познание еще не расчленялось на бесстрастное изучение объектов и законов их действия с помощью логических средств (науку) и на познание нашего отношения к этим объектам (искусство). Там, где человек не обладает и в своем языке достаточно развитыми абстрактными категориями как средствами обобщения своего познания, — там он вынужден обобщать с помощью образно-эмоциональных средств (тропов — метафор, метонимий, олицетворений и т. п.), то есть приемов, впоследствии присущих только художественному мышлению. Между тем первобытный человек пользуется тропами (явление, которое мы называем мифологией) не только для объяснения окружающего его большого мира, но и в повседневной практике. Когда первобытный человек, чтобы выразить абстрактное число «пять», говорит «рука» (что вполне обычно в языках человеческих сообществ на ранней стадии развития), то это — троп (метонимия). В современном мире искусство как познание эмоционального отношения человека к миру — достояние специализированной группы общества (художников, писателей, артистов, музыкантов). Но это потому, что и практическое, и научное познание мира тоже выделено специализированным группам общества (техникам, ученым) как их особая область. Такого расчленения общества люди неолита еще не знали.

Казалось бы, социальную роль первобытного художника естественно сопоставить с ролью шамана, жреца, служителя древнего культа. Однако резонно ли сводить все многообразие жанров и сюжетов сахарских наскальных изображений к ритуально-культовой функции? А. Лот показывает, что изображения, имеющие явный или вероятный ритуальный характер, выделяются из общей массы и по сюжету, и по местонахождению. Так, росписи, предположительно связанные с обрядом инициации юношества, обнаруживаются в потаенных пещерах и укрытиях, напоминая этим пещерные памятники первобытного искусства Испании и Франции, тоже тщательно скрытые от постороннего взгляда.

Однако в Сахаре есть великое множество и других изображений — на открытых местах, как будто специально предназначенных для всеобщего обозрения. И во многих сценах — пастушеских, батальных, бытовых, сексуальных, юмористических, наконец, — нелегко усмотреть культовое содержание.

На наш взгляд, функция первобытного искусства, сахарского, по крайней мере, шире чисто культовой — это функция культурная. Если понимать культуру как совокупность и результат различных видов деятельности, закрепляющихся и накапливающихся в человеческом сообществе в виде опыта, то неолитическое искусство оказывается одним из древнейших средств, созданных человеком для осмысления, накопления и передачи в поколениях этого экзистенциально значимого опыта.

Мы, конечно, имеем здесь в виду не одну лишь передачу каких-то навыков и конкретных сведений хозяйственного характера, связанных с охотой, скотоводством, примитивными ремеслами, устройством становища и жилища, лекарственными средствами, обучением детей, ориентированием на местности и так далее (как в явной, так и в «закодированной», или символической форме), но всю богатейшую совокупность человеческих представлений о себе, о других людях, об окружающем мире — то есть все то, что в исторически засвидетельствованных развитых культурах и цивилизациях осмысляется, закрепляется и развивается с помощью религиозной традиции, искусства, литературы, философии, науки и прочего.

Для любого первобытного общества, особенно для достаточно развитого, громадную роль играет передача традиции из поколения в поколение. Традиция указывает каждому члену коллектива его стабильное место в мире, определяет его понятия о своем и чужом, дружелюбном и враждебном; традиция — это и школа, и эстетическая ценность, и мудрость. Хорошо известно, что в дописьменную эпоху роль передатчика культурной традиции, в первую очередь, выполняет изустное предание; однако возможности его ограничены как определенным объемом информации, так и определенной временной протяженностью, хотя и то и другое достигает порой удивительно больших величин.

Но огромное преимущество имеет традиция, передаваемая зримо. Для нас нет сомнения, что наскальное искусство неолитической Сахары играло роль именно передатчика родоплеменной традиции. Эти звери — не только объекты охоты, но и предки отдельных родов и в то же время, может быть, божества — они и добыча, и грозные враги, и друзья; пастухи, загоняющие коров, — это и воины, прославленные герои и учителя прошлого; эти женщины — праматери или девы, восславленные в преданиях любовью; тут и духи, и шуты, и выдумщики — трикстеры, и легендарные предки. Все они, без сомнения, были персонажами, знакомыми по сказаниям и ставившимися в поучение. На скалах вокруг

обиталищ неолитических людей Сахары разворачивается мифологическая и фольклорная традиция, заменявшая им и историю народа, и школу жизни. Для нас эти поражающие воображение картины наполовину немые, как некоторые картины в Эрмитаже, повествующие об уже неизвестных современному зрителю мифах; для древних они жили, потому что дополнялись устными рассказами.

Следует иметь в виду и тот хорошо проиллюстрированный в книге Лота факт, что в Сахаре времен неолита передвигались, оседали, сталкивались и смешивались самые разные группы населения и антропологические типы, очевидно, говорившие, добавим от себя, и на разнообразных диалектах и языках, что делает не столь уж рискованным предположение о роли наскального искусства еще и как межэтнического, межъязыкового средства передачи культурной информации, подобного языку жестов индейцев Северной Америки.

Это тем более вероятно, что именно здесь, в Западной и Центральной Сахаре, как нам представляется, начинался на базе этнически, а иногда и антропологически разнородных элементов процесс формирования целого ряда культур и новых этнолингвистических коллективов Северной и Центральной Африки — таких, как протоливийцы, протогуанчи, проточадцы, протофульбе и другие.

Некоторые изображения свидетельствуют о том, что в «период полорогих» — эпоху наибольшего расцвета неолитической культуры Сахары — ее населяли представители по меньшей мере трех антропологических рас: европеоидной (белой), или евразийской большой расы (неясно, какой или каких именно из малых рас, на которые она распадается), и двух малых рас негроидной большой расы — а именно эфиопской (как бы переходной между европеоидной и негроидной) и негроской.

Все исторически засвидетельствованные автохтонные группы населения Северной Африки и Сахары, а также многие популяции прилегающего региона Передней Азии, принадлежащие к европеоидной расе, говорили и говорят на языках, входящих в афразийскую* или, как ее раньше называли, семито-хамитскую языковую семью. Это, во-первых, семитские языки (ассиро-вавилонский, или аккадский; арамейский; древне-, средне- и новоеврейский, или иврит; финикийско-пунический; арабский; древнеэфиопский; амхарский; эпиграфический минео-сабейский; несколько живых языков Южной Аравии и острова Сокотра, а также ряд других мертвых и живых языков). На них говорили первоначально в Передней Азии, но позже арабский, а также древнеэфиопский амхарский и ряд других «эфиосемитских» языков распространились и в Африке, в том числе среди эфиопоидов. Европеоидами были и носители древнеегипетского языка в долине Нила**. Сюда же относится другая африканская ветвь афразийской семьи — берберо-ливийские языки, на которых говорит сейчас половина населения Марокко (то есть около 10 млн. человек), пятая часть населения Алжира (4 млн.), в том числе туареги, и отдельные небольшие этнические группы еще в десяти странах Африки севернее 10° параллели, а в древности говорили ливийцы — соседи Древнего Египта, многочисленные упоминания о ко-

* Афразийской она названа потому, что это единственная языковая семья, языки-члены которой распространены и в Азии и в Африке.

** Речь идет о мертвом языке Древнего Египта (а не о современном египетском диалекте арабского языка), прямым потомком которого является коптский — язык египетских христиан, ныне используемый только в богослужебных целях. Иероглифическая письменность египетского языка была дешифрована Ж. Ф. Шампольоном.

торых содержатся в египетских и античных источниках; и, наконец, берберо-ливийским близко родственны и вымершие гуанчские языки, на которых говорило во многих отношениях загадочное древнее население Канарских островов (напротив северо-западного побережья Африки), частично истребленное, но большей частью ассимилированное европейскими колонистами в XV—XVII веках.

Другие афразийские языки Африки — кушитские и омотские — распространены в Эфиопии, Сомали, Судане, Кении и Танзании; говорят на них негроиды эфиопской малой расы. А еще одна ветвь афразийских языков — чадская (на которой говорит народ хауса и другие в Нигерии, а также в Нигере, Камеруне, Чаде) — распространена исключительно среди негрского населения.

Принадлежность разных языков к одной языковой семье, то есть их родство, подразумевает наличие единого, общего для них языка-предка. Иными словами, когда-то в древности должен был существовать праафразийский язык, на котором говорил единый человеческий коллектив, обитавший на каком-то вполне конкретном и ограниченном пространстве. Каким бы глубоким и интенсивным внутренним трансформациям и внешним влияниям ни подвергались в дальнейшем языки-потомки, родство их всегда может быть обнаружено и сами они прослежены до общего языка-предка. А этот язык-предок может быть реконструирован методами современного сравнительно-исторического языкознания.

В отличие от праафразийского языка, являющегося предком всех современных афразийских языков, тот коллектив, который на нем говорил, совсем не обязательно должен быть генетически предком человеческих сообществ, говоривших или говорящих в наше время на тех или иных афразийских языках. Лингвистическое родство часто не совпадает с антропологическим и этническим, так как языки могут передаваться от одного народа к другому — например, в результате совместного проживания, ассимиляции, сильного культурного влияния, завоевания. Так, весьма вероятно, что некоторые народы негрской расы потому сейчас говорят на чадских языках, принадлежащих к афразийской языковой семье, что они восприняли их от сравнительно малочисленной группы пришельцев — европеоидов или эфиопоидов, которая по каким-то историческим причинам оказывала на своих соседей большое культурное влияние, но в конце концов была ассимилирована ими.

Обратное положение наблюдается у народа скотоводов фульбе, распространенного в разных частях саванн Западной Африки. Они говорят на одном из так называемых западноатлантических языков, причем на остальных языках этой языковой семьи говорят только представители негрской расы. Тем не менее сами фульбе в антропологическом отношении принадлежат не к негрской, а к эфиопской малой расе большой негроидной расы; все остальные эфиопоиды сейчас говорят только на языках афразийской языковой семьи (кушитских, омотских и семитских).

Где же и когда существовал язык-предок афразийцев? Один из авторов настоящего «Послесловия» некоторое время назад склонялся к тому, что прародиной афразийских языков, то есть территорией, на которой был распространен общеафразийский язык в период накануне его распада на отдельные диалекты, была северо-восточная Африка, точнее, северо-западная часть Республики Судан к югу от Ливийской пустыни, или восточная часть Сахарской пустыни.

Однако последние, полученные вторым автором результаты свидетельствуют в пользу того, что возможно и другое решение проблемы

прародины афразийских языков. По новой гипотезе эти языки происходят из Азии — древних Месопотамии, Сирии, Палестины, Ливана и Аравии.

Есть основания считать, что после распада праафразийского языка (XI—X тысячелетия до н. э.) его диалекты — прасемитский, праегипетский, праливийско-гуанчский, пракушитский, праомотский, прачадский, а возможно, и другие, не сохранившиеся до наших дней или пока не выявленные, — еще несколько тысячелетий после своего отделения друг от друга продолжали оставаться в Передней Азии (по-видимому, на Аравийском полуострове), а затем все они (кроме прасемитского, который, начав на рубеже VI и V тысячелетий до н. э., в свою очередь, ветвиться на диалекты, распространился в пределах того же переднеазиатского ареала) в разное время оказываются занесенными на африканский материк в ходе миграций неолитических племен.

Какова могла быть причина этих миграций? На это и прежняя и нынешняя гипотезы дают один и тот же ответ: в результате окончания первого неолитического климатического оптимума (VIII—VII тысячелетия до н. э.) и наступления первого этапа аридизации (превращения в пустыню) Аравийского полуострова и особенно Восточной Сахары (Ливийской пустыни).

Как и когда могли проходить эти миграции с азиатского материка на африканский?

Чисто водный путь на большие расстояния, пожалуй, следует считать наименее реальным: даже для IV—III тысячелетий до н. э., когда морские перевозки ограниченной дальности были уже вполне возможны, не вероятно наличие регулярного судоходства или целых флотилий, способных транспортировать тысячи, а скорее десятки тысяч людей — именно такими должны были быть размеры каждой миграционной волны; группы меньшей численности вряд ли могли сохранить свое языковое своеобразие в иноязычном окружении.

Существует путь по суше через Синайский полуостров. Он вероятен, однако археологический материал с Синая довольно скуден и мало что дает для интересующей нас эпохи раннего неолита, что связано, по-видимому, с упоминавшимся ухудшением природно-климатических условий около VI тысячелетия до н. э.; более ранние археологические памятники тем не менее указывают на то, что этот путь афро-азиатских контактов был известен еще в мезолите. Следует, однако, иметь в виду, что нынешняя дельта Нила представляла собой до периода аридизации болото или залив, а долина Нила была тоже заболочена и малопригодна для обитания. Связи с Африкой должны были осуществляться скорее через нынешнюю пустыню между Красным морем и долиной Нила и через уэд Хаммамат, который был тогда притоком Нила.

Реален также путь из Аравии через Баб эль-Мандебский пролив. Если навигационные условия в районе Баб эль-Мандеба были в древности благоприятнее, чем теперь (в исторические времена они всегда были известны своей сложностью: ладьи выносит течением в океан), то три десятка километров через пролив — расстояние в общем-то преодолимое и для простейших плавучих средств; впрочем, и в наши дни, по мнению специалистов, можно, используя течения и попутный ветер, преодолеть путь между двумя материками на лодках или плотках, хотя и не по наикратчайшей линии.

Итак, посмотрим на карту Африки и попробуем представить себе

дальнейший маршрут афразийскоязычных мигрантов из двух точек — северной (Синай) и южной (побережье в современном Джибути) — уже по африканской земле к территории последующего известного нам распространения афразийских языков.

Кажется естественным, что носители кушитских и омотских языков должны были прийти из Азии южным путем; продвигаясь в близлежащие области, они постепенно смешивались с местным негроидным населением, воспринявшим в конце концов язык пришельцев (при этом, возможно, и складывалась эфиопская малая раса). Лингвистические данные как будто указывают на очень раннее отчленение кушитских и особенно омотских языков от афразийского предка.

Этнически сходная судьба постигла носителей чадских языков, подвергшихся полной ассимиляции в среде принявших их языки негроидных аборигенов Центральной Африки. Их миграцию в направлении озера Чад можно представить как движение не только напрямик, на запад, но и через Центральную Сахару — как можно вообразить, после проникновения на африканский материк тем же южным трансаравийским путем.

Термины «движение», «переход» в данном контексте весьма условны; точнее было бы описать это явление как порой длительное — многолетнее или даже многовековое — обитание с постепенным смещением в определенном направлении; это не значит, что не было и «одномоментных» бросков, — например, для преодоления труднопроходимых участков пути, водных преград и прочего.

Для носителей праегипетского языка, возможно особо близкого прачадскому, уже по первоначальной гипотезе И. М. Дьяконова предполагался путь в Нильскую долину с юга, из Эфиопии; в любом случае спуск их в южную часть Нильской долины должен был, по-видимому, произойти не позже чем в V — первой половине IV тысячелетия до н. э.

Нас в настоящей книге должны более всего интересовать не те племена, которые только прошли через Сахару или мимо нее, а те, которые жили там тысячелетиями. В Сахаре* не позднее начала — середины III тысячелетия до н. э. засвидетельствованы ливийцы**, одну группу которых египетские источники этого времени — эпохи Древнего царства — называют «чимх» (от *kimhu* — по-видимому, «черные», то есть брюнеты, меланохрои), а другую — «чихну» (от *kih[n]aw**** — «светлые», то есть блондины, ксантохрои). Общеизвестно, что ливийцы — предки европеоидного населения Северной Африки, которое называет себя *имазиген* (единственное число — *амазиг*) и которому завоеватели-арабы присвоили в средние века утвердившееся за ним прозвище *берберы* (от греческого *барбарой*, то есть «чужестранцы»).

* Древнейшие, а именно египетские источники упоминают ливийцев в Восточной Сахаре; но это область, обратившаяся в песчаную пустыню чрезвычайно рано, и она вряд ли могла быть родиной ливийцев, которую надо искать в Центральной и Западной Сахаре, в долинах нагорий — тассили.

** Греческое, латинское *Libyæ*, египетское демотическое *gbw* (условное чтение; на самом деле, вероятно, *lubū*), древнееврейское *lūbīm* и, возможно, *lēhabīm* (упоминаются в Библии в Книге Бытия, гл. 10, стих 13). Ливией в античных источниках называлась Африка в целом или только Северная Африка, а ливийцами — светложее население Северной Африки, не включая сюда египтян.

*** Именно на такие прочтения указывают фонетические закономерности египетского языка периодов Старого и Среднего царств: принятые в исторической науке названия *темеху* и *техену* основаны на гораздо более позднем (новоегипетском) произношении и его передаче в античных источниках.

К числу берберов принадлежат и туареги Сахары. Берберский язык называется *тамазиг*, а языки туарегов, в зависимости от местного произношения, — *тамахак*, *тамашек* или *тамажек*.

Нам представляется, что часть ливийцев-кихну явились предками также и аборигенов Канарских островов, так называемых гуанчей. Группа островных языков, на которых говорили гуанчи, близка ливийско-берберским и составляет вместе с ними общую ливийско-гуанчскую ветвь афразийской семьи языков. По некоторым лингвистическим и экстралингвистическим соображениям, распад этой ветви на две группы, соответствующий этническому отделению предков гуанчей от предков берберо-ливийцев, следует датировать началом — серединой III тысячелетия до н. э., то есть синхронно «периоду полорогих» в Сахаре, согласно классификации Лота.

Носители ливийско-гуанчского языка продвинулись в тогда еще плодородную Сахару с юго-востока — из этого исходят обе гипотезы и об этом свидетельствуют многие обоюдные заимствования и контактные слова, общие для ливийских и гуанчских языков и языков, носители которых обитают (и, судя по всему, обитали в древности) на всем протяжении этого пути, — кушитских, омотских, нилотских, нубийских*.

Протогуанчи, вероятно, еще на африканском материке образовывали отдельную группу населения (кихну?), близкую по языку, но не идентичную другим, собственно ливийским или ливийско-берберским племенам. Можно предположить, что у них были и свои особые пути передвижения.

Где же проходили пути протогуанчей? Здесь тоже теоретически возможно несколько вариантов. Первый — на запад, вдоль средиземноморского побережья; не в его пользу говорит тот факт, что именно северное побережье Африки было уже, видимо, к этому времени (конец III — начало II тысячелетия до н. э.) довольно плотно заселено, а переход через территорию чужих и многочисленных племен, во-первых, как правило, весьма затруднителен, а во-вторых, должен оставлять ощутимые следы в языке и культуре.

Второй путь — от залива Сирт (современный залив Сидра в Ливии) на юго-запад через оазис Сокна до оазиса Гат; или же от побережья Средиземного моря в районе современного Триполи через горный массив Джебель Нефуса и оазис Гадамес до того же Гата; от Гата на юго-запад через горные районы Тассили-н-Аджер, Ахаггар, Тассили-н-Ахаггар, Ифорас до района Гао-Бурем на реке Нигер. Это классический путь ливийских караванов, засвидетельствованный с начала нашей эры, но существовавший и до того не одно тысячелетие; об этом говорит обилие наскальных изображений всех периодов, в частности колесниц II—I тысячелетий до н. э., именно на протяжении названного пути. Этим же путем впоследствии пытались проникнуть в Сахару и римские легионы (согласно предположению А. Лота, так добрался до самого Нигера Корнелий Бальб со своим отрядом). По нему же, возможно, отступали когда-то под натиском арабских завоевателей и исламизованных ими берберских племен наиболее вероятные предки значительной части современных туарегских племен Са-

* Характерный пример: нилотско-нубийское *аман* — «вода, Нил», заимствованное из ливийско-гуанчского *ама* — «вода» (буквально — «вóды») и объясняющееся, вероятно, тем, что нубийцы, появившись на берегах Нила, еще застали там ливийскоязычное население.

хары — знаменитые гараманты (к тому времени уже давно потерявшие из-за увеличившейся суши своих колесничных коней).

Далее, долгий путь в северо-западном направлении выводил к юго-западному побережью Марокко, откуда в сотне километров находился ближайший к африканскому берегу остров Канарского архипелага — Фуэртевентура.

Третий путь, менее известный, — от Гадамеса, прямо на запад вдоль 30° параллели — выводит к южной оконечности Атласских гор и к тому же марокканскому побережью напротив Канарских островов.

В языке и культуре гуанчей имеется ряд черт, свидетельствующих о контактах с различными народами континентальной Африки. Трудно, однако, отличить свидетельства более древних контактов (например, с египтянами) — периода гипотетического обитания протогуанчей на африканском материке — от более поздних, учитывая, что знакомство с Канарскими, или так называемыми Счастливыми, островами карфагенян и других финикийских (а позже и греческих) мореплавателей можно считать вполне достоверным фактом.

Думается, тем не менее, что именно путь через Сахару может объяснить ряд слов, заимствованных в гуанчские языки (и отсутствующих в родственных ливийско-берберских) из языков народов, населяющих Центральную и Западную Африку, в частности из чадских языков. Чадские заимствования встречаются даже в ядре основной гуанчской лексики; например *та-зайкате* — «сердце» в гуанчском языке острова Гран Канария нельзя не сопоставить со словом *зуката* в языке хауса со значением «сердца» (во множественном числе). Это указывает на значительную древность гуанчско-чадских контактов, препятствуя объяснению этих слов контактами поздними.

По данным Лота, древнейшие неолитические культуры Сахары — «периода буйвола» и «периода круглоголовых», — хронологическое соотношение между которыми, видимо, не вполне ясно, — были созданы населением, негроидным в антропологическом отношении (примерно между VIII и V тысячелетиями до н. э.). Наиболее же значительная культура была создана пастушескими племенами, разводившими огромные стада коз, коров и быков, а также, может быть, газелей. Это культура так называемого «периода полорогих» (V — конец III тысячелетия до н. э.). Население, создававшее эту культуру, было антропологически смешанным — Лот регистрирует индивидов негрской, эфиопской и европеоидной рас. Древние ливийцы, засвидетельствованные египетскими, греческими и латинскими памятниками III тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э., были, как уже упоминалось, европеоидами, как смуглыми, так и светлыми.

В конце III тысячелетия до н. э. скальные росписи «периода полорогих» обрываются, и новых не появляется в течение без малого тысячи лет. Причина вряд ли может вызвать сомнение: на II тысячелетие до н. э. выпал засушливый период в истории Земли; Сахара наступала, уэды пересыхали. Люди должны были уходить.

Новые росписи на скалах Сахары появляются лишь во второй половине II тысячелетия до н. э. К этому времени ушли из Восточной Сахары негроиды (предки чадцев?), ушли эфиопиды (предки фульбе?) *. Остались одни европеоиды — очевидно, ливийцы. Именно им, и

* По крайней мере, они исчезают из росписей. Негры в современной Восточной Сахаре — вторичного происхождения, результат захвата рабов. Но антропологические негроиды обитают поныне в Центральной Сахаре.

особенно таким племенам, как гараманты (нынешний оазис Джерма), фазани (Феззан) и другие, принадлежит великолепная культура «периода колесниц» эпохи металла (вторая половина II—I тысячелетие до н. э.). Именно эти ливийцы покорили Египет и создали в нем XXII и XXIII династии, правившие в X—VIII веках до н. э. Ливийцы обладали и собственной письменностью, вернее, несколькими ее разновидностями; надписи находят по всей Северной Африке вплоть до Канарских островов. Потомком этой письменности (письмо *тифинаг*) пользуются и по сей день туареги.

Нынешние берберы, в том числе и туареги, — тоже европеоиды. На севере, в горах Атласа, сохраняются еще каштанововолосые и голубоглазые группы населения, но большая часть берберов сильно смешана с арабами (европеоидами кареглазой средиземноморской малой расы) и даже — хотя в значительно меньшей степени — с негроидами. Однако по языку это, несомненно, прямые потомки древних ливийцев.

Население Канарских островов и сейчас во многом имеет тот же антропологический характер, что и во времена до испанской колонизации XV столетия. Наиболее архаичен еще хорошо сохранявшийся к XIX веку очень рослый, длинноголовый, широкоскулый тип, по антропологическим признакам более всего сходный с кроманьонцами верхнего палеолита Западной Европы, светлокожий, светловолосый и светлоглазый. Вот почему мы склонны связывать гуанчей с ливийцами-кихну египетских источников. Наряду с ними на Канарских островах, видимо, издревле жили низкорослые и круглоголовые, более темнокожие люди. Значительную часть населения островов составляют брюнеты средиземноморской малой расы европеоидов — сейчас уже невозможно сказать, обязаны ли острова появлением этого типа испанскому завоеванию, или и более ранним переселениям арабов, берберов, финикийцев, или же, наконец, этот тип с самого начала входил в состав гуанчских племен.

Заметим, что и туареги по многим антропологическим чертам напоминают кроманьонцев. Если они не так высокорослы, как кроманьонцы верхнего палеолита Европы или коренные гуанчи, то это естественно объясняется весьма скудным пищевым рационом, который, как подчеркивает Лот, только и возможен был в Сахаре нового времени. Смуглый цвет кожи туарегов объясняется, очевидно, непрерывным смешением с людьми средиземноморской, эфиопской и негрской рас начиная еще с «периода полорогих».

Именно последний этап «периода полорогих» (III тысячелетие до н. э., время так называемого «второго неолитического климатического оптимума») следует, возможно, считать эпохой, когда афразийские языки, и именно их гуанчская подветвь, достигли Западной Сахары. Процесс проникновения сюда этих языков нужно считать сложным, — вероятно, гораздо более сложным, чем позволяют пока судить как лингвистические, так и археологические источники. Надо полагать, что соприкоснулись тогда не три расы, как думает Лот, а четыре. Дело в том, что у нас нет никаких оснований считать носителей праафразийского языка — если его прародина была в Передней Азии — рослыми блондинами; напротив, в Передней Азии, да и по всему Среднему Востоку вплоть до юга Средней Азии и севера Индии, издревле засвидетельствована только смуглая средиземноморская, или индо-средиземноморская раса; если носители праафразийского языка были рослыми блондинами, то они должны были бы появиться в Африке

еще в верхнем палеолите, в эпоху вюрмского оледенения, когда уровень Средиземного моря стоял низко и от Апеннинского полуострова до Туниса тянулась сплошная цепочка островов, да и Гибралтарский пролив, возможно, было легче пересечь на примитивных лодках, чем в более поздние времена.

Если светлокожие европеоиды атлантического типа, жившие в Западной и Восточной Сахаре наряду с представителями других рас*, и не были изначально носителями праафразийского языка, то во всяком случае ясно, во-первых, что они должны были прийти в Африку чрезвычайно рано, а во-вторых, что к началу II тысячелетия именно они составили значительную часть ливийскоязычного населения (ливийцев-кихну).

Собрав все разрозненные фрагменты изложенных выше фактов и рассуждений, попытаемся восстановить некую мозаичную картину, возвращающую нас к вопросу о том, кем могли быть люди, изображенные на росписях и наскальных рисунках Сахары.

С негроидными персонажами дело обстоит сравнительно просто — по крайней мере ясно, что это исконные африканцы, антропологические предки ряда современных народов, населяющих Центральную и Западную Африку. Изображения «периода буйвола» и «круглоголовых» (по классификации Лота) — явно дело рук негроидных племен, древнейших обитателей Сахары.

Что касается эфиопоидов, то здесь Африка не скупится на загадки. Так, трудно не согласиться с Лотом, усматривающим сходство одного из таких типов на наскальных изображениях с упоминавшимся современными пастухами фульбе — народом сложного, неясного происхождения и весьма своеобразного жизненного уклада. Приводимые автором параллели между фактами из быта фульбе и деталями наскальных изображений очень убедительны, особенно когда некоторые сцены непонятного содержания удается объяснить исходя из верований и представлений сегодняшних фульбе. Но не забудем при этом, что между традиционным, лишь в наши дни начинающим понемногу трансформироваться мироощущением современного нам народа и сценами из жизни древних пастухов Сахары — расстояние в 5—7 тысяч лет. При этом современные фульбе говорят на языке, не типичном для эфиопской расы и, вероятно, воспринятом ими вторично. Если тем не менее удастся более полно и подробно, а главное — системно интерпретировать древние изображения через описание культуры современного народа, это будет уникальным этнокультурным экспериментом, открывающим немислимые по своей хронологической глубине преемственность и сохранность культурной традиции.

На многих росписях и петроглифах Сахары представители всех

* Практически светлокожие европеоиды атлантического типа реально засвидетельствованы: 1) в египетских росписях, изображающих ливийцев-кихну конца II — начала I тысячелетия до н. э., живших у западных границ Египта, т. е. в Восточной Сахаре; 2) на Канарских островах, как потомки гуанчей; 3) сюда же можно отнести и голубоглазых берберов-шатенов Атласских гор (северный Алжир и Марокко). Таким образом, прямых свидетельств об этом расовом типе в Западной Сахаре нет, так как по росписям, изучавшимся Лотом, невозможно определить, являются ли изображенные на них европеоиды светлокожими или смуглокожими или теми и другими (что наиболее вероятно). Однако, поскольку Восточная Сахара подверглась очень ранней аридизации, здесь вряд ли следует искать родину какой бы то ни было значительной популяции; кроме того, имея в виду, вероятно, европейское происхождение светлокожих европеоидов, правильнее предположить, что в Восточную Сахару они попали уже вторично, с гор Атласа или из Западной Сахары.

основных антропологических рас этой части африканского материка и Африки в целом воспроизведены в разных сочетаниях в общих сценах охоты, битв, хозяйственной деятельности. На наш взгляд, эти сцены отражают различные виды и этапы контактов между черными аборигенами и белыми пришельцами — от их враждебного противостояния друг другу до мирного совместного обитания и этнического смешения, возможно приводившего к формированию нового антропологического типа (эфиопидного, как, в частности, у фульбе) или к антропологической ассимиляции европеоидных групп численно превосходящими их негроидами. Те же тесные контакты приводили в ряде случаев к принятию аборигенами языка и, вероятно, существенных элементов образа жизни и культуры пришельцев (как в ситуации с проточадцами), или наоборот (как, быть может, в случае с фульбе).

Поэтому можно сказать, что в создании великого искусства неолитической Сахары V—III тысячелетий до н. э. фактически участвовали представители всех главнейших популяций, из которых образовались нынешние африканцы. Но при этом весьма вероятно, что создатели рассматриваемой культуры уже говорили на языках афразийской семьи (прачадском, прагуанчском, праливийском, может быть, и праегипетском диалектах) или же, по крайней мере (если иметь в виду негроидов-чадцев), начинали воспринимать эти языки.

С этнической и лингвистической проблематикой тесно связана проблематика культурно-хозяйственная. Среди археологов и историков бытуют две противоположные точки зрения на происхождение земледелия и скотоводства в Африке. Согласно одной из них, по понятным причинам разделяемой многими учеными из молодых африканских государств, эти два важнейших достижения неолитической материальной культуры возникли на местной почве, независимо от внешних влияний. Согласно другой, более традиционной, они были принесены извне, а именно из Передней Азии. В чисто хронологическом плане приоритет переднеазиатского региона над североафриканским не вызывает сомнений (районы южнее Сахары археологически исследованы много хуже, но во всяком случае дают гораздо более поздние датировки): в предгорных областях Малой и Передней Азии радиоуглеродный анализ найденных на древних селищах зерен указывает на VIII или даже IX тысячелетие до н. э. как начало культивации злаковых. Относительно африканского материка сегодня мы располагаем более или менее достоверными и датируемыми данными лишь для Египта и некоторых приморских районов Киренаики (современная Ливия), где наиболее древние свидетельства о начатках земледелия как будто указывают на VI—V, возможно VII тысячелетие до н. э. (Набта Плайя). Примерно так же дело обстоит и с вопросом об одомашнивании скота: в отдельных районах Передней Азии скотоводство хорошо засвидетельствовано археологически с IX—VIII, а в Северной Африке (даже в Египте) лишь с V тысячелетия до н. э. Нам представляется убедительной позиция тех исследователей, которые считают, что на возникновение земледельческо-скотоводческого комплекса в Африке решающим образом повлияли импульсы, исходящие из Азии, однако облик его в целом сформировался как традиционно африканский.

А. Лот убедительно показывает, что еще пастухи «периода полорогих» в V—III тысячелетиях до н. э. жали только дикие злаки. Наличие земледелия в Сахаре надежно установлено лишь со II тысячелетия до н. э., тогда как разведение мелкого и крупного рогатого ско-

та * археологи датируют более ранним временем. Не совсем ясно, являются ли буйволы раннеолитических периодов изображениями только диких или же, хотя бы частично, и прирученных особей. Но к V тысячелетию до н. э. одомашнивание скота в Северной Африке совершилось — примерно к этому времени Лот относит начало «периода полорогих», то есть собственно скотоводческой эпохи в искусстве Сахары.

Вопрос состоит в том, удастся ли в ходе дальнейших исследований увязать азиатские импульсы к возникновению скотоводства в Африке с появлением изображений европеоидных пастухов со своими стадами на скалах горных массивов Восточной, Центральной и Западной Сахары (и еще вопрос: какой группы европеоидов — кимху или кихну?).

Крайне любопытные параллели сахарскому искусству можно увидеть в наскальных изображениях Негева в Палестине и особенно центральной Аравии; последние анализированы известным специалистом по первобытному искусству итальянским ученым Э. Анати. Однако сравнительное исследование аравийских и сахарских изображений, от которого можно многого ожидать, пока еще никем не предпринималось.

Значение проделанной Лотом и его сотрудниками работы пока даже трудно оценить по достоинству. Тысячи и тысячи открытых, скопированных, а значит сохраненных для истории наскальных изображений еще ждут своего и научного и искусствоведческого анализа. Экспедиции Лота — не единственные и не первые, работавшие над памятниками Сахары. Но они, безусловно, самые методичные, масштабные и удачливые в этой проводимой в Сахаре грандиозной кампании по узнаванию и сбережению такого громадного осязаемого скола нашего прошлого — прошлого рода человеческого, который (сегодня это ясно как никогда) един на Земле и, вероятно, уникален во Вселенной.

И здесь нельзя не упомянуть еще об одном качестве Лота-исследователя, а значит, и еще об одном достоинстве этой книги. Лот не только знаток древностей. Сахара для него не просто объект исследования, но второй дом, а населяющие ее люди — туареги, негры, арабы — соседи, знакомые и друзья, встречаясь с которыми раз в несколько лет автор беседует о жизни и делах племени, делится скудным экспедиционным пайком и драгоценной сывороткой от змеиного яда и знает, что на них можно положиться в трудный час.

На долю Лота выпало редкое для историка культуры счастье — общаться не только с извлеченными из земли костями и черепками, не только с древними рукописями и росписями, но и с живыми людьми — сегодняшними наследниками и носителями этой культуры. вкладывающими бережное, теплое чувство в рациональную, поневоле несколько отвлеченную стихию научного поиска.

А. Лот в полной мере ощущает великую тревогу и ответственность европейского интеллектуала за судьбу этих людей, живущих за окраиной цивилизованного мира, чье существование сегодня висит на волоске из-за катастрофического ухудшения почвенно-климатических условий Великой пустыни.

Дело в том, что Сахара — в некотором смысле одна из величайших

* Бросающееся в глаза преобладание крупного рогатого скота над мелким — козами и овцами — на сахарских росписях объясняется, вероятно, не фактическим положением вещей, а престижными и культовыми соображениями древних пастухов-художников; на самом деле преобладал, скорее всего, как раз мелкий скот.

неудач человека в сложной драматической истории его взаимоотношений с окружающим миром (конечно, мы исключаем из сравнения нынешнюю экологическую ситуацию, обусловленную новейшим развитием нашей цивилизации). Гигантский цветущий сад за несколько тысячелетий превратился в бесплодную пустыню, неспособную прокормить даже самое малочисленное население, чудом еще не покинувшее эту ныне столь безрадостную землю. По мнению ученых, дело здесь не столько в спонтанной и фатальной деградации природных условий типа ледникового периода, сколько в отрицательных последствиях нерациональной человеческой деятельности за тысячелетия.

Чтобы разобраться в причинах высыхания Сахары, необходимо тщательным образом изучить ее историю, историю ее отношений с человеком; важнейшим историческим источником здесь является наскальное искусство. А разобраться в сахарской ситуации человечеству жизненно важно и для спасения обитателей пустыни (и соседствующей с ней на юге саванны), и для извлечения опыта из уроков прошлого, и для разработки стратегии отношений с Сахарой в будущем — ведь этот крупнейший естественный ландшафт засушливого пояса земли может когда-нибудь стать новым домом для миллионов людей и неисчерпаемой кладовой богатств человечества, а пока является одним из важнейших климатообразующих факторов земли.

В чисто научном плане книга А. Лота содержит много ценного, хотя в ней встречаются и спорные утверждения. Порой автор слишком увлекается своим материалом, восторг первооткрывателя заглушает в нем разумный скепсис аналитика. Возможно, Лот позволяет себе это именно потому, что его книга не научный опус, а живой эмоциональный рассказ о свидетельствах древней культуры Сахары и о сегодняшней жизни Великой пустыни, об азарте и тяжком труде исследователя.

*И. М. Дьяконов
А. Ю. Милитарев*

ПОЯСНЕНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. Анри Лот и его проводники-туареги пьют чай под скальным навесом в горном массиве И-н-Итинен, на стенах которого когда-то населявшие его люди времен неолита оставили многочисленные наскальные росписи.

2. Фотограф экспедиции Андре Вила в уэде Джерат делает снимки с рисунков на горизонтальных плитах. Поскольку большая часть рисунков расположена именно на таких плитах, пришлось соорудить складную лестницу из дюралюминиевых труб, которая позволила избежать искажений при съемке.

3. Под одним из скальных навесов в массиве Тиссукаи был обнаружен неолитический слой «периода полорогих», содержащий главным образом пищевые остатки и разложившийся помет крупного рогатого скота. Поскольку слой пришлось просеивать, чтобы отделить находящиеся в нем мелкие предметы, как-то: кремневые наконечники стрел, бусины из скорлупы страусовых яиц,— то занимавшийся этим сотрудник, чтобы не вдыхать поднимаемую ветром пыль, вынужден был надевать шахтерскую маску.

4. Один из членов экспедиции набирает воду из гельты в районе Титераст-н-Элиаса.

5. Группа больших жирафов (уэд Джерат), нарисованная на горизонтальных плитах в устье уэда Ти-н-Техед. Самый крупный жираф имеет в натуре высоту около 8,5 м. Ансамбль занимает 120 кв. м и представляет собой самый большой наскальный рисунок в мире.

6. Слон (уэд Джерат), относящийся к «периоду буйвола». Сюжет очень распространен в наскальном искусстве Сахары начиная с «периода буйвола» до настоящего времени, особенно в Аире, где слоны обитали еще менее ста лет назад. В уэде Джерат насчитывается 96 изображений, относящихся к разным периодам. Представленный на снимке слон вырезан на вертикальной плите; квадраты, которыми расчерчено ухо, должны изображать складки кожи на его внешней стороне. Ширина 1,8 м.

7. Рисунок «периода буйвола» на горизонтальной плите (уэд Джерат) представляет двух зверей из семейства кошачьих; один, по-видимому, собирается вцепиться другому в спину; нижний напоминает гепарда, верхний может изображать псовую гиену (*Licaon pletus*) или пятнистого волка, единственное животное этого семейства, обитающее в саване, но способное делать вылазки в пустынные районы, размером оно с гиену. Длина 90—105 см.

8. Двуполое животное семейства полорогих. Рисунок на вертикальной поверхности скалы (уэд Джерат), относящийся к «периоду полорогих». Это единственный подобный сюжет во всех рисунках и росписях, обнаруженных до сих пор в Центральной Сахаре. У фульбе он изображает обополого быка, которого считают прародителем стада и как бы его символом. Ширина 90 см.

9. Быки, вырезанные на горизонтальной плите уэда Джерат, относящиеся к «периоду буйвола». Лирообразные рога первого изображены в перспективе, а второго —

в фас, имеют форму дуги, а над ними виден символический предмет, встречающийся также на рисунках «периода полорогих». Длина 1,2 м.

10. Сцена разделки туши дикого осла (стоянка Тиссукаи), относящаяся к «периоду полорогих». На дикого осла, широко распространенного в Центральной Сахаре во времена неолита, охотились часто, как о том свидетельствуют сцены, в которых его преследуют лучники. Охотник, еще держащий в правой руке лук, приближается к туше, чтобы разделать ее,— доказательство того, что мясо животного употреблялось в пищу. Кости дикого осла были найдены в одном из неолитических слоев в Хоггаре. Одомашнивание его началось, вероятно, в это же время. К тому же периоду относится изображение осла с сидящим на нем верхом человеком.

11—14. Головы быков с росписи (И-н-Итинен), относящейся к «периоду полорогих». Обращают на себя внимание рога, почти всегда загнутые вниз, что, вероятно, было результатом искусственной деформации, поскольку на многих рогах сделана резьба.

15. Священные камни в форме сахарной головы, найденные в Тан-Хадидже (Тассили); их восемь, и они, вероятно, восходят к неолиту. Эти камни, должно быть, служили объектом культа, хотя никакая легенда с ними не связана.

16. Миска из песчаника эпохи неолита, найденная в Тиссукаи (Тассили); диаметр 22 см. По краю есть выемка, указывающая на то, что миску покрывали крышкой. Изготовление полированных каменных блюд и мисок было широко распространено в «период полорогих».

17. Большой жернов эпохи неолита, найденный в И-н-Итинене; вес 125 кг.

18. Гранитная скульптура, изображающая полорогое; найдена в районе Тамрита (Тассили); длина 20,3 см. До настоящего времени на Тассили было обнаружено около двух десятков подобных скульптур, несколько найдено в Хоггаре и одна — в Туате. Чаще всего они изображают полорогих, зайцев и человеческие фигурки. Одна из них была открыта на месте ее создания — в Джаббарене (Тассили) и датирована 3550 г. до н. э. Значит, эти скульптуры скорее всего относятся к неолиту, к «периоду полорогих».

19. Баран со «шлемом» (Бу Алем, Южный Оран); над ним человеческая фигура со щитом; высота около 1,5 м. Это один из лучших рисунков «периода буйвола» как с точки зрения прекрасной передачи формы и деталей, так и с точки зрения исполнения — правильным штрихом и превосходно отполированной поверхностью. Поскольку на голове барана диск, долгое время считалось, что он имеет связь с египетским богом-бараном Аммоном. Но теперь уже известно, что это не так и что рисунок гораздо старше, чем все изображения барана в Египте. Это вновь ставит вопрос о связях искусства и культов Египта и Сахары.

20. «Скорпион», вырезанный на вертикальной поверхности скалы (массив Гарет-эт-Талеб, Южный Оран); длина 6 м. Изображено мифическое животное, определить которое невозможно; оно состоит из отдельных расчерченных кольцами сегментов, имеет клешни и хвост, как у водных червей. Это самый большой наскальный рисунок в Южном Оране, относящийся к «периоду буйвола».

21. Схематическое изображение быков, стоящих в воде (Ти-н-Тазарифт). Изображен обряд лотори.

22. Роспись типа комиксов, изображающая «игру любви и случая» (Тимензузин, Тассили), относящаяся к «периоду полорогих». На земле лежит пара, перед которой женщина, поднимая руки, отмеряет ритм; справа вдохновленный этим зрелищем мужчина привлекает к себе женщину с очевидным намерением последовать примеру первых. Ниже мужчина направляется к сидящей женщине, поднявшей руки либо для того, чтобы ответить на его желания, либо, наоборот, чтобы выразить свое отвращение. В группе слева женщина жестом выражает отказ и пытается убежать.

23. Роспись со стоянки Ти-н-Теферис, относящаяся к «периоду круглоголовых». Человеческие фигуры, выполненные темной охрой, имеют очень большие головы, увенчанные рогами или перьями. Вся одежда состоит из набедренной повязки со свисающими концами. Некоторые фигуры бегут, другие сидят, причем дать истолкование их позам невозможно. Около голени самой большой фигуры изображен муфлон, окончуренный светлой охрой, так же как человеческая фигура впереди него.

24. Развалины города Ассод в Аире (Нигер), бывшего когда-то столицей туарегского племени кель эуи и насчитывавшего, вероятно, более трех тысяч жителей. Согласно преданиям, город основан около 1000 г. н. э. и был обитаем до 1917 г. Дома были целиком построены из камня, а в центре стояла большая мечеть. Кровельные балки были сделаны из стволов борассовой пальмы, но теперь это дерево, часто встречавшееся ранее в долинах Аира, здесь уже не растет.

25. Топоры и тесла с отшлифованными лезвиями, найденные на неолитической производственной стоянке в Тегидда-н-Тагаите (Аир). В этом месте существовала мастерская по обработке камня, протянувшаяся на расстояние более 2 км. Основную часть орудий составляют топоры, тесла, скребки с широким лезвием, так называемые

«обтекаемые», длинные раковины, квадратные в сечении, а на конце вытянутые. Всего было собрано около трех тысяч готовых орудий.

26. Погребальная урна, найденная в Алабакате, диаметром более 60 см и высотой более 1 м. Она была целиком погружена в почву, очень твердую глину, и только край слегка выступал на поверхность, что и позволило ее заметить. На дне сосуда лежали костные останки человека — берцовые кости и части черепной коробки. Подобный вид погребения в Сахаре обнаружен впервые. Следует, однако, отметить, что в 69 км к северо-западу от Арлита, в неолитическом слое в Ибаталене в горшке диаметром 25 см был найден детский череп.

27. Ваза с ручками, найденная в развалинах Ассоде. Это звонко звучащее при ударе керамическое изделие с черным геометрическим узором на красном фоне. Черепки такой керамики в Ассоде довольно многочисленны. Вероятно, она производилась на месте, поскольку в развалинах сохранились остатки нескольких печей для обжига. Одна старая горшечница, скончавшаяся уже после 1970 г. в маленьком селенье Кериб-Кериб, как будто бы некогда работала в деревне Ассоде, но вместе с ней исчезла и техника этого ремесла. Гончарное производство когда-то очень процветало, потому что обломки подобной керамики нашли в развалинах Тазамака (XVIII в.), бывшей столицы туарегов-итиссан, в 50 км к востоку от Агадеза, в уэде Мамманет и даже в Джадо в Кауаре, где экспедицией Берлие был обнаружен большой фрагмент.

28. Великолепное лезвие, обработанное с обеих сторон и зазубренное с одного края; найдено в районе Арлита; длина 24,7 см. Кажется, этот предмет, исключительный по качеству обработки, сравнимой только с обработкой египетских неолитических орудий, служил серпом, тем более что его размеры позволяли делать большой захват травы. Поскольку в этих местах не обнаружено никаких следов земледелия, его могли использовать для уборки диких злаковых. По аналогии с другими найденными в том же районе орудиями, его можно отнести к периоду между 3600 и 3000 гг. до н. э.

29. Дома старого квартала в Агадезе; построены из глиняных кругляшек, скрепленных раствором из той же глины; обычно эти строения одноэтажны. Наружные стены редко бывают вертикальными, чаще слегка наклонны; около дверей в стене четко выраженные выступы, окна всегда очень маленькие. Город был построен туарегами как большой склад, который охраняли их черные рабы. Первое историческое упоминание о нем относится к 1513 г., и сделано оно арабским путешественником Львом Африканским; по словам другого автора, Мармоля, город, вероятно, был основан в 1460 г. Около 1504—1505 гг. он стал, по-видимому, столицей султанов Аира.

30. Мечеть в Тефисе (Аир); по всей вероятности, была первой мечетью, воздвигнутой в этой стране, и ее постройка знаменовала собой начало исламизации. Внутри она состоит из трех помещений, сообщающихся между собой через маленькие дверцы; ширина мечети около 20 м; к ней примыкают другие помещения, служащие для омовений, для собраний старейшин и т. д. Неподалеку находится кладбище, в центре которого покоится основатель мечети; над его могилой сооружена большая каменная стена, служащая объектом горячего поклонения. Сейчас Тефис уже необитаем, а мечеть стережет слепой старик, живущий в маленьком домике рядом. На снимке видно, что двери закрыты ветками деревьев, а из стволов сделана примитивная загородка, чтобы преградить дорогу скоту.

31. Экспедиция поднимается вверх по уэду Джерат; на верблюдов нагружено более двух тонн продовольствия и снаряжения. Переходя уэд вброд, животные не раз падали, потому что после дождя, длившегося сутки, бьефы все еще были полны воды.

32. Большой гиппопотам (уэд Джерат), относящийся к «периоду буйвола», длина 2,9 м. Второй гиппопотам стоит напротив первого. Над головой второго можно разглядеть большого питона, длина приблизительно 2 м. Все три фигуры вырезаны на большой наклонной плите, получившей название «плиты Питона». В уэде насчитывается 22 изображения гиппопотама. Костные останки этого животного находили в эрге Адмер, к югу от Джанета, и особенно часто в Тенере, где оно обитало еще около 2000 г. до н. э.

33. Носорог относится к сюжетам, обычным для уэда Джерат; всего насчитывается 119 его изображений. Среди больших толстокожих этой необыкновенной зоологической галереи «периода буйвола» ему принадлежит первое место. Поскольку ему нужно меньше воды, чем гиппопотаму, он просуществовал в Сахаре дольше, чем этот последний. Длина 1,8 м.

34. На горизонтальной плите (уэд Джерат) изображен бык, стоящий перед ним человек держит какой-то согнутый предмет, возможно пальмовую ветвь («период буйвола»). Сюжет встречается во многих ансамблях Тассили, особенно в Ти-н-Терирте. Животное безрогое, а на шее у него видна подвеска, которая, вероятно, свидетельствует о приручении или одомашнивании. Ниже маленький рисунок изображает загнутый книзу рог с направленным вперед острием. Отчетливо видны рисунки, сделанные поверх первых в технике пикетировки. Над головой — часть быка, задние ноги которого охватывают шею первого. В центре корпуса можно видеть заднюю

часть верблюдицы. Следует отметить, что патина, покрывающая эти рисунки, выполненными точками, светлее, чем покрывающая изображение быка.

35. Древний буйвол со спиралью на вертикальной плите (уэд Джерат), высота около 2 м. *Bubalus antiquus* — это ныне вымерший вид буйвола, вероятно исчезнувший еще в неолите. Он играет в Сахаре роль «окаменелости-определителя» для рисунков древнего периода, которому в силу самого этого факта и присвоено его название. У этого животного были огромные рога, расстояние между которыми могло достигать 3 м. В данном случае его изображение сопровождается вырезанной на корпусе двойной спиралью; этот символ очень часто встречается в наскальных рисунках уэда Джерат, но смысл его остается загадочным. На той же плите есть и другие рисунки; многие из них отполированы, среди этих последних можно различить лошадь. Есть также рисунки, контур которых нанесен точками, — например, жираф между рогами буйвола и человеческая фигура слева от них.

36. Маленькие лежащие газели (стоянка Ти-н-Терирт около гельты Дидер, Тассили) относятся также к «периоду буйвола» и вырезаны на горизонтальной плите. Ширина соответственно 52 и 53 см.

37. Древний буйвол и фигура человека в молитвенной позе на вертикальной плите (стоянка Ршег Дирхем, Южный Оран), ширина 1,8 м. В этом районе, где, по-видимому, животное служило объектом культа, изображение его очень распространено. Оно встречается в Южном Ороне, в Константине, в Феззани, на Тассили-н-Аджер и несколько раз в Хоггаре, неподалеку от Тассили.

38. Наскальная роспись (уэд Джерат), изображающая пальмы и колесницу, колеса которой были с росписи стерты. Относится к «периоду лошади», что соответствует приблизительно 1200 г. до н. э. Видно, что старые засохшие деревья спилены, — следовательно, пальма культивировалась. В руках у людей нечто вроде серпов на длинных ручках, служивших, может быть, для срезания финиковых гроздей. Это самое древнее изображение финиковой пальмы, найденное в Северной Африке и Сахаре, в данном случае оно современно колесницам с лошадьми «в летящем галопе».

39. Роспись (стоянка Такедедуматин, Тассили), относящаяся к «периоду полорогих» и изображающая пастухов крупного рогатого скота. Овалы слева означают хижины; в первой никого нет, — это, по-видимому, жилище хозяина становища; перед другими видны женские и детские фигуры; это отражение быта полигамной семьи, такой, какую мы и сейчас можем наблюдать у пастухов фульбе в злаковых степях к югу от Сахары. Перед хижинами стоят на привязи телята, а за ними пасется остальное стадо — быки, но больше коров, с выменем, полным молока. У некоторых людей прически в виде шлемов, у других — в виде небольших колпаков, как и у нынешних фульбе.

40. Деталь вытянутой в длину росписи (стоянка Ихерен, Тассили); относится к «периоду полорогих»; благодаря найденным у подножия скалы остаткам очага датирована 2900 г. до н. э. Вся эта прекрасная анималистическая композиция, шедевр натуралистической школы доисторического наскального искусства, была написана одним художником. На росписи можно насчитать 16 переплетающихся между собой изображений жирафов; одна самка только что родила жирафенка, еще соединенного с ней пуповиной. Можно также различить газелей-дама, антилоп-орикс, антилоп-бубала, одна из которых вылизывает только что родившегося детеныша, изображения обычных антилоп и страусов. В левом углу и сверху видны остатки более давней росписи, изображавшей слонов.

41. Изображение человека в головном уборе «мирового судьи». Фигура имеет высоту 2 м и с точки зрения декоративной замечательна, хотя пострадала от времени и частично разрушена. Профиль мясистый, негроидный; нижняя часть лица, кажется, прикрыта маской; волосы переданы белыми, густо нанесенными штрихами, а лицо покрыто мелкими вертикальными штрихами и белыми точками. Правее — маленькая человеческая голова в том же стиле, но лицо прикрыто маской, а в прическу вплетена лента с вертикальными разноцветными полосами, написанными красной, желтой и белой охрой.

42. Человеческие фигуры (стоянка Гадес, Тассили) «периода полорогих». Мужчины одеты в шкуры, покрывающие левое плечо, стянутые поясом и ниспадающие до бедер; профиль у них европеоидный, длинные, остроконечные бороды; в прическе — торчащий вперед рог. На руках у них довольно широкие браслеты; вооружены луками с тройным изгибом. В стиле росписи чувствуется нечто восточное. Посредине стоит на коленях маленькая черная человеческая фигурка и держит в левой руке топор; профиль лица — негроидный, так же как и у женщины, которая сидит на корточках слева от высокого бородатого мужчины в центре. В левой части панно три пары контурных фигурок, сидящих лицами друг к другу, по-видимому, также изображают негроидов. Вверху судно, похожее на те, что плавают по Нилу, с вымпелами на корме и на носу. И наконец, в центре нарисован сложный спиральный мотив, а под ним нитеобразно изображенный мужчина гонит перед собой быка. В правом

нижнем углу мужчина, лицо которого прикрыто маской, увенчанной коровьими рогами, направляется к бороатым лучникам.

43. Группа быков (стоянка Уа-н-Ассехмар, Тассили), тела которых украшены белыми точками, напоминающими те, что усеивают изображение человека с росписи на ил. 41. Поскольку стоянки расположены неподалеку друг от друга, можно предположить, что быки и человеческая фигура относятся к одному периоду; но это единственный в своем роде ансамбль, и для его классификации недостает объектов сравнения. Маленькие, более неясные быки и человеческая фигура (?) перед ними восходят к «периоду полорогих». Следует отметить, что большие быки «в точку» соединены друг с другом линиями из точек.

44. Многофигурная композиция (стоянка Уа-н-Бендер, Тассили). Самая древняя часть, по-видимому,— две человеческие фигуры с белыми нательными росписями и головными повязками, причем в повязку большей фигуры воткнуто перо. Нательные росписи состоят из клеток на запястьях и плечах и параллельных линий на бедрах. Относятся к позднему «периоду круглоголовых». Человеческая фигура в маске справа, возможно, восходит к тому же времени; маска вытянута, как голова животного с удлиненной мордой; нижний ее выступ расчерчен параллельными линиями, середина украшена х-образным декором, верх вытянут на манер колпака, на конце которого торчат еще два белых пера; тело удлинено и расписано шевронами; руки маленькие, намеченные горизонтальными параллельными чертами; в левой руке лук. К «периоду круглоголовых» относится также маленькая антилопа в левом нижнем углу, большая часть изображения которой перекрыта изображением полорогого. Затем следуют росписи «периода полорогих», расположенные друг под другом по всему панно. Самая древняя, по-видимому,— стадо коз и овец, за ней следуют большие быки, причем рога самого сильного из них изображены в плоскости, а язык продлен чертой, достигающей до передней ноги. К тому же времени относится сложный мотив, в котором можно различить две страусиные головы со скрученными шеями, но сидящими на одном теле, заканчивающиеся расправленными хвостовыми перьями и имеющем четыре ноги. Ниже изображены лучники: один из них бежит, а другой стреляет в человека в маске. В правом нижнем углу, наконец, негативное изображение руки, оконтуренное белым ореолом.

45. Деталь большого панно (И-н-Итинен) «периода полорогих», получившего название «Сцена суда». Одетые в парадные одежды люди имеют на голове колпаки, украшенные то точками, то горизонтальными и вертикальными линиями; большие плащи спускаются от шеи до пят, покрывая спину. Они движутся вправо, округлив спины и слегка согнувшись, изображая как будто пожилых почтенных людей, свершивших акт правосудия; последний из них в одной руке держит лук. Над ними человек помоложе и проще одетый держит другого за плечо и за руку; последний едва одет и, кажется, изображает подсудимого: его силой подвели к двум людям, один из которых сидит, а другой стоит; стоящий носит длинный плащ и колпак, украшенный тремя перьями. Один из них, должно быть, палач.

46. Другой фрагмент вышеописанного панно, относящийся к тому же времени. Внизу слева вооруженная луками группа людей в боевом порядке идет в бой; ими командует человек, изображенный выше. Он тоже вооружен луком, но вдобавок держит согнутую палку, поднимая ее в воздух. Все одеты в большие плащи. Немного выше, справа, стоит другая группа лучников; они держат луки вертикально, наизготовку и, по-видимому, представляют собой резерв; эти люди также одеты в плащи. Все это подтверждает, что уже существовали социальные группы, носившие определенную форму, то есть свидетельствует о достаточно развитой общественной организации. Выше изображена скала, а на ее вершине — стадо баранов; какой-то мужчина подталкивает перед собой по склону не очень послушного барана, а внизу другой человек готовится его поймать. Немного ниже один человек тянет за руку другого, а еще ниже видны две человеческие фигуры. Все люди одеты в большие просторные плащи. Сцена, по-видимому, изображает принесение в жертву барана. Этот прекрасный ансамбль относится к позднему «периоду полорогих»; изображенные на нем сидящие верхом на быках женщины имеют ярко выраженные европеоидные профили.

47. Солярный мотив под скальным навесом в Тиссукаи (Тассили), относящийся к «периоду полорогих». Композиция несколько овальной формы, в середине — круг с исходящими из него лучами, обозначающий солнце. Большой овал покоится на головах быков; на нем сверху лежит серп луны, а часть лунного серпа выступает справа. Из овала выходит человеческая фигура, две другие изображены неподалеку от него. На росписи видны также более светлые быки, они старше этого ансамбля, носящего явно символический характер. Он перекликается с символическими египетскими рисунками эпохи первых династий, с той разницей, что в Египте круг заменялся изображением солнечного бога Ра.

48. Группа людей, изображенная под скальным навесом в И-н-Итинене (Тассили) в стиле «мировых судей» и относящаяся к «периоду круглоголовых». В убежище было

темно, поскольку оно образовано плотно примыкающими друг к другу скалами. Эту подробность следует отметить, потому что подобные фигуры в сопровождении парнокопытного животного, напоминающего свинью, и схематические маски мы почти всегда обнаруживали в сходных условиях. Вся скала была покрыта беловатым слоем, частично испортившим роспись; вещество этого слоя при поднесении к нему зажженной спички горело и обугливалось,— несомненно, в основе его был каучук. Радиоуглеродный анализ дал для этого вещества дату — 300 г. до н. э., то есть акт иконоборчества был совершен много позднее времени создания росписи. Человеческие фигуры (средняя высота наибольших из них около метра) относятся к концу «периода круглоголовых»; они всегда многоцветны, прорисованы очень тщательно и снабжены декоративными деталями. Головной убор, написанный белым, в форме колпака «мировых судей», внизу поддерживается головной повязкой с вертикальными полосами. Густые волосы также изображены длинными параллельными штрихами; верх лица прикрыт маской, что обычно для этого стиля. Вся одежда первой фигуры состоит, как видно, из одного пояса, конец которого спадает сзади ниже спины. Маленькие фигурки выполнены в том же стиле, но у одной из них лицо прикрыто маской в виде львиной головы. В стороне написаны белым маленькие схематические маски, подобные ставшим классическими маскам со стоянки в Сефаре.

49. Тигли из Марандета (Аир); всего их здесь было найдено 42 500. Чтобы подсчитать тигли, их расставили по десяткам в десять рядов. По местным преданиям, в них плавил золото, но исследования выявили на дне остатки меди и серебра. Это совершенно исключительный археологический слой. Ни в Сахаре, ни вообще в Западной Африке ничего подобного не встречалось.

50. Соляные копи Тегидда-н-Теземта (Аир). Способ добычи заключается в выделении частичек соли из соледержащих глин, характерных для этого района. Само соляное месторождение представляет собой натуральную впадину, наполняющуюся водой во время дождей. Когда вода путем фильтрации или испарения выделит соль, солевары, мужчины и женщины, живущие в деревне, построенной неподалеку от месторождения, приходят сюда, чтобы ее извлечь. Для этого они делают большие круглые ямы, куда кладут соледержащую глину, заливают ее доверху водой и дают раствору осветлиться, время от времени перемешивая его. Потом вокруг большой ямы они роют круглые ямки поменьше (как это видно на снимке) и калечасой переливают туда раствор. Большая яма называется «самцом», а маленькие — «самками». Затем они дают воде выпариться, что, в зависимости от времени года, занимает от пяти до семи дней, а потом маленькой травяной метелочкой собирают в калечасы еще влажные кристаллы соли. Эту соляную массу несут во дворы и там придают ей форму хлебных караваев разных размеров; отсюда ее везут по всем близлежащим населенным пунктам, вплоть до Зиндера, жители которых очень ценят эту соль красноватого цвета. На самом вершине снимка виден скот — быки, бараны, ослы, козы, верблюды, которых по окончании сезона дождей кочевники приводят сюда лечиться солью. Перед засухой 1973 г. к солончаку в течение более чем месяца пригонялись тысячи животных.

51. Вырезанные на камне прекрасные жирафы (уэд Мамманет, Аир). Животное в центре держит на поводу человек. Сюжет довольно распространен в этом типе наскальных рисунков, относящихся не к доисторическим временам, а к «периоду лошади». На той же скале видны маленькие человеческие фигурки, страусы, верблюды, причем патина, покрывающая эти изображения, мало отличается от патины на рисунках с жирафами.

52. Группа рисунков «периода лошади» (уэд Мамманет, Аир). На них изображены люди в просторных одеждах, большие круглые головы увенчаны тремя перьями. Они вооружены копьями с железными наконечниками в виде ивового листа. Висящий на плече круглый предмет представляет собой маленький щит. В археологии эти персонажи получили название «ливийских воинов», описание их соответствует тому, которое мы можем почерпнуть из египетских текстов и памятников. Левою рукою люди держат маленьких лошадок, и такая диспропорциональность характерна для всей группы рисунков. Можно различить также буквы, но это не письмо тифинаг, которым и сейчас пользуются туареги, а еще не дешифрованный ливийско-берберский алфавит. На той же скале нарисован маленький верблюд.

53. Группа людей «периода лошади» (уэд Мамманет, Аир). Головы не круглые, а состоящие из двух сегментов, соединенных основанием с вершинами по разным сторонам. Ниже видна другая фигура, исполненная в стиле «двойного треугольника», с круглой головой, увенчанной перьями; справа — животное семейства полорогих. Этот стиль представлен на многих стоянках в Аире и известен также в горных массивах Ифораса и Хоггара.

54. Слоны, вырезанные на скале (стоянка уэда Гурет, одного из притоков Мамманета в Аире). Стиль посредственный, изображение почти схематичное; уши выступают над линией лба в виде крыльев бабочки. Изображения этих толстокожих

представляют интерес как свидетельство довольно позднего их обитания в массиве Аир, который скорее принадлежит к лесостепной зоне со злаковыми и акациями, чем к пустыне; пустынный характер выражен только в северной его части.

55. Деревня Тимиа в Аире, зажата в самом сердце горного массива; расположение ее очень живописно, но проехать туда на машине довольно трудно. В Тимиа живет население с большой примесью негритянской крови; оно занимается выращиванием пшеницы, проса, помидоров, лука, некоторых тыквенных растений, финиковых пальм; с недавних пор введена культура картофеля. В деревне есть несколько верблюдов, и поэтому мужчины регулярно ходят с караванами с солью, которые каждый год отправляются в Билму, на другой край Тенере. Дома построены из глины, но много и полукруглых хижин из соломы, окруженных невысокой изгородью от коз.

56. Уэд Аудерер в горном массиве Аир. На его террасах растут еще многочисленные колючие деревья, но туареги постоянно калечат их, срезая верхние ветви для коз и верблюдов, что в конце концов приводит к гибели деревьев и способствует наступлению пустыни. В результате перегрузки пастбищ растительный покров Аира значительно поредел — почти на 50 процентов за сорок лет.

КАРТЫ

Общая карта	3
Карта 1. Уэд Джерат	7
Карта 2. Тассили-н-Аджер	40
Карта 3. Южный Оран (Сахарский Атлас)	85
Карта 4. Аир и прилегающие территории	131

Лот А.

Л80 К другим Тассили. Новые открытия в Сахаре.— Пер. с франц. Г. А. Берсеновой / Послесловие и примеч. И. М. Дьяконова, А. Ю. Милитарева.— Л.: Искусство, 1984.— 215 с., 32 л. ил.

Книга Анри Лота, французского путешественника и исследователя древнейшего искусства, рассказывает о Тассили и других горных районах Сахары, где были обнаружены наскальные росписи, оставленные древними обитателями Северной Африки. Это издание является как бы продолжением известной советскому читателю книги того же автора «В поисках фресок Тассилин-Аджера», вышедшей в свет на русском языке.

Текст сопровождается иллюстрациями.

Издание рассчитано как на специалистов, так и на широкий круг читателей.

Анри Лот

К ДРУГИМ ТАССИЛИ

Новые
открытия
в Сахаре

Редактор О. Н. Нечипуренко

Художник В. В. Беляков

Художественный редактор М. С. Стернина

Технический редактор Л. Н. Чешейко

Корректоры Л. Н. Борисова, Н. Д. Кругер

ИБ № 1718

Сдано в набор 26.01.84. Подписано в печать 20.08.84. М-26020. Формат 70×100^{1/16}. Бумага типографская № 1, для альбома илл. мелованная и офсетная. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 20,00. Усл. кр.-отт. 25,8. Уч.-изд. л. 20,94. Изд. № 343. Тираж 50 000. Заказ тип. № 1699. Цена 2 р. 10 к. Издательство «Искусство», Ленинградское отделение. 191186 Ленинград, Невский пр., 28.

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129243 Москва, Мало-Московская ул., 21.